

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

6 · 2007

Москва

УЧРЕДИТЕЛЬ – Институт языкознания Российской академии наук, Москва

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е.Ф. Тарасов – главный редактор
Т.В. Ахутина
О.В. Балясникова – ответственный секретарь
В.Е. Гольдин
В.А. Виноградов
А.А. Залевская
В.И. Карасик
Д.А. Леонтьев
И.Ю. Марковина
Е.Ю. Мягкова
И.Г. Овчинникова
Ю.А. Сорокин
И.А. Стернин
Н.В. Уфимцева
В.И. Шаховский
Л.А. Шкатова

Редактор-составитель выпуска – Н.В. Уфимцева

Научный журнал теоретических
и прикладных исследований

Выходит 1 раз в полугодие

Перепечатка материалов из журнала
допускается только по согласованию с редакцией

© Институт языкознания РАН, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ	5
ИСТОРИЯ ТЕОРИИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	
<i>А.А. Леонтьев.</i> О проблемной группе психолингвистики	6
<i>Ю.А. Сорокин.</i> Нас было немного	7
<i>А.А. Леонтьев.</i> Язык не должен быть «чужим»	9
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ	
<i>Т.В. Ахутина.</i> Модель порождения речи Леонтьева-Рябовой: 1967–2005	13
<i>Ю.А. Сорокин.</i> Понятие СОЗНАНИЯ: отечественные споры об его истолковании	27
<i>Г.М. Богомазов.</i> Соотношение понятий чутье языка, чувство языка, языковая компетенция, языковая способность	33
<i>А. Эртельт-Фит, Е.Денисова-Шмидт (ФРГ).</i> Лакуны и их классификационная сетка	39
<i>И. Панасюк (ФРГ).</i> Теория лакун и проблема адекватности перевода	51
<i>Н.С. Сергиева.</i> «Человек» как единица ядра русского языкового сознания	73
<i>С.В. Власенко.</i> Массовая «колонизация» англицизмами языкового сознания русскоговорящих как проблема когнитивной фильтрации	82
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
<i>Д.Б. Никуличева.</i> Эксперимент по выявлению перцептивных основ грамматической категоризации времени. (На материале сопоставления русского и английского языков)	91
<i>Г.А. Черкасова.</i> Исследование динамики ассоциативно-вербальной модели языкового сознания русских	105
<i>Ю.Н. Филиппович.</i> Моделирование работы лингвокультурного когнайзера русского языка	122
<i>А.Ю. Филиппович.</i> Автоматизированная система научных исследований ассоциативных экспериментов (АСНИ АЭ)	143
<i>Н.В. Дмитрюк (Казахстан).</i> Адаптивные процессы в языковом сознании русских казахстанцев	153
<i>В.Д. Нарожная (Казахстан).</i> Знаковая специфика костюма в аспекте невербальной коммуникации	160
<i>Л.К. Яковенко (Казахстан).</i> Представление о должности в языковом сознании казахстанцев	167
<i>Ж.Б. Жалсанова.</i> Родители в языковом сознании русских и бурят	171
<i>В.И. Жельвис.</i> Письменное соболезнавание как национально-специфическая характеристика	177
НАШ АРХИВ	
Материалы к Рубакиноведению. Из архива Ю.А. Сорокина	188

РЕЦЕНЗИИ

- Психолингвистика:** Учебник для вузов. Под ред. Т.Н.Ушаковой. М.: ПЕР СЭ, 2006. 406 с. 216
- «Lakunen-Theorie: Etnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung». *Igor Panasiuk: Hartmut Schröder (Hg.) // Semiotik der Kultur. Band 5. LIT VERLAG, 2006. 352 s.* 219
- Русские и «русскость». Лингво-культурологические этюды. М.: Гнозис, 2006. – 335 с. 225

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 226

ABSTRACTS OF ARTICLES 227

ИНФОРМАЦИЯ 230

ОТ РЕДАКТОРА

Второй год подряд отечественная психолингвистика (московская психолингвистическая школа) отмечает знаменательные для себя даты.

В 2006 г. — 40-летие первого Семинара по психолингвистике, а в 2007 — 40-летие первого научного объединения, в названии которого появилось слово «психолингвистика». Это была Проблемная группа психолингвистики, созданная решением Ученого Совета Института языкознания АН СССР от 17 ноября 1967 года, которую возглавил А.А. Леонтьев (см. ниже его отчет о работе этой группы). Кто-то из этих первопроходцев достаточно быстро расстался с психолингвистикой, кто-то остался «попутчиком» (так называет себя до сих пор В.М.Павлов), а кто-то остался в психолингвистике навсегда.

Начав с критического осмысления и анализа американской психолингвистики, отечественная школа очень быстро, хотя отнюдь не безболезненно, обрела собственное лицо. Постепенно расширяя свой предмет, отечественная психолингвистика выросла в самостоятельную научную дисциплину, работающую на стыке лингвистики, общей, этнической и социальной психологии, культурологии. Сформировано новое представление о языке, как о деятельности структуре, «к которой принадлежат значения как социальные по своей сущности единицы, универсальная организация речевой деятельности по единицам и уровням и, наконец, специфичные для каждого языка операторы (непосредственные средства речепорождения и речевосприятия)» (А.А.Леонтьев).

Сформированы новые области исследования: фоносемантика, этнопсихолингвистика, языковое сознание, коммуникативное сознание, онтогенез языковой способности, психопозитика, слово как достояние индивида, индивидуальный лексикон, теория общения, интен-анализ речи, психологическое литературоведение, психология

грамматики. Построены модели порождения речи (а по сути, модели языковой способности) (Т.В.Ахутина-Рябова, А.А.Леонтьев, Т.Н. Ушакова) смыслового восприятия речи (И.А.Зимняя, Н.И.Жинкин), понимания текста (А.А. Залевская), межкультурной коммуникации (Е.Ф. Тарасов). Разработаны оригинальные методики исследования текста: семантический дифференциал Ю.А.Сорокина, теория лакун (Ю.А.Сорокин, И.Ю.Марковина).

Собран огромный корпус экспериментального материала по разным языкам и культурам, прежде всего в виде ассоциативных словарей, самым большим из которых по объему являются Русский ассоциативный словарь (РАС) и Славянский ассоциативный словарь (САС), созданный на базе четырех языков: белорусского, болгарского, русского и украинского. Защищено сотни кандидатских и десятки докторских диссертаций, выросла целая плеяда ярких исследователей, написано около десятка учебников, психолингвистика стала учебной дисциплиной. Все это свидетельствует, по словам Ю.Н.Караулова (см. его рецензию на учебник под ред. Т.Н.Ушаковой в этом номере журнала), о том, что психолингвистика вступила в такой период своего развития, когда полностью сформировалась ее парадигма, и она стала по классификации Т.Куна «нормальной наукой».

Заканчивая этот маленький обзор, который не претендует на полноту анализа, хочу поклониться памяти Виктории Николаевны Ярцевой, тогдашнего директора Института языкознания АН СССР, ибо благодаря именно ее прозорливости и научной смелости возникла в Институте языкознания АН СССР сначала Проблемная группа психолингвистики, а, в 1969 году и административная единица с таким названием. И именно она лет двадцать тому назад на одной из кандидатских защит нашего сектора назвала психолингвистику современным состоянием лингвистики.

Н.В.Уфимцева

ИСТОРИЯ ТЕОРИИ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.А. Леонтьев

О РАБОТЕ ПРОБЛЕМНОЙ ГРУППЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Проблемная группа психолингвистики была создана решением Ученого Совета Института языкознания АН СССР 17 ноября 1967 г. В ее состав вошли сотрудники и аспиранты Института языкознания А.А. Леонтьев (руководитель группы), Н.Н. Коротков, О.Н. Селиверстова, Е.М. Вольф, Р.М. Фрумкина, В.М. Павлов, Е.М. Иванова, А.П. Василевич, А.Н. Журинский, а также Е.Л. Гинзбург (Институт русского языка АН СССР), Н.И. Лепская (филологический факультет МГУ) и И.И. Ильясов (факультет психологии МГУ).

Работа секции началась в четверг 28 декабря докладом И. И. Ильясова «“Психологическая реальность” трансформационной грамматики»¹. 8 февраля Р.М. Фрумкина и А.П. Василевич выступили с совместным докладом «Исследование восприятия слов тахистоскопическим методом»². 7 марта состоялся доклад А.А. Леонтьева «Теоретические основы и состояние готовности “Словаря ассоциативных норм русского языка”». 11 апреля Г.П. Мельников (МГПИ им. В.И. Ленина) прочитал доклад «Анализ процесса наименования». 23 мая О.Н. Селиверстова выступила с докладом «О роли исследования свойств денотатов при выде-

лении семантических компонентов»³. 14 ноября состоялось заседание, на котором Т.В. Рябова выступила с докладом о взглядах Л.С. Выготского на фазную структуру внутренней стороны речи, а Е.М. Верещагин и А.А. Леонтьев проинформировали собравшихся о новой зарубежной и советской литературе по психолингвистике⁴. 12 декабря обсуждался доклад А.А. Леонтьева «Смысл как психологическое и психолингвистическое понятие».

Наряду с систематическим обсуждением докладов (хотелось бы назвать в числе постоянных и активных участников этих обсуждений Н.И. Жинкина, В.М. Андрищенко, А.Е. Кибрика, И.Ф. Вардуля, Е.М. Верещагина) проблемная группа ведет и другую работу. Так, она подготовила и провела в июле 1968 г. Второй симпозиум по психолингвистике, на котором с докладами и сообщениями выступили 7 из 12 членов группы. Силами членов группы (с привлечением и сторонних авторов) подготовлен и сдан в издательство «Наука» сборник «Семантическая структура слова (психолингвистические исследования)», включенный в план редподготовки на 1969 г. Члены проблемной группы А.А. Леонтьев, Н.Н. Коротков, Е.М. Вольф, Р.М. Фрумкина, Е.Л. Гинзбург, И.И. Ильясов являются авторами разделов в подготавливаемой сейчас коллективной монографии — компендиуме «Основы теории речевой деятельности».

Проблемная группа психолингвистики предполагает и далее собираться ежемесе-
чно.

---

¹ И.И. Ильясов. Эксперимент Дж. Миллера по проверке психологической реальности трансформационной модели (анализ методики), «Психология грамматики». М., 1968. См. также И.И. Ильясов. Экспериментальная проверка трансформационной модели порождения и понимания речи по методике Дж. Миллера на материале русского языка. «Материалы Второго симпозиума по психолингвистике». М., 1968.

² См. их доклады в «Материалах Второго симпозиума...» и другие публикации.

---

³ См. одноименный ее доклад в «Материалах Второго симпозиума...»

⁴ См. в настоящем сборнике рецензию Е.М. Верещагина.

Ю.А. Сорокин

НАС БЫЛО НЕМНОГО

Но сначала был Алексей Алексеевич Леонтьев. Хотелся даже сказать: «Изначально был». В некотором научном царстве-государстве, что на Волхонке, в уцелевших подсобных строениях (флигелях?) старинной дворянской усадьбы, соседствующей с музеем Изобразительных искусств имени Пушкина. Царство-государство не ахти какое, в два этажа, если память мне не изменяет, и на каждом из них вольнодумствовали по мере сил и возможностей сектора — уделы размером в одну небольшую комнату. Совсем маленькая — столы стояли впритык, повернуться было негде — досталась А.А. Леонтьеву после того как он, словно князь Курбский, бежал из германского сектора, где его и ценили, и привечали, но не одобряли его семейного интереса к психологии и «преждевременного» теоретизирования о Доме бытия — о его архитектуре, сути и назначении. Словом, А.А. обособился с полуодобрения, естественно, начальства, которое решило: отпустим и поглядим, что из этого получится. (Сейчас, по прошествии четырех десятков лет, можно сказать: стоила овчинка выделки, стоила, хотя многие в этом сомневались, считая, что и молодость ему помеха, и исследовательский талант подозрителен и легковесен. Укоряли — и не всегда про себя — в неодобрении совковых порядков (А.А. временами был ироничен и ехиден), в дружбе с «подозрительными», внимании к тому, чем и как занимаются (но не по накатанной колее) лингвисты и психологи за бугром. Со временем подозрения с его таланта были сняты, но «печать» на нем поставили: полусвой, маргинал, пария. Пронесил он ее всю жизнь, справедливо не веря в аплодисменты и комплименты, которыми и бескорыстно, и с расчетом (авось, запомнит, авось, он пригодится) его посыпали.

Получил эту маленькую комнату А.А. после того как ему разрешили заведовать

Группой психолингвистики и теории коммуникации. Он понимал: нужны сотрудники-союзники, небольшая, но дружина. Одному тянуть новенький воз непосильно и трудно. Я присоединился к ней — по рекомендации Ольги Николаевны Михеевой, у нее учился А.А., — когда в этой комнате уже хозяйничали А.А. и Саша Шахнарович (где он его нашел — не помню). Потом А.А. сманил из Ленинграда Наталью Уфимцеву, а позже и нашего нынешнего шефа Евгения Федоровича Тарасова (кажется, он преподавал в ту пору в Военном институте). Значительно позже — после смерти А.А. Реформатского и «коловращений» внутри его бывшего Сектора — к нам пришли Саша Василевич и Ревекка Марковна Фрумкина).

Защитили мы кандидатские диссертации — Саша, Наталья и я, — не отрываясь от нашего годового планового конвейера. А.А. был доволен: Группа посолднела. И завертелись дни и недели. Сашу А.А. благословил заниматься детской речью (речевому онтогенезу А.А. уделял — и справедливо — большое внимание), а нам, Наталье, Евгению Федоровичу и мне, досталось все остальное. А его хватало с избытком: нужно было разбираться в том, о чем шумят ненародные витии — лингвисты и психологи, чтобы не выглядеть профанами, отыскивать свое, и, по возможности, нетривиальное, внутри отвердевших осыпей взглядов и мнений и доказывать еще оспариваемое право на научное существование.

Для этого очень годились Симпозиумы по психолингвистике и теории коммуникации — обустройством их занимались вчетвером, — на которых и себя можно было показать, и других увидеть, обмениваясь с ними тем, что знаешь и что напридумывал. Именно на них довелось познакомиться с А.А. Брудным, И.Н. Гореловым, А.П. Журавлевым, А.С. Штерн, перемолвиться парой фраз с А.Н. Леонтьевым и Б.Ф. Порш-

невим. Они, старший Леонтьев и Борис Федорович, были благожелательны к нам, иные — но не на Симпозиумах — относились иначе: они, как говаривал М.Е. Щедрин, «...плечи на ударение, хресты на раны, уды на раздробление, телеса на муки предавали», и, естественно, телеса наши, а не свои.

Поводы для этого искать не приходилось: смущала теория деятельности, заимствованная у психологов (А.Н. Леонтьев, А. Валлон, но и Ж. Пиаже) и адаптируемая к потребностям лингвистики, стремление разобраться в механизмах восприятия и порождения речи (Т. Ахутина, а позже и А.А. Залевская) и представить в компактной и убедительной форме «грамматику говорящего» (она не написана до сих пор, хотя задача — сверхзаманчивая), требование, и к себе, но и к другим, экспериментально проверять и доказывать свои утверждения, жертвуя гипотезами / теориями первого уровня (умозрительными / абстрактными) в пользу гипотез третьего уровня (промежуточных / операциональных). Если к этому добавить, что А.А. был явным поливановцем (собрал и издал работы Е.Д. Поливанова, хотя, кажется, не все), а я — скрытым потебнианцем и уорфианцем, то картина получалась вполне импрессионистическая.

Говоря об этом не столь сухо, я сказал бы так: А.А. хотел, чтобы мы запомнили хотя бы два дзэн-буддийских постулата: «Труднее всего играть на флейте без отверстий» и «лучше увидеть лицо, чем услышать имя». Второй из этих постулатов / коанов был нам по душе. Мы интуитивно улавливали его суть. (Сейчас я «дешифровал» бы этот постулат / коан с помощью М. Хайдеггера: «Мыслящее знание есть в себе поведение, ведомое не тем или иным сущим, но бытием и в бытии»).

Из нашей комнаты на втором этаже мы все-таки переехали на этаж первый. Расширились волею начальства: надоели просьбами. Новое место понравилось: и к выходу поближе (шагов десять — пятна-

дцать), и в окно вылезти — пара пустяков, если необходимо было неофициально исчезнуть. Или что-нибудь передать мимо вахтера. А такое случалось: почти напротив был винно-водочный магазин, рядом с ним торговали портвейном в розлив, а правее, отступая вглубь от соседствующего дома, находилось летне-зимнее кафе: распивочно и на вынос. Для себя и наших гостей мы (Саша и я) приносили вино в бидоне и наливали в чайник. И гоняли «чай». Запах, правда, выдавал. Говорили о разном, и не только о «матерях важных». Перекакивая с одного на другое: «Где-то девочка живет, молодая, модная. // Где-то месяц хлеб жует, жарит мясо молния. // Где-то весело бегут за морошкой власти. // Где-то волосы стригут золотые страсти». Но каждый все-таки помнил и о другом: «Мой черновик, как бездорожье. // Пора к рукам прибраться, пора. // По неосмыслимой пороше // скрипят салазочки пера. // Порожний рейс без лошадей, // ни образа вам, ни креста. // О, пей да дело разумей, // моя паду-чая звезда!»

О своих и чужих «салазочках» спорили в коридорах (с Толей Новиковым, Борисом Якушиным, Вероникой Телия. В последние годы своей жизни к нашим, психолингвистическим, «салазочкам» стал внимательно приглядываться и Г.В. Колшанский).

По поводу и без оного собирались и у шефа, у А.А., благо он жил почти в самом Центре. Он всеми силами старался выбивать из нас пыль официальности, которая стояла столбом на всех этажах Института. Лучше всего это было делать дома, в обыденной семейной обстановке за неторопливым ужином вперемежку с разговорами обо всем понемножку. А в соседних комнатах еще играли напоследок дети. Эту атмосферу домашности А.А. старался перенести и в Группу, незаметно приучая к ней. Если к этому добавить его терпимость / толерантность к человеческим слабостям и творческой полусостоятельности приходящих и претендующих, а они были частыми гостями, его неприязнь к социальным аль-

пинистам, дружескую равнопартнерскую манеру беседовать и спорить, отстаивая важное и отбрасывая мелочи, ценить не обещания, а дела, не маскарады честолюбий и претензий, а счастливые идеи и нетривиальные мысли, знать многое и о многом помимо двух своих профессий — лингвиста и психолога — и поощрять набег в сопредельные с психолингвистикой domains («мы не заимствуем, мы СВОЕ берем»), можно сказать, что вопреки всем титулярным советникам и миру их ценностей, верований и притязаний МЫ жили и работали СЧАСТЛИВО. Не скажу, что А.А. был верующим. А если и был — верил в бога Р. Декарта: «Под словом «бог» я подразумеваю субстанцию бесконечную, вечную, неизменную, независимую, всеведущую, всемогущую, создавшую и породившую

меня и все остальные существующие вещи (если они действительно существуют)». И, наверное, согласился бы с Р. Декартом, который спрашивал: «Но что же я такое?» и отвечал: «Мыслящая вещь».

Не скажу, что другие мои коллеги были христианами, скорее всего, они были скептиками и пантеистами (а я, например, был и остаюсь неудавшимся полудаосом). И все-таки и тогда мы пытались, не зная об этом, жить по Ефиму Сирину: «Не делай так, чтобы сегодня петь с Ангелами, а наутро плясать с бесами. Блажен, кто плакал на земле для Бога...»

Когда нам говорят: «У вас здесь хорошо: спокойно и доброжелательно», — мы отвечаем: «По традиции. Не нами заведено, и, надеюсь, не нами и кончится».

А.А. Леонтьев

ЯЗЫК НЕ ДОЛЖЕН БЫТЬ «ЧУЖИМ»

Изучение иностранного языка, коммуникативный принцип, когнитивный принцип, личностный принцип обучения иностранным языкам.

В статье ставится вопрос о повышении эффективности обучения иностранным языкам. Предлагается теория усвоения языка, опирающаяся на три главных принципа: коммуникативный, когнитивный и личностный, в совокупности образующих психологическую и дидактическую основу процесса обучения иностранным языкам, как этот процесс трактуется в современной педагогической науке.

Не случайно, что второй, третий и т.д. язык, усваиваемый человеком, по-немецки обозначается «Fremdsprache» — «чужой язык» или «язык чужого». Мы оставляем здесь в стороне различие между иностранным языком и так называемым вторым языком: т.е. языком, усваиваемым в процессе специального организованного обучения. При этом остается совершенно не ясным, что следует понимать под «изучением иностранного языка»: «Изучаем ли мы ЧУЖОЙ язык или чужой ЯЗЫК? Учимся мы ОБЩАТЬСЯ на иностранном языке или общаться с ЧУЖИМ? Как долго «чужой язык» остается чужим и как именно он перестает им быть» — все эти вопросы в де-

талях рассматривает, например, Г. Крист, причем он даже говорит о специальной категории «чуждости» в методике преподавания иностранного языка [Крист 1992: 25] Вообще сейчас появилась, в том числе в Германии, обширная литература по этой проблеме; см. напр. [Вирбахер 1993].

Обычный ответ на поставленные Кристом вопросы гласит: да, мы учимся общаться на иностранном языке. Однако при односторонне коммуникативной ориентированности большинства современных методических направлений речь о том, как долго иностранный язык остается чужим, вообще не идет. Представляется совершенно достаточным, чтобы ученик мог более

или менее автоматически участвовать в общении и успешно решать стоящие перед ним прагматические задачи. Есть даже теория, а именно «теория действий» (Остин, Серл, в Германии Вундерлих, Ребайн, Элих), подводящая под такое понимание философско-психологическую базу [Ребайн, 1979 и др.]. Одновременно многим, если не почти всем методистам представляется, что важнейшим содержанием процесса обучения иностранному языку является усвоение именно ЯЗЫКА. Во всяком случае, именно эта идея лежит в основе весьма популярной методической концепции так называемого «языка учащегося» (Lernersprache) [ср. Фогель 1990], где компетенция в иностранном языке представлена как частный случай языковой системы.

Только в последние годы появился ряд работ, где эта проблематика ставится совершенно иначе. Изложенная далее позиция автора тяготеет как раз к этому ряду. Эта позиция восходит к психологическим взглядам школы Л.С. Выготского; ее чисто психологический аспект частично описан в нескольких публикациях автора [например, Леонтьев 1992]. Как целое она до сих пор излагалась только в устной форме.

Итак, предлагается теория усвоения языка, опирающаяся на три главных принципа, в совокупности образующих психологическую и дидактическую основу процесса обучения иностранным языкам, как этот процесс трактуется в современной педагогической науке. Эти принципы следующие:

1. Коммуникативный принцип, о котором имеется огромная литература. Здесь следует назвать имя Х.З. Пифо в Германии и Е.И. Пассова в России. В общем и целом коммуникативная направленность есть неотъемлемая часть любого преподавания языка, так как она означает ориентированность на «другого», на собеседника, партнера по общению, без нее вообще невозможно никакое общение. Совсем другой вопрос, КАК мы представляем себе сам процесс общения. Оно может быть, напри-

мер, понято как простая «передача» информации от одного индивида к другому или, что то же, как обмен такой информацией. Но есть и совсем иное понимание феномена «общение», к которому примыкает и автор. Мы имеем в виду понимание общения как системы целенаправленных и мотивированных процессов, обеспечивающих взаимодействие людей в совместной деятельности, процессов, актуализирующих социальные отношения и индивидуально-психологические взаимоотношения и использующих для этого специфические средства, прежде всего языковые [Леонтьев 1984: 203]; общение для нас – это процесс внутренней саморегуляции общества или другой социальной группы и лишь вторично – межиндивидуальный процесс. Такое понимание должно привести нас и к определенным, собственно дидактическим выводам. Мы имеем в виду иную трактовку коммуникации в процессе обучения (усвоения), характерную, например, для суггестопедии [Леонтьев 1981]; см. также [Леонтьев и Китайгородская 1983].

2. Когнитивный принцип означает прежде всего, что «... то, что опосредует новую позицию в мировоззрении, есть не усвоение иностранного языка как таковое, а использование языка, идет ли речь об обнаружении взглядов другого или о чтении иностранной литературы» [Гадамер 1972: 418]. Именно это, а не усвоение языка только как «чистого» средства общения, должно стоять в центре процесса преподавания иностранного языка.

Что такое, собственно, сам этот язык, что надо понимать под компетенцией в иностранном языке?

Безусловно, язык (языковая компетенция) не сводим к ряду или к системе чисто формально лингвистических правил и категорий типа тех, с которыми мы имеем дело на уроке родного языка. Такие правила и категории в принципе вторичны, они не являются основой языковой компетенции, но лишь обеспечивают ту или иную сознательную структуризацию этой компетенции.

Это также не чисто оперативные единицы или правила: то, чем человек располагает, это система психолингвистических единиц, относящихся к различным уровням этой системы. С другой стороны, язык есть часть социальной памяти, совокупность значений (причем отнюдь не только языковых!), составляющих ориентировочную основу деятельности (не только речевой, но и другой, например познавательной). Если говорить собственно о речевой деятельности, здесь перед нами трудно разграничиваемый сплав значений, коренящихся в социальном опыте (и как часть его отраженных в словарях), и средств их реализации в общении. Внутри таких средств следует выделять универсальные деятельностные структуры и надстроенную над ними систему грамматических (в широком смысле этого слова) операторов, специфичных для каждого отдельного языка.

Следовательно, язык есть деятельностная структура, к которой принадлежат значения как социальные по своей сущности единицы, универсальная организация речевой деятельности по единицам и уровням и, наконец, специфичные для каждого языка операторы (непосредственные средства речепорождения и речевосприятия).

Что мы преподаем, или, по крайней мере, должны преподавать под названием «языка»?

Ответ гласит: язык как отображение социокультурной реальности. Культурную специфику общности, язык которой мы преподаем, составляет в большей мере система смысловых единиц, конструирующая образ мира и выступающая в деятельности как ориентировочная основа, нежели система речевого реагирования или речепорождения. Этот образ мира построен не из вербальных, а скорее из предметных значений. И на уроке языка мы призваны построить у учащихся новый образ мира или внести необходимые исправления в старый. Мы не должны преподавать язык как формальную систему: преподаваться должны, собственно, значения, конституирую-

щие образ мира, присущий новой культуре, и одновременно выступающие как конститuenty разворачивающихся во времени процессов речепорождения. Под именем языка мы преподаем культуру!

Кроме того, мы имеем дело при когнитивном подходе с языковыми знаниями, с усвоением знания об изучаемом языке, что позволяет поднять процесс речепорождения на более высокий уровень сознательной регуляции. Мы имеем здесь в виду усвоение вторичного лингвистического описания иностранного языка, в последнее время обсуждаемое под названием проблемы «*language awareness*». Для чего нам, собственно, нужно это вторичное знание?

а) «Ребенок научается в школе... осознавать, что он делает, и, следовательно, произвольно оперировать своими собственными умениями. Его умение переводится из бессознательного автоматического плана в план произвольный, намеренный и сознательный» [Выготский 1964: 207 или «Избранные психологические исследования», М., 1956: 269]. Другими словами, усвоение языковых знаний обеспечивает возможность осознанного оптимального выбора языковых средств при принятии решений.

б) Вторая функция языковых знаний есть функциональная специализация языковых средств. Этот аспект усвоения языка обеспечивает стилистическую и иную функциональную речевую целесообразность и экспрессивность речи.

3. Личностный принцип означает, что в процессе усвоения языка играет исключительно важную роль также направленность на самого себя. Имеется в виду возможность для учащегося возможно более полно реализовать в иноязычном общении собственную личность так, как это происходит в общении на родном языке. И здесь мы тоже приходим к общепедагогической или, лучше сказать, к психолого-педагогической проблематике.

Важнейшей здесь представляется готовность учащегося к дальнейшему развитию,

включая его готовность к дальнейшему самостоятельному изучению соответствующего языка.

Очевидно, что более или менее полная реализация личности в учебном процессе возможна лишь при определенных условиях. Среди этих условий наиболее существенны следующие (мы ограничиваемся сейчас усвоением только иностранного языка):

а) Способность достаточно свободно использовать языковые средства в иноязычном общении. Это не значит, что учащийся должен в полном объеме владеть этими средствами: и при ограниченном числе иноязычных слов и иноязычных грамматических конструкций, находящихся в его распоряжении, их может быть достаточно, чтобы обеспечить нормальное общение в определенных ситуациях. Не количество усвоенных языковых средств, а их качество делает иноязычное общение свободным.

б) Достаточно сильная личностная мотивация иноязычного общения и усвоения иностранного языка наряду с отсутствием так называемых коммуникативных барьеров.

в) Соответствующее содержание общения, делающее общение, так сказать, естественным. Чтобы свободно общаться, надо сначала располагать общей базой и воспринимать другого не столько как «собеседника», сколько как «со-деятеля», как человека, с которым у меня, говорящего, есть что-то общее и вместе с которым я намерен достигнуть общей цели путем общения.

Не нужно объяснять, насколько сложна эта задача. С одной стороны, общение внутри общности «иностранцев», например в школе, почти всегда неестественно; только когнитивная или игровая мотивация облегчает решение этой задачи. С другой стороны, когда мы говорим с носителем

языка, он обычно является для нас «чужаком», стоит психологически слишком далеко от нас, чтобы общение с ним могло быть вполне свободным и естественным.

«Чужой язык» не должен быть чужим. Он призван стать для учащихся нормальным средством самовыражения, а чтобы это произошло, другой должен восприниматься как часть общечеловеческой культуры. Но это, воспользуемся заключительными словами из прекрасной книги братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу», уже совсем другая история.

Литература:

Christ Herbert. Die Kategorie "Fremdheit" in der Fremdsprachendidaktik // H. van Boemmel u.a. (Hrsg.). Lernen und Lehren fremder Sprachen. Tübingen, Narr, 1992.

Gadamer Hans/Geore. Wahrheit und Methode. 3.Aufl. Tübingen, Mohr, 1972.

Leontiev Alexei A. Psychology and the Language Learning Process. Oxford, Pergamon, 1981.

Leontiev Alexei A. (& Kitaigorodskaja Galina A.). Contents and Boundaries of "Intensive Training" // Journal of the Society for Accelerated Learning, v. 8 (3&4), 1983.

Leontiev Alexei A. u.a. Grundfragen einer Theorie der sprachlichen Tätigkeit. Stuttgart, Kohlhammer, 1984.

Leontiev Alexei A. ECCE HOMO. Methodological Problems of the Activity Theoretical Approach // Multidisciplinary Newsletter for Activity Theory, No. 11-128, 1992.

Rehbein John. Handlungstheorien // Studium Linguistik, Bd.7, 1979.

Vogel Klaus. Lernalterssprache: linguistische und psycholinguistische Grundfragen zu ihrer Erforschung. Tübingen, Narr, 1990.

Vygotski Lev S. Denken und Sprechen. Berlin, 1964.

Wierbacher A., Hrsg. Kulturthema Fremdheit. München, iudicium, 1993.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Т.В. Ахутина

МОДЕЛЬ ПОРОЖДЕНИЯ РЕЧИ ЛЕОНТЬЕВА-РЯБОВОЙ: 1967–2005

Порождение речи, речевое действие, речевой механизм, афазиология, моделирование

В статье рассматривается модель речепорождения А.А. Леонтьева – Т.В. Рябовой, анализируются особенности естественнонаучного подхода к исследованию механизмов речи, взгляды ведущих отечественных и зарубежных ученых, повлиявшие на развитие рассматриваемой модели.

Памяти А.А. Леонтьева посвящается

Весной 1966 г. А.А. Леонтьев организовал первый в нашей стране семинар по психолингвистике. Помню энтузиазм докладчиков и слушателей, обсуждения и мини-сообщения продолжались в коридорах Институтов языкознания и русского языка, в домах участников семинара. Открывался семинар докладом А.Р. Лурия. Вскоре А.А. обратился к Александру Романовичу с просьбой порекомендовать ему сотрудника для открываемой группы психолингвистики в НИИ русского языка при МГУ. Выбор пал на меня, и А.А. назначил собеседование на скамейке перед новым зданием МГУ на Ленгорах (это было в августе в преддверии XVIII Международного конгресса психологов). Тема собеседования — внутренняя речь.

В декабре 1966 г. началась моя работа под руководством Алексея Алексеевича. Энтузиазм не уменьшался. Ежегодно с 1967 по 1972 г. мы выпускали психолингвистические сборники, еженедельно в течение нескольких лет А.А. делал обзоры вновь вышедших работ по психолингвистике. Мы получали не только изложение новых фактов, но и новый взгляд на них.

Учитывая море опубликованных экспериментальных данных, Алексей Алексеевич ставил задачу их осмысления с более широких и одновременно внутренне цельных теоретических позиций. В книге 1969 г. он писал: «Представляется, что именно сейчас, в конце 60-х годов в психолингвистике

наступило время для серьезного теоретического переосмысления достигнутых результатов и перехода на новый, более высокий уровень, на котором психолингвистика перестанет быть, как до сих пор, изолированной областью, связанной больше с математической теорией порождающих грамматик, чем с психологией, и больше со структурной лингвистикой, чем с социологией, и найдет свое место в общем синтезе наук о человеке» [Леонтьев 1969: 4].

В этот союз наук, необходимых для психолингвистики, Алексей Алексеевич включал не только психологию и лингвистику, но и нейропсихологию, «физиологию активности», математическое моделирование, философию и социологию, предвосхищая современное развитие науки о познании.

Что позволило Алексею Алексеевичу объединить эти разные подходы во «внутренне цельную теоретическую позицию»?

Исходя из идеи Л.С. Выготского о необходимости «анализа по единицам, а не по элементам», А.А. выделяет в качестве единицы, обладающей «всеми основными свойствами, присущими целому» элементарное действие, «клеточку» деятельности [Леонтьев 1969: 263]. Так, по его мнению, процесс производства речи «может быть интерпретирован как последовательность принятия решений или последовательность элементарных действий» [Леонтьев 1974: 79]. Используя аппарат теории деятельности А.Н. Леонтьева, Алексей Алексеевич

осмысливает психолингвистику как теорию речевой деятельности.

Как «клеточка» деятельности, речевое действие обладает мотивом и целью и состоит из трех фаз: планирование, реализация и контроль. Целостный контекст деятельности определяет действие, так, например, выбор грамматической структуры — не чисто грамматическое действие определенного модуля. В истории психолингвистики видна эта тенденция к учету контекста: от собственно грамматической теории (трансформационная грамматика) к учету семантики (лексическая и падежная грамматика), затем прагматики, механизмов внимания и памяти.

Реализуя идею трехфазности действия, А.А. постулирует участие в порождении речи звена программирования высказывания [Леонтьев 1967] и показывает, что его включение позволяет объяснить многие феномены, обнаруживаемые в экспериментах [Леонтьев 1969].

Из положения теории деятельности, что действие может быть осуществлено набором различных операций [А.Н.Леонтьев 1974], логично вытекал выдвинутый А.А. принцип эвристичности речевых процессов, возможности выбора различных путей порождения или восприятия высказывания. Этот принцип позволил легко объяснять, почему эксперименты подтверждают разные, в том числе заведомо противоречащие друг другу модели.

Однако важно подчеркнуть, что и принцип трехфазности, и принцип эвристичности вытекали не только из психологической теории деятельности, но и из «физиологии активности» Н.А. Бернштейна и его последователей.

Вслед за Н.А. Бернштейном Алексей Алексеевич рассматривал речевой механизм как иерархическую структуру, как «сложную многоуровневую постройку, возглавляемую ведущим уровнем, адекватным смысловой структуре» речевого акта [Бернштейн 1966: 100]. Эту мысль проводит и А.А. [Леонтьев 1969: 32, 261, 264], и

его друг Е.Л. Гинзбург [Гинзбург 1974: 81]. Понятие «модели будущего» Н.А. Бернштейна (как и идея системы Т-О-Т-Е и роли Образов и Планов в ней Дж. Миллера, Е. Галантера и К. Прибрама) было важно А.А. для понимания программы речевого высказывания [Леонтьев 1974: 32-33].

А.А. Леонтьев называл развиваемые им теоретические положения принципами школы Л.С. Выготского. Естественно, что этим принципам оказалась созвучна модель порождения речи, построенная на основе нейропсихологических исследований А.Р. Лурия, ученика и друга Л.С. Выготского. Инспирированная разговорами с А.А. и вовлеченная Л.С. Цветковой и А.Р. Лурия в разработку проблем нарушения внутренней речи, я обобщила данные афазиологии А.Р. Лурия в статье 1967 года [Рябова 1967]. Она была опубликована в нашем первом сборнике (именно после прочтения этой статьи А.А. пригласил меня быть соредктором сборников). Открывался сборник статьей А.А. о программировании речевого высказывания, таким образом, в нем было положено начало разработке модели порождения речевого высказывания.

Кратко остановимся на теоретических основаниях афазиологии А.Р. Лурия и их современных параллелях.

Разрабатывая учение об афазии, А.Р. Лурия опирался как на идеи Л.С. Выготского о системном строении и динамической организации и локализации психических функций, так и на идеи Н.А. Бернштейна.

Казалось бы, принцип системности стал общепринятым в современной науке. Так, например, данные нейровизуализации отчетливо свидетельствуют в пользу многокомпонентного состава высших психических функций. Однако вытекающее из принципа системности разделение симптомов на первичные, вызываемые пострадавшим компонентом, вторичные, являющиеся системным следствием первичного дефекта, и третичные, связанные с компенсаторными перестройками, проводится да-

леко не всегда. О важности такого различия говорится сейчас неоднократно (см., например [Levelt, 2004]), но оно не положено в основу ни одной другой классификации афазий¹.

Разрабатывая теорию афазии, А.Р. Лурия опирался на идею классической неврологии и сравнительной анатомии о филогенезе центральной нервной системы, идущем по принципу «обрастания», т.е. на идею, которую блестяще развивал Н.А. Бернштейн [Бернштейн 1947]. Новые механизмы надстраиваются над старыми, сохраняя свое принципиальное родство. Исходя из этого, А.Р. Лурия предположил, что в работе речевых зон можно обнаружить и то общее, что объединяет их с зонами, на основе которых они возникли, и отличающую их специфику. Изучение патологий речевых и примыкающих к ним зон позволило выделить общие их черты (так называемые факторы) и интерпретировать речевые нарушения через общий с пограничным невербальным нарушением фактор [Лурия 1947: 64–66].

В современных спорах локализационистов и антилокализационистов близкие идеи высказывают противники модульного подхода, называя свой подход «*embodied cognition*» — «во-площенное» познание (от слова «плоть», «тело»). С этой точки зре-

---

¹ Вполне понятно, что отсутствие различения первичных и вторичных дефектов ведет к проблемам в интерпретации данных. Приведем лишь один пример. У детей в возрасте от 16 до 36 месяцев с поражением височной доли левого полушария отстает развитие как понимания речи, так и говорения. Из этого делают вывод, что у детей этого возраста в отличие от взрослых производство речи осуществляется с опорой на задние отделы левого полушария [Thal et al., 1991; Stiles et al., 1998; Finlay, 2005; Dick, 2005]. Однако в данном случае отставание активной речи является лишь вторичным системным следствием нарушения восприятия речи, поскольку ребенок не может научиться говорить то, что он недостаточно хорошо воспринимает и запоминает. Здесь нельзя говорить о связи мозговой структуры и функции, так как вторичный дефект не обусловлен непосредственно пораженной структурой.

ния, «язык (как и другие абстрактные или высокоуровневые умения) возникает и сохраняет внутреннюю связь с эволюционно более ранними сенсомоторными субстратами, что позволяет нам понимать (слуховой и зрительный субстраты) или продуцировать (моторный субстрат) речь» [Dick et al. 2005: 238]. Однако опять же афазиологи, отстаивающие этот подход, в частности Дик и соавторы, не проводят его так последовательно, как А.Р. Лурия, и не строят на этом основании классификации афазий.

С идеей «обрастания» связаны все три принципа строения мозговых систем, выдвинутых А.Р. Лурия вслед за Н.А. Бернштейном: принцип «иерархической организации», «сегментарной проекции» и принцип «совместной работы и взаимной адаптации задних (гностических) и передних (динамических) систем мозговой коры» [Лурия 1947: 64–66]. Первые два принципа общеприняты сейчас (см., например, [Finlay 2005]). Третий менее известен, но он существенен для построения модели. Н.А. Бернштейн писал: «анатомические субстраты координационных уровней, последовательно формирующихся в филогенезе, обязательно включают как моторные, так и сенсорные центры, взаимосвязь которых в пределах данного уровня бывает особенно тесной» [Бернштейн 1947: 152]. Соответственно в нашей модели порождения речи каждый уровень включает как синтагматическую операцию, осуществляемую передними отделами мозга, так и парадигматическую операцию, осуществляемую задними отделами.

Поскольку А.А., раскрывая свою теорию порождения речи, указывал, что она является «обобщением модели порождения, разработанной совместно с Т.В. Рябовой — Ахутиной» [Леонтьев 2003: 113], представим эту модель, построенную по данным афазиологии [Рябова 1967; Леонтьев, Рябова 1970; Ахутина 1975].

Исследования афазий, возникающих при поражении передних отделов мозга, позволили выделить три вызывающих их пер-

вичных дефекта [Лурия 1947; Лурия, Цветкова 1968]. Это дефекты: 1) моторного (кинетического) программирования артикуляции; 2) грамматического структурирования; 3) построения внутреннеречевой схемы высказывания. Нарушения первых двух операций характерны для эфферентной моторной афазии, нарушения второй — для переднего аграмматизма, третьей — для динамической афазии (различия 2 и 3 дефектов было показано нами в отдельном исследовании [Рябова 1970; Рябова, Штерн 1968; Ахутина (Рябова) 1975]). Все три названные операции генетически связаны с серийной (кинетической) организацией движения и осуществляются при участии заднелобных отделов коры левого полушария и нижележащих структур. Они строят остов, костяк, фрейм репрезентации определенного уровня и требуют операций за-

полнения слотов фрейма, т.е. выбора из парадигм соответствующих единиц, что осуществляется задними отделами коры левого полушария.

При поражении задних отделов наблюдаются первичные дефекты следующих операций: 1) выбора артикулем по кинестетическим признакам; 2) выбора звуков по фонетическим признакам; 3) выбор слов по звучанию; 4) выбор слов по значению. Первая операция нарушается при афферентной моторной афазии, вторая и третья — при сенсорной, только третья — при акустико-мнестической, четвертая — при семантической афазии [Лурия 1947: 1975].

В итоге модель имела три уровня: внутреннеречевой, лексико-грамматический, артикуляторный, плюс слуховой контроль за порождением речи (см. табл. 1).

Таблица 1

Механизм порождения речи [Рябова 1967; Ахутина 1975].

Построение внутреннеречевой схемы высказывания	Выбор слова по значению
Грамматическое структурирование	Выбор слова по звучанию
Моторное (кинетическое) программирование	Выбор артикулем по кинестетическим признакам
+	
Слуховой контроль	

Между афизиологической моделью и моделью, отстаиваемой Алексеем Алексеевичем, было лишь одно различие — верхний уровень в модели А.А. был представлен одной операцией внутреннего программирования, включающей и предикацию, и наименование, а в моей — двумя. За этим различием стояло разное понимание кода этого уровня. А.А. предполагал разный характер кода планирования речевых и неречевых действий. В первом случае это субъективный код «образов и схем», по Н.И. Жинкину [Жинкин 1964], а во втором — внутренняя речь [Леонтьев 1967, 1974: 25, 27]. В моих публикациях и в нашей совместной публикации 1970 года вслед за Л.С. Выготским, средством планирования высказывания полагается внут-

ренняя речь с ее особыми семантикой и синтаксисом.

Указанное различие — частность, совпадений было намного больше, так что не случайно в литературе укрепилось название «модели Леонтьева-Рябовой» или «Леонтьева-Ахутиной». Вклад Алексея Алексеевича, более разнообразный и более фундаментальный, позволил модели не только объяснять, но и предсказывать экспериментальные данные. Приведу один пример. А.А. писал о множественности грамматических механизмов и, прежде всего, механизмов «грамматикализации программы» и «закрепления грамматических обязательств» [Леонтьев 1969: 268]. Как показало исследование Ж.М. Глозман [Глозман 1974], звено нахождения грамматических

конструкций первично страдает только у больных с моторной афазией, а запоминание и выполнение грамматических обязательств — при сенсорной и акустико-мнестической афазиях (в связи с нестойкостью звуковой формы слова). Вариативность механизмов грамматических нарушений показана и в нашей работе [Ахутина 1989: 175-187]. Неразличение разных грамматических механизмов ведет у многих нейролингвистов к неверному утверждению о тождественности грамматических нарушений при передней и задней локализации поражения, хотя в афазиологии традиционно различались грамматические ошибки, непосредственно связанные с нарушением грамматических механизмов при поражениях передних отделов (аграмматизмы) и ошибки, обусловленные лексическими трудностями (параграмматизмы). Рассмотрим пример параграмматизма. «Галка переделалась белым цветом» (пересказ басни «Галки и голуби») — при построении этой фразы возникло два конкурирующих слова «покрасилась» и «переделалась», из-за трудностей лексического выбора было реализовано одно слово, а модель грамматических связей сохранилась от другого. Такие «кентавры» (*juxtaposition of unacceptable sequences*) возникают, по мнению Х. Гудгласса, из-за «непреднамеренных замен плохо выбранных слов и словосочетаний в потоке речи» [Goodglass 1976: 238]. Ниже мы еще будем говорить о различении механизмов грамматической организации и лексического выбора.

Дальнейшее развитие модели было связано с выделением разных форм синтаксиса и еще большим ее сближением с пониманием Л.С. Выготского пути от мысли к слову. В своих главах «компендиума» 1974 г. А.А. говорит о речевом действии, как состоящем из фаз: а) мотивации; б) формирования речевой интенции; в) внутреннего программирования; г) реализации программы, что соответствует плану перехода от мысли к слову Л.С. Выготского [Леонтьев

(ред), 1974]. В главе, посвященной грамматике, он пишет о семантическом синтаксисе, прагматической связанности высказывания, обнаруживаемой в разговорной речи и архаических, в частности, папуасских языках [Леонтьев 1974], о влиянии направления внимания на выбор синтаксических конструкций [Леонтьев 1974: 162-165, 182-185].

Уточнению нашего понимания «психологии грамматики» способствовал функциональный анализ разных форм синтаксиса в работах исследователей детской речи (см. обзор [Ахутина, Наумова, 1983]. Т.Н. Наумова — одна из первых учениц А.А.). Работы Дж. Брунера, П. Гринфилд и особенно Э. Бейтс позволили соотнести синтаксис внутренней речи («смысловый синтаксис, по Л.С. Выготскому) с членением «topic-comment» и связать его с механизмами внимания [Брунер 1984; Greenfield Smith 1974; Bates 1976]. Одновременно семантический синтаксис, «падежная грамматика» были соотнесены с «живым», значимым синтаксисом семантического плана у Л.С. Выготского [Ахутина, Наумова 1984; Ахутина 1989: 39-44].

Эти положения были уточнены в нашем исследовании распада грамматики при афазии. Анализ монологической речи, а также построения, понимания и верификации грамматических конструкций больными с разными формами афазий позволил обнаружить три вида синтаксиса:

- наиболее стойкую у больных с «передним аграмматизмом» форму организации высказывания — смысловой или топик-коммент синтаксис («Радио – погода – дождь»);
- менее устойчивую — семантический синтаксис («Я пошла соседи, соседи пошли... я») и
- наиболее уязвимую — поверхностный синтаксис [Ахутина 1989].

Этот вывод был подкреплён анализом данных исследований разговорной речи, различных языков мира, пиджинов и креольских языков, кинетической речи на

производстве (такой набор — школа А.А.). Уточненная модель была им одобрена (см. табл. 2).

Подчеркнем, что эта модель соответствует представлениям Л.С. Выготского о пути от мысли к слову. Завершая «Мышление и речь», он писал: «На этом и заканчивается наш анализ. Попытаемся окинуть единым взглядом то, к чему мы были приведены в его результате. Речевое мышление предстало нам как сложное динамическое целое, в котором отношение между

мыслью и словом обнаружилось как движение через целый ряд внутренних планов, как переход от одного плана к другому. Мы вели наш анализ от самого внешнего плана к самому внутреннему. В живой драме речевого мышления движение идет обратным путем — от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредствованию ее во внутреннем слове, затем — в значениях внешних слов и, наконец, в словах» [Выготский 1982: 358].

Таблица 2

Схема процесса порождения речи*

Мотив	
Преобразование мысленного образа прошедше-настоящего в образ потребного будущего	
Смысловое синтаксирование	Выбор внутренних слов по значению
Семантическое синтаксирование	Выбор слов по значению
Поверхностное синтаксирование	Выбор слов по форме
Кинетическое программирование	Выбор артикулем

* Выходом внутреннеречевого уровня является цепочка:
 ((подразумеваемый топик — коммент1) — коммент2) — коммент3... ;
 семантического уровня — структуры Агенса — Объект -... — Действие;
 поверхностного уровня — структуры S — P — O;
 артикуляторного уровня — моторная программа синтагмы.
 Слоты каждого уровня заполнены соответствующими единицами.

В свете вновь полученных данных остается актуальным наш комментарий к пониманию речевого мышления Л.С. Выготским, данный в книге 1975 г.

«Итак, по Выготскому, всякая мысль рождается из некоторого конфликта, она решает какую-то задачу, соединяя что-то с чем-то. Условия этой задачи, заданные предшествующей деятельностью субъекта, его аффективно-волевыми установками, всей его личностью, составляют некоторую внутреннюю ситуацию. Нахождение ответа, выход из конфликта есть переосмысление по меньшей мере одного из компонентов ситуации, образование новой связи, вследствие чего мысленно преобразуется вся ситуация в целом и возникает «Образ результата». Поскольку внутренняя ситуация вбирает в себя всю личность, она все-

гда предельно уникальна и субъективно-конкретна, и поскольку эта конкретность бесконечна, ситуации всегда так или иначе присуща неопределенность. Определенность же всей ситуации сосредотачивается в том «новом», что было найдено в решении ситуативного конфликта. «Новое» выделено на фоне ситуации, непосредственно значимо, а потому именно оно может быть обозначено. Это обозначение становится именем ситуации в целом, т.е. первый предикат к подразумеваемому подлежащему — ситуации — становится представителем всей ситуации. Таким образом, привлеченное для фиксирования мысли *языковое значение* вбирает в себя ситуацию, становится ситуативным значением, т.е. *смыслом*. Тем самым значение становится носителем содержания, выходящего далеко за

его пределы. Этот новый — теперь уже речевой — конфликт решается в процессе речевого развертывания.

Это развертывание протекает через сопоставление деформированного смысловой нагрузкой значения с объективными языковыми значениями. <...> Деформированное ситуацией значение — смысл — освобождается от ситуативности через нахождение определенных комбинаций значений. Такое комбинирование значений, в свою очередь, видоизменяет, деформирует статичные словарные значения, делая их выразителем живой мысли» [Ахутина 1975: 41-43].

Какие новые акценты в трактовке идей Л.С. Выготского появились позднее?

И работа мысли и смысловой синтаксис связаны с перемещением фокуса внимания: *в поле внимания* (пресуппозированной, подразумеваемой части информации — топике) *выделяется фокус* и обозначается внутренним словом (коммент). Это слово становится представителем всего невыраженного поля внимания, в нем находится новый фокус, он оречевляется и первое и второе внутренние слова составляют уже вербально выраженную во внутренней речи «топик-коммент» структуру.

Каждое новое слово является определением (предикатом) не только к предыдущему слову с его объективным значением, но и ко всему приписываемому ему содержанию (смыслу), представленному в мысленном образе ситуации, т.е. в поле внимания. Двойная репрезентация смысла (языковое значение и образ) снимает, на мой взгляд, противоречия в нашем споре с Алексеем Алексеевичем.

Повторение процедуры предикирования может вести к построению иерархической структуры. Это видно из текстов больных с грубым аграмматизмом, у которых смысловой синтаксис выносится наружу: «Ребята два — мальчик и девочка. Маленькие — девочка юбка, мальчик — штаны».

Смысловой синтаксис есть прежде всего способ организации содержания для себя, с точки зрения его «новизны», важности для

говорящего, точнее, для его ответа слушающему (вспомним «всякое высказывание ответно» [Бахтин 1979]). В мысленном представлении говорящего находятся не только объективные отношения содержания, но и отношение к нему слушающего. В зависимости от того, насколько объективные отношения ясны для говорящего, и от того, насколько слушатель включен в это содержание, говорящий может выбирать разные стратегии смыслового развертывания. Это может быть стратегия «Новое – Данное» при уточнении содержания для себя или для себя и включенного в ситуацию слушателя. Но это может быть и стратегия «Данное — Новое», типичная для письменных текстов, где необходимо заботиться о понятности текста для читающего. Переливая содержание внутреннего слова в цепочки слов, освобождая его от субъективной ситуативности, говорящий/пишущий «выслушивает» их с точки зрения слушающего/читающего, его готовности приписать объективным значениям слов контекстный смысл. Процесс становления стратегий смыслового развертывания с учетом слушающего отчетливо виден у детей. Их освоение приводит к формированию некоторых шаблонов, устойчивых форм развертывания целого текста («жанров», по М.М. Бахтину).

Смысловой синтаксис с помощью «жанровых схем»² является основой программирования развернутого высказывания и отдельных его смысловых отрезков, близких к предложению. При приближении развертывания к уровню предложения заявляют о себе устойчивые формы разложения компонентов ситуации (Агенса, Объекта, Действия и т. д.), то есть семантический синтаксис, падежная грамматика. Смысло-

² М.М. Бахтин писал: «Когда мы строим свою речь, нам всегда предносится целое нашего высказывания: и в форме определенной жанровой схемы, и в форме индивидуального речевого замысла. Мы не нанизываем слова, не идем от слова к слову, а как бы заполняем нужными словами целое» [Бахтин 1979: 266].

вой и семантический синтаксисы соперничают за выход во внешнюю речь. В то же время устойчивые формы развертывания внешней речи — поверхностные синтаксические структуры — навязывают наиболее простые частотные синтаксические конструкции. Таким образом, построение внешней синтаксической структуры описывается не алгоритмом, а соперничающим взаимодействием разных уровней (ср. аналогичные идеи у [E. Bates 1976; E. Bates, V. MacWhinney 1982, 1989] и их обсуждение в [Ахутина 1989: 91-96]. Такой «естественный отбор» вполне в русле идеи Л.С. Выготского о психологическом развитии (в фило-, онто- и актуалгенезе) как «драме» (неслучайно выражение «живая драма речевого мышления» в вышеприведенной цитате из «Мышления и речи»).

Приведем экспериментальные данные, свидетельствующие о наличии соперничества между уровнями. В эксперименте, проведенном Р. Томлином, испытуемым показывали анимацию ситуаций, где две рыбы плывут друг к другу, затем они встречаются, одна рыба открывает рот и съедает другую. Внимание испытуемого привлекалось к одной из рыб, на которую указывала стрелка. Задача испытуемого описать видимое на экране. Из 12 испытуемых 10 построили предложения, в которых выделенная рыба обозначалась подлежащим. Если стрелка указывала на Агенса действия, испытуемые строили активную конструкцию, если на его жертву, то пассивную конструкцию [Tomlin 1999]. Таким образом, англоговорящие испытуемые в большинстве своем превращают топик в подлежащее, а выбор конструкции зависит от семантической роли топика. А. Мячиков повторил этот эксперимент с русскоговорящими испытуемыми [Myachukov 2004]. В русском языке по сравнению с английским пассивная конструкция («Черная рыба съедена белой») менее употребительна в разговорной речи, и может быть построена конструкция с обратным порядком слов, где грамматический объект стоит на пер-

вом месте, месте топика («Черную рыбу съела белая»). Русскоязычные испытуемые, когда стрелка указывала на рыбу — Агенса, в 100% случаев строили активную конструкцию. Когда внимание привлекалось к жертве, испытуемые только в 26% случаев ставили ее имя на первое место, а в остальных 74% случаев строили простые активные предложения типа «белая рыба съела черную», несмотря на привлечение внимания не к белой рыбе. Однако латентное время построения таких активных конструкций, было значительно больше, чем когда функции подлежащего, Агенса и топика совпадали. Автор интерпретирует увеличение времени как свидетельство функционального столкновения между высоко предпочитаемой и достаточно автоматизированной языковой структурой и требованиями, предъявляемыми другими когнитивными процессами, с которыми взаимодействует язык. С нашей точки зрения, здесь имеет место соперничество кандидатов разных уровней синтаксиса на место первого имени, и в 74% выигрыш остался за кандидатом частотной поверхностной структуры, а в 26% — за кандидатом фокуса внимания, топика. Такое соперничество замедляет обработку по сравнению с обработкой в случае одного кандидата от всех уровней.

Рассматривая смысловое развертывание, мы все время ведем речь о синтаксисе, однако следует принять во внимание, что первое же слово вызывает свои ассоциации, и эти ассоциации также могут влиять на выбор синтаксической структуры. Однако прежде чем от синтаксиса перейти к лексико-семантическим вопросам, нам необходимо сделать отступление.

* * *

Говоря о развитии модели и ее теоретическом основании, мы представляли дело так, что развитие науки поступательно идет к освоению на новом уровне положений школы Л.С. Выготского. Действительно, по отношению к принципам системного

строения и динамической организации и локализации функций это так, но одновременно некоторые основополагающие для модели представления подвергаются сомнению или отвергаются. Так, различие синтагматических и парадигматических связей преадаптации забвению, и даже принципиальное различие синтаксических и лексических механизмов нередко отрицается. Страстным сторонником идеи неразделимости грамматики и словаря была Элизабет Бейтс [Bates, Bretherton, Snyder 1988; Bates, Goodman 1997; ср. Marchman & Thal 2005].

Рассмотрим приводимые Э. Бейтс и ее сотрудниками аргументы. Первый аргумент следовал из наблюдения за развитием словаря и грамматики у детей: активное использование двухсловных синтаксических конструкций возникает только при определенном объеме словаря. Этот вывод был сделан на основе огромного эмпирического материала [Bates et al. 1988]. Второй аргумент следовал из экспериментов со здоровыми испытуемыми, которые в условиях перцептивного и когнитивного стресса (фильтрованный речевой сигнал и задание запоминать числа), обнаруживали картину, близкую к аграмматизму [Bates et al. 1994]. Третий аргумент относится к области математического моделирования обучения языку — на определенной стадии обучения коннекционной сети модель обнаруживала известный эффект «сверхрегуляризации» (*bringed* вместо *brought*), который ранее объяснялся «открытием» детьми нового грамматического правила [Rummelhart & McClelland 1986].

Начнем анализ аргументов с первого. Наши исследования распада и развития синтаксиса, так же как и индивидуальных различий в развитии речи, позволили сделать вывод, что первые синтаксические конструкции усваиваются холистически, словарно, затем синтаксические структуры расщепляются, обобщаются и автоматизируются как серийно организованные действия [Ахутина 1989: 167, 170]. Необходим

достаточный уровень серийной организации движений, артикуляции и действий, чтобы переход от «словарного» холистического синтаксиса к аналитическим процедурам стал возможен. Разумеется, состояние серийной организации артикуляции отражается на объеме словаря ребенка. Таким образом, третья величина — сформированность серийной организации — объясняет обнаруженную Э. Бейтс и ее коллегами связь между объемом словаря и возникновением синтаксиса, не требуя принятия идеи о принципиальном сходстве механизмов возникновения синтаксиса и словаря. Одновременно наша трактовка находится в согласии с основной установкой Э. Бейтс о том, что язык строится из старых, бывших в употреблении частей.

Второй аргумент, исходящий из картины аграмматизма у здоровых испытуемых, может быть отвергнут в соответствии с принципом системности. Вызываемые перцептивным и когнитивным стрессом трудности — это не первичный дефект, где есть непосредственная связь между структурой и функцией, а вторичный системный, не позволяющий делать выводы о мозговых механизмах нарушения.

Наконец, третий аргумент можно отвергнуть, исходя из принципа эвристичности (см. выше) — да, эта модель работает по одному лексическому принципу, но отсюда нельзя сделать вывод, что невозможны другие механизмы достижения того же результата.

Идея связи и различия (но не единства) лексических и грамматических механизмов, на мой взгляд, убедительно показана в работе известных психолингвистов У. Марслен-Уилсона и Л. Тайлер на материале владения регулярными (*look-looked*) и нерегулярными формами (*go-went, bring-brought*) прошедшего времени английских глаголов [Marslen-Wilson, Tyler 2005]. По одной точке зрения, владение ими требует двух механизмов (грамматического и лексического), по другой — одного. Данные нейропсихологической литературы свиде-

тельствуют о двух механизмах владения формами прошедшего времени: больные с височной локализацией поражения хуже справляется с нерегулярными глаголами, чем с регулярными, тогда как больные с поражением нижнелобных отделов и нижележащих структур обнаруживают противоположную картину. Это было показано как в традиционных экспериментах на производство и понимание этих форм, так и в экспериментах на морфологический и семантический прайминг.

Сторонники одного механизма в эксперименте на обучение модели обнаружили трудности обработки регулярных глаголов при повреждении сети на уровне выхода и нерегулярных — при повреждении семантического уровня [Joanisse, Seidenberg 1999]. В соответствии со своей моделью они предсказали, что у больных с трудностями обработки регулярных глаголов должен быть фонологический дефицит, а трудности обработки нерегулярных глаголов должны сочетаться с семантическим дефицитом. Но, как и следовало ожидать, исходя из Лурьевского понимания механизмов афазий, последующие эксперименты не подтвердили этих предсказаний [Tyler et al. 2002].

Значимые данные в пользу двух механизмов были получены в эксперименте У. Марслен-Уилсона и Л. Тайлер [*Marslen-Wilson W. D., Tyler L. 2005*] с помощью нейровизуализационного метода — функциональной магнитно-резонансной томографии. Испытуемым без поражений мозга предлагалось решать, был ли им представлен тот же самый или другой стимул по сравнению с предыдущим. Эта методика была чувствительна к трудностям больных с поражением левых нижнелобных отделов (ЛНЛО), т.е. с поражением зоны Брока. Предъявление регулярных форм вело к активации широкой зоны с пиками активации в верхне-височных отделах (ВВО) обоих полушарий (левая ВВО ~ зона Вернике) и ЛНЛО. Предъявление нерегулярных глаголов вело к активации только ВВО, и выра-

жена она была слабее. Авторы так интерпретировали полученные данные: при обработке регулярных форм, например, “jumped”, делается попытка соотнесения акустико-фонетического входного сигнала со словесной семантической репрезентацией, что вызывает активацию ВВО. Однако форма с суффиксом не узнается лексиконно, и требуется включение ЛНЛО, где происходит разложение этой словоформы на корень и суффикс. Эта информация вновь подается в ВВО, и форма опознается. В то же время нерегулярные формы сразу опознаются и потому требуют меньшей активации ВВО. Их разложения на корень и суффикс не требуется, поэтому они не составляют трудности для больных с поражением ЛНЛО. И хотя нерегулярные формы прошедшего времени до некоторой степени активируют ЛНЛО (для оценки их грамматических характеристик), непосредственный доступ к лексическому значению не предполагают обязательного участия ЛНЛО.

У. Марслен-Уилсон и Л. Тайлер специально подчеркивают, что, хотя они говорят о двух механизмах, их трактовка отличается от трактовки сторонников модульного подхода, в частности трактовки Стивена Пинкера, различающего два модуля: основанную на правилах систему (ЛНЛО) и хранилище лексических репрезентаций (ВВО). Авторы статьи предпочитают уйти от представления об абстрактных правилах добавления/удаления суффикса и синтаксических процессах, запускаемых наличием грамматической морфемы. Одновременно авторы отходят от принципа модульной организации мозга к представлению о важности тесного взаимодействия различных отделов мозга, составляющих подсистему (subnetwork). Совместная работа отделов передних и задних отделов необходима для анализа регулярных форм: только симультанный доступ к лексическому содержанию корня (ВВО) и к грамматическому анализу (ЛНЛО) позволяют это сделать. Анатомически такая совмест-

ная работа осуществляется дорсальными связями слуховой и лобной коры, идущими от ВВО назад к височно-теменному стыку и затем к лобным долям [Rauschecker, Tian, 2000]. Вентральные связи слуховой коры, идущие вперед и вниз к другим частям ЛНЛО, обеспечивают, по мнению У. Марслен-Уилсона и Л. Тайлер, понимание нерегулярных форм глаголов и вообще переход от акустико-фонетического входа к звуковой форме и значению слова.

Я хотела бы напомнить читателям идею Н.А. Бернштейна о взаимодействии сенсорных и моторных центров одного координационного уровня, положенную в основу модели. Дорсальные и вентральные связи слуховой коры могут быть примерами таких связей. От принципа парных центров А.Р. Лурия перешёл к принципу кругового взаимодействия трех блоков мозга [Лурия 1973]. Сейчас найдено много систем кругового взаимодействия. Об одной из них пишут и авторы излагаемой статьи, которые отмечают, что взаимодействие левого лобного и височного отделов модулируется передними срединными структурами, включающими переднюю цингулярную кору.

Таким образом, мы видим, что и новейшие данные совместимы с представлениями о функциональных системах, развиваемых в школе Л.С. Выготского.

Теперь от общих вопросов вернемся, как мы и обещали, к лексико-семантическим процессам.

Итак, первое выбранное слово автоматически вызывает свои ассоциации. Это утверждение следует из экспериментов на прайминг, суть которых в том, что предъявляются один за другим два стимула, и если они связаны, предъявление первого праймирует обработку последующего, т.е. облегчает или — реже — затрудняет ее, что обнаруживается по времени реакции на связанные и не связанные стимулы [Neely 1991]. Исследования прайминга позволили на удобной экспериментальной модели изучать два основных вида лексико-семан-

тических процессов: процесс автоматической активации связанных между собой единиц внутри лексикона и процесс контролируемой «стратегической» активации, т.е. процесс смыслового поиска, идущий сверху вниз. Первый процесс моделируется при интервалах между праймом и последующим словом менее 250 мс, второй — при больших интервалах и ряде других условий [Neely 1991]. При предъявлении картинки или контекста сенсорные стимулы вызывают автоматическую активацию набора лексических кандидатов, за ней следует контролируемый процесс выбора оптимального кандидата, то есть отторгания менее подходящих кандидатов и, далее, включение в контекст [Marslen-Wilson 1989; Aydelott et al. 2005]. Как показали исследования афазии, контролируемый выбор слов страдает при задних формах афазии и первично сохранен при передних формах [Лурия 1948; Ахутина, Малаховская 1985; Goodglass, Baker 1976; Milberg & Bloomstein 1981]. Исследования семантического прайминга у этих же групп больных показали, что автоматическая активация, наоборот, сохранна у первых и страдает у вторых [Milberg & Bloomstein 1981; Aydelott et al. 2005]. Наличие отчетливого прайминг-эффекта сочетается у больных с афазией Вернике с более медленной реакцией на стимул — как видно из графиков, приведенных в статье Aydelott, они отвечают на 300 мс медленнее, чем больные с афазией Брока. У больных этой группы (в сравнении с другими больными с афазией) мы также обнаружили увеличение латентного периода ответа в ассоциативном эксперименте [Ахутина, Жукова, Каширская, в печати].

Это ставит под сомнение утверждение о сохранности автоматического доступа к слову у больных с афазией Вернике. Искажение звучания слова, уменьшение перцептивного сходства семантического прайма приводит у нормальных испытуемых к градуальному уменьшению прайминг-эффекта, тогда как у больных с афазией Вернике такого уменьшения не было:

им праймом для слова “dog” (собака) одинаково служили и “cat” (кошка) и “dat”, и “wat” (близкие по звучанию слова) и с*at (слово с искаженным первым звуком). Эти факты, полученные в работах Milberg и Aydelott, на наш взгляд, требуют уточнения их интерпретации. С нашей точки зрения, автоматические процессы у больных с афазией Вернике испытывают двустороннее воздействие. С одной стороны, нарушение контролируемого выбора ведет к облегчению автоматических процессов, с другой стороны, из-за перцептивных проблем автоматический доступ к слову затрудняется. Эти противоположные влияния суммируются, и потому автоматические эффекты проявляются, но проявляются замедленно. Таким образом, при афазии Вернике, соотносимой с сенсорной и акустико-мнестической афазиями по классификации А.Р. Лурия, страдают и контролируемые и, в меньшей степени, автоматические процессы *выбора слова*, что и предусмотрено в нашей модели. При этих формах афазии страдает выбор из набора кандидатов, т.е. парадигматический выбор. Наличие нарушений автоматической активации у больных с афазией Брока (эфферентная моторная афазия и «передний аграмматизм», по классификации А.Р. Лурия) объясняет их напряженную отрывистую речь, когда каждое слово приходится искать произвольно, когда слова не всплывают в связи с контекстом. Это и обозначается утверждением о нарушении синтагматических связей у больных с передними формами афазии.

В вышеупомянутом эксперименте на ассоциативные реакции было обнаружено, что больные с эфферентной моторной афазией в ответ на слово практически не дают синтагматических реакций. В отличие от них больные с акустико-мнестической афазией разделились: половина предпочитает синтагматические ответы, вторая половина (возможно, с вовлечением в патологический процесс глубинных отделов) не обнаружила такого предпочтения [Ахутина, Жукова, Каширская, в печати].

Чтобы конкретизировать сказанное о лексико-семантическом выборе, вернемся к приведенному выше примеру с параграмматизмом. Фраза «Галка переделалась белым цветом» возникла в связи с автоматической активацией семантического поля (semantic network), т.е. набора лексических кандидатов, которые должны содержать сведения о значении слова (и адресе поиска его формы) и его грамматических атрибутах (лемма, по [Levelt 1989]). Однако, автоматическая активация могла быть задержана во времени, а актуализированные единицы могли быть нестойкими и диффузными (как диффузно звучание слова cat в примерах выше), и это могло усугубить трудности контролируемого выбора, что привело к появлению «кентавра» — лексической формы от одного слова, а грамматического управления от другого. При этом процессы грамматического структурирования первично не страдали.

Подведем итоги.

Модель порождения речи А.А. Леонтьева — Т.В. Рябовой построена на теоретических основаниях школы Л.С. Выготского. Они включают, во-первых, связь культурно-исторического и естественно-научного подходов в изучении психики, необходимость и возможность которой была показана Л.С. Выготским (обзор истории вопроса см. [Ахутина 1996; 2004]). Во-вторых, в них входит понимание онто- и актуалгенеза речи, пути от мысли к слову, предложенное Л.С. Выготским. В третьих, они предполагают деятельностный подход Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева к речевому общению в соответствии с которым оно рассматривается как речевая деятельность со всеми вытекающими из этого последствиями. В-четвертых, для естественно-научного подхода к механизмам речи важными оказываются принципы системного и динамического строения психических процессов, разработанные Л.С. Выготским и А.Р. Лурией и понимание механизмов афазий, предложенное А.Р. Лурией и включающее идеи Н.А. Бернштейна. В-пятых, в теоретическую основу модели входят идеи

структурно-функционального направления в лингвистике, в частности, Пражской школы, именно этот подход Л.С. Выготский считал близким к его методологии (обзор см. в разделе «Нейролингвистика и лингвистика» в [Ахутина 1989: 19-29]).

Как мы пытались показать, построенная на этих теоретических основаниях модель позволяет объяснять новые экспериментальные данные о развитии, функционировании и распаде речи, получаемые в психо- и нейролингвистике, в сравнительном языкознании, в нейровизуализационных исследованиях последних десятилетий.

Неоднократно упоминавшаяся на страницах этой статьи Элизабет Бейтс, идеи которой повлияли на развитие модели, писала:

«Хорошая психолингвистическая теория должна объяснять многие различные аспекты употребления естественного языка, включая понимание и производство несущей смысл речи, овладение первым языком, овладение вторым языком, распад речи в патологических условиях, обычные ошибки речи, выявление ошибок и оценку грамматической правильности. В то же время, объясняя это ослепительное разнообразие речевых явлений, хорошая психолингвистическая теория должна быть настолько общей, чтобы позволить работать с любым естественным языком. Если теория может объяснить факты владения английским языком, но не может объяснить понимание и построение предложений в итальянском, венгерском или валпири, эта теория должна быть отвергнута» [Bates, MacWhinney 1989: XI].

Я думаю, что А.А. Леонтьев безусловно разделял эту точку зрения, но он еще подчеркивал необходимость единой и внутренне цельной теоретической основы, без которой любой подход рано или поздно перестает работать. Сейчас в связи с бурным процессом интеграции наук о человеке и, в частности, в связи с мощным развитием когнитивной нейронауки, имеет особый смысл заботиться о теоретических основаниях объединения, и работы А.А. Леонтьева могут служить в этом примером.

Литература:

Ахутина (Рябова) Т.В. Нейролингвистический анализ динамической афазии. М., 1975.

Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. М., 1989.

Ахутина Т.В. Выготский и А.Р.Лурия: становление нейропсихологии // Вопр. Психол. 1996, № 5. с. 83-98.

Ахутина Т.В. Выготский: культурно-исторический и естественно-научный подходы к интериоризации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2004, №3. с. 41-56.

Ахутина Т.В., Жукова И.Л., Каширская Е.В., в печати.

Ахутина Т.В., Малаховская Е.В. Сигнификативное значение слова при афазии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1985, № 1.

Ахутина Т.В., Наумова Т.Н. Смысловой и семантический синтаксис: Детская речь и концепция Л.С.Выготского // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Бернштейн Н.А. О построении движений. М., 1947.

Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.

Брунер Дж. Онтогенез речевых актов // Психолингвистика. М., 1984.

Выготский Л.С. Мышление и речь. Собр. соч. Т. 2, 1982, с. 5-361.

Гинзбург Е.Л. Знаковые проблемы психолингвистики // Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А.Леонтьева. М.: Наука, 1974, с. 81-105.

Глоzman Ж.М. Нейропсихологический и нейролингвистический анализ грамматических нарушений речи при разных формах афазии: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1974.

Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964, №6.

Леонтьев А.А. Смысл как психологическое понятие // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. М., 1969.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999; СПб.: Лань, 2003.

Леонтьев А.А. (ред.) Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974

Леонтьев А.А., Рябова Т.В. Фазовая структура речевого акта и природа планов // Планы и модели будущего в речи (материалы к обсуждению). Тбилиси, 1970.

Леонтьев А.Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности / Под ред. А.А.Леонтьева. М.: Наука, 1974, с.5-20.

Лурия А.Р. Травматическая афазия. М., 1947.

Лурия А.Р. Восстановление функций мозга после военной травмы. М., 1948.

Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975.

Лурия А.Р., Цветкова Л.С. Нейропсихологический анализ предикативной структуры высказывания // Теория речевой деятельности. М.: Наука, 1968.

Рябова Т.В. Механизм порождения речи по данным афазиологии // Вопросы порождения речи и обучения языку. М., 1967.

Рябова Т.В. Психоллингвистический и нейропсихологический анализ динамической афазии: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1970.

Рябова Т.В., Штерн А.С. К характеристике грамматического структурирования // Психология грамматики. М., 1968.

Aydelott J., Kutas M., D. Federmeier K. D. Perceptual and attentional factors in language comprehension: a domain-general approach, In M. Tomasello & D.I. Slobin, (Eds.) Beyond Nature-Nurture: Essays in honor of Elizabeth Bates. New Jersey: Erlbaum, 2005, p. 281-313.

Bates E. Language and context: the acquisition of pragmatics. NY: Academic Press, 1976.

Bates E., MacWhinney B. Functionalist approach to grammar // E.Manner, L.Gleitman (eds). Language Acquisition: The State of the Art. Cambridge, 1982.

Bates E., Bretherton I., Snyder L. From first words to grammar: Individual differences and dissociable mechanisms. NY: Cambridge University Press, 1988.

Bates E., MacWhinney B. Preface. In B. MacWhinney & E. Bates (Eds), The crosslinguistic study of language processing (pp. V-Xi). Cambridge MA: Cambridge University Press, 1989.

Bates E., MacWhinney B. Functionalism and the Competition Model. In B. MacWhinney & E. Bates (Eds), The crosslinguistic study of language processing (pp. 3-73). Cambridge MA: Cambridge University Press, 1989.

Bates E., Devescovi A., Dronkers N., Pizzamiglio L., Wulfeck B., Hernandez A., Juarez L., Marangolo P. Grammatical deficits in patients without agrammatism: Sentence interpretation under stress in English and Italian. Brain and Language, 47(3), 1994, pp. 400-402

Bates E., & Goodman J. On the inseparability of grammar and the lexicon: Evidence from acquisition, aphasia and real-time processing. In G. Altmann (Ed.), Special issue on the lexicon, Language and Cognitive Processes, 1997, 12(5/6), 507-586.

Dick F., Dronkers N., Pizzamiglio L., Saygin A.P., Small S.L., & Wilson S. Language and the Brain. In M. Tomasello & D.I. Slobin, (Eds.) Beyond Nature-Nurture: Essays in honor of Elizabeth Bates. New Jersey: Erlbaum, 2005, pp. 237-260

Finlay B.L. Rethinking developmental neurobiology, In M. Tomasello & D.I. Slobin, (Eds.) Beyond Nature-Nurture: Essays in honor of Elizabeth Bates. New Jersey: Erlbaum, 2005, pp. 195-219.

Goodglass H. Agrammatism. In H. Whitaker and H.A. Whitaker (eds.). Studies in Neurolinguistics, Vol. 1. N.Y: Academic Press.

Goodglass H., Baker E.H. Semantic field, naming, and comprehension in afasia. Brain and Language, 3, 1976, pp. 359-374.

Greenfield P. M., Smith J. H. The structure of communication in early language development. N.Y., 1974.

Joanisse M., Seidenberg M. Impairments in verb morphology after brain injury. Proceedings of the National Academy of Science, 96, 1999.

Levelt W.J.M. Preface. In: Classification of Developmental Language Disorders. Edited by L. Verhoeven, H. Van Balkom. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers. London, 2004, pp. 9-12.

Marchman V., Thal D. Words and grammar, In M. Tomasello & D.I. Slobin, (Eds.) Beyond Nature-Nurture: Essays in honor of Elizabeth Bates. New Jersey: Erlbaum, 2005, pp. 165-194.

Marslen-Wilson W. Access and integration: Projecting sound onto meaning // W. Marslen-Wilson (ed.) / Lexical representation and process. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.

Marslen-Wilson W. D., Tyler L. Lexicon, grammar, and the past tense: dissociation revisited, In M. Tomasello & D.I. Slobin, (Eds.) Beyond Nature-Nurture: Essays in honor of Elizabeth Bates. New Jersey: Erlbaum, 2005, pp. 263-280.

Milberg W., Bloomstein S.E. Lexical decision and aphasia: Evidence for semantic processing. Brain and Language, 14, 1981, p. 371-385.

Myachykov A. Attention influences word order. Доклад, представленный на Первой Российской конференции по когнитивной науке. Казань, 2004а.

Milberg W., Bloomstein S.E. Lexical decision and aphasia: Evidence for semantic processing. Brain and Language, 14, 1981, p. 371-385.

Milberg W., Bloomstein S.E. Lexical decision and aphasia: Evidence for semantic processing. *Brain and Language*, 14, 1981, p. 371-385.

Myachykov A. Attention influences word order. Доклад, представленный на Первой Российской конференции по когнитивной науке. Казань, 2004а.

Myachykov A. Automated syntax triggers attentional shift. Первая российская конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. Казань: КГУ, 2004b, с.290-291.

Neely J.H. Semantic priming effects in visual word recognition: A selective review of current findings and theories. In D. Besner & G. Humphreys (Eds.), *Basic processes in reading: Visual word recognition*. Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1991.

Rauschecker J.P., and Tian B. Mechanisms and streams for processing of «what» and «where» in auditory cortex. *Proc. Natl. Acad. Sci. USA* 97 (22), 2000, pp. 11800-11806.

Rummelhart D., and McClelland J. (1986). *Parallel Distributed Processing*. MIT Press, Cambridge, MA.

Stiles J., Bates E., Thal D., Trauner D., Reilly J. Linguistic, cognitive and affective development in children with pre- and perinatal focal brain injury. In C. Rovee-Collier, L. Lipsitt & H. Hayne (Eds.) *Advances in Infancy Research*. Norwood, N.J: Ablex, 131-163.

Thal D., Marchman V., Stiles J., Aram D., Trauner D., Nass R., Bates E. Early lexical development in children with focal brain injury. *Brain and Language*, 40(4), 491-527.

Tomlin R.S. Mapping conceptual representations into linguistic representations: the role of attention in grammar // *Language and Conceptualization*. Cambridge, 1999, p.162-189.

Tyler L.K., Randall B., Marslen-Wilson W.D. Phonology and neuropsychology of the English past tense. *Neuropsychologia*, 40, 2002, pp. 1154-1166.

Ю.А. Сорокин

ПОНЯТИЕ СОЗНАНИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ СПОРЫ ОБ ЕГО ИСТОЛКОВАНИИ*

Сознание, значение, смысл, образ, структура

Автор анализирует модель языкового сознания, предложенную В.П. Зинченко. В статье показаны возможности неоднозначной интерпретации содержания модели; прогнозируются направления научных споров о феномене сознания и самосознания (бессознательного / подсознательного) в его связи с языковым и с семиотическим сознанием.

Сопоставить и проанализировать содержания этого понятия представляется нелегким делом: разнородны сталкивающиеся между собой точки зрения, излишне лапидарные в одних случаях, а в других — многословные и почти «копирующие» друг друга и создающие впечатление общего согласия в уяснении феномена сознания (см. в связи с этим: [Прист 2000; Горошко 2003: 7-41; Уфимцева 2005; Лепехов 2006; Денисов 2006: 5-27]). Поэтому вывод напрашивается лишь один: рассмотреть те из них, которые выделяются на общем интерпретационном фоне в силу своей нетривиальности и креативности.

Первая точка зрения — это точка зрения В.П. Зинченко. По его мнению, сознание есть совокупность следующих компонентов: значения, смысла, биодинамической ткани и чувственной ткани. Понимание им этих компонентов таково: а) значение (-я) — «в психологической традиции этот термин в одних случаях употребляется как значение слова, в других — как значения, как содержания общественного сознания, усваиваемые индивидом» [Зинченко 1991: 23].

(Примечание: Следует ли понимать, что значение слова есть что-либо иное, чем содержание общественного сознания? Чем значения, усваиваемые индивидом, отличаются от содержаний, им же усваиваемых? Ср. в связи с этим точку зрения

---

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 06-04-0055а.

Г.Г. Шпета: «Не смысл, не значение, сопровождающие осуществление «исторического», субъективные реакции, переживания, отношение к нему — предмет психологии» [Шпет 1996: 10]); б) смысл — «понятие смысла в равной степени относится и к сфере сознания, и к сфере бытия. Оно указывает на то, что индивидуальное сознание несводимо к безличному знанию, что оно в силу принадлежности живому субъекту и реальной включенности в систему его деятельностей всегда страстно, короче, что сознание есть не только знание, но и отношение. Иначе говоря, понятие смысла выражает укорененность индивидуального сознания в бытии человека, а... понятие значения — подключенность этого сознания к сознанию общественному, к культуре» [Зинченко 1992: 23].

(Примечание: Как понимать эту включенность? Как причисление некоторой единичности к совокупности других единичностей, составляющих то, что Г.Г. Шпет считал коллекцией, а также массой или множеством [Шпет 1996: 95-108]? Его суждения по этому поводу очень показательны: говорить о единстве «духа» в коллекции как таковой нет оснований. Сама «коллекция» не столько является предметом научного изучения, сколько вспомогательным для научного изучения методическим приемом, «коллекционированием». Как предмет же изучения в своей методологической роли она есть предмет логики... <...> В этом только смысле она может найти применение и в психологии, но, разумеется, ни в каком виде не составляет предмета ее — даже если бы психология научилась коллекционировать души, как энтомология коллекционирует жуков» [Шпет 1996: 96-97]. По-видимому, об «укорененности индивидуального сознания» можно говорить как об его «укорененности» в типовом: «Тип до крайности интенсивен и индивидуален, он не результат обобщения, обезличивающего индивидуальное, а репрезентант многих индивидов» [Шпет 1996: 109].

Ср. в связи с этим мнение Г.Марселя: «Любая коммуникация сознаний вообще предполагает: 1. Мысль, которая сформулирована для самой себя, то есть я имею в виду ту, которая осознает саму себя и вступает с самой собой в коммуникацию. 2. Превращение этой мысли в материальную систему, которая выполняет функции знака и подчиняется общим законам материи. 3. Среду, какого-либо посредника при передаче. 4. Новое превращение или повторная запись первоначальной системы (или системы, которая восстановлена) в определенную мысль. 5. Эта мысль, более или менее тождественная первой, раскрывает другое сознание» [Марсель 2005: 236-237]; в) биодинамическая ткань — «биодинамическая ткань — это наблюдаемая и регистрируемая внешняя форма живого движения, рассматривавшегося Н.А. Бернштейном как функциональный орган индивида. <...> Она заполняется когнитивными, эмоционально-оценочными, смысловыми образованиями. <...> Биодинамическая ткань избыточна по отношению к освоенным скупым, экономным движениям, действиям, жестам» [Зинченко 1991: 24-25].

(Примечание: Она, эта ткань, заполняется или заполнена как нечто автономное в силу своей принадлежности к единому телесному «центру», воспринимаемому в виде устойчивой точки отсчета (см. в связи с этим: [Мерло-Понти 1999]). Иными словами, не являются ли формы живого движения не чем иным, как когнитивными? (Скоординированными и целенаправленными, и в силу этого неизбежными, если они, конечно, не патологичны?); г) чувственная ткань — «подобно биодинамической ткани она представляет собой строительный материал образа... Как биодинамическая ткань, так и чувственная ткань, составляющие «материю» движения и образа, обладают свойствами реактивности, чувствительности, пластичности и управляемости» [Зинченко 1991: 25]).

Итак, и биодинамическая, и чувственная ткань суть строительные материалы образа.

И та, и другая скоординированы между собой, но биодинамическая ткань всегда фактурна / экзогенна (есть то, что она есть), а чувственная — лишь частично фиксируема, как и всякое эндогенное образование [см.: Зинченко 1991: 26].

(Примечание: Самый важный вопрос, который напрашивается сам собой: каковы / что из себя представляют шифтеры, отвечающие за эту координацию и переход от одной ткани к другой? Или, говоря иначе, как можно себе представить изотопию вышеупомянутых «тканей», если понимать ее — вслед за А.Ж. Греймасом — в виде «...иерархизированной классемной основы..., допускающей изменения единиц проявления, изменения, которые не разрушают изотопию, а, напротив, только укрепляют ее» [Греймас 2004: 137])?

Хотя В.П. Зинченко и утверждает, что «бытийный слой сознания несет на себе следы развитой рефлексии, содержит в себе ее истоки и начала» и что «смысловая оценка включена в биодинамическую и чувственную ткань, она нередко осуществляется не только во времени, но и до формирования образа и совершения действия», а «рефлексивный слой сознания одновременно является событийным, бытийственным... бытийный слой не только испытывает на себе влияние рефлексивного, но и сам обладает зачатками или исходными формами рефлексии. Поэтому бытийный слой сознания с полным правом можно назвать со-рефлексивным» [Зинченко 1991: 27] — отчетливости предлагаемой им конфигурации сознания все эти соображения не прибавляют: нет «правил перехода», позволяющего хотя бы умозрительно представить изотопический каркас составляющих сознания. Показательна также и следующая, характерная и для других исследователей установка: считается, что сознание — уникальное качество, присущее лишь человеку, хотя еще А.П. Поцелуевский сомневался в этом, полагая, что слова — монолиты (древнейший тип звуковой речи) использовались не только для общения людей друг с другом, но и для общения с животными [см.: Поцелуевский

1944]. Весьма убедительны и факты, приводимые В.Д. Ильичевым и О.Л. Силаевой [Ильичев, Силаева 1990] в пользу осмысленности / целенаправленности общения между людьми и птицами. Показательно также и внимание к таким, казалось бы, парадоксальным явлениям, как конфликтное или неконфликтное сосуществование людей и растений [Беляев 2004: 42]. Словом, заманчиво полагать, что наряду с человеческим сознанием существует фитосознание и теросознание (см. в связи с этим рассуждения Урсулы Ле Гуин о пассивном искусстве [Рай земной, 1990]), возможность существования которого вообще не принимается во внимание — см., например, градацию форм сознания, предлагаемую А.Х. Тойбером: досознание, предречевое сознание (его формулировка: «предречевые предшественники сознания» [Тойбер 1999, прил., лист 1] — вряд ли удачна), вербально ограниченное сознание, ментально ограниченное сознание [Там же].

Считая недостаточно убедительной свою «двухслойную модель», В.П. Зинченко добавляет духовный слой к бытийному (экзистенциальному) и рефлексивному, указывая, что «...в духовном слое сознания человеческую субъективность представляет феноменологическое Я в его различных модификациях и ипостасях...», причем «духовный слой сознания, конструируемый отношениями Я-ТЫ, формируется раньше или, как минимум, одновременно с бытийным и рефлексивным слоями» [Зинченко 1997: 318, 324].

(Примечание: Если сознание, по крайней мере, трехслойно, и формируется в «едином синхронистическом акте» [Там же: 324], то каковы, в частности, «правила» различения духовного и рефлексивного? Или рефлексия «бездуховна»? Она — бездуховная молитва? Знание самого себя и для себя? Целесообразно ли не различать феноменологическое Я и ноуменологическое Я?).

Вторая точка зрения — это точка зрения М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского. По мнению М.К. Мамардашвили, «...животные не судят о мире» [1996: 88]. Трансцендентальное соз-

вание/общее сознание — М.К.М. опирается на Декарта и Канта — «это и есть способ проследить то, что в наших утверждениях о мире (и в их основаниях) зависит от нашей деятельности» [Мамардашвили 1996: 85], или, иными словами, это, прежде всего, человеческое сознание. Он характеризует его как «второе рождение» (но это, скорее всего, не термин, а метафора) — рождение «я» «...теле духовного человеческого существа» [Там же: 88], «...концентрацию сил человеческого существа вокруг какого-то усилия, в данном случае усилия мысли» [Там же: 88, 89].

(Примечание: Насколько я понимаю, мысль об усилении, о том, что «мысль есть тогда, когда она кем-то мыслится...» [Там же: 255] является основной в рассуждениях М.К. Мамардашвили. Иначе говоря, сознание для него — это совокупность усилий самопостроения, в процессе которого уясняются / проясняются сущностные установки Я как нечто, выражаясь словами М. Хайдеггера, несокрытое / непо- таенное [см.: Хайдеггер 1991: 138]. Думаю, не будет преувеличением, если сказать, что М.К.М. — родственник исхиастов: ср. — «... исхиаст есть старающийся заключить в своем теле бестелесное» [Палама 1995: 46 со ссылкой на «Лествицу» Иоанна Синаита]. «Исхиаст есть тот, кто изо всех сил стремится ввести бестелесное в телесный дом, — невероятность! В своей охоте он стережет мышь, мышь умопостигаемую, мысль исхиаста» [Палама 1995: 46, прим. №70]. Он, М.К.М., мог бы с полным правом сказать: «Мы... вводим ум не только внутрь тела и сердца, но даже еще и внутрь его самого» [Палама 1995: 45]. Ср. также и у М. Хайдеггера: «Поскольку бытие и время даны лишь в осваивающем присваивании, то к нему принадлежит и то особое свойство, что оно высваивает человека как того, кто воспринимает бытие, стоя и внутри подлинного времени, приводит человека к его собственному. Таким образом, высвоенный и присвоенный событием и входит человек в его принадлежность» [Хайдеггер 1991: 99].

Беседуя с М.К.М. [см.: Пятигорский 1996], А.М. Пятигорский настаивает на необходимости создания метатеории сознания, возражая против «неосознанного подхода» к проблеме сознания (когда оно «...считается случаем отражения или познавания...» — [Пятигорский 1996: 63] и считая более эвристическим рассмотрение «борьбы с сознанием»: «Мы можем представить себе, что мир сознания в чем-то чрезвычайно существенном противостоит нашим внутренним стремлениям, противостоит какой-то важной линии нашей жизни, и тогда выражение “борьба с сознанием” получит более конкретное жизненное значение, ибо окажется такой вещью, которую во имя некоторых мотиваций и целей, лежащих за пределами сознания, надо в некотором смысле “прекратить”» [Там же: 63].

(Примечание: Мысль о «прекращении вещи» следует, по-видимому, рассматривать как полемический прием, ибо в дальнейшем обсуждаются возможные подходы к пониманию структуры сознания, его сферы и состояния сознания).

Предваряя обсуждение этих подходов, А.М. Пятигорский делает следующую оговорку: «...сознание как таковое (а не его понимание) не может быть нами... жизненно пережито... для нас оно не может быть никаким объектом» [Пятигорский 1996: 65], а посему допустимо рассуждать лишь о метатеории сознания, а в ее рамках различать, о чем мы рассуждаем — о сфере сознания как таковой или о вербальной форме понимания сознания, которое есть нечто ПОНЯТОЕ нами, а сфера сознания — некий динамический первичный метаязык, управляющий переходами от одной интеллектуальной операции к другой [Там же: 70-76].

(Примечание: Можно, по-видимому, предположить, что этот метаязык является совокупностью мнематических и мематических ансамблей (естественно функционирующая сила?), что, в свою очередь, объясняет и возможность прекращения сознания, и его нетождественность языку /

речи, и феномен понимания текста как «проглядывания сознания»).

По мнению А.М. Пятигорского, «сфера сознания» (или иначе: неконкретизируемый символ / оператор) не предполагает наличия в ней объектно-субъектных характеристик, она — резервуар антипсихичности, а не нечто натурально данное. Психологические качества возникают не в ней, но привносятся в нее неким совокупным метаязыком, его рефлексивными усилиями, позволяющими считать, что действительное положение вещей себя не понимает, «...а сознание это то, что мы понимаем» [Там же: 83; относительно вышеизложенного см. стр. 77-89].

Для А.М. Пятигорского состояние сознания — это «... определенное психическое состояние субъекта, меня» [Там же: 90], ... в «состоянии сознания» находится всякий, кто ничего не говорит и вообще ничего не думает, потому что «состояние сознания» является понятием отрицательного содержания, прямо ориентированного на процесс психологически негативный» [Там же: 91]. Состояние сознания есть не что иное, как бессодержательная форма, «ждущая» определенного первичного содержания, конституирующего ее осмысляемость неким субъектом / некой самостью.

В целом состояния сознания с точки зрения их содержаний А.М. Пятигорский квалифицирует как определенные типы, ни в коей мере не соотношенные с «личностью» «этих содержаний, которые и внеличностны, и антиисторичны, и ... генетически не интерпретируемы...» [Там же: 94]; относительно вышеизложенного см. с. 91-94). Эти содержания с лингвистической точки зрения позволительно рассматривать как типы текстов, как некоторые ПЛАНЫ и интуитивной, и сознательной сборки ментального и вещного опыта двух априорных НЕЛИЦ (Я и ТЫ), в том числе и телесного, для которого, как говорил Г. Марсель, вещи существуют в той мере, в какой они мыслятся как продолжение тела [см.:

Марсель 2005: 478]. Эти утверждения А.М. Пятигорского М.К. Мамардашвили расшифровал следующим образом: «Текст или содержание есть нечто читаемое сознанием. <...> “состоянием сознания” является такое чтение текста сознания, или точнее, чтение такого текста сознания, который возникает в акте самого чтения. То есть «состояние сознания» не есть чтение текста, который дан до или независимо от «состояния сознания». Само “состоянием сознания” есть такая сторона (или свойство) текста, которая возникает, существует в акте самого чтения текста. Текст складывается чтением текста, и эта сторона или это свойство текста или такой текст есть фактически “состоянием сознания”, есть конечная, вспыхивающая связь или замыкание...» [Пятигорский 1996: 96]. По мнению М.К. Мамардашвили, сознание — это нечто постоянно возникающее [Там же: 97], оно не коммуницируется, оказываясь, по-видимому, той естественно стихийной силой, которая замыкается на самое себя. Соглашаясь с ним, А.М. Пятигорский корректирует, правда, с оговорками, свое прежнее понимание текста и предлагает следующее: «текст... — это некоторая длительность содержания, ориентированная на некоторое “состояние сознания”» [Там же: 97-98].

(Примечание: Насколько продуктивны цепочки парадоксов А.М. Пятигорского — сказать трудно, но именно они наталкивают на следующие вопросы: 1. Если состояние сознания — это психическое состояние субъекта, то каким образом следует понимать «пустоту» этого состояния, все-таки вербально осваиваемого и подчиняющегося правилам некоего первичного метаязыка? 2. Если содержания сознаний / типы содержаний внеличностны, антиисторичны и генетически неинтерпретируемы, то не выпадают ли они не только из мира вопросов и ответов (мира или), но и из мира «способов бытия»? [Марсель 2005: 246, 247]).

По мнению А.М. Пятигорского, структура сознания «...есть нечто, не могущее быть, принципиально не могущее существовать будучи приурочено к индивиду...» [Пятигорский, 1996: 98]. Эта структура, к тому же, есть не что иное, как «чисто пространственный элемент» [Там же: 98], причем «... “Я” не существует в смысле структуры сознания. <...> “Я” соответствует определенному “состоянию сознания”. Таким образом оказывается, что структура сознания аиндивидуна / аперсональна и, по-видимому, представима лишь в качестве умозрительного хронотопического каркаса, в качестве чего-то похожего не на «интеллектуальную оптику» [Марсель 2006: 418], а, скорее всего, на оптику чувственно-аффективную. Ср. с точкой зрения М.К.М.: «“Структура сознания” — то содержательное, устойчивое расположение «метасознания», которое обнаруживается в связи с “состояниями сознания”, с точки зрения сферы сознания. <...> “Структура сознания” есть фактически внеличностное, квазипредметное состояние бытия» [Пятигорский 1996: 106].

Вышеприведенные точки зрения плохо стыкуются между собой, лишней раз свидетельствуя о многомерной сложности феномена сознания и о трудностях его истолкования, контрастируя с каноническими интерпретациями феномена сознания — слишком «уверенными» и обтекаемыми: 1. «Сознание — свойственный человеку способ отношения к объективной действительности, опосредованный всеобщими формами общественно-исторической деятельности людей. Сознание — это отношение к миру со знанием его объективных закономерностей» [Психологический словарь, 1983: 347]. 2. «Сознание — высший уровень психического отражения действительности, присущий только человеку как общественно-историческому существу. Эмпирически С. выступает как непрерывно меняющаяся совокупность чувственных и умственных образов, непосредственно представляющих перед субъектом в его

«внутреннем опыте» и предвосхищающих его практическую деятельность» [Краткий психологический словарь, 1985: 327]. Но такого рода формулировки принадлежат, очевидно, к позавчерашнему дню. Показательны в этом отношении «Двенадцать тезисов о проблемах теории сознания» — [Серкин 2004: 137-147], в которых предлагается «...рассматривать не само сознание, а «деятельность сознания» (сознательную деятельность, не как полностью осознаваемую, а как регулируемую сознанием) [Там же: 144], классифицировать акты сознания и изучать их топологию, ориентируясь не на парадигму «субъект — объект», а на парадигму «субъект — предмет» [Там же: 145]. Симптоматично и предложение Д.А. Леонтьева выводить анализ понятия смысла за пределы сознания [Леонтьев 1999: 160-165], которое, по-видимому, понимается им как априорная схема размещения и предикабилей, и предикаментов.

О чем же в дальнейшем будут вестись споры? По-видимому, все о том же — о сознании (и самосознании), но они усложнятся, ибо впереди неизбежные обсуждения феномена бессознательного / подсознательного и его противоречивой связи с сознанием (и в частности, с языковым и семиотическим).

Литература:

- Беляев А.* Ревнивый фикус и пьяный кактус // АИФ, 2004, № 46.
- Горошко Е.И.* Языковое сознание: гендерная парадигма. М.—Харьков, 2003.
- Греймас А.—Ж.* Структурная семантика. Поиск метода. М.: Академический проект, 2004.
- Денисов Ю.В.* Русское и английское языковое сознание: сравнительный анализ. М.: МГОУ, 2006.
- Зинченко В.П.* Миры сознания и структура сознания // ВП, 1991, № 2.
- Зинченко В.П.* Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М.: Культура, 1997.
- Ильичев В.Д., Силаева О.Л.* Говорящие птицы. М.: Наука, 1990.
- Краткий психологический словарь. М.: Политиздат, 1985.

Леонтьев Д.А. Психология смысла. Природа, структура и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.

Лепехов С.Ю. Категория «сознание» и ее модификации в буддизме и неоконфуцианстве // X и XI Всероссийские конференции «Философии Восточно-азиатского региона и современная цивилизация». М.: Институт востоковедения, 2006, Ч. 2. с. 25-31.

Мамардашвили М. Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки. М.: Лабирит, 1996.

Марсель Г. Метафизический дневник. СПб.: Наука, 2005.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Наука, 1999.

Палама Г. Триады в защиту священно-безмолвствующих. М.: Канон, 1996.

Поцелуевский А.П. К вопросу о древнейшем типе звуковой речи. Ашхабад, 1944. Отдельный оттиск.

Прист С. Теории сознания. М, 2000.

Психологический словарь. М.: Педагогика, 1983.

Пятигорский А.М. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1996.

Рай земной. М.: Художественная литература, 1990.

Серкин В.П. Методы психосемантики. М.: Аспект Пресс, 2004.

Тойбер А.Х. История сознания. Абрис и проблемы. М., 1999.

Уфимцева Н.В. Методологические проблемы онтогенеза языкового сознания // Общение. Языковое сознание. Коммуникация. Калуга: Институт языкознания РАН, 2005. с. 217-226.

Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Высшая школа, 1993.

Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991.

Шнет Г.Г. Введение в этническую психологию. СПб.: «П.Э.Т.» «Алетейя», 1996.

Г.М. Богомазов

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ЧУТЬЕ ЯЗЫКА, ЧУВСТВО ЯЗЫКА, ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ, ЯЗЫКОВАЯ СПОСОБНОСТЬ

Чутье языка, чувство языка, языковая способность, языковая компетенция

Опираясь на предложенную в свое время И.А. Бодуэном де Куртенэ трактовку понятия «чутье языка», автор соотносит его с современным понятием «языковая способность» в трактовке, предложенной А.М. Шахнаровичем. В работе приводится определение *чутья языка*, предлагаемое автором.

И.А. Бодуэн де Куртенэ как создатель учения о фонеме довольно активно пользовался понятием чутья языка. По его мнению, состав фонем и их различия находят свое отражение в сознании носителя языка, в его языковом чутье, которое реагирует на фонемные изменения, а не звуковые. Он понимал взаимозависимость между системой фонем и чутьем языка. В связи с этим важно установить, какую трактовку данное понятие находит в лингвистической традиции и современных лингвистических концепциях.

Многие исследователи ищут истоки чутья языка в ранних периодах развития речи, связывают его со способностью ребен-

ка освоить конкретный язык, вычерпывая из потока речи окружающих системные отношения, которые складываются между единицами языка.

В своих работах Вильгельм фон Гумбольдт признавал наличие двух жизнедеятельных начал: внешних впечатлений и «внутреннего чувства» языка в соответствии с общим предназначением языка, сочетающим субъективность с объективностью в творении идеального, но не полностью внутреннего и не полностью внешнего мира. Он считал, что существует особая «духовная сила», которая лежит в основе овладения языком.

Идеи В. Гумбольдта нашли свое отражение в творчестве А.А. Потебни, который также был склонен считать, что в усвоении языка имеет место бессознательное чувство. Сам же процесс овладения языком, по мнению ученого, подчиняется участию души.

Как результат рефлексии мозга, или «духа», на раздражения внешнего мира представлял филогенетическое становление языка И.А. Бодуэн де Куртенэ. Он отмечал, что существует определенное «чувство языка», которое можно подтвердить объективно, доказать фактами.

О том, что наблюдается «чувствование» системы языка, писал Ф. де Соссюр, причем он указывал на неосознанность этого процесса.

Наличие «грамматического инстинкта», благодаря которому образуются слова, показано О. Есперсеном. Грамматический инстинкт, по его мнению, позволяет применять языковые навыки к конкретной ситуации.

Способность употреблять формы, которых мы не могли слышать, сочетать слова по определенным законам их сочетаемости, по мысли Л.В. Щербы, базируется на грамматическом инстинкте, в основе которого лежит речевая организация, имеющая психофизиологические корни.

Большое распространение среди лингвистов (особенно на Западе) получила так называемая «теория врожденных знаний», автором которой является Н. Хомский. Согласно этой теории языковая система дана ребенку от рождения, т.е. существует «врожденная грамматика». (Все приведенные цитаты и положения заимствованы из Березина Ф.М. [Березин 1984]).

Можно и дальше продолжать такого рода обзор, но он не поможет выработать ни единого понятия отражающего сущностные стороны обсуждаемого явления, ни дать единого определения, которое удовлетворяло бы большинство лингвистов.

Не случайно один из разделов монографического исследования Е.Д. Божович, посвященного изучению языковой компетен-

ции школьников, называется: ««Чувство языка» — термин или научная метафора» [Божович 2002].

Отвечая на поставленный вопрос, автор предлагает следующий выход: «До тех пор, пока мы не договоримся о каком-либо ограничении содержания этого выражения (имеется в виду «чувство языка»), оно останется метафорой; им невозможно будет пользоваться как термином. Более того, не сможем уверенно соотнести это выражение с тем или иным понятием в психологии, например, — с понятием «интуиция». Прежде всего определим условия, в которых включение именно чувства языка, чутья, интуиции объективно и необходимо» [Там же: 124]. Далее автор определяет три таких условия: 1) когда безотчетно используется актуально не осознанное знание или навык; 2) когда «чувство языка» выступает как чувство и заменяет знание; 3) когда носитель языка не может не действовать «по чувству», так как ему невозможно дать однозначно формулируемое знание. Также автором подчеркивается: «исходя из различения этих ситуаций договоримся понимать под «чувством языка» механизмы выбора языковых единиц, контроля за их использованием и прогноза высказывания, когда соотношение семантического и грамматического носит объективно неформализованный характер, варьирующий характер. Такое соотношение наиболее отчетливо проявляется на высших уровнях языка... лексико-фразеологическом, синтаксическом, стилистическом» [Там же: 124–125]. Таким образом, исходя из своих целей и задач исследования, автор решает проблему использования понятия «чувство языка».

Попутно автор делает интересные замечания, с которыми нельзя не согласиться. Например, следующее: «с усложнением устной речи и появлением письменной требования к чувству языка объективно возрастают... Само это чувство формируется как производное от взаимодействия речевого опыта и знаний, приобретенных в школе» [Там же: 126].

В конце раздела автор приходит к следующему выводу: «Итак, языковая компетенция с самого начала формируется как психологическая система. В недрах речевого опыта возникают первые эмпирические обобщения фактов языка, которые представляют собой первоначальную форму знаний о языке. Эти знания далеко не всегда противоречат строгим научным знаниям, но они иные по происхождению и до обучения остаются элементарными, недостаточно отрефлексированными. Предпосылки чувства языка начинают складываться до обучения в ходе накопления речевого опыта и фактически неотделимы от элементарного эмпирического знания.

В процессе специального изучения родного языка в школе продолжается развитие этого чувства, уже как производного от строгого знания и спонтанно накопленного опыта. При традиционном обучении это происходит вопреки действующей системе языкового образования, то есть тоже спонтанно» [Там же: 126–127].

В целом с положениями, высказанными автором, можно согласиться. Однако следует принять во внимание, что автор разрабатывает свою систему взглядов на изучение высших уровней языка. Перед нами же стоит задача разработать систему понятий для изучения фонологического уровня, т.е. низшего уровня языка. Необходимо отметить, что мы не можем согласиться с двумя положениями Е.Д. Божович, которые важны, по нашему мнению, в теоретическом плане. Е.Д. Божович в своем исследовании стремится ограничить содержание понятия, связанного с языковой компетенцией и такого же рода явлениями, т.е. придать ему определенную аспектуальность за счет многомерного его понимания. В то же время ясно, что «чутье языка», «чувство языка» и ему подобные понятия являются центральными, если рассматривать реальное функционирование системы языка в сознании его носителя. В связи с этим такого рода понятия не могут носить ограниченный, аспектуальный характер и лишаться

своей многомерности. Выход из обозначенного противоречия один: рассмотреть данное явление как часть более общего явления, отражающее сложные многогранные черты этого более общего понятия. Далее Е.Д. Божович предлагает рассматривать языковую компетенцию (языковое чутье, языковое чувство и т.п.) как психологическую систему. Ее главная задача состоит в том, чтобы связать языковую компетенцию и подобные понятия с системой таких психологических понятий, как память, интуиция и т.д. Естественно, что нам хотелось бы, рассматривая взаимодействие чутья языка с фонологической системой, оставаться в рамках лингвистических (психолингвистических) представлений.

Выход из обнаруженных противоречий нам вновь предлагает И.А. Бодуэн де Куртенэ. В языковой концепции И.А. Бодуэна де Куртенэ представлено такое понятие, как языковое мышление. Ясно, что языковое мышление и чутье языка связаны между собой. По крайней мере это вытекает из рассуждений самого Бодуэна. Не будем анализировать языковое мышление как понятие, а лишь сошлемся на работы самого Бодуэна. Вот основные высказывания по этим проблемам.

«Необходимо строго различать понятия и не смешивать понятий из разных областей нашего мышления: мышления языкового, мышления языковедного или лингвистического и мышления вообще» [Бодуэн 1963, т. II: 288].

«Язык был и есть неперемное условие мышления, но мышления вообще» [Там же: 177].

«Соответственно, нужно различать категории языковедения от категорий языка... категории языка суть также категорий языковедения, но категории, основанные на чутье языка народом и вообще на объективных условиях бессознательной жизни человеческого организма, между тем как категории языковедения в строгом смысле суть по преимуществу абстракции» [Там же: 60].

Следовательно, языковое мышление индивида — это объективная реальность, которая определенным образом связана с чутьем языка. Но в чем принципиальная разница между языковым мышлением носителя языка и его чутьем? Дело в том, что языковое мышление имеет динамику своего развития. Языковое чутье — это определенное состояние этого развития, т.е. синхронный срез, момент динамического равновесия этого развития. Ясно, что на разных этапах развития языкового мышления носитель языка будет обладать разным уровнем сформированности языкового чутья. Следовательно, чутье языка обладает своей динамикой развития, связанной с развитием языкового мышления, но особенности этих двух взаимосвязанных процессов не тождественны друг другу.

При таком понимании чутья языка нет необходимости делать его аспектуальным, одномерным, применимым лишь к определенному классу случаев, тем более что в процессе языкового мышления используются все уровни языка как целостного образования. Все это позволяет рассматривать чутье языка в рамках языковых, а не психологических категорий, точнее как явление психолингвистики, если учитывать современное развитие языкознания.

В то же время с точки зрения современной психолингвистики (а именно в этом направлении предлагает нам вести поиски бодуэновская традиция) наиболее адекватным понятием в его многомерном понимании является представление о языковой способности, нашедшее свое отражение в работах А.М. Шахнарвича и его соратников. В лингвистической энциклопедии в заметке, посвященной языковым способностям, А.М. Шахнарвич пишет так. «Языковая способность — одно из ключевых понятий психолингвистики; многоуровневая иерархически организованная функциональная система, формирующаяся в психике носителя языка в процессе онтогенетического развития; понятие, введенное в советской психолингвистической школе

А.А. Леонтьевым и восходящее к идее Л.В. Щербы о «психофизиологической речевой организации индивида» как «системе потенциальных языковых представлений».

В языковой способности различаются элементы и уровни. Элементы — это отраженные и обобщенные сознанием элементы языка. Есть основания полагать, что уровни языковой способности соответствуют уровням системы языка: можно выделить фонетич., лексич., грамматиц. уровни, в т. ч. словообразоват. подуровень, синтаксич. уровень. При изучении строения и функционирования языковой способности исследуется способ репрезентации системы языка в языковой способности, прескрипторные правила выбора элементов, устройство уровней языковой способности, что дает возможность полнее представить психолингвистич. механизмы речевой деятельности, функционирования системы языка в речевом общении» [ЛЭС 1990: 617].

В таком случае фонологическая система представляет собой один из уровней языковой способности индивида. Именно на этом уровне и с его помощью формируются как осознаваемые, так орфографические правила прескрипторного характера у носителя языка. По мнению А.М. Шахнарвича, «эти (прескрипторные — Г.Б.) правила имеют скрытый, неосознаваемый психолингвистич. характер» [Там же: 617].

Однако фонологическая система как уровень языковой способности человека не равна фонологической системе в лингвистическом ее понимании. Она приобретает психолингвистический характер, т.е. она рассматривается как психофонологическая система. Об отличии фонологической системы в ее лингвистическом понимании от ее психолингвистического варианта сказано в примечании.

Примечание. С русской лингвистической традицией связаны три фонологические школы: С-Петербургская (ленинградская), Московская фонологическая школа и Пражская фонологическая школа. Каждая из школ отличается друг от друга в пони-

мании основной функции фонемы в процессе коммуникации [Богомазов 2001]. С лингвистической точки зрения все изложенные концепции относительно равноправны, так как строятся на анализе прежде всего результата речевой деятельности (устных или письменных текстов). Однако какие психические механизмы обеспечивают использование фонологической системы в процессе создания текстов? Как фонологическая система отражается и преломляется в сознании носителя языка? Как носитель языка реально пользуется фонологической системой? Эти и подобные вопросы лингвисты при анализе фонологической системы, основанной на изучении текстов, перед собой не ставят. Лингвиста фактически не интересует источник происхождения текста: создан ли он искусственным путем, например с помощью синтезатора, или человеком. В этом случае синтезированная речь может полностью соответствовать нормам данного языка, но технические средства создания такого рода текстов могут не воспроизводить (не отражать) психолингвистические механизмы создания данного текста человеком. Лингвист стремится понять, каким образом абстрактная фонема как некий конструкт, созданный им в результате анализа ряда текстов, находит свое материальное воплощение в форме устной или письменной речи. В широком философском смысле ставится вопрос о преодолении противоречия между абстрактной сущностью фонемы и ее материальном воплощении в звучащей или буквенной форме.

Иначе это противоречие решается в психолингвистике. Для психолингвистики важно выяснить, в какой реально психической форме реализуется фонема как абстракция, которая исследуется и лингвистом, в языковом сознании конкретного носителя языка. Таким образом, для лингвиста фонема — это абстракция (конструкт), реализованный в элементе звучащего или письменного текста, механизм и источник создания которого не вполне ясен. Для психо-

лингвиста фонема — это психический элемент языкового сознания конкретного человека, так как лингвистика строит свои выводы на основе анализа текста, а психолингвистика на основе анализа языкового сознания с помощью экспериментов особого рода, что и составляет суть экспериментальной психолингвистики. Таким образом, в психолингвистике в широком философском плане ставится вопрос о преодолении противоречия между абстрактной сущностью фонемы как некоего конструкта, свойства которого определяются социальными характеристиками общения, и ее психической реализацией как элемента языкового сознания индивида.

Следовательно, понимание фонемы и фонологической системы в лингвистике и экспериментальной психолингвистике различны и по объекту исследования, и пониманию характера исследуемой единицы. Так, изучение фонологической системы с точки зрения ее сформированности, устойчивости и эффективности функционирования не имеет особого смысла в лингвистическом понимании этого явления, но приобретает особое значение в ее психолингвистической трактовке.

Однако представления о фонеме и фонологической системе в лингвистике и психолингвистике (в ее экспериментальном аспекте) соотносимы и коррелируют между собой, так как оба подхода в понимании фонемы объединяет то, что фонема возникает и закрепляется в системе языка в виде абстракции, воспринимаемой всеми членами данного языкового сообщества относительно одинаково в результате речевой деятельности носителя языка.

Вероятно, развитие языкового типа мышления индивида оказывает влияние на состояние и динамику развития его языкового сознания [Тарасов 1997; 2000], составной частью которого и является языковая способность. Следовательно, языковой тип мышления связан с языковой способностью как целостным образованием опосредованным образом.

Из такого представления о языковой способности индивида следует, что на разных этапах развития языкового мышления роль фонологической системы в ее психолингвистическом понимании различна, а это в свою очередь будет сказываться на характере взаимодействия фонологической системы и языковой способности как целостного образования, элементом которого она является.

Таким образом, взаимодействие языковой способности с фонологической системой в самом общем виде — это взаимодействие целого и его части. В результате развития фонологической системы и изменения языковой способности носителя языка меняется взаимодействие между частью и целым как в качественном, так и в количественном отношении. И важно научиться не только фиксировать качественные изменения в характеристике взаимодействия языковой способности с фонологической системой, но и уметь количественно оценить это взаимодействие, вводя определенную меру измерения, особенно тогда, когда языковая способность в основном не меняет свои характеристики.

Несомненно, что языковая способность как целостное образование через фонологическую систему в ее психолингвистическом понимании и другие каналы оказывает воздействие на формирование грамотности учащихся. Научиться количественно оценивать уровень взаимодействия между языковой способностью и грамотностью важная задача как в теоретическом, так и практическом плане. Дело в том, что в современной школе навыки орфографически грамотного письма рекомендуется усваивать учащимся на основе использования так называемого дискурсивного, аналитического метода преподавания норм русского письма, который предполагает знание правил и их сознательное использование. Существует и другая стратегия грамотного письма — интуитивная (природная). К сожалению, современной лингвистике и методике преподавания русского языка мало что известно о механизмах интуитивного способа ус-

воения грамотности. Умение количественно оценить взаимодействие языковой способности как иерархически организованного образования с орфографической грамотностью и различными видами чтения поможет по-иному взглянуть на такого рода механизмы и понять сущность таких явлений, как природная грамотность, механизмы интуитивного освоения норм письменной речи и т.п., т.е. раскрыть природу прескрипторных правил фонологического уровня языковой способности индивида.

Анализ языковой способности с позиций языкового мышления позволяет рассматривать это явление не только как психологическую систему, но и как систему психолингвистическую, поскольку мышление является объектом изучения как психологии, так и психолингвистики.

Итак, под чутьем языка, чувством языка (языковой способностью) автор понимает, опираясь на взгляды А.М. Шахнаровича, суммарное (интуитивное) представление носителя языка о языковой системе, отраженное в его языковом сознании, и использование такого рода представлений в его речевой практике.

В то же время, вероятно, языковая способность шире и сложнее по своему содержанию понятия чутье языка, которое использует в своих научных трудах И.А. Бодуэн де Куртенэ. Возможно, чутье языка представляет собой лишь составной компонент такого явления, как языковая способность. Вероятно, чутье языка — это целостное, но редуцированное отражение такого понятия, каким является языковая способность. Языковая способность — это своеобразный результат современного психолингвистического анализа понятия чутья языка в понимании И.А. Бодуэна де Куртенэ. В бодуэновском чутье языка преобладает синтез над анализом, а в языковой способности наблюдается обратная тенденция. Важной особенностью бодуэновского понятия чутья языка состоит в том, что это понятие позволяет связать чутье языка с типом языкового мышления индивида, что расширяет потенциальные возможности этого термина.

Недостаток терминов чувство языка и языковая компетенция состоит в том, что ими активно пользуются как в психологии, так и в лингвистике (психолингвистике). Вероятно, использование таких терминов вполне уместно, когда различия в психологическом и лингвистическом (психолингвистическом) подходе при анализе данного явления не будет существенным.

Литература:

Березин Ф.М. История лингвистических учений. М., 1984.

Богомазов Г.М. Современный русский литературный язык. Фонетика, М., 2001.

Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2-х томах. М., 1963.

Божович Е.Д. Учителю о языковой компетенции школьника. Психолого-педагогические

аспекты языкового образования. М.–Воронеж, 2002.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь // Гл. ред. *В.Н. Ярцева. А.М. Шахнорович.* Языковая способность. М., 1990.

Тарасов Е.Ф. Некоторые познавательные проблемы анализа сознания // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. «Языковое сознание и образ мира». М., 1997.

Тарасов Е.Ф. (ред.) Языковое сознание. Устоявшееся и спорное. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29-31 мая 2003 г. М., 2003.

Шахнорович А.М. Проблемы формирования языковой способности // Человеческий фактор. Язык и порождение речи. / Отв ред. д.ф.н. Е.С. Кубрякова. М., 1991, с. 185–220.

А. Эртельт-Фиит, Е. Денисова-Шмидт

ЛАКУНЫ И ИХ КЛАССИФИКАЦИОННАЯ СЕТКА

Лакуны, межкультурное общение, этнопсихолингвистика, лакунарная модель, эмпирические исследования

В статье анализируются особенности теории лакун, их эмпирического исследования, представлена лакунарная модель с подробным объяснением видов лакун, входящих в нее. Автор предлагает десятишаговую методику исследования лакун, каждый шаг в которой представляет собой особый способ регистрации и обработки эмпирических данных.

Теория, основные понятия, контекст

Под *лакунами* (лат. lacuna: «брешь», «вмятина») мы подразумеваем пробелы в понимании при межкультурной коммуникации.

На *изучение лакун (Lakunen-Forschung)* ориентированы прикладные исследования, которые потенциально могут оптимизировать все отрасли межкультурной коммуникации. С одной стороны, эти исследования охватывают интердисциплинарный курс — от индивидуальных форм научного обмена [Panasiuk/Schröder 2006] и организацию исследовательских групп (Научный семинар «Межкультурная коммуникация и межкультурное обучение¹) до попыток

придать изучению лакун ведущее значение в таких дисциплинах, как этнопсихолингвистика (см. ниже), наука о рекламе [Grodzki 2003] или переводоведение [Panasiuk 2006] или же сформировать собственный подход к исследованию межкультурной коммуникации, культурологически обоснованный и направленный в первую очередь на эмпирические данные [Ertelt-Vieth 1990; 2005]. Исследователи лакун ориентируются соответственно на методы и критерии, характерные для тех или иных научных дисциплин².

² Помимо названных, сюда относится изучение таких сфер, как иностранные языки, лингвистика, психология, организация производства, служба обменов (школьных, студенческих, преподавательских и т.д.).

¹ <http://www2.hu-berlin.de/forschungskolloquium/>

В теории лакун (*Lakunen-Theorie*) определяются предпосылки, базовые понятия (культура, коммуникация, межкультурная коммуникация, пробелы в понимании и т.д.), а также цели изучения лакун. Эта теория объединяет данные, полученные путем анализа, и связывает их с другими теориями и моделями. К теории лакун относится и теория методов их изучения (в первую очередь, эмпирических), т.е. методология: широкое, принципиальное, рефлектирующее обоснование собственного метода, его возможностей и границ, а также арсенала приемов по сбору, обработке, анализу и оценке данных.

Теория лакун, ввиду высокой степени обобщенности для нее понятий «культура» и «коммуникация», потенциально применима к объектам и разнообразным данным во всех сферах, которые затрагивают межкультурную коммуникацию. Поскольку теория лакун представляет собой общую теорию межкультурного понимания, она может быть полезной для многих дисциплин и применяться ко многим объектам исследования, подобно герменевтике и семиотике, существенные элементы которых входят в нее самое [Ertelt-Vieth 2003: 48-52].

Понятия «изучение лакун/lacunology» и «теория лакун» часто используются как синонимы понятия «анализ лакун» (*Lakunen-Analyse*). Мы подразумеваем под анализом лакун лишь особый метод анализа данных. До сих пор этот метод описывался и обосновывался только в рамках различных частных исследований и применительно к конкретным проектам [например, Ertelt-Vieth 2005, 66 и след., 211 и след.]. В данной статье мы наметим возможные пути исследования и отдельные этапы анализа данных.

Изучение лакун как исследование межкультурной коммуникации (МКК) возникло вследствие сближения филологии и социальных наук, т.е. в духе *cultural turn*. Его филологические корни обнаруживаются в методе индивидуальной интерпретации текстов [Schuchalter 2006], а социологиче-

ские — в сборе эмпирических данных. Истоки этого направления можно найти в советской / российской этнопсихолингвистике³, один из основателей которой, Ю.А.Сорокин, положил начало изучению лакун и вместе с И.Ю.Марковиной «открыл» эту научную область⁴.

Русское существительное «лакуна» происходит из латыни. Хотя в немецком языке слово *die Lakune* не употребительно, «Немецкий энциклопедический словарь Мейера» (1980: 1622) относит его к дублетам географического термина «лагуна» (нем. *Lagune*), а также дает, наряду с медико-анатомическим толкованием, и языковедческое — «пробел в тексте» (нем. *Textlücke*). В русскоязычных текстах использование сходных понятий прослеживается вплоть до Карамзина [Ertelt-Vieth 1990]. В русском литературоведении, переводоведении и стилистике существует традиция описания и систематизации проблем понимания или перевода лакун. В этих описаниях спектр методик простирается от лингвистического подхода — например, изучения «непереводимых слов» — до исследований в области эстетики восприятия, согласно которым смысл каждого текста возникает лишь посредством активного созидательного участия читателя [Текст 1989; Ertelt-Vieth 2005: 74].

³ Особый раздел психолингвистики, базирующийся на культурно-исторической школе Л.С.Выготского и А.Н.Леонтьева; на немецком языке см. [Tarasov, Ufimceva 1999].

⁴ Другие, более крупные работы по этнопсихолингвистике (в государствах бывшего СССР) носят эмпирический характер. Они образуют количественную парадигму исследований, что приводит к разногласиям с западными учеными, которые с конца 80-х гг. существенно расширили и развили качественные исследования и их теоретический базис. В крупномасштабных экспериментах последних двадцати лет по выявлению ассоциаций между словами, специфичных для конкретных культур, этнопсихолингвисты не стали расширять свои лабораторные исследования полевыми; как отбор респондентов (фокус-группы «чистых» русских, немцев и т.д.), так и характер типизации и обобщения данных основывались на нединамическом представлении о культуре.

Первое⁵ крупное эмпирическое исследование лакун, выполненное в Западной Европе [Эртельт-Виит 1990], — это и первое социальное исследование. В ходе его был собран корпус данных (интервью), проанализированных и с помощью московских этнопсихолингвистов оцененных на предмет их коммуникативной валидности. С этого момента набор данных (заметки, беседы экспертов, интервью, видеозаписи, фото, виртуальные и другие тексты в самом широком смысле этого слова) стал возрастать в связи существованием разных точек зрения на предмет исследования и его практического применения.

Эмпирическое исследование лакун является индуктивной областью и базируется на показательных примерах, исходя из конкретных ситуаций и процессов МКК.

Мы рассматриваем культуру, с одной стороны, как определенный контекст наблюдаемых единичных явлений [Geertz 1995: 51], а, с другой, — как горизонт, который создает для себя каждый коммуникант, в том числе и исследователь по мере усиления своих рефлексивных усилий [Ertelt-Vieth 2005: 276-278].

Лакуны возникают в результате того, что определенные элементы (реалии, процессы, состояния) текста (в широком смысле) выходят за рамки опыта носителя другой культуры или культурной сферы. Лакуны — это межкультурное явление. Оно вызывает как удивление, шок и раздражение, так и, наоборот, особый интерес. Синонимом лакуны для нас является понятие «пробел понимания» в МКК. Понимание есть активный процесс создания значения на основе смыслового потенциала текста и предшествующего опыта реципиента.

Лакуны не фиксируют устойчивые значения, а связаны с теми или иными условиями и перспективами контакта конкретных представителей как минимум двух культур или уровней культуры. Их описание представляет собой не строгую класси-

фикацию, а имеет вид динамической модели, которая позволяет разграничить различные уровни и аспекты ситуации (события).

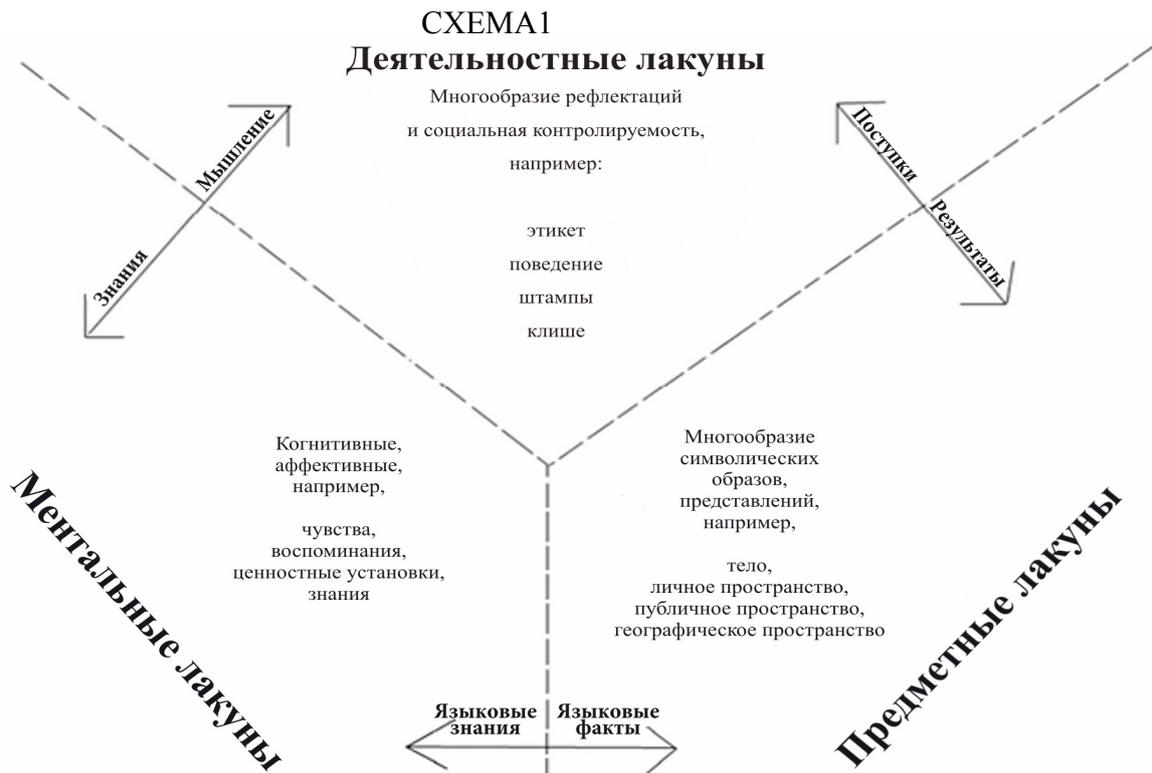
В дополнение к понятию лакуна мы используем понятие *символ*, опираясь, в частности, на Геертца, для которого символ — это любые предметы, действия, события, свойства или отношения, являющиеся средствами выражения какого-либо представления, причем представления являются значением символа [Geertz 1995: 49]. Культуры, по Геертцу, — это открытые динамические системы символов.

Для нашего метода анализа данных это значит следующее: при обнаружении и анализе лакун мы опираемся на межкультурную дифференциальную перспективу, при толковании символов — на культурную внутреннюю перспективу коммуникантов. Идея этих двух различных подходов, как и их нераздельной связи, обнаруживается в обоих герменевтических кругах: колебания (лучше, восхождение по спирали): 1. между контекстом и текстом и одновременно 2. между частями текста и целым текстом [Ertelt-Vieth 2005: 80-88].

2. Лакунарная модель (Lakunen-Model)

Лакунарная модель была до сегодняшнего дня преимущественно эмпирической процедурой выделения и систематизации лакун в группы и подгруппы, под которую мы подвели теоретическую базу [Ertelt-Vieth 2005: 89-94]. Лакунарная модель дает возможность определить место такой проблемы, как пробелы в понимании, проводить их анализ в разных аспектах и на разных уровнях, классифицировать и систематизировать их. По аналогии с нашим трехчастным понятием культуры [там же: 282-289] лакунарная модель состоит из трех крупномасштабных групп с плавными переходами между ними. Они представляют собой аналитические конструкторы, а не отражение действительности: *ментальные лакуны, деятельностьные лакуны, предметные лакуны*. К ним примыкают имеющие надстроечный характер *аксиологические лакуны*.

⁵ О хронологии развития исследования лакун см. [Grodzki 2003: 41-42].

1. *Ментальные лакуны* — это пробелы в понимании, которые возникают в связи с различиями когнитивных и аффективных состояний и моделей, включая фонд знаний в широком смысле. Этот фонд знаний может иметь синхронный и/или диахронный (т.е. исторический) векторы, могут осознаваться (рефлексироваться), могут быть и неосознаваемыми (табуизироваться); неосознаваемые могут исчезать из памяти или вытесняться. Иначе говоря, имеются в виду высказывания, опирающиеся на опыт или прескрипции, на желаемое или вызывающее опасения [Ertelt-Vieth 2005: 91 и след.].

Культурно-эмотивные лакуны: чувства, представления (= направленные на объект), например, стыд, гордость, интерес, отвращение и их интенсивность.

Лакуны внимания: длительность и интенсивность (lacuna of concentration, [Grodzki 2003]), например, при демонстрации телевизионной рекламы.

Фондовые лакуны: понятийные, ролевые, статусные, пространственные, личностные фонды знаний например, авто/интерстереотипы), простые/сложные (на-

пример, научные и субъективные теории, common sense и т.д.).

Мнемонические лакуны: воспоминания, забытые, (бессознательно) вытесненные, (намеренно) табуизированные фонды знаний.

Лакуны языковой системы: лексические, фонетические, грамматические, синтаксические.

2. *Деятельностные лакуны* — это пробелы в понимании, которые возникают в связи с различиями типов мышления, говорения, передвижения и других действий (включая запрет на них, т.е. табу); речь идет о процессах, которые, с одной стороны, предполагают наличие определенных ментальных и предметных условий, а, с другой, — их же и порождают.

Лакуны в сфере использования языка: инициация общения, стратегии общения, темы для общения и т.д.

Лакуны параязыковые: просодия, паузы и т.д.

Лакуны жестовые: мимика, кинесика, позиционирование в пространстве, дистанцирование и т.д.

Лакуны слабо осознаваемых повседневных стереотипов в частной, полуофициальной и официальной среде.

Лакуны поведенческие: межличностные, слабо осознаваемые (в частной, полуофициальной и официальной среде).

Лакуны этикетные: неписанные законы (включая речевую деятельность), нарушение которых грозит санкциями.

Лакуны мыслительной деятельности: абстрактно-логические vs конкретно-эмпирические; линейные vs спиралеобразные и т.д.

Лакуны коммуникативных средств идентификации: вербальные, мимические, жестовые, кинесические, пространственной самопрезентации и т.д.

Лакуны коммуникативных средств идентификации: принижение или возвышение партнера по коммуникации.

Лакуны устной коммуникации: неформальные жанры текста и их конвенции (рассказ, болтовня, слух и т.д.); строго кодифицированные жанры текста в институциональных сферах: например, собеседование, общение во время экзамена или на семинаре; кодифицированные тексты в разного рода контекстах: например, отчет, рассказ, разъяснение, дискуссия; иерархическая коммуникация (связанная с ролевым фактором знаний): родители/дети; ученики/учителя; студенты/профессора; управленцы/посетители; жанры электронных СМИ (сообщения, токшоу ...)⁶.

Лакуны виртуальных текстов и визуального ряда (с переходом к письменным текстам и тем самым к предметным лакунам): чаты, э-мейлы, СМС, странички в Интернете, порталы и т.д.

3. *Предметные лакуны*, указывающие на различия в организации материального мира.

Лакуны фиксированных текстов и изобразительных средств: письма, визитки, книги, журналы, упаковочные материалы, инструкции, реклама, уличные плакаты, надгробья и т.д. (следует учитывать прежде

всего следующее: автор, адресат, распространение, содержание, материал, формат, вес, краски, шрифт, качество изображения, средства представления и т.д.).

Лакуны пространства: географическое пространство (область/деревня/город; жилое/нежилое; используемая/неиспользуемая площадь; осваиваемый лес/джунгли и т.д.); публичное пространство: жилое/промышленное, внешнее/внутреннее (здания, уличный сектор, площади, парки, мосты и т.д.); общественные/частные здания, внутренние помещения, рабочая/жилая зона и т.д.

Лакуны человеческого тела: форма и цвет (фигура, кожа, волосы, лицо, губы, брови, борода и т.д.); атрибуты (прическа, макияж, одежда, сумки и т.д.).

Лакуны продуктовой сферы: мясные, рыбные, растительные виды продуктов, блюда, напитки, пряности и т.д.

4. *Аксиологические лакуны* предполагают учет еще одного параметра в общей модели [Ertelt-Vieth 1990: 112-115; 317-320]. Аксиологические лакуны — это пробелы в понимании, которые возникают на основании различных оценок и интерпретаций (сверхпризнаки и *ментальных*, и *деятельностных*, и *предметных* лакун) (там же, 94 и сл.). Речь идет, таким образом, о значительном расширении теории лакун и лакунарной модели, поскольку культурные различия (или сходства) лишь тогда приводят к пробелам в понимании, когда они поразному интерпретируются. Кроме того, только через выделение аксиологических лакун можно объяснить (или предсказать), что например, знание чужого этикета еще ничего не говорит о его интерпретации (например, помогает или ограничивает), не говоря уже о его применимости (он может быть вполне практичными и полезными, но вместе с тем неуместными и поэтому не годным для применения)⁷.

⁷ Именно проблема допущений (Annehmbarkeit) не входит в содержание довольно близкого психологического термина «атрибуция» — установление причин (Ursachenzuschreibung). Хотя в культурно-психологических исследованиях МКК акцентирует-

⁶ Подробнее см. [Grodzki 2003].

3. Опыт осуществления исследовательского проекта и этапы анализа данных

Опираясь на прежние проекты, мы можем предложить *десятишаговую модель* применительно к эмпирическому исследованию лакун:

1. В прикладных исследованиях межкультурной коммуникации (МКК) проблемы зачастую формулируются на основании собственных или полученных из вторых рук наблюдений (например, свидетельства из специальной литературы). В зависимости от того, насколько широки эти проблемы, требуется первая и начальная типизация: выдвижение предположений относительно пробелов как культурно обусловленных (об этом см. дальше п. 8) и первое включение предварительных знаний самого исследователя (см. п. 6).

2. Второй шаг связан с точным описанием поля практических наблюдений, где существуют лакунарные явления, чтобы с самого начала определить параметры изучаемого дискурса. Можно выделить следующие группы полей: а) плановые, нормативно учрежденные межкультурные формы деятельности (молодежный обмен, внешняя культурная политика, международные организации, многонациональные рабочие группы и т.д.), б) в той же степени типичная, но менее регламентированная деятельность (международные студенческие курсы, туризм, межнациональные браки и т.д.), в) контексты, в которых наряду с другими аспектами усиливается роль межкультурности (межкультурные, межнациональные фирмы, коммуны, публичные

организации и т.д.), г) деятельность межкультурных специалистов (тренеры, учителя, преподаватели вузов, руководители отделов кадров и т.д.), д) разработка учебных материалов, а также качественных образовательных программ и курсов для а) и г).

3. Несмотря на распространение междисциплинарных исследований, особенно в сфере МКК, представляется необходимым позиционировать проект непосредственно в рамках одной дисциплины или между несколькими дисциплинами. Учитываются имеющиеся эмпирические знания, а также специфические (*sic!*) теории, понятия, методы и ценностные критерии. Их оценка и выбор (поскольку предмет исследования пока отсутствует) являются предпосылкой для эффективного подхода, а также — что на начальной стадии часто недооценивается — последующей рецепции и возможности использования результатов.

4. С самого начала и с большой точностью необходимо сформулировать собственные исследовательские интересы. Только таким образом можно установить степень вхождения в область, связанную с изучением лакун, вносить в дальнейшем необходимые изменения и последовательно их обосновывать. Под степенью вхождения следует понимать четыре ступени тематического и методического фокусирования: исследовательский интерес может а) быть скорее исследовательского характера (лакуны как один из возможных аспектов коммуникации в целом и лишь затем как аспект МКК) или б) опираться на хорошие знания в практической области и опираться на исследовательскую гипотезу, фокусируясь на лакунах, или в) рассматривать анализ лакун как один из инструментов для «обработки» сложных межкультурных взаимосвязей, и/или г) использовать анализ лакун как средство метарефлексии в рамках той или иной научной области.

5. Но особый смысл приобретают прикладные интересы, обуславливающие получение различных результатов: дескрипции как наблюдаемой практики и прескрипции как желаемой практики.

ся внимание на культурной специфике «атрибуционных концептов» [Thomas 1996: 115], этот термин представляется относящимся к докультурной научной парадигме знаний, поскольку он имплицитно предполагает возможность 'проверяемой рациональности', вместо того, чтобы кроме перспективности принимать во внимание комплексность, а также незавершенность интерпретационных усилий. В нашем случае комплексность подчеркивается благодаря включению аксиологических лакун в лакунарную теорию и в систематику лакунарной модели [подробнее: Ertelt-Vieth 2005: 97-101].

6. На основе предшествующих пунктов с 1 по 5 методы регистрации данных могут варьироваться между открытыми и относительно закрытыми, от эксплоративных (различные виды коммуникации и ее протекания) и ориентированных на проблемы (Critical incidents) до фокусированных (на лакуны). Они предполагают триангуляцию с перспективирующим эффектом (Perspektiventriangulation) (на первом месте: разнокультурные перспективы) и по возможности триангуляцию самих данных (Datentriangulation). Можно предложить по меньшей мере пять методов сбора данных: а) наблюдение, отбор и сортировка имеющихся данных (изучение документов, включая виртуальные картинки или тексты), б) экспликация предварительных знаний исследователя (от осознания до систематической реконструкции собственных наблюдений и собственного опыта *ex post*, а именно индивидуально, через интроспекцию, или коллективно, — или экспликация данных, полученных от экспертов в условиях неформального или систематического контроля), в) методически контролируемые наблюдения (от отдельных наблюдений до обширных полевых исследований с записями наблюдений или протоколами; а также аудио — и видеозаписями), г) устные или письменные опросы, а также групповые обсуждения наблюдений в определенных практических сферах или конкретных ситуациях, д) целенаправленные вопросы или реконструкция наиболее значимых или проблемных событий: Critical incidents.

7. Следующий этап обработки данных может а) непосредственно сочетаться со сбором данных, если интроспекция и беседа экспертов совмещается с протоколированием, например, путем записи Critical incidents по воспоминаниям или рассказам, б) заключаться в транскрибировании аудио- и видеоматериалов, но ограничиваться определенными отрезками. Возможен в) учет других параметров и функций, если культурноспецифические особенности и потенциальные проблемы понимания (т.е.

лакуны) в области А (набор данных) эксплицируются для области Б (сбор данных). Возможно г) при определенных обстоятельствах перенесение переводных данных из области А (в том числе и результатов анализа) в язык испытуемых — в область Б (сам исследователь и/или участники исследования).

8. Сбор данных и их обработка вполне обозримы и может иметь законченный вид, но следующий важный шаг, а именно анализ данных (анализ лакун и символов), в принципе, не может быть окончательным (герменевтическая спираль понимания, незавершенность знакового процесса). Предварительно устанавливаются начальный и конечный пункты исследования, а также выявляются возможные «точки» для дополнений и переосмыслений.

Четыре основных шага, которые могут быть намечены и/или многократно пройдены по спирали, сводятся к следующим пунктам: а) предварительный анализ и классификация отдельных лакун и перенос их в лакунарную модель, б) систематизация лакун в пределах одного случая или в пределах Critical incidents, например, в форме таблиц. На этом этапе осуществляется переход от анализа лакун к толкованию символов, уточняются в тех или иных деталях и оговариваются их контексты (как внутри корпуса, так и за его пределами), в) регистрация отдельных лакунарных случаев внутри корпуса, т.е. углубление типизации и по возможности первичная генерализация и релятивизация, г) выход за пределы корпуса к другим корпусам и другим источникам (например, использование культурных знаний самого исследователя).

Как указывалось в пункте 6, колебание между анализом лакун и толкованием символов представляет собой форму триангуляции, а именно смену перспектив: переход от перспективы дифференциации к внутренней перспективе культуры.

9. *Оценка и обобщение.* Если опираться на исследования стереотипов и предубеж-

дений (учитывая критику типизации и генерализации в обыденном сознании) и предполагать, что и с этой точки зрения культуры различимы, то трудности любого изучения МКК будут заключаться в последовательном поиске общего и различного, особенного и всеобщего на уровне набора данных, а также в их адекватном анализе и описании результатов.

О триангуляции данных, перспектив и методов как центральных показателей валидности (включая и коммуникативную валидность) говорилось выше и подчеркивалось, что триангуляция разнокультурных перспектив образует ядро исследования лакун. Другой особенностью межкультурного исследования в целом и исследования лакун в частности является особый статус типизации. В социологическом исследовании типизация (*Typenbildung*) трактуется как способ уплотнения описываемых (единичный) данных, их типизация, которая и объясняет и исходный отдельный случай, и их контекст. Если типизация представляет собой средство анализа и его проверки (т.е. средство для какой-либо цели), то в исследовании МКК оно становится самоцелью. Строго говоря, исходная гипотеза (обусловленность пробелов в понимании культурно специфическими факторами) сама по себе является типизацией: какие 'культурные типы' (а, значит, символы) сталкиваются друг с другом в исследовании МКК, но не установлены или по крайней мере не опознаны и, следовательно, лакунизированы? 'Культурные типы' характеризуются относительной синхронной и диахронной актуальностью (= признаки культур), причем актуальность может быть и качественной, смыслообразующей (например, королева и король в рамках монархии являются смыслообразующими, даже системообразующими «факторами», но не в смысле 'как все', а напротив: как неповторимые внутри этой системы).

При изучении лакун на этом фоне можно использовать генерализацию в форме количественного метода, например, путем

количественного расширения контрольных данных или других дополнительных данных. Точно также генерализация может реализовываться как формулирование — при опоре на культурные знания исследователя, его наблюдения и выводы — обоснованных гипотез по отношению к культуре или по отношению к потенциально возможным межкультурным ситуациям коммуникативного общения.

10. *Описание результатов и перспектива исследования.* Выбранный дискурс или дисциплинарные рамки, а также интересы познавательного и прикладного характера определяют, стоят ли в центре внимания внутрикультурные и/или межкультурные сходства или различия. Для наглядного представления следует выбрать узловые точки, их последовательность (структурность). Если рамки представления ограничены, результаты анализа можно систематически описать вместе с лакунарной моделью после ее деления на три части и выделения подгрупп. Для освещения четко очерченного практического поля, особенно для ненаучной аудитории, предлагаются наглядные, ориентированные на процесс исследования способы описания: а) описание первых общих наблюдений в связи с культурно обусловленными проблемами понимания, б) классификация первых лакун, в) систематический анализ отдельных *Critical incidents* или г) более сложных случаев (например, проблемных отношений обмена), д) выдвижение гипотез общего характера, охватывающих контактирующие культуры и МКК [Ertelt-Vieth 2005: глава 6]. Предпочтительным представляется тройное членение: частные случаи, предварительное сравнение в рамках корпуса, выход за пределы корпуса. Бесспорно, самая большая трудность заключается в формировании гипотез по отношению к культуре и МКК, выходящих за рамки корпуса, поскольку для этого требуется большой набор данных, а также обширные культурные знания исследователя.

4. Описание проекта

Для большей наглядности мы предлагаем подробное описание рабочих шагов и выборочного материала из исследовательского проекта «Культурно обусловленные различия и проблемы понимания (лакуны) между русскими и немецкими учеными» [Ertelt-Vieth, Denisova-Schmidt 2006]. Речь идет о небольшом исследовании, которое опирается в основном на наблюдения и опыт в одном узком сегменте деятельности и учитывает как немногочисленные существующие, так и новые собственные данные. Мы представляем их в соответствии с принципами членения и упорядочивания, описанных в пункте 3.

1. *Постановка проблем.* Даже для специалистов (русских германистов и немецких славистов) культурно обусловленные различия часто остаются незамеченными, в основном они не осознаются и препятствуют кооперации значительно сильнее, чем это предполагалось раньше (это распространяется и на авторов данной статьи).

Студентов, которые приезжают из России, можно сразу же узнать по их внешнему виду и языку. С годами у них возникает значительно больше трудностей, чем у коренных граждан, когда речь идет о выполнении учебных требований. Русские руководители обменов на научных конференциях также чаще «пожинали» критику (открытую или скрытую) в связи с презентациями, чем коренные граждане или другие руководители обменов. Между авторами данной статьи в первые годы их сотрудничества существовали значительные различия в отношении научных стандартов.

2. *Практическое поле.* Речь идет преимущественно о научной отрасли в Германии и ее зарубежных гостях/сотрудниках, особенно в сфере такой дисциплины, как славистика, которая представлена на философском, филологическом или иностранном факультетах. Славистика представлена преимущественно не в межкультурном аспекте, лишь немногие ее представители являются участниками дискурса в рамках

МКК. После распада СССР и миграции многих миллионов русскоговорящих в Германию резко возросло число студентов с русскими корнями, а на отделениях славистики в некоторых университетах их число с близко к 100 %.

3. *Дисциплина.* Междисциплинарный дискурс МКК, дидактика преподавания иностранных языков и русского. Дидактика преподавания русского языка является частью дидактики преподавания иностранных языков, обе по их целям и методам считаются межкультурными. В тоже время дидактика русского языка входит составной частью в славистику и представлена в институтах славистики.

4. *Познавательный интерес.* Какие лакуны, прежде всего, незаметные, препятствуют проведению собственного исследования и получению результатов, а также осуществлению русско-немецкой научной кооперации?

5. *Возможности применения.* Усиление фокуса внимания к МКК в славистике, улучшение собственных исследований и результатов, а также сотрудничество русских студентов и немецких преподавателей славистики и немецкого как иностранного; дальнейшая разработка международных и междисциплинарных лакунарных исследований.

6. *Сбор данных:* а) имеющиеся материалы: кроме немногочисленных сравнительных исследований научных жанров зафиксированы отдельные описания из практики преподавателей-славистов (сложности с так называемыми носителями родного языка) [Kluge 2000; Resnik 2002; Ertelt-Vieth, Jetke, Kriege 2003];

б) протоколирование общих наблюдений и высказываний (экспликация предварительного знания), например:

Одежда и походка женщин из России иные, чем у женщин Германии; немецкие студентки и даже преподавательский персонал менее ухожены: они приходят без маникюра, без прически, небрежно одетыми;

в) наблюдения: сравнение фотографий на Интернет-страницах, фотографий (в

России и Германии) в факультетских коридорах, толкование записей.

Отрывок:

Немецкие преподаватели проводят семинары сидя, часто они сидят и во время своих лекций, если аудитория маленькая. Русские преподавательницы и немецкие профессора-женщины на фотографиях подают себя неодинаково.

Пустые бутылки и мусор после праздника выносят в коридор.

г) опросы и дискуссии в группах: консультации других славистов института, которые учились /защищались в СССР или в России и до сих пор занимаются исследовательской работой и преподают. Они подтверждают и дополняют наблюдения:

Русские ученые, приглашенные в университет, часто отсутствуют, путешествуя по Европе.

д) реконструкция *Critical incidents: Critical incident 1* — Женщина-профессор идет мыть посуду.

Молодая русская сотрудница, находящаяся на стажировке, удивляется, когда она приходит к своей руководительнице. Та собирается пить кофе с булочкой и приглашает русскую коллегу к столу. Закончив пить кофе, немка встает и говорит: «Я должна быстро помыть чашки, и после этого мы начнем». Русской это непонятно. Она не может найти этому объяснение.

Critical incident 2: неординарная личность в международной группе

Новый международный учебный курс в Берлине. Слушатели из 12 стран, половина из Восточной Европы. Все имеют представление о межкультурном общении и работают в международных проектах, в профессиональной иерархии занимают среднюю позицию. Выделяется русская студентка. Ей 25 лет (менеджмент). Она носит очень сильно прилегающую одежду, короткие юбки. Сильно красится, сильно душит. Прическа с начесом. Много золотых украшений. Голос, мимика и движения очень притягательны. Она флиртует с мужчинами в группе: двигает бедрами, сидит

нога на ногу, поводит плечами, кокетливо отбрасывает назад волосы, не соблюдает нужной дистанции, хватается мужчин под руку, сама прикасается к талии и волосам, берет письменные принадлежности мужчин и играет этими предметами, часто ловит чей-нибудь взгляд, широко раскрывает глаза, шутит с мужчинами, смеется, много и громко хихикает и т.д. Она постоянно обращает на себя внимание. Мужчины в этом международной группе, прежде всего те, кто приехал из западных стран, реагируют негативно, даже резко и сторонятся ее. В их глазах облик этой женщины, ее поведение кажутся неприятными, вульгарными или просто глупыми (один из мужчин позднее скажет, что ему понадобилось много месяцев, чтобы понять, что его одноклассница очень умна). Зачем она себя так подает, для чего ей это надо? Женщина чувствует отрицательное к ней отношение, но в то же время не понимает, в чем дело.

7. Обработка данных

а) Письменная запись *Critical incidents* обрабатывается для уточнения данных.

г) *Critical incident 2* наблюдался в англоговорящей группе. Общение исследовательницы с участниками проходило на английском и русском. Протоколы и описание представлялись на немецком языке. При их обработке и анализе данных авторы попеременно использовали немецкий и русский языки.

8. Анализ данных

а) Классифицируются первые лакуны, демонстрируется их взаимодействие: на основе зафиксированных наблюдений (предметные лакуны, деятельностные лакуны) русские студенты не считают немецких преподавателей/профессоров авторитетными. Им не хватает настоящей науки. Зафиксирована незаметная для немцев, но очень важная по своим последствиям аксиологическая лакуна (см. ниже). То же самое относится и к русским. Они не замечают, что их немецкие коллеги как принимающая сторона сомневаются в серьезности их исследовательских интересов и уси-

лий, также исходя из конкретных наблюдений (деятельностные лакуны).

б) Систематизация лакун, многоаспектная классификация, рассмотрение одного

случая или Critical incident, например в форме таблицы (см. Схему 2).

Critical incident 1: женщина-профессор идет мыть посуду.

СХЕМА 2

Предметные лакуны для русских <i>Рабочее помещение только для одного человека</i>	Аксиологические лакуны для русских <i>Очень большая расточительность</i>
Ментальные лакуны <i>Статус женщины-профессора не так высок, как в России</i>	<i>Странно, не истинная наука</i>
Деятельностные лакуны <i>Индивидуальны и различно представлены по сферам, часто очень неформальны: например, вместе есть, убирать и мыть посуду</i>	<i>Для немцев: полезная взаимопомощь. Для русских: не классифицируется, нерационально (у одних негативное отношение, для других с симпатией; об амбивалентности лакун см. выше)</i>

в) Уточнение отдельных случаев внутри корпуса через контрастное описание и углубление анализа, например как в Critical incident 2: в рамках того же корпуса, но на материале другого случая, задокументированного фотографиями, зафиксирована культурная специфика в одежде и в макияже (предметные лакуны, а также паразыковые лакуны (громкость и модуляция женского голоса) [Ertelt-Vieth, Denisova-Schmidt 2006: 188-189, 193-194, 198-199; там же «В декольте на экзамен»]: в России, в среднем звене менеджмента для квалифицированной молодой сотрудницы описанные выше внешний вид и манера поведения считаются привычными и адекватными, а в соответствующих немецких контекстах — нет.

Это относится и к случаям флирта русских студенток на рабочем месте, что, конечно, связано с тем, в какой одежде они приходят на работу (ср. декольте). Иными словами, влияют различные лакуны, которые, сочетаясь друг с другом, приводят к решительному отторжению самой персоны. Лакуны телодвижений: дистанция между общающимися русскими партнерами обычно меньше, даже между начальниками и подчиненными, старшими и младшими,

мужчинами и женщинами. Возможны поглаживания по руке, по волосам, прикосновение к одежде, к личным вещам другого (конечно, существуют заметные различия между русскими центрами и провинциальными городами, хозяйственной сферой и образованием, в прошлом и настоящем). Немцы делают это с целью сближения. В других случаях они оценивают такое поведение как странное, детское, наивное или, если это происходит между мужчиной и женщиной, как сексуально направленное.

Флирт на рабочем месте (контактоустанавливающий взгляд, комплименты, намеки, прикосновения) вполне допустимы в России. Такое положение вещей принимается и мужчинами, и женщинами, оно является частью ежедневного общения, во всяком случае, на производстве и в управлении, и меньше в сфере образования.

г) Выход за рамки корпуса. При исследовании этого комплекса Critical incidents (на протяжении длительного времени работы группы) в текст вносятся дополнительные культурные знания авторов, например, по поводу специфики идентификации в отношении пола, по поводу женского движения в Германии и неактуальности женского движения в России. Чтобы сохранить связь

с Critical incident, т.е. перспективу разграничения, мы структурируем эти данные в соответствии с лакунарной моделью. Одновременно с такого рода «вставками» мы опираемся и на внутрикультурную перспективу, указывая тем самым на символы в их культурном контексте.

Лакуны оснований идентификации: для русских женщин и мужчин идентичность по характеру профессиональной деятельности и по признаку пола тесно связаны между собой. В Германии наблюдается аналогичная ситуация, но выражена она слабее (ментальные лакуны, ролевой эвалуативный стереотип). В общественном сознании этот стереотип считается второразрядным или непристойным, старомодным и дискриминирующим (аксиологическая лакуна).

Иная картина в России: женская идентичность стоит на первом месте и считается предпосылкой для профессиональной идентичности и достижения успеха. И независимо от пола личное отношение, которое в идеальном случае является дружелюбным, считается предпосылкой для хороших профессиональных отношений и успешной работы, а вовсе не как их следствие. Из «русской» перспективы и в русском коллективном представлении о самих себе это означает: на первом месте стоит человек, а на втором — профессиональные качества и внешние моменты (ментальные лакуны поведенческих эвалуативных стереотипов и позитивных автостереотипов). С этим связано и то обстоятельство, что в России в прошедшие 30 лет фактически отсутствовало женское движение.

До настоящего времени слово «феминизм», «феминистский» имело преимущественно негативный оттенок. Русские мужчины, а также женщины подчас не понимают, почему в Германии некоторые вещи воспринимаются как ущемление прав женщин, дискриминация, давление по признаку пола или самоуничижение. Это ментальные лакуны (понятийный и ролевой фонд знаний) и их оценка (аксиологические лакуны). Для молодого поколения это

абсолютные аксиологические лакуны, к тому же имплицитные.

Отдельные направления развития лакунарного анализа:

1. Разработка конкретных процедур переходов между лакунарным анализом и толкованием символов, между культурой и МКК как контекстов и как горизонтов.

2. Сжатие подгрупп в лакунарной модели (требование удобства и обозримости). Критерий для ограничения отсутствует.

Литература:

Текст как явление культуры / Под ред. Антипова Г.А., Марковиной И.Ю., Сорокина Ю.А. Новосибирск, 1989.

Эртель-Виет А., Йетке И., Круге Й. Русский немец — портрет современника. (Teil I) Informationen und Einsichten für die Arbeit mit Muttersprachlern im Russischunterricht. Unterrichteinheit für den Russischunterricht mit Spätaussiedlern. In: *Praktika*, 18. Jg., H.1, 2003: S. 6-10.

Becker S. Besonderheiten im Übersetzungsunterricht an russischen Universitäten aus deutscher Sicht. Beitrag zur Festschrift für R. Rathmayr, in: *Wiener Slawistischer Almanach*. Erscheint, 2007.

Denisova-Schmidt E. Using the Lacuna Model to Detect Cultural Problems in American-Russian Business Communication. An Example from the Civil Aircraft Industry. Beitrag zur Festschrift für R. Rathmayr, in: *Wiener Slawistischer Almanach*. Erscheint, 2007.

Ertelt-Vieth A. Kultuervergleichende Analyse von Verhalten, Sprache und Bedeutungen im Moskauer Alltag. Beitrag zu einer empirisch, kontrastiv und semiotisch ausgerichteten Landeswissenschaft. Frankfurt a. M. u. a., 1990.

Ertelt-Vieth A. Interkulturelle Kommunikation und kultureller Wandel — Eine empirische Studie zum russisch-deutschen Schüleraustausch. Tübingen, 2005.

Ertelt-Vieth A., Denisova-Schmidt E. Kulturbedingte Unterschiede und Verstehensprobleme ("Lakunen") zwischen russischen und deutschen Wissenschaftlern, in: Armin Wolff / Reinhold Zollner, Hg.: *Umbrüche*, Regensburg, 2006, S. 185-206. (=Materialien Deutsch als Fremdsprache, Bd. 76).

Ertelt-Vieth A., Köhler P. Interkulturelles Lernen und Kooperieren an Berliner Europa-Schulen — Analyse von kulturbedingten Unterschieden und Verstehensproblemen (Lakunen). In: A. Wolff,

C. Riemer, F. Neubauer, Hg.: Sprache lehren – Sprache lernen, Regensburg, 2005. S. 261-274. (=Materialien Deutsch als Fremdsprache, Bd. 74).

Geertz, C. (1995): Dichte Beschreibung. Bemerkungen zu einer deutenden Theorie von Kultur. In: C. Geertz: Dichte Beschreibung. Beiträge zum Verstehen kultureller Systeme. Frankfurt (4. Aufl.), S. 7-43.

Grodzki, E. (2003): *Using Lacuna Theory to Detect Cultural Differences in American and German Automotive Advertising*. Frankfurt am Main (Kulturwissenschaftliche Werbeforschung).

Kluge, R.-D. (2000): Slavische Muttersprachler und das Studium der Slavistik (Russistik) in Deutschland. In: Bulletin der Deutschen Slavistik, H. 6, S. 15-18

Panasiuk, I. (2005): Kulturelle Aspekte der Übersetzung. Anwendung des ethnopsycholinguistischen Lakunen-Modells auf die Analyse und Übersetzung literarischer Texte Reihe: Semiotik der Kultur / Semiotics of Culture. Bd. 3.

Panasiuk I./Schröder H. (Hg.) (2006): Lakunen-Theorie. Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung. Reihe: Semiotik der Kultur / Semiotics of Culture, Bd. 5.

Resnik, B. (2002): Bildungswille und Defizite von Absolventen aus Schulen der GUS-Staaten.

Aus: Meyer, Chr./Weil, G.: Aussiedler in der Berliner Schule — Chancen und Probleme. Dokumentation einer Fachtagung/ LISUM, Berliner Landesinstitut für Schule und Medien. Unterrichtsmaterialien und Handreichungen zu „Interkulturellen Erziehung“. Berlin, S. 53-58.

Schuchalter, J. (2006): Literature, Translation and the Presence of Cultural Lacunae. In: Panasiuk I./Schröder H. (Hg.): Lakunen-Theorie. Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und Kulturforschung. Reihe: Semiotik der Kultur/Semiotics of Culture, Bd. 5, S. 201-218.

Tarasov, E.F., Ufimceva N.V. (1999): Ethnopsycholinguistik. Eine neue Disziplin in Russland zur Erforschung kultureller Spezifika des Denkens und Sprechens. In: H. Hahn (Hg.): Kulturunterschiede. Interdisziplinäre Konzepte zu kollektiven Identitäten und Mentalitäten. Frankfurt a. M. (IKO-Verlag für interkulturelle Kommunikation) 1999. S. 185-198. (=SSIP Beiträge zur sozialwissenschaftlichen Analyse interkultureller Beziehungen. 3).

Thomas, A. (1996): Analyse der Handlungswirksamkeit von Kulturstandards. Aus: Thomas, A. (Hrsg.): Psychologie interkulturellen Handels. Göttingen, Bern, Toronto u.a. (Hogrefe), S. 107-135.

И. Панасюк

ТЕОРИЯ ЛАКУН И ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА

Лакуны, перевод, этнопсихолингвистика, межкультурное общение

С опорой на модель лакун автор уточняет классификацию лакун применительно к переводческой деятельности. В статье показано, что лексические различия в текстах оригинала и перевода обусловлены различиями в характере концептов. Автор сопоставляет термины «концепт», «сема» и др, актуализируя проблему адекватности перевода в связи с инвариантностью значений слов в переводе. Подробно рассматриваются модификации аксиологических лакун.

1. Межкультурная специфика лексических значений с точки зрения российской этнопсихолингвистики

Процессу речевой деятельности в разных языковых сообществах присуща культурная специфика. Непосредственное восприятие объекта, вызывающее соответствующую реакцию в форме понятия, приводит к первичной категоризации (сегментации) внеязыковой действительности. На этом этапе возникают значения, совпадающие главным образом в различных

культурах. Настоящее порождение значений начинается лишь на этапе применения, использования объекта в познавательной деятельности, которая приводит к вторичной сегментации внеязыковой действительности. Лишь только на этапе вторичной категоризации становится заметной культурная специфика языков в их сравнении. Теория речевой деятельности является основой исследований порождения речи в различных культурных сообществах. На этой основе возникло и стало развиваться

этнопсихолингвистическое направление психолингвистики.

Задачей этнопсихолингвистики стало изучение влияния различных языков на познавательную деятельность их носителей, фактов различной категоризации действительности (неравномерность сегментации действительности в различных языках) и изучение влияния языка на поведение людей. Определение различий в текстопорождении послужило причиной использования в этнопсихолингвистических исследованиях понятия лакуны. Применение этого понятия в сфере этнопсихолингвистических исследований способствовало развитию теории лакун и возникновению её субстрата — модели лакун.

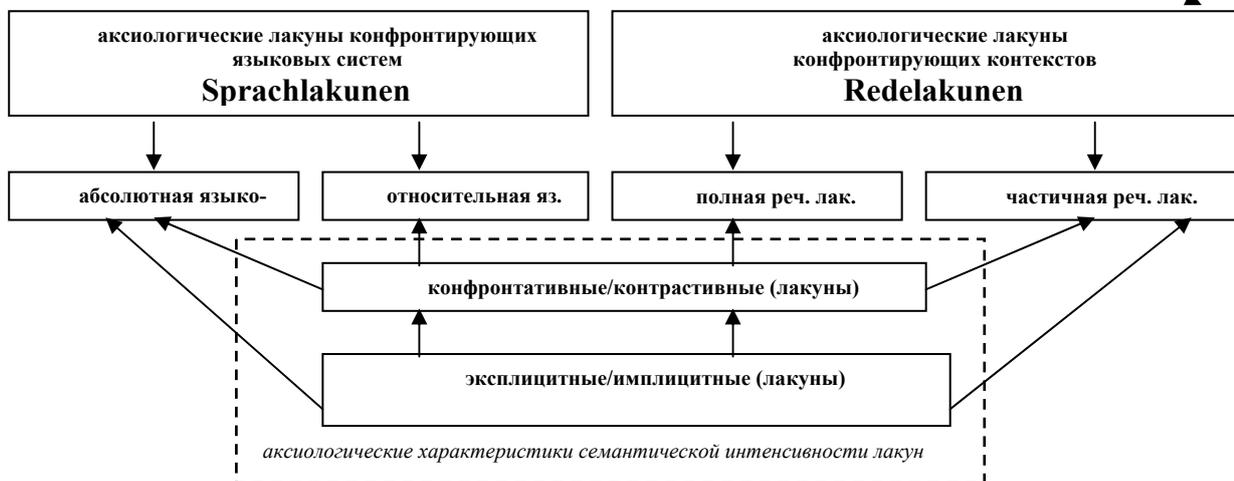
Основоположителем теории лакун является Юрий Сорокин [1977], заслуга же в создании модели (таксономии) лакун принадлежит его ученице — Ирине Марковиной [1982]. В самой теории содержатся некоторые неточности, усложняющие как понимание феномена лакуны, так и его использование. Изначально поправку в трактовку межкультурных различий внесла Эртельт-Фит [1999], указав на различие между лакуной как отсутствием значения и знаком как значением при анализе «символ vs. лакуна» (Symbol-/Lakunen-Analyse, см. также [Ertelt-Vieth 2005]). В свою очередь, Донец [2001] предложил различать лакуну и специалию. Согласно Марковиной и Сорокину [1989: 96] лакуна определяется как сигнал наличия культурной специфики значения. В связи с применением модели лакун в переводе возникла потребность в уточнении классификации, а также в описании механизма возникновения определённых видов лакун, в частности *абсолютных* и *относительных языковых лакун*, *полных* и *частичных речевых лакун*. Семантическую характеристику компенсации в определении разновидности лакун следовало бы свести к вторичному семантическому признаку при определении полных речевых лакун, так как семантический признак компенсации (применение компенса-

ции как переводческой стратегии для заполнения лакун) не даёт возможности судить о семантическом характере лакуны в силу того, что феномен лакуны характеризуется потерей элементов значения исходной культуры (исходного языка). При определении лакуны речь идёт, в первую очередь, о потере сем исходной культуры или их несоответствии семам целевой культуры (целевого языка). Семантическая характеристика компенсации становится, таким образом, дополнительной семантической характеристикой полных речевых лакун, о чём речь пойдёт ниже.

Созданная Ириной Марковиной модель — шаг в развитии понимания языковых/речевых лакун, которые по своей семантической сущности являются не чем иным, как аксиологическими лакунами. Аксиологические лакуны занимают центральное место в модели и в силу их семантического характера дают хорошую возможность для использования всей модели лакун при анализе текста на предпереводческом этапе. Понимание *абсолютных и относительных языковых лакун*, *полных и частичных речевых лакун*, а также *конфронтативных* и *контрастивных, эксплицитных и имплицитных лакун* или их *аксиологических характеристик* модифицировано мною с учетом точек зрения Марковиной и Эртельт-Фит. Аксиологические лакуны подразделяются согласно этой модификации (по семантическому признаку) на *абсолютные/полные* и *относительные/частичные* (см. ниже схему 1).

2. Когнитивные основы межкультурных различий

Для описания механизма лакунизации необходимо выяснить причины лексических различий между языками и культурами. Основная причина состоит в различной когнитивной природе лексических различий в разных культурах и языках. И, тем самым, различий в характере концепта (т.н. когнитивной единицы культуры). Концепт Ю.С. Степанов [1997: 40] определяет как

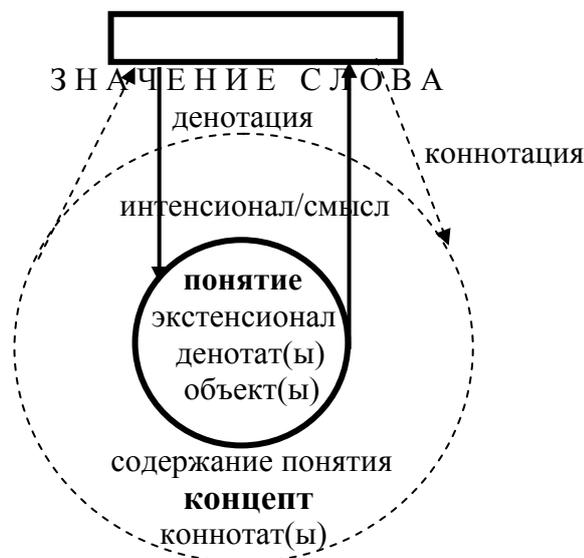
«концентрат культуры в сознании человека». Концепт по Ейгеру [2006: 112] — это совокупность представлений, знаний, мыслей и чувств, логическим ядром которого является понятие. Лишь при появлении определённого слова, словосочетания или денотата (объекта) происходит актуализация концепта. Концепт шире в когнитивном плане, чем понятие. Понятие является ментальной рефлексией объектов (денотатов), причём концепт — не что иное, как дальнейшее контекстуальное развитие понятия, создающее основу для развития коннотативного слоя значения.

Манакин [2004: 23] определяет концепт как единицу этнокультурной информации, отражающую мир восприятия предметов и понятий, представленных в языке. Слова *солнце* и *луна* имеют, например, одинаковое лексическое значение в различных культурах, но отличаются, однако друг от друга концептами. Примером тому может послужить зарисовка узбекского писателя Т. Пулатова [1987: 109]: «*Солнце* по-русски — это совсем не то, что *куёш* по-узбекски, и уж совсем не то, что *офтоб* по-таджикски. Ведь узбек, живущий большую часть года под его палящими лучами, никогда не скажет ласкательно-уменьшительное «*солнышко*», так же, как и у русского нет ощущения того, что солнце может быть не только плодотворным и землеобновляющим, но и враждебным. Зато к луне, этому ночному светилу, несущему прохладу и умиротворение, у узбека совсем иное отношение. Всё красивое и желанное он называет «луноликим», «луноподобным», да с такой интонацией, что для русского слуха это может показаться, по меньшей мере, вычурным». Манакин [2004: 24] упоминает слова Степанова, сказанные им на одной из конференций в качестве объяснения разницы между понятием и концептом: «...за понятие человек не пойдёт сражаться и проливать кровь, а за концепт — пойдёт, если говорить, например, о таких концептах, как *родина*, *знамя отчизны* и т. п.».

Из выше сказанного следует сделать вывод о том, что разница между понятием и

концептом выражается в разнице между денотативным и коннотативным значением. Большая часть лакун возникает именно на уровне коннотации, в культурной области словарного запаса, в основе которого лежат концептуальные структуры как единицы, определяющие культуру. Манакин [2004: 24] ссылается и на Лихачёва [1993: 9], который считает, «что концепт существует не для самого слова, а для его отдельного значения и является «своего рода алгебраическим выражением» значения, которым мы оперируем в своей письменной и устной речи...». Концепты как идеальные образования кодируются, согласно Манакину, в чувственно-образных представлениях, которые, организуясь в системы, образуют т.н. *концептуальную картину мира*. Каждое общество и каждая культура располагают специфическими *константами*, т.е. концептами, существующими, согласно Степанову [1997: 78], постоянно или по меньшей мере достаточно долго в одной культуре. Константы являются «постоянным принципом культуры». Благодаря им и различаются между собой языки и культуры. Вежбицкая [1997/2001: 35] подразумевает под концептами ключевые слова («key words»), которые, по её мнению, являются особенно важными и значимыми словами, характерными для отдельно взятой культуры. Для русской культуры характерны, например, такие константы как *тоска*, *душа*, *дружба*, *свобода*, *удаль*, а немецкой *Geist (дух)*, *Ordnung (порядок)*, *Angst (страх)* и пр. Наряду с *принципом ключевых слов* (констант) Вежбицкая [2001: 33] обращает внимание ещё на два других принципа, которые позволяют охарактеризовать культуру как таковую. Это *принцип культурного многообразия* (различный культурный характер языкового запаса в разных языках) и *принцип частотности* (различная частота применения определённых слов в различных культурах). Эти принципы связаны со структурой концептуальных сфер определённых культур. Структуру концепта, которая одновременно является структурой лексического значения, можно изобразить при помощи следующей схемы:

з н а к

Границы концепта определяются соединением двух других концептов, которые в своём отношении друг к другу ограничивают своё когнитивное пространство. И если к двум концептам присоединяется третий концепт или понятие, то это ведёт к дальнейшему ограничению когнитивного пространства [Верещагин и Костомаров 1980: 15]. Такое ограничение концепта определяется, согласно Степанову [1997: 74], как значимость (*valeur*) лексического значения. Это не прямое, а относительное значение слова, его семантическое пространство в словарном поле, которое зависит от распределения существующих в рамках данного поля слов. Значимость лексического значения является не чем иным, как его смыслом, который в логике получил название интенционала. Структура концепта характеризуется, таким образом, двумя измерениями — *синтагматически* по интенционалу (содержанию понятия) и *парадигматически* по экстенционалу (объёму понятия), о чём речь будет идти ниже.

В полемике относительно определения понятия лакуны предпринимается попытка представить лакуну как разницу в значении, которая возникает в первую очередь вследствие изменения структуры значения в его когнитивной части и которая, в свою очередь, может повлечь за собой изменение знака. Лакуна в таком случае, в отличие от

употребления этого понятия в качестве лексического пробела в системных языковых парадигмах [ср. Стернин, Быкова 1998], определяется прежде всего как межкультурная разница в значении или сигнал её присутствия, возникающая при сравнении семиотических систем, кодов или субкодов.

Чтобы увидеть, как происходит изменение лексических значений, важно проследить, какие элементы словарной структуры подлежат изменению. Описание структуры лексического значения направлено на то, как и в каких понятиях представлена когнитивная часть структуры лексического значения и в какой языковой форме она выражена. Исходить, пожалуй, следует из двойственной природы языкового знака Фердинанда де Соссюра [de Saussure 1916/1996], в которой одна из двух его частей — сигнификат, является не чем иным, как понятием или концептом. Коммуникативная модель знака Чарльза Пирса [Charles Peirce 1903/1993: 64], состоящая из трёх частей, одна из которых (т.н. интерпретант) несёт в себе функции понятия или концепта, представляет возможность, согласно Никитину [1988: 20], различать виды значений — *когнитивное (денотативное)* и *прагматическое (коннотативное)* или *денотативное (референтное)* и *сигнификативное (также коннотативное)*.

Коммуникативная модель знака Чарльза Пирса находит своё дальнейшее развитие в семантическом треугольнике Огдена и Ричардса (Ogden & Richards), в которой концепт занимает место интерпретанта. Понятию или концепту характерен объём и содержание, которые в логической семантике получили название *экстенционал* и *интенционал*. Никитин [1988: 26-27, 50] различает при этом в рамках интенционала также *контенционал*, в основе которого лежит интенционал, ядро, неизменная содержательная часть значения. Оба понятия важны для объяснения контекстуального изменения структуры лексического значения, т.к. они находятся в обратно пропорциональном отношении друг к другу: словам с большим содержанием значения характерна меньшая дистрибуция, они могут быть реже заменены синонимом в контексте, в то время как слова с более узким содержанием, в основном гиперонимы, располагают большей дистрибуцией. От этого зависит актуализация значения в контексте и механизм возникновения частичных речевых лакун, о чём речь пойдёт ниже.

Для описания процесса актуализации значения слова в контексте стоит использовать также структурно-семантические понятия *семы*, *семемы*, *лексемы* и *классемы*. Сема и семема являются синонимами понятия или концепта. Семы являются элементарными когнитивными единицами смысла, из которых складывается семема. Семема соответствует лексеме, лексической форме концепта или понятия, языковому знаку (слову). Лексемы организуются в семантические поля, во главе которых стоят лексемы-гиперонимы.

Актуализация лексического значения протекает в рамках определённого контекста путём выбора и сопоставления подобных или одинаковых сем (классем) внутри семемы. «Сопоставляясь» с контекстом, семемы актуализируются путём содержательного соединения одинаковых сем. Таким образом, ограничивается их значение контекстом или происходит конкретизация

их значения в контексте. Путём подбора сем происходит актуализация или семантизация (употребление) лексемы в определённом контексте.

Семы одной семемы, чаще всего поддающиеся селекции, определяют способность лексемы сочетаться с другими лексемами, т.е. её валентность. В основе процесса селекции сем лежит принцип истины Фреге¹. Сила валентности позволяет [Dietze 1994: 12] построить семантически истинные, правильные синтагматические отношения лексем относительно их принадлежности к классам слов. Валентность имеет, таким образом, имплицативную или потенциальную природу. Коллокационные ряды представляют собой яркий пример актуализации лексического значения, самую высшую форму проявления контекстуальной семантизации лексического значения, в которой находит свою кульминацию валентность как синтагматический феномен и результат процесса селекции сем, основывающийся на принципе истины. Подлежащие селекции семы одной семемы находятся в сфере контенционала концепта или понятия, в то время как построение «гравитационного поля» между лексемами (актуализация лексического значения) касается однозначно сферы импликации.

Процесс актуализации лексического значения является динамичной стороной процесса порождения значения, которая изменяется чаще, чем её статическая сторона. Структурные элементы (семы) лексического значения выступают в этой связи при описании механизма лакунизации в качест-

¹ Принцип истины или ценность истины в качестве критерия значения предложения был определён ещё Фреге [1892: 33]: „Wir haben gesehen, dass zu einem Satz immer dann eine Bedeutung zu suchen ist, wenn es auf die Bedeutung der Bestandteile ankommt; und das ist immer dann und nur dann der Fall, wenn wir nach dem Wahrheitswerte fragen.“ („Мы убедились, что предложение сможет приобрести смысл только тогда, когда будут учтены значения его отдельных частей, и это произойдёт только тогда и лишь только тогда, когда мы зададимся вопросом о ценности истины“ – перевод автора).

ве межязыковых семантических величин (т.н. *tertium comparationis*) и позволяют определять абсолютные и относительные языковые лакуны. Процесс актуализации лексического значения является важным при определении полных и частичных речевых лакун. Актуализация значения едва ли возможна без раскрытия семной структуры семемы. Семантические процессы развития значения — *парафраза*, *экспансия* и *конденсация* — являются кроме того переводческими стратегиями.

Культурная сфера словарного запаса языка является сферой коннотации. Коннотативный слой значений языка является, согласно Сорокину [1977: 123], сферой, в которой возникает большинство лакун. Коннотация, по Эко [1976/1991: 125], рассматривается в противопоставлении денотации. Обе величины лексического значения — денотация и коннотация — Эко определяет как культурные единицы. Коннотация — это контекстуальное явление, механизм возникновения которого Барт [Barthes 1964/1981: 75] и Эко [1976/1991: 84] видят в переносе (сдвиге) денотативного значения в контекстуальную позицию. Такой перенос денотата происходит также в процессе актуализации значения слова, на которую Гудков [2001: 35] чётко указывает на примере решения скан- и кроссвордов. Она обуславливается конвенциональными факторами. В соответствии с этим Булдаков [1982: 8] рассматривает коннотацию как совокупность стилистических, экспрессивных, эмоциональных и аксиологических компонентов, характеризующих коннотативное значение.

Коннотация как неограниченный процесс порождения значения (неограниченный семиозис (Чарльз Пирс)), рассматривается в противопоставлении денотации, из которой коннотация начинает «захват» своего семиотического или когнитивного пространства и становится в этом случае денотацией, если не «продолжает» порождать значения. Коннотация является, таким образом, исходным пунктом семантическо-

го анализа лексического значения, т.к. сигнификативное значение, на основе которого происходит коннотативный сдвиг, содержит понятийную часть (денотацию). Обе величины семантического пространства лексического значения легко переходят друг в друга, постоянно взаимосвязаны друг с другом и могут различаться лишь контекстуально.

В основе коннотативного сдвига значения лежит также принцип образования *эквизнака* [Соттонг и Мюллер, «Äquizeichen», Sottong & Müller 1998: 57], контекстуально связанного знака, который возникает путём целенаправленного создания контекста, благодаря чему на знак накладываются новые семантические рамки. Знак получает, таким образом, новое контекстуальное значение, функционирующее в рамках контекста как самостоятельное значение. Коннотацией становится эквизнак лишь тогда, когда новое значение принимается и вводится в коммуникацию большинством членов языкового сообщества и закрепляется как лексическая единица в языковой системе или словарном запасе языка. Коннотативный сдвиг значения может быть показан на примере *цикла смены табу эвфемизмом и эвфемизма табу* Шрёдера [Tabu-Euphemismus-Zyklus, Schröder 1998: 173]. На переходе табуизированных коннотаций в эвфемистические, основывающиеся на применении стратегий ведения коммуникации на табуизированные темы, а также на семантическом изнашивании эвфемистических коннотаций и их переходе в табуизированные, можно проследить общий процесс языкового порождения значений, то, как развивается язык.

Коннотация определяется в лингвистической литературе как дополнительное значение, что в связи с вышеизложенным является весьма сомнительным. Исходя из полемики по данному вопросу коннотацию, стоит рассматривать как контекстуальное явление, располагающее собственной семантической независимостью.

По принципу образования коннотативных единиц значения возникают виды асимметрии лексического значения — *полисемия, омонимия, синонимия* и *энантиосемия*, т.к. асимметрия лексического значения основывается на контекстуальном сдвиге базисного значения. Полисемия и омонимия отличаются друг от друга диахронически или этимологически. В случае полисемии речь идёт о разных семемах, связанных с одной лексемой, в то время как при омонимии лексемы, связанные одинаковой звуковой формой, различаются этимологически. Синонимами являются слова, которые сходны либо в их понятийной, либо в концептуальной части. Энантиосемия — это вид развития противоположных значений в одном слове, которые возникают путём соединения, скрещивания или пересечения двух противоположных по значению семем в одной лексеме. Энантиосемия лексемы определяется только в контексте и является ярким примером, иллюстрирующим процесс актуализации лексического значения.

3. Место теории лакун в рамках теории перевода

Все представленные выше процессы порождения лексического значения играют важную роль в определении видов аксиологических лакун и описании механизма лакунизации при сравнении языковых систем и контекстов. Потеря состава сем или контекстуальное несоответствие сем семеме исходной культуры в межязыковом сравнении характеризуют *семантическую интенсивность лакуны*. С целью точного описания механизма лакунизации и применения феномена лакуны в рамках теории перевода предоставляется возможность ещё раз вернуться к понятию эквивалентности.

Известный немецкий теоретик перевода Вольфрам Вильсс [Wolfram Wilss 1977: 157] высказал в этой связи мысль о том, что переводоведение ещё не успело «развить достаточно детальный инвентарь факторов для возможности измерения эквива-

лентности исходного и целевого текста и поставить на место гипостазированного понятия эквивалентности теоретически обоснованное и импирически защищённое понятие эквивалентности»². Затронутая Вильссом проблема была однако решена в российской этнопсихолингвистике путём развития теории лакун, которая по сути является таксономией различий в значении, и как общая модель представляет собой детальный инвентарь факторов для анализа и перевода. Универсальность такого инструментария факторов заключается в том, что он может применяться при любом языковом и культурном сравнении.

Важнейшей характеристикой феномена эквивалентности является его *аппроксимация*, выражающаяся в семантической интенсивности лакуны. Роман Якобсон [1959: 233; 1978: 14] допускает в этой связи «эквивалентность при существовании различия» („equivalence in difference“), что, по его мнению, является кардинальной проблемой языка и центральной проблемой лингвистики („the cardinal problem of language and the pivotal concern of linguistics“). Аппроксимация является, таким образом, важнейшим признаком эквивалентности, существующим в форме семантической степени лакуны и выражающейся её семантической интенсивностью. Семантическая интенсивность лакуны или её семантическая величина определяют семантическую степень аппроксимации установленной эквивалентной связи, т.е. саму семантическую степень эквивалентности. В этом выражается дихотомическая связь между обоими явлениями. Исходя из этого, определение лакуны (исходный пункт семиозиса) является исходным пунктом построения эквивалентных отношений. Этот факт позво-

² “Die Übersetzungswissenschaft hat es noch nicht geschafft, ein hinlänglich detailliertes Faktoreninventar für die Messbarkeit der Äquivalenz von Ausgangs- und Zielsprachlichem Text zu entwickeln und an die Stelle eines hypostasierten Äquivalenzbegriffes einen theoretisch explizierten, empirisch abgesicherten Äquivalenzbegriff zu setzen“ – *перевод автора статьи*.

ляет нам судить о лакунарном характере феномена эквивалентности.

Лакуна является семантической величиной, по которой определяется вид эквивалентных отношений. Семантическая степень эквивалентности и семантическая величина лакуны находятся в обратно пропорциональном отношении друг к другу: чем больше семантическая интенсивность лакуны, тем меньше семантическая степень эквивалентности, и наоборот. Эквивалентность и лакуна связаны с изменением денотативной структуры лексического значения в межкультурном сравнении языков. Оба понятия — лакуна и эквивалентность — являются разными сторонами одной медали.

Неэквивалентные в денотативном плане единицы лексического значения могут в контексте оказаться адекватными. Проблематика *адекватности* является центральной проблемой перевода, т.к. она тесным образом связана с *инвариантностью* значения в переводе. Отношение адекватности к эквивалентности выражается в ориентации обоих сопровождающих процесс перевода масштабов (категорий) на процесс и на результат. Эквивалентность приводится всегда в соответствие с поставленными требованиями инвариантности, поскольку она подлежит ориентированному на процесс языковому изменению, в то время как адекватность является результатом сохранения инвариантности эквивалентных отношений между отдельными лексическими единицами [Швейцер 1988: 95].

В случае с адекватностью речь идёт об истине (Хорст Турк [Horst Turk 1988: 88]), правильности или соразмерности перевода. В эквивалентности Турк [Там же: 89] видит момент различия, причём различие должно рассматриваться как неоднородность. Эквивалентное употребление выражения является таковым, когда в нём ничего не меняется в отношении истинной величины.

При построении эквивалентных отношений речь идёт, согласно Турку [Там же: 90], о равенстве системных величин элементов значения, под чем подразумевается также контекстуальное употребление переводимого элемента значения. Такое по-

строение эквивалентных отношений происходит не путём замены, а посредством отсылки к чему-то третьему, что для обоих высказываний и лексических значений является неоднородным, но всё же с ним связанным. Это третье является одинаковым представлением, вызываемым заменяемыми элементами значения. При этом речь идёт [Соссюр 1996: 42] о соразмерности существующих в языке сочетаний: «Ищем ли мы смысл латинского слова *arbor* или слова, которым латинский язык выражает представление “дерево”, то становится ясным, что нам являются соразмерными только те отношения, существующие в этом языке, и мы исключаем любое другое отношение, к которому можно было бы также прийти»³. Де Соссюр говорит, таким образом, о значимости слова в системе языка, под чем подразумевается способность слова создавать контекстуальные образования с другими словами системы. Такое системное сочетание слова можно назвать его контекстуальной значимостью. Равнозначность контекстуальных значимостей, определяющих значение слова, зиждется на *tertium comparationis*, инвариантности содержания. Для построения эквивалентных отношений необходимо провести [Турк 1988: 99] три операции сравнения: установление локализации двух сравниваемых языковых знаков в системе и сопоставимость этих значимостей через *tertium comparationis*.

Адекватность перевода достигается путём построения эквивалентных отношений, достижением равнозначности значимостей и отнесением их к третьему, т.е. сохранением инвариантности. Решения, принимаемые при построении эквивалентных отношений, направлены либо на содержание, либо на форму, либо на прагматику высказывания, под чем следует понимать *требования инвариантности*. Говоря об адекватности, Турк имеет ввиду «идеальное представление оптимального приближения одинаково на всех уровнях переводимого тек-

³ Перевод с немецкого автора статьи.

ста, не прибегая к дифференциации решенной между ними»⁴. Адекватность возникает в данном определении как общее абстрактное понятие, применяемое только при оценке всего текста. С моей точки зрения, адекватность как *категориальная рамка перевода и анализа перевода (ein kategorialer Rahmen der Übersetzung und der Übersetzungsanalyse)*, [там же] должна применяться при оценке любого отношения эквивалентности, т.к. адекватность отдельных эквивалентных отношений приводит к адекватности всего текста. Адекватность является результатом, оценкой построенных эквивалентных отношений, согласно которой принимаются решения об их построении, т.е. принимаются решения о применении определённых переводческих стратегий. Адекватностью и неадекватностью определяется значимость сравниваемых языковых знаков через представления, вызываемые ими. Поэтому адекватность, в отличие от эквивалентности, является ориентированной как на процесс, так и на результат, в то время как эквивалентность ориентируется только на процесс, а поэтому является категорией, находящейся в подчинении у адекватности. Эквивалентность является процессом, который происходит в рамках языковой системы и направлен на изменение структуры значения в переводе, зависящей от места (локализации) этого значения в данной системе. Эквивалентными являются значения с одинаковой денотативной структурой. Денотативная структура может в разных языках изменяться контекстуально, т.е. чтобы достичь такой же значимости, такой же позиции в системе целевого языка, прибегают к изменению денотативной структуры значения исходного языка, основывающемся на принципе адекватности. Решающим при определении денотативной структуры значения является его отношение к денотату через понятие или концепт. Эквивалент-

ными являются *arbor* и *дерево* только потому, что они совпадают по значению на уровне содержания. Их можно назвать также адекватными, так как они являются одинаковыми или равнозначными по своей прагматике, что затрагивает сферу контекста. Принятие адекватного решения при построении эквивалентных отношений обусловлено мотивированностью. Адекватное решение — всегда мотивированное решение. Адекватными, но всё же не эквивалентными являются, например, слова *Grünschnabel* (*зелёный клюв) и *молокосос*, т.к. у них разная денотативная структура значения, но одинаковая контекстуальная значимость. Эквивалентное отношение является в данном случае адекватным, несмотря на тот факт, что в его основе лежит полная компенсированная речевая лакуна, так как оба слова одинаковы или равнозначны в их *tertium comparationis*, т.е. они имеют одинаковый или равнозначный коннотативный (прагматический) эффект и одинаковую контекстуальную значимость в обоих языках. *Эквивалентным отношением* можно назвать процесс адекватной (мотивированной) замены лексических значений, происходящей путём применения переводческих стратегий.

Построение отношений эквивалентности должно происходить при условии сохранения требований инвариантности, под чем Йегер [Jäger 1965: 242; 1973: 60; 1975: 87] подразумевает функциональную или коммуникативную значимость переводимого высказывания. В этой связи следует упомянуть понятия *функциональной* или *коммуникативной эквивалентности* Йегера, которую можно охарактеризовать как инвариантность перевода. Раскрытие инвариантного содержания происходит путём установления языковых функций, а также структуры денотативного значения, в которой языковые функции играют доминирующую роль. Оба аспекта, по Швейцеру [1973: 68], называются функциональными доминантами. Категориальные рамки оценки перевода — *эквивалентность, инвариантность* и *адекватность* — составляют суть процесса перевода.

⁴ „Idealvorstellung einer optimalen Annäherung gleichermaßen auf allen Ebenen des zu übersetzenden Textes, ohne dass zwischen ihnen in der Entscheidung differenziert wird“ — *перевод автора статьи.*

Турк [1988: 2] упоминает в этой связи ещё одну категорию оценки перевода — *сочетаемость* (*Korrespondenz*) — под чем он подразумевает симметричное отношение между значениями без отнесения к *tertium comparationis*. В этом случае речь не идёт о передаче смыслов и содержаний, а о передаче языковой формы. Значимость перевода не измеряется сообщением в языке перевода, а передачей звуковых форм исходного языка, т.е. исключительно мета-языковая функция языка выходит в переводе на первый план. Турк [1988: 98] ведёт речь о новой семантической системе, на-

пример, концепции т.н. языка мира и звёзд русского футуриста Велимира Хлебникова, который выходит за рамки языка как средства понимания. Язык в данной концепции понимается как отражение универсальных закономерностей всеобщего космоса, как «элемент во всеохватывающей системе отношений». Перевод сочетающихся («корреспондирующихся») языковых элементов можно проиллюстрировать на примере двух переводов стихотворения Велимира Хлебникова «Заклятые смехом» на немецкий язык:

Заклятые смехом

Велимир Хлебников

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что
смеяньствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О рассмешиц надсмеяльных
— смех усмейных смехачей!
Смейво, смейво,
Усмей, осмей, смешики, сме-
шики,
Смеюнчики, смеюнчики,
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

beschwörung lachen

Nachdichtung: Franz Mon

o lacht auf ihr lachhäse
o lacht los ihr lachhäse
was lachen die mit lacherei
was lächern die lächerlich
o lacht los verlächerlich
o der überlächerlichen
lachlöcher — lachen der ver-
lächerten lachhäse
lachland lachland
verlach belache lachmacher
lachmacher
lachlocker lachlocker
o lacht auf ihr lachhäse
o lacht los ihr lachhäse

Beschwörung mit Lachen

Nachdichtung: Roland Erb

O, lacht los, ihr Lacholde!
O, lacht auf, ihr Lacholde!
Dass mit Gelächtern sie la-
chen, dass lachhaft sie la-
chändern,
O, lautlach lacht auf!
O, der loslachenden Hohnla-
cher — verlachend Lacholde
Gelach!
O, loslach dich auslach Lache
hohnlachender Lacher!
Lacheson, lacheson,
Umlach und oblach,
Lachlüster, Lachlüster,
Lachlister, Lachlister
O, lacht los, ihr Lacholde!
O, lacht auf, ihr Lacholde!

Отношения сочетаемости не базируется на наличии аксиологических лакун, т.к. меж-языковому изменению подлежит только лишь одна часть структуры лексического значения, его языковая форма. Языковая форма вызывает определённые ассоциации, которые в тексте представляют скрытый семантический уровень. Когнитивную часть каждого лексического значения в отдельности трудно определить. Сочетаемость звуковых форм основывается на адекватности передачи прагматики скрытого семантического уровня.

4. Модификация аксиологических лакун

Важную функцию в процессе перевода выполняет семантически-когнитивный механизм лакунизации. Определение контекстуальных различий в значении облегчает переводчику поиск эквивалента. Модель лакун может оказать большую помощь при установлении требований инвариантности. Лакуны являются по Эртель-Фит [Ertelt-Vieth 2005: 86] исходными пунктами семиозиса, коммуникационного процесса, заключающегося в понимании значений. Переводчик исходит в анализе текста из раз-

личий в значении и пытается согласно требованиям инвариантности построить эквивалентные отношения между отдельными лексическими единицами значения. Модель лакун является в данном анализе некой опорой, позволяющей трактовать значения чужого языка. Построение отношения эквивалентности происходит путём применения определённой переводческой стратегии.

Аксиологические лакуны характеризуют те виды отношений эквивалентности, которые подразделяются по шкале от *полной эквивалентности* через *частичную* до *нулевой эквивалентности*. Гак [1998: 9] различает в данной ситуации три типа языковой эквивалентности:

- a. *Моноэквивалентность* (соответствие определённой лексической единицы одного языка исключительно одной лексической единице другого языка).
- b. *Полиэквивалентность* (одной лексической единице одного языка соответствует ряд лексических единиц другого языка, при переводе которых необходимо проводить выбор существующих эквивалентов, т.е. *вариантов перевода*). Эта разновидность эквивалентности называется *вариантностью*. В её основе лежит **относительная языковая лакуна**, а также **частичная речевая лакуна** и
- c. *Безэквивалентность* (одна лексическая единица сравнивается с определяющим другим языком, которое в этом языке не имеет соответствующей языковой формы). Безэквивалентность возникает в первую очередь по причине отсутствия самого определяющего, т.е. понятия или концепта. В основе безэквивалентности лежит **абсолютная языковая лакуна**.

В соответствии с Гаком, Манакин [2004: 123] различает три типа отношений между сравниваемыми словами разных языков: *полное соответствие* или *эквивалентность*, *частичное соответствие* с двумя видами — *включение* и *пересечение* семантических объёмов значения и *несовпадение* или *ис-*

ключение. Манакин [2004: 128] видит эквивалентность только в тех видах, которые подтверждают полное соответствие объёма денотативного значения сравниваемых лексических единиц. Одновременно он ведёт речь о степени эквивалентности. Под этим он подразумевает степень соответствия семантических признаков (сем) в структуре их лексического значения, которая определяет семантическую близость контрастирующих слов [2004: 126]. Степень семантической близости или степень эквивалентности, о чём говорилось выше, определяется степенью содержательной разницы (семантической интенсивностью лакуны). Семантическая близость связана с семантической разницей и находится по отношению к последней, как указано выше, в обратно пропорциональной зависимости: чем семантически ближе друг к другу сравниваемые лексические единицы, тем меньше семантическая разница между ними и наоборот. Поэтому важно провести семантическую границу отношения эквивалентности, которая проходит там, где сравниваемые лексические единицы различаются по их структуре.

Семантическая граница отношения эквивалентности является не чем иным, как семантической интенсивностью лакуны, которая указывает на аппроксимативный характер эквивалентности. Поэтому об эквивалентности стоит говорить не только в случае полного соответствия (полной эквивалентности), но и также в случае частичного соответствия, частичной эквивалентности (вариантности). Семантическая степень эквивалентности и семантическая интенсивность лакуны проявляются в данном случае сильнее всего. Случай с несоответствиями говорит сам за себя. Здесь речь идёт о присутствии абсолютной лакуны.

При описании механизма образования аксиологических лакун выявились некоторые подвиды существующих видов аксиологических лакун: абсолютные языковые лакуны подразделились на **денотативные** и **сигнификативные языковые лакуны**.

В переводе рассказа Льва Толстого «Казачки» содержится большое количество лакун, элиминирование которых осуществляется при помощи *транслитерации, парафразы* или *объяснения в форме примечания*.

С. 15
Только узкая, **сажений** в триста, полоса плодородной земли составляет владение казаков.

S. 209
Nur ein schmaler, vielleicht dreihundert **Sashen** breiter Streifen dieses walddreichen, fruchtbaren Gebiets stellt den Grundbesitz der Kosaken dar.

С. 15
В старину большая часть этих **станиц** были на самом берегу; но Терек, каждый год отклоняясь к северу от гор, подмывал их, и теперь видны только густо заросшие старые городища, сады, груши, **лычи** и **раины**, переплетённые ежевичником и одичавшим виноградником.

S. 209
In den alten Zeiten lagen die meisten dieser **Stanizen** unmittelbar am Fluss, doch der Terek, der sein Bett von Jahr zu Jahr von den Bergen weg weiter nach Norden verlagert, hat sie unterspült, und jetzt sieht man dort nur noch dicht von Gestrüpp überwuchertes Gemäuer, Gärten, Birnbäume, **Dattelpalmen** und **Pyramidenpappeln**, deren Laub vom Brombeer- und verwilderten Weinranken durchzogen ist.

С. 16
Собственно русский мужик для казака есть какое-то чуждое, дикое и презренное существо, которого **образчик** он видал в заходящих **торгашах** и переселенцах **малороссиянах**, которых казаки презренно называли **шаповалами**.

S. 210
Im Grunde seines Herzens hält der Kosak *die einfachen Russen* für fremdartige, rohe und verächtliche Geschöpfe, da er sie nur gelegentlich als herumziehende **Hausierer** und **ukrainische Umsiedler**, die von den Kosaken geringschätzig [...] bezeichnet werden, zu Gesicht bekommen hat.

С. 20
«Радуйся, чортова девка, — кричит мать, — **чувяки**-то все истоптала.»

S. 215
„Zieh doch die **Tschuwjaken*** aus, du Teufelsmädchel!“ rief ihr die Mutter zu. „Hast sie schon ganz schiefgetreten...“

* Tschuwjaken — Schuhe (Anm. d. Verfass.)

Из глиняной трубы избушки скоро подымается дым кизяка, молоко переделяется в **каймык**.

Nach einer Weile stieg aus dem Lehmschornstein der Kammer der Rauch des brennenden Kuhmistes auf: die Milch wurde zu **Kaimak** verarbeitet.

С. 23
Только лошадь дежурного оседланная *ходила в треноге* по тёрнам около леса, и только леса, и только часовой казак был в **черкеске**, с ружьём и в шапке.

S. 220
Nur das Pferd des Diensthabenden war gesattelt und *stapfte mit Fesseln* an den Beinen am Waldrand im Dornengebüsch umher, und nur der auf Posten stehende Kosak hatte eine **Tscherkeska** an und war mit Säbel und Gewähr ausgerüstet.

С. 25
На нём был оборванный подоткнутый зипун, на ногах обвязанные верёвками по онучам олени **портки*** и растрёпанная белая шапочка. За спиной он нёс через одно плечо **кобылку**** и мешок с курочкой и **копчиком** для приманки ястреба;...

S. 222
Er trug einen zerschissenen Rock, dessen lange Schöße er hochgeschlagen hatte, dazu über den Fußlappen mit Bindfaden zusammengehaltene **Schuhe** aus rohem Hirschleder und eine zerbeulte weiße Mütze. Über der einen Schulter hing ein **Kobylka*** und ein Beutel mit einem Hühnchen und einem **jungen Rotfußfalken** als Köder für Habichte...

* Обувь из невыделанной кожи, надеваемая только разоченной

** Орудие для того, чтоб подкрадываться под фазанов

*Ein Leinenschild, dient zum Heranschleichen von Fasanen

С. 28
— Нынче **пилав** сделаем: ты поди зарежь да ощипи.

S. 226
„Da wollen wir uns **Pilaw** machen. Geh jetzt, schlachte ihn und rupfe ihn auch gleich.“

- C. 33 — Молчи, *чорт!* — стиснув зубы, прошептал на него Лука. — *Абреки!*
— Заходи, сказал Оленин. — Вот и *чихирю* выпьем.
- C. 47 — Барин велел *чихирю* купить; налейте, *добряшки*.
- C. 92 Ванюша *раздувал* голенищем *самовар* на крыльце хаты.
- C. 52 — Ну, *смола, чорт* тебя принёс с *кордо-ну!* — приговаривала Устенка и, отвернувшись от него, снова фыркнула со смеха.
Приедет ко мне какой *кунак*, водкой пьяного напою, ублажу, с собой спать положу, а к нему поеду, подарок, *нешкеш* свезу.
- C. — Хочешь быть *молодцом*, так будь *джигит*, а не мужик...
- C. 128 — Разве господа на *мамуках* женятся? Иди!
- S. 234 „Sei still, du *Tölpel!*“ zischte ihn Lukaschka an. „*Abreken* kommen!“
„Komm herein,“ forderte Olenin auf. „Dann trinken wir zusammen ein *Gläschen.*“
- S. 253 „Mein Herr schickt mich zu euch, um etwas *Tschichir* zu kaufen; *seid bitte so gut* und füllt mir welchen ein.“
- S. 315 Wanjuscha *fachte* auf der Veranda, einen Stiefelschaft schwenkend, *die Kohlen im Samowar an.*
- S. 259 „Der *Teufel* hat dich vom *Kordon* hergeführt, du *aufdringlicher Kerl!*“ rief Ustenka und prustete, sich von ihm abwendend, aufs neue los.
Besuchte mich ein *Freund*, dann konnte er sich bei mir einen Rausch antrinken, ich machte es ihm behaglich, nahm ihm mit in mein Bett, und wenn ich zu ihm ritt, brachte ich ihm ein Geschenk, *irgendein Präsent*, mit.
- S. 276 „Wenn du *ein forscher Kerl* sein willst, musst du dich wie *ein Dschigit* benehmen...“
- S. 364 „Geht es denn an, dass ein Herr wie du ein *einfaches Kosakenmädchen* heiratet? Mach mir nichts vor!“

Большинство транслитерированных названий пищи не объяснены в немецком переводе: *каймак* — *Kaimak*, *пилав* — *Pilaw*, *чихирь* — *Tschichir*. В некоторых местах наблюдается отказ от передачи реалии в переводе: *нешкеш* — *irgendein Geschenk*, *чихирь* — *ein Gläschen*, казаки презренно называли *шаповалами* — *von den Kosaken geringschätzig [...] bezeichnet werden*. Абсолютная денотативная языковая лакуна становится в контексте полной речевой лакуной. Абсолютная культурная этнографическая лакуна возникает при переводе русской реалии Ванюша *раздувал голенищем самовар на крыльце хаты*. — *Wanjuscha fachte auf der Veranda, einen Stiefelschaft schwenkend, die Kohlen im Samowar an*. В тексте немецкого перевода русская реалия *раздувать голенищем самовар* объясняется следующим образом: *einen Stiefelschaft schwenkend*.

Абсолютные сигнификативные языковые лакуны или *понятийные лакуны*, согласно Сорокину [1977: 122] и Никитину [1988: 47], являются, напротив, такими различиями в значении, которые возникают вследствие отсутствия концепта или понятия, причём денотативная ситуация или присутствует, или её можно реконструировать. Немецкий концепт *Termin* отсутствует в русской культуре, но может быть объяснён или реконструирован. Такая реконструкция происходит на основе наличия этой денотативной ситуации в целевой культуре, что даёт возможность его описания (парафразы) без контекста. При переводе происходит поиск вариантов в рамках контекста: *Ich habe heute einen Termin beim Zahnarzt* — У меня сегодня *приём* у зубного врача. Перенос значения происходит от немецкого *Termin* к русскому понятию *приём*. В контексте возникает полная компенсированная речевая лакуна на коннота-

тивном уровне значения. Этот пример иллюстрирует довольно чётко разницу между понятием и концептом. Концепт *Termin* относится к особенностям немецкой культуры и немецкого менталитета, в то время как понятие *приём (Empfang)* является в обеих культурах нейтральным. При переводе лексемы *glimpse* происходит сдвиг в значении между двумя понятиями — *glim-*

pse в английском и *Gestalt* немецком языках. Оба лексических значения являются в обеих культурах нейтральными. В контексте возникает частичная речевая лакуна. Благодаря контекстуальной реконструкции в форме экспликации происходит элиминирование абсолютной сигнификативной языковой лакуны в тексте рассказа Льва Толстого:

С. 19

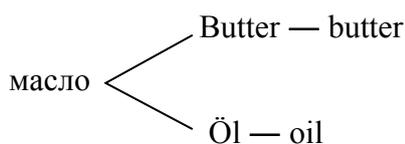
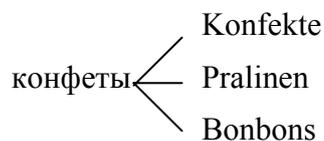
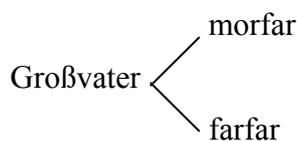
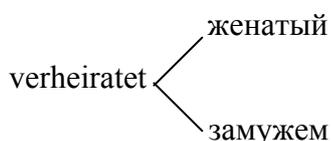
Старик казак с засученными штанами и раскрытою седою грудью, возвращаясь с рыбной ловли, несёт через плечо в *санемке* ещё бьющихся серебристых *шамаек* и,

S. 215

Der alte Kosak, der mit aufgekrempeelten Hosen, das Hemd über der graubehaarten Brust offen, vom Fischfang zurücklehnte und über der Schulter eine *Stange mit einem Flechtkorb* trug, der mit noch zappelnden *Fischen* gefüllt war,

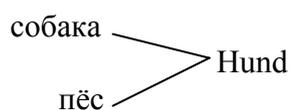
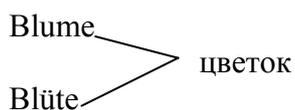
Относительные языковые лакуны подразделяются на **относительные языковые лакуны включения** и **относительные языковые лакуны гетеронимии**. Относительные языковые лакуны **включения** подразделяются, в свою очередь, на относительные языковые лакуны **дивергенции** и **конвергенции**. Под дивергенцией следу-

ет понимать несколько эквивалентных отношений. Они возникают, когда одному слову исходного языка соответствуют один или несколько эквивалентов целевого языка. Коллер [Koller 2004: 230] говорит о дивергенции как **соответствии один-к-многим (eins-zu-viel-Entsprechung)**:

Конвергенция является в принципе обратным явлением эквивалентного отношения. В данном случае сочетаются несколько слов исходного языка с одним эк-

вивалентом целевого языка. Такое отношение можно назвать **соответствием многим-одному (viel-zu-eins-Entsprechung)**:

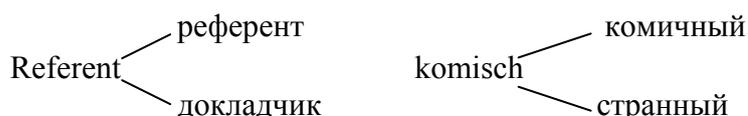
Относительная языковая лакуна гетеронимии возникает тогда, когда пересекаются сравниваемые лексические значения, причём каждое из значений выявляет сферу, которая не покрывается сферой других

значений. Этот вид эквивалентного соответствия охватывает пары лексико-семантических эквивалентов сравниваемых языков, которые характеризуют разные, но всё же по их когнитивной функции похожие дено-

таты. Такое эквивалентное отношение Коллер [2001: 236] называет **соответствием один-к-части (eins-zu-Teil-Entsprechung): Geist/mind/spirit/esprit, Freund/freind/друг.**

Случай межязыковой омонимии определяется как **квазиотносительная языковая лакуна**. Такая относительная языковая лакуна имеет семасиологический характер, т.е. чтобы определить значение лексической единицы этого типа, необходимо исходить

из знака и направляться в сторону концепта. Этот особый случай относительной языковой лакуны называется квазиотносительной языковой лакуной, т.к. при переводе часто выбираются похожие языковые формы в качестве эквивалентных, но имеющих разные значения. Некоторые виды межязыковой омонимии — это и виды дивергенции и конвергенции, что превращает их в настоящие относительные языковые лакуны.

В данном примере речь идёт о **квазиотносительной языковой лакуне дивергенции**.

Полные речевые лакуны подразделяются согласно их способу элиминирования на **компенсированные** и **некомпенсированные (настоящие) полные речевые лакуны**. В случае с компенсированной полной речевой лакуной речь идёт о полном различии в значении на контекстуальном уровне. Семантический потенциал исходного языка, несмотря на применение компенсации как стратегии её элиминирования, остаётся для реципиента целевой культуры скрытым (латентным). В немецком переводе рассказа Л.Толстого «Казачки» зафиксировано большое количество полных компенсированных речевых лакун, возникших из-за передачи в переводе диалекта тереских казаков, который, в свою очередь, является интракультурной лакуной в рамках русской культуры и поэтому

остаётся скрытым для немецкого читателя. Такой внутрикультурный языковой слой может быть представлен в виде тематической пасмы изотопий (также по [Thiel/Thome 1988: 306]), которая состоит из различных рядов (цепей) изотопий. Такой ряд или цепь изотопий возникает путём повторения и связи обоих тематических слов на основе общих тематических имплицативных сем в сфере контенционала семемы. Такие цепи изотопий, образующие в совокупности целую тематическую пасму изотопий, которая в рассказе Л. Толстого является языком казаков, можно обнаружить во всем тексте. Перевод внутрикультурного слоя — это и «перевод» полных речевых лакун, лежащих в основе эквивалентных отношений всей парадигмы текста. Компенсация её происходит таким образом, что все диалектизмы получают в немецком переводе единую общезыковую форму:

— Вишь, **чорт** какой! — сказал он, хмурясь и бросая наземь чеченский **зипун**. — Хошь бы зипун хороший был, а то **байгуш**.

С. 38

Один казак купил зипун за **монету**. За кинжал дал другой **два ведра**.

С. 42

Чего пришёл? **Каку надо болячку?** Скоблёное твоё рыло!

S. 239

„So ein **Halunke!**“ brummte er und warf wütend den **Rock** des Tschetschenen hin. „Wenn’s wenigstens ein guter Rock wäre, aber so ein **Fetzen...**“

S. 240

Ein Kosak erwarb den Rock für einen **Rubel**. Für den Dolch gab ein anderer **zwei Eimer Branntwein**.

S. 247

„Wozu bist du gekommen? **Was hast du hier zu suchen** mit deiner geschabten Schnauze?..“

С. 45

— В лесу три курочки *замордовал*, — ответил старик,...

С. 50

— Что, *скурёхи*, песен не играете? — крикнул он на девок.

— Что красавицы, заснули? — сказал Назарка.

— Мы с *кордона помолить** пришли. Вот Лукашку *помолили*.

* помолить на казачьем языке значит за вином поздравить кого-нибудь и пожелать счастья; вообще употребляется в смысле выпить.

С. 45

— Э, да ты, я вижу, молодец! Мы с тобой *кунаки* будем, — сказал дядя Ерошка.

— Что *застил-то, чорт!* — вдруг крикнула девка. — Подал бы графин-то.

С. 51

— Ну, *смола!* — запищала девка. — *Бабе* скажу!

— И впрям Назарка *правду баит*...

С. 54

— *Нянюшка* Марьянка! А, *нянюшка!* *Мамука* ужинать зовёт, — прокричал, подбегая к казачкам, маленький брат Марьяны.

— Сейчас приду, — отвечала девка, — ты иди, *батьюшка*, иди один; сейчас приду.

С. 56

Он рассказал про старое житьё казаков, про своего *батьюшку* Широкого, ... Рассказал про своё времечко и своего *няню** Гирчика,...

* Няней называется в прямом смысле всегда старшая сестра, а в переносном «няней» называется друг

С. 62

... он усмехнулся, толкнул раз босою пяткою, ещё раз, и *сделал выходку*.

С. 20

Визжат козачата, *гоняющие кубари* на улицах везде, где вышло ровное место.

... и только слышится из *плети* её голос, нежно уговаривающий буйволицу: «*Не постой! Эка ты! Ну тебя, ну, матушка!*...» Вскоре приходит девка с старухой из *закуты* в *избушку*,

С. 250

„Im Wald habe ich drei Stück *abgeknallt*,“ antwortete der Alte,...

С. 256

„Warum singt ihr nicht, ihr *Weiberpack*?“ rief er den Mädchen zu.

„Nun, ihr Schönen, seid ihr eingeschlafen?“ wandte sich Nasarka an die Mädchen. „Wir sind vom *Kordon gekommen*, um uns *einen guten Tag* zu machen. Wir haben auf Lukaschkas *Wohl getrunken*.“

С. 250

„Ei, du bist ein ganzer Mann, wie ich sehe! Wir müssen *gut Freund* werden,“ sagte Onkel Jeroschka.

„Was *stehst du mir im Licht, du Töpel!*“ fuhr ihn plötzlich das Mädchen an. „Gib lieber die Karaffe her!“

С. 259

„Lass mich, du *frecher Kerl*“, kreischte das Mädchen. Ich sag's *deiner Frau!*“

„Nasarka *redet die reine Wahrheit*...“

С. 262

„*Schwesterchen*, Marjanka! He, *Schwesterchen!* *Die Mutter* ruft zum Abendbrot“, schrie Marjankas kleiner Bruder, der auf die Kosakinnen zugelaufen kam. „Ich komme gleich“, antwortete das Mädchen. „Geh schon, *mein Lieber*, geh schon voraus, ich komme gleich nach.“

С. 265

Er erzählte von der Lebensweise der Kosaken in früheren Zeiten und von seinem *Vater*, den man den Breiten genannt hatte, ... Er erzählte aus seinem eigenen Leben und von seinem *guten Freund* Girtschik,...

С. 273

... er schmunzelte, stampfte ein paarmal mit den bloßen Hacken auf den Fußboden und *stellte sich in Positur wie zu einem Angriff*.

С. 215

Kleine Kosakenjungen ließen an jeder ebenen Stelle, die sie auf der Straße entdeckten, ihre *Kreisel tanzen* und kreischten vor Vergnügen.

...hörte man nur noch ihre Stimme aus den *Verschlägen* herüberklingen, wenn sie der Büffelkuh gut zu redete: „*Na, halt doch endlich still! So ein Querkopf! Lass mich doch, lass mich, meine Gute!*“ Bald darauf traten Mutter und Tochter aus dem *Stall* und gingen in die *Milchkammer**;

* Milchkammer ist bei den Kosaken ein niedriger, kühler Schuppen, wo die Milchprodukte gekocht und aufbewahrt werden.

С. 23

«...и несмотря на то, что дня два тому назад **прибегал*** от полкового командира казак с **цыдулкой****, в которой значилось, что, по полученным через лазутчиков сведениям, **партия в восемь человек** намерена переправиться через Терек, ...

* **прибегал** значит на казачьем наречии приезжал верхом.

****цыдулкой** назывался циркуляр, рассылаемый по постам.

С. 23

Только лошадь дежурного оседланная **ходила в треноге** по тёрнам около леса, и только леса, и только часовой казак был в **черкеске**, ружьё и шапке.

С. 24

Широкая **черкеска** была кое-где порвана, шапка была заломлена назад по-чеченски, **ноговицы** опущены ниже колен.

С. 26

— **Право, дядя**, ты **посиди***, — подтвердил Назарка, посмеиваясь.

* **посидеть** — значить караулить зверя

С. 26

Иляска как **локнет***...

* **локнет** — выстрелит на казачьем языке

С. 27

— О! — сказал Лукашка замолкая, — где пехота-то взял? Должно мой **пружок***...

* **Силки**, которые ставят для ловки фазанов.

С. 30

— Спаси тебя Христос, — ответил старик: — **карга** за канавой в **котлубани*** будет, — прибавил он. — Я посижу, а ты ступай.

* **Котлубанью** называется яма, иногда просто лужа, в которой мажется кабан, натирая себе «калчан», толстую хрящевую шкуру.

С. 31

Лукашка вскинул выше **бурку** и один пошёл назад по берегу, быстро подглядывая то налево на стену камышей, то на Терек, бурливший подле под берегом.

С. 34

— **Эна!** Я тебе говорю, другие будут, верно тебе говорю, — сказал он тихо и стал осматривать ружьё.

S. 219

... und obwohl vor zwei Tagen ein Kosak mit einem **Rundschreiben** des Regimentskommandeurs **angesprengt gekommen war**, in dem es hieß, dass laut Ermittlungen der Kundschafter **eine achtköpfige Bande** den Terek zu überqueren beabsichtigte.

S. 220

Nur das Pferd des Diensthabenden war gesattelt und **stapfte mit Fesseln** an den Beinen am Waldrand im Dornengebüsch umher, und nur der auf Posten stehende Kosak hatte eine **Tscherkeska** an und war mit Säbel und Gewähr ausgerüstet.

S. 221

Die weite **Tscherkeska** wies hier und da Risse auf, die Mütze war auf Tschetschenenart in den Nacken geschoben und **die Gamaschen** ließen die Knie frei.

S. 223

„**Du kannst es mir glauben, Onkel!**“ versicherte Nasarka mit einem verschmitzten Lächeln. „**Leg dich doch mal auf die Lauer!**“

S. 224

... aber Iljaska **ballerte los**.

S. 225

„Sieh mal an!“ sagte Lukaschka mit seinem Gesang innehaltend. „Wo hast Du denn her? Wohl aus einer von meinen **Schlingen?**“

S. 226

„Gott hüte dich,“ erwiderte der Alte. „Der **Keiler** wird hinter dem Graben im **Morast** stecken. Ich werde hier sitzen bleiben, und du geh jetzt zurück.“

S. 230

Lukaschka zog seinen **Umhang** höher und blickte, während er am Ufer entlang zurückging, bald aufmerksam nach links, auf die Wand von Schilf, bald auf den Terek, der rechts von ihm rauschte.

S. 234

„**Potztausend!** Pass auf, es kommen noch mehr, sag ich dir,“ flüsterte er Lukaschka zu und prüfte sein Gewehr.

Общая макротематическая пасма изотопий распадается на следующие микротематические цепи изотопий:

1. локальные названия одежды: *бурка* — *der Umhang*, *ноговицы* — *die Gamaschen*, *зипун* — *der Rock*, *байгуш* — *der Fetzen*;
2. локальные названия денег: *за три монета* — *für drei Rubel*;
3. локальный язык: — *Эна!* — „*Potztausend!*“, *Иляска как локнет...* — *aber Iljaska ballerte los*, *посиди* — *Leg dich doch mal auf die Lauer!*, «*He постом!* *Эка ты!* Ну тебя, ну, *матушка!*..» — „*Na, halt doch endlich still! So ein Querkopf! Lass mich doch, lass mich, meine Gute!*“, *сделал выходку* — *stellte sich in Positur wie zu einem Angriff*, *правду баум* — *redet die reine Wahrheit*, — *Что зазастил-то, чорп!* — „*Was stehst du mir im Licht, du Tölpel!*“, *Мы с кордона помолить пришли. Вот Лукашку помолули.* — *Wir sind vom Kordon gekommen, um uns einen guten Tag zu machen. Wir haben auf Lukaschkas Wohl getrunken, Каку надо болячку?* — *Was hast du hier zu suchen...*, *замордовал* — *abgeknallt*, *прибегал* — *angesprengt gekommen war*.
4. названия отношений родства и дружбы: *кунаки* — *gut Freund*, *Бабе скажу!* — *Ich sag's deiner Frau!*, *нянюшка* — *Schwesterchen*, *мамука* — *die Mutter*, *батюшка* — *mein Lieber, der Vater*, *своего няню* — *von seinem guten Freund*;
5. охота и рыболовство: *карга* — *der Keiler*, *за канавой в котлубани* — *im Morast*, *пружок* — *der Schlingen*, *серебристых шамаек* — *mit noch zappelnden Fischen*;
6. названия деревенских потроек: *из закуты в избушку* — *aus dem Stall und gingen in die Milchammer*;
7. ругательства: *скупёхи* — *Weiberpack*, *ну, смола!* — *du frecher Kerl!*;
8. военные названия: *цыдулка* — *Rundschreiben*, *партия* — *Bande*.

Важным признаком **частичной речевой лакуны** является отношения гиперонима-гипонима при межкультурном сравнении языков. Поэтому частичные речевые лакуны подразделяются на частичные речевые лакуны **генерализации** (сдвиг значения в рамках одного семантического поля от гипонима к гиперониму) и **конкретизации** (сдвиг значения от гиперонима к гипониму). Частичная лакуна генерализации может также быть лакуной конвергации, если гипероним находится к гипониму в отношении конвергации. Сфера относительных языковых и частичных речевых лакун является сферой эквивалентных отношений, в которой сильнее всего проявляется их аппроксимативный характер. Возникновение частичной речевой лакуны генерализации можно проследить в следующем отрывке текста из рассказа «Казаки»:

— То-то *подлая душа*, Мосев-то.

С. 6

— Но что за охота ехать на Кавказ и юнкером я бы *полтинника* не взял.

Мосев и то хотел его *обидеть*.

С. 43

На новой квартире всё устроилось. Хозяева перешли *в тёплую*, юнкеру за три *монета* в месяц отдали *холодную хату*.

„Ein *gemeiner Kerl*, dieser Mossew!“

S. 196

«Aber *welch ein Einfall* von ihm, in den Kaukasus zu gehen, und noch *dazu* als Fahnenjunker! Ich täte es nicht einmal für *viel Geld*.»

„Mossew wollte ihn ja *übertreiben*.“

S. 248

Im neuen Quartier war bald alles eingerichtet. Die Wirtseleute bezogen das *Winterhaus*, und dem Junker wurde für drei *Rubel* monatlich das *nichtheizbare Sommerhaus* überlassen.

Модификация аксиологических лакун представлена на нижеследующей схеме.

аксиологические характеристики семантической интенсивности лакуны

В заключение следует подчеркнуть, что применение модели лакун в анализе и переводе литературных текстов повышает продуктивность процесса перевода. Теория и модель лакун предоставляют возможность прогнозирования потенциальных межкультурных различий. При построении

эквивалентных отношений между лексическими единицами переводчик не напрямую исходит из поиска эквивалентов, что зачастую приводит к переводческим ошибкам, а начинает анализ значений с развития способности видеть, понимать и определять существующие межкультурные различия.

Это позволяет взглянуть на процесс перевода из другой перспективы: определение вида лакуны становится исходным пунктом построения эквивалентных отношений, т.к. согласно Эртельт-Фиит [2005: 86] лакуны являются исходными пунктами семиозиса. Модель лакун является таким образом инструментом для семантического измерения эквивалентности, на отсутствие которого в переводоведении обращал внимание Фольфрам Вильсс [1977: 157].

Литература:

- Булдаков В.А.* Стилистически сниженная фразеология и методы её идентификации: на материале современного немецкого языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1982.
- Вежбицкая Анна.* Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва. М., 2001.
- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
- Донец П.Н.* Основы общей теории межкультурной коммуникации. Харьков: Штрих, 2001.
- Гак В.Г.* Языковые преобразования. М., 1998.
- Гудков Д.Б.* Семантическое пространство и способы актуализации значений (на примере кросс- и сканвордов) // Политический дискурс в России 5. У полидискурсной карты России. Попытка политико-эстетическо-дискурсного оправдания эпохи. Материалы постоянно действующего семинара, 22 апреля 2001 г. М. 2001, с. 33-38.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М., 1996.
- Лихачёв Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и язык. 1993, № 1.
- Манакин В.Н.* Сопоставительная лексикология. Киев: Знание, 2004.
- Марковина И.Ю.* Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
- Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Национально-специфическое в межкультурной коммуникации. // Текст как явление культуры. Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Новосибирск, 1989, с. 71-184.
- Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
- Сорокин Ю.А.* Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур // Леонтьев А.А.; Сорокин Ю.А.; Тарасов Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого поведения (Академия наук СССР. Институт языкознания). М.: Наука, 1977, с. 120-136.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Стернин И.А., Быкова Г.В.* Концепты и лакуны // Языковое сознание. Формирование и функционирование Сб. ст. / Уфимцева Н.В. (отв. ред.). М., 1998.
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. О газетно-информационном и военно-публицистическом переводе. М., 1973.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты / Отв. ред. член-корр. АН СССР В.Н. Ярцева. М.: Наука, 1988.
- Толстой Л.Н.* Казаки. Кавказская повесть. Государственное издательство художественной литературы. М., 1952.
- Якобсон, Роман.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978, с. 16-24.
- Barthes, Roland* (1964/1981): *Elemente der Semiotologie*. Aus dem Französischen von Eva Moldenhauer. Frankfurt am Main: Syndikat, 2. Auflage.
- Chlebnikow, Welimir:* *Ziehn wir mit Netzen die blinde Menschheit. Gedichte.* Verlag Volk und Welt Berlin, 1984
- Dietze, Joachim* (1994): *Texterschließung: Lexikalische Semantik und Wissensrepräsentation*. K.G. Saur. München – New Providence – London – Paris.
- Eco, Umberto* (1976/1991): *Semiotik: Entwurf einer Theorie der Zeichen*. Übersetzt von Günther Memmert. Wilhelm Fink Verlag.
- Ejger, Heinrich; Panasiuk, Igor* (2006): *Lakunen und Konzepte: Zur Frage der Determinierung interkultureller Unterschiede* In: Igor Panasiuk, Hartmut Schröder (Hrsg.): *Lakunen-Theorie: Ethnopsycholinguistische Aspekte der Sprach- und*

Kulturforschung. Semiotik der Kultur. LIT Verlag Münster, S. 112-118.

Ertelt-Vieth, Astrid (1999): Kulturen modellieren aus empirisch-induktiver Sicht? Zum Potential zweier Ansätze: Kulturstandards und Lakunen. In: Heinz Hahn (Hrsg.) Kulturunterschiede. Interdisziplinäre Konzepte zu kollektiven Identitäten und Mentalität. Beiträge zur sozialwissenschaftlichen Analyse interkultureller Beziehungen. Band 3. IKO — Verlag für Internationale Kommunikation.

Ertelt-Vieth, Astrid (2005): Interkulturelle Kommunikation und kultureller Wandel. Eine empirische Studie zum russisch-deutschen Schüleraustausch. Giessener Beiträge zur Fremdsprachendidaktik. Gunter Narr Verlag Tübingen

Frege, G. (1892): Über Sinn und Bedeutung. In: Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, N. F. 100, 25-50 — Reprinted in: (1969): Funktion, Begriff, Bedeutung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, S. 40-65.

Jakobson, Roman (1959): On Linguistic Aspects of Translation. In: Browsers, R. (Ed.): On Translation. Cambridge/Mass.: Harvard University Press, S. 232-239.

Jakobson, Roman (1960): Linguistics and Poetics. In: Stephen Rudy (Ed.): Selected Writings. Poetry of Grammar and Grammar of Poetry. Mouton Publishers. The Hague, Paris, New York 1981, S. 18-51.

Jäger, Gert (1965): Invariante und Entsprechungstypen bei der Translation. In: Fremdsprachen. Zeitschrift für Dolmetscher, Übersetzer und Sprachkundige. 4/1965.

Jäger, Gert (1973): Kommunikative und funktionelle Äquivalenz. In: Rainer Eckert, Rudolf Große, Albrecht Neubert, Rudolf Růžička (Hrsg.): Linguistische Arbeits Berichte 7. Beiträge zur Übersetzungswissenschaft. Leipzig, S. 60-74.

Jäger, Gert (1975): Translation und Translationslinguistik. VEB Max Niemeyer Verlag Halle (Saale).

Kade, Otto (1971): Das Problem der Übersetzbarkeit aus der Sicht der marxistisch-leninistischen Erkenntnistheorie. In: Linguistische Arbeitsberichte (Leipzig), 4, S. 13-28.

Panasiuk, Igor (2005): Kulturelle Aspekte der Übersetzung. Anwendung des ethnopsycho-

linguistischen Lakunen-Modells auf die Analyse und Übersetzung literarischer Texte. Semiotik der Kultur, LIT Verlag Münster.

Peirce, Charles Sanders (1903/1993): Phänomen und Logik der Zeichen. Herausgegeben und übersetzt von Helmut Pape. Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft 425.

Saussure de, Ferdinand (1916): Grundfragen der allgemeinen Sprachwissenschaft. In: Hoffmann, Ludger (Hrsg.), Sprachwissenschaft. Ein Reader. Walter de Gruyter. Berlin – New York 1996, S. 32-50.

Schröder, Hartmut (1998): Semiotisch-rhetorische Aspekte von Sprachtabus. In: Eckhard Höfner, Hartmut Schröder, Roland Wittmann (Hrsg.): Valami más. Beiträge des Finnisch-Ungarischen Kultursemiotischen Symposiums „Zeichenhafte Aspekte der Veränderung“ (25.-28. 11.1998 Berlin – Frankfurt (Oder) – Słubice). Peter Lang: Europäischer Verlag der Wissenschaften 2002, S. 169-187

Sottong, Hermann; Müller, Michael (1998): Zwischen Sender und Empfänger. Eine Einführung in die Semiotik der Kommunikationsgesellschaft. Erich Schmidt Verlag

Thiel, Gisela; Thome, Gisela (1988): Isotopiekonzept, Informationsstruktur und Fachsprache. Untersuchung an wissenschaftsjournalistischen Texten. In: Reiner Arntz (Hrsg.): Textlinguistik und Fachsprache. Akten des Internationalen übersetzungswissenschaftlichen AILA-Symposiums Hildesheim, 13–16. April 1987, S. 299-331. Специфическое в межкультурной коммуникации. Глава III // Антипов Г.А.; Донских О.А.; Марковина И.Ю.; Сорокин Ю.А.

Tolstoi, Lew: Polikuschka. Aus dem Russischen übersetzt von Hermann Asemissen 1983.

Turk, Horst (1988): Adäquatheit, Äquivalenz, Korrespondenz. Der kategoriale Rahmen der Übersetzungsanalyse. In: Reiner Arntz (Hrsg.): Textlinguistik und Fachsprache. Akten des Internationalen übersetzungswissenschaftlichen AILA-Symposiums Hildesheim, 13. – 16. April 1987, S. 87-99.

Wilss, Wolfram (1977): Übersetzungswissenschaft. Probleme und Methoden. Ernst Klett Stuttgart.

Н.С. Сергиева

«ЧЕЛОВЕК» КАК ЕДИНИЦА ЯДРА РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Языковое сознание, ассоциативно-вербальная сеть, семантический гештальт, человек, личность

Автор анализирует содержание образа «человек» в ядре языкового сознания носителей русского языка. Исследование выполнено на материале ассоциативного эксперимента, с применением методики семантического гештальта, предложенной Ю.Н. Карауловым.

С учетом различий в частотности реакций и неоднородности ассоциативных связей исследователи выделяют ядерную часть лексики, называемую «ядром ментального лексикона» или «ядром языкового сознания». Методика выделения ядра лексики была разработана А.А. Залевской [Залевская 1981; 2005].

Ядро языкового сознания формируется из тех слов (идей, понятий, концептов) в ассоциативно-вербальной сети, которые имеют наибольшее число связей, т.е. вызваны в качестве ответов на наибольшее число стимулов [Караулов 2000: 194], слов, представляющих «особое значение для испытуемого как личности и отражающих самые емкие понятия, связь с которыми имеет максимальную вероятность воспроизведения» [Залевская 2005: 111]. С точки зрения структуры лексические единицы, входящие в ядро, представляют собой вершины в системе иерархий, организующих весь лексический состав языка [Залевская 2005: 112].

По мнению Т.Н. Ушаковой, «ядро языкового сознания осуществляет лингвистическую проекцию бытия человека, сохраняющееся на протяжении его жизни, ориентирующее его в окружающей действительности и составляющее основу его языковой картины мира» [Ушакова 2000: 16].

Н.О. Золотовой была установлена, неоднородность ядра, выделено и проанализировано 5 слоев в его составе в зависимости от контрольного показателя числа входящих связей: ядро-центр и 4 периферийных слоя [Золотова 2005]. По нашим данным, ядро русского языкового сознания в РАС составляет 531 единицу.

Выделение ядра в структуре языкового сознания и оперирование его единицами дает большие возможности для исследования этнокультурной специфики языкового сознания, в том числе и в сопоставительном аспекте. Эти возможности возросли после выхода в свет «Русского ассоциативного словаря» [РАС].

Впервые 75 слов русского языка, имеющих наибольшее количество связей с другими единицами ассоциативно-вербальной сети, было отобрано Н.В. Уфимцевой еще в ходе подготовки РАС, по результатам первых двух этапов, и названо ядром языкового сознания [Уфимцева 1996]. Таким образом был выявлен круг понятий, наиболее существенных для современного русского языкового сознания, т.е. образ мира современных русских [Уфимцева 1996: 141].

Как считает Н.В. Уфимцева, «любой достаточно большой список слов-стимулов «приводит» к одному и тому же для данной культуры ядру языкового сознания, т.е. к центральному для данного образа мира понятиям в их соотношении друг с другом, т.е. в их системности» [Уфимцева 2000: 216-217]. Анализ ядра языкового сознания русских по данным трех русских ассоциативных словарей — «Русского ассоциативного словаря» [РАС], «Славянского ассоциативного словаря» [САС] и «Словаря ассоциативных норм русского языка» [САН-РЯ] — позволяют говорить о стабильности системы языкового сознания, выявляемой в свободном ассоциативном эксперименте. Как можно проследить с 60-х годов XX в., центральными для языкового сознания русских являются такие понятия, как *человек, дом, жизнь, хорошо, друг, нет*. По

мнению автора, системность языкового сознания, которая вскрывается при анализе материалов массового свободного ассоциативного эксперимента с русскими испытуемыми, связана с системой этнических констант [Уфимцева 2002: 161-162].

Сопоставительное исследование ядра языкового сознания разных языков позволяет выделить 10 универсальных и наиболее важных единиц языкового сознания: *жизнь, человек, хорошо, любовь, красивый, радость, счастье, дом, друг, деньги*. Можно утверждать, что в центре языкового сознания находится сам *человек* и его *жизнь*, а языковое сознание имеет положительную оценочность и является в целом оптимистичным (*хорошо, счастье*). При этом важными в жизни человека представляются его отношения с другими людьми (*любовь, друг*), место, где он живет (*дом*), и материальное обеспечение своей жизни (*деньги*). Столь же значимыми сторонами являются эмоциональная (*радость, любовь, счастье*) и эстетическая (*красивый*) [Сергиева 2006: 182].

Однако в целом, простое сопоставление списков слов, входящих в ядро языкового сознания, малоинформативно. Ю.Н. Караулов считает, что прямое сравнение не позволяет получить какие-то значительные и интересные результаты. Такие результаты может дать анализ на глубинном уровне, для чего используется исключительно плодотворная идея «семантического гештальта», который, по мнению исследователя, отражает внутреннюю семантическую организацию состава ассоциативного поля и характеризует поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности. Семантический гештальт складывается обычно из нескольких зон (их число колеблется в пределах 7 ± 2), которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (=стимулу) [Караулов 2000: 194]. Семантический гештальт использовался как для анализа отдельных ассоциативных полей, так и применительно к

лексической совокупности, составляющей ядро языкового сознания для выявления ее внутренней семантической организации. Гештальты понимаются как комплексные, целостные функциональные структуры, упорядочивающие многообразие отдельных явлений в сознании.

В самом обосновании гештальта как единицы знания о мире, структура которой соотносится со структурой реальности (Ю.Н. Караулов), заложены его основные признаки — комплексный и одновременно целостный характер, функциональность и одновременно вариативная гибкость [Марковина, Данилова 2000: 119]. Именно эти качества делают семантический гештальт плодотворным приемом в межкультурных исследованиях, когда привлекаются материалы различных языков и необходимо получить максимум информации при их сопоставлении. Например, в работе Ю.Н. Караулова — для сопоставления лексического ядра испанского и русского языков, в работе А.П. Боргояковой — хакасского, русского и английского языков [Боргоякова 2003]. Иначе говоря, всегда присутствует ориентация на цели и задачи конкретного сопоставительного исследования.

В нашей работе при построении семантического гештальта мы следуем подходу Ю.Н. Караулова и предложенному им делению на зоны как более, на наш взгляд, «лаконичному», последовательному и тем самым более пригодному для целей нашего исследования. Нам представляется также, что семантические зоны, выделяемые на материале узкого круга ядерной лексики, имеющей самое большое количество связей в ассоциативно-вербальной сети, позволяет представить семантический гештальт именно как комплексную и одновременно целостную функциональную структуру, упорядочивающую многообразие отдельных явлений в сознании.

Нами построен семантический гештальт на материале 1-го слоя ядра языкового сознания РАС, включающего 48 слов-ассоциатов. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Семантический гештальт ядра русского языкового сознания
(1-й слой)

1. ХОРОШО — ПЛОХО		2. ЖИЗНЬ		3. ЧЕЛОВЕК	
	5638		5379		4618
Плохо	677	Жизнь	694	Человек	1355
Хорошо	665	Жить	341		
		Смерть	376	Мужчина	424
Нет	660			Женщина	322
Есть	348	Время	347	Ребенок	400
		День	419	Парень	354
Большой	662				
		Дом	845	Я	337
Хороший	425	Мир	349	Мой	326
Плохой	371	Дома	311		
		Стол	359	Дурак	552
Много	419				
		Дорога	352	Друг	548
Все	400	Машина	317		
		Идти	307	4. ЛЕС	1844
Красивый	385	Быстро	362	Лес	432
Красный	323			Вода	412
Старый	303	6. ГОВОРИТЬ / ДУМАТЬ	1342		
				Дерево	350
5. ДЕНЬГИ	1362	Говорить	347	Свет	338
		Думать	342	Грязь	312
Деньги	564	Разговор	336		
Работа	418	Книга	317	7. ЛЮБОВЬ	810
Дело	380			Любовь	418
				Радость	392

Наибольший интерес для нашего исследования представляют зоны **2** и **3**, **ЖИЗНЬ** и **ЧЕЛОВЕК**. В зоне **ЖИЗНЬ** отчетливо выделяются подзоны времени, пространства и движения. В зоне **ЧЕЛОВЕК** выделяется подзона наименования людей по возрасту и полу и подзона дейктических наименований.

При добавлении единиц 2-го слоя, как можно проследить по Таблице 2, происходит не просто количественное «наращение» всех зон гештальта, но и усложнение

структуры внутри отдельных зон. Так, в зоне **ХОРОШО-ПЛОХО** формируется подзона «Цвет» (*красный, белый, черный, зеленый*), более четко обозначается бинарная структура оценки (*хорошо — плохо, хороший — плохой, нет — есть* и *большой — маленький, умный — глупый*). В зоне **ЖИЗНЬ** происходит количественное наполнение подзоны «Время» (*время, день, вечер, долго, всегда*). В зоне **ЧЕЛОВЕК** усложняется подзона наименования лиц по возрасту и полу (*мальчик, девушка*), отчет-

Таблица 2.

**Семантический гештальт ядра русского языкового сознания
(1-2 слои)**

1. ХОРОШО- ПЛОХО	7807	2. ЖИЗНЬ	7255	3. ЧЕЛОВЕК	6026
Плохо	677	Жизнь	694	Человек	1355
Хорошо	665	Жить	341		
		Смерть	376	Мужчина	424
Хороший	425	Сон	252	Мужик	293
Плохой	371			Муж	265
		Время	347	Женщина	322
Нет	660	День	419		
Есть	348	Вечер	253	Ребенок	400
		Долго	276	Мальчик	299
Большой	662	Всегда	275		
Маленький	257			Парень	354
		Дом	845	Девушка	297
Умный	283	Мир	349		
Глупый	251	Город	275	Я	337
		Дома	311	Он	254
Много	419	Стол	359	Мой	326
Очень	253	Собака	264		
				Дурак	552
Все	400	Дорога	352		
		Машина	317	Друг	548
Красивый	385	Идти	307		
Старый	303	Быстро	362	4. ЛЕС	2375
Сильный	279	Далеко	281	Лес	432
				Дерево	350
Красный	323	5. ГОВОРИТЬ / ДУМАТЬ	2327		
Белый	298			Вода	412
Черный	275	Говорить	347	Море	272
Зеленый	273	Думать	342	Свет	338
		Разговор	336	Солнце	259
6. ДЕНЬГИ	1868	Ум	258	Грязь	312
		Книга	317		
Деньги	564	Кино	263	7. ЛЮБОВЬ	1638
Работа	418	Урок	256	Любовь	418
Дело	380	Вопрос	253	Радость	392
Предмет	254			Страх	285
Сделать	252			Боль	275
				Счастье	268

ливо прослеживается бинарный характер обозначения (*мужчина — женщина, парень — девушка*). Зона **ЧЕЛОВЕК** представляет для нас особый интерес, ее мы рассмотрим подробно.

Ю.Н. Караулов следующим образом характеризует зону **ЧЕЛОВЕК** в ядре русского языкового сознания. Эта зона устроена бинарно, ее состав распадается на пары (*друг — товарищ, мужчина — женщина ...*), причем второй член пары всегда менее частотен (менее важен в иерархии), чем первый. Автор считает, что если в русском менталитете **ЧЕЛОВЕК** — это прежде всего абстрактная, безличная сущность, претендующая на охват своим содержанием всего мира в целом [Караулов 2000: 199-200].

ЧЕЛОВЕК — это центр русского языкового сознания. По данным РАС, *человек* имеет самый высокий показатель входящих связей — 1355, следующий за ним показатель имеет слово *дом* — 845, и этот показатель существенно ниже.

Чтобы проследить, какое содержание стоит за этим понятием, в русском языковом сознании, обратимся к АП *человек* в русских ассоциативных словарях: «Русский ассоциативный словарь» в двух томах (прямой и обратный) [РАС-I и РАС-II], «Словарь ассоциативных норм русского языка» [САНРЯ] и «Славянский ассоциативный словарь» [САС]. Вслед за Г.А. Черкасовой мы будем различать в составе АП «постоянные» и «вероятностные» реакции. Последовательно проследив динамику словников реакций в РАС и САС в зависимости от числа испытуемых и количества ответов на стимулы, Г.А. Черкасова доказала, что «постоянные» реакции, данные более чем 5% респондентов, встречаются во всех выборках, причем их количество весьма мало (3-6 слов). Такие реакции имеют относительную частоту встречаемости более 5% в любых выборках объемом не менее 100 респондентов, и при увеличении объема выборки со 100 до 200 респондентов относительные частоты встречае-

мости (ранги) «постоянных» реакций стабилизируются. Реакции, данные менее чем 5% респондентов, являются «вероятностными» [Черкасова 2005: 240-243]. «Постоянные» реакции отражают наиболее устойчивые связи, сложившиеся на момент обследования между единицами языкового сознания испытуемых.

С этой точки зрения обратимся к анализу АП *человек* в ассоциативных словарях русского языка как гиперонима, дающего название семантической зоне. В I томе РАС количество испытуемых, в чьи анкеты было включено слово-стимул *человек*, составило 644, следовательно «постоянная» зона реакций (выше 5%) составляет от 32 и более, однако в данном АП «постоянная» зона вообще не выделяется. Самые частотные реакции — *невидимка, хороший* — имеют показатель 25 [РАС-I: 720]. В САС количество испытуемых равно 588 (5%= 29), постоянная зона также не выделяется, а самая частотная реакция — *животное* 25 [САС: 252, 254]. «Постоянные» реакции в исследуемом АП можно выделить только в САНРЯ. Там количество испытуемых — 214 (5%=11), единственная «постоянная» реакция — *люди* 17 [САНРЯ: 186-187].

Таким образом, в русском языковом сознании не зафиксировано устойчивых ассоциативных представлений, которые стоят за словом *человек*. Общее представление в целом онтологично: *человек* — это «человек» (*люди*). По удачному выражению Н.Д. Арутюновой, образ человека всегда «человечен» [Арутюнова 1999: 323].

Из «вероятностных» реакций в АП *человек*, самыми частотными именами существительными являются *животное* 16; *зверь* 15, *обезьяна* 13, *друг* 10 (РАС-I, с. 720); *животное* 25; *обезьяна* 20; *друг, существо* 18 [САС: 252]; *животное, зверь* 10, *друг* 7 [САНРЯ: 186], выражающие отношения человека к животным и к другому человеку.

Мы не можем использовать выведенную Г.А. Черкасовой статистическую закономерность применительно к данным обрат-

ных словарей, однако можно предполагать, что и в обратном словаре стимулы, имеющие высокую частоту, демонстрируют более устойчивую связь в паре «стимул → реакция», а следовательно, и в ассоциативно-вербальной сети, чем малочастотные стимулы.

В РАС-II реакция *человек* имеет 1355 входящих связей и 12683 суммарных появлений на всем массиве стимулов. Наиболее высокую частоту демонстрируют прилагательные: *человек* ← **нужный 201; серьезный 195; ничтожный 178; деятельный 174; немногословный 163; энергичный 160; странный 158 ...** Самый частотный стимул, выраженный именем существительным (или местоимением), имеет показатель гораздо ниже: **личность 75**, затем по убывающей — **я 62; невидимка 34; гражданин 28; амфибия, чудака 27; он 16; ты 14; кто, лицо 12 ...** [РАС-II: 936-937]. Если исключить из этого ряда *невидимка, амфибия, чудака*, составляющие с *человек* в паре «стимул → реакция» устойчивые сочетания, остаются **личность, гражданин, я, он, ты, кто, лицо ...**

В САС аналогичная ситуация. Реакция *человек* имеет 53 входящие связи и 1295 суммарных появлений на всем массиве стимулов. Наиболее частотные связи демонстрируют прилагательные: **молодой 163; свободный 141; умный 113; больной 112; жадный 84; глупый 83 ...** Связи со словами других частей речи гораздо менее устойчивы: **дурак 29; душа, мужчина 20; лицо 9; женщина 7 ...** [САС: 363].

Среди обратных связей в паре «стимул → реакция» наиболее высокий показатель среди имен существительных имеет слово **личность**. На отсутствие или слабую выраженность идеи личности в русском языковом сознании писали Ю.Н. Караулов, Н.В. Уфимцева [Караулов 2000: 199; Уфимцева 2000: 212]. О формировании концепта ЛИЧНОСТЬ в русской культуре писал Ю.С. Степанов [Степанов 1997: 704-716], широко известна работа В.В. Виноградова, посвященная истории слова «лич-

ность» в русском языке до середины XIX в. [Виноградов 1994].

Не имея возможности подробно останавливаться на этой проблеме, ограничимся замечанием, что в русском языковом сознании представление о личности действительно является слабо выраженным. По данным прямого словаря, в РАС реакции *личность* (в отличие от *человек*) малочастотны, имеют периферийный характер и не фиксируются среди «постоянных», за исключением АП *индивидуальность* [РАС-I: 233]. Обратные словари также не демонстрируют устойчивых связей, т.к. показатель *человек* ← ... **личность 75**, занимающий 35 позицию среди 12683 суммарных появлений, выглядит не столь уж высоким. На наш взгляд, понятие личности в современном русском языковом сознании связано в одинаковой степени как с **человеком**, так и с **я**, и выражает не столько абстрактную идею социальной индивидуальности в ее отношении к коллективу и государству, характерную для европейской традиции, сколько идею осознанной единичности, выделенности из сообщества, неповторимости, и прежде всего себя самого. Так, в РАС-I соответствующие реакции на стимул **человек** периферийны, но практически одинаковы по количественным показателям — **я 7; личность 6** [РАС-I: 720]. В РАС-II частотные показатели также почти равны: *человек* ← ... **личность 75; я 62** [РАС-II: 937]. Если обратиться к АП **личность**, то самой частотной и «постоянной» реакцией на этот стимул является *человек 75*, а следующие за ней реакции, выраженные существительными и местоимениями, т.е. словами, служащими для обозначения лица, — это ассоциаты **я 18; индивид 16 ...** [РАС-I: 297]. В обратном словаре *личность* ← **индивидуальность 18; я 16; индивид 8; персона, человек 6** [РАС-II: 391].

Вернемся к гештальту и семантической зоне **ЧЕЛОВЕК** в его составе. Н.В. Уфимцева указывала, что в русском языковом сознании «движение идет от общего (человек родовой) к конкретным его проявлениям

ям» [Уфимцева 1996: 158]. Такое «движение» от общего к частному в пределах зоны гештальта организуется бинарно. Как считает Ю.С. Степанов, **ЧЕЛОВЕК** «параметризуется» в языковом сознании. Чем важнее в культурном отношении предмет, тем больше у него «параметров» и тем больше он «параметризован». Ничто так не параметризовано, как человек [Степанов 1997: 697].

Прежде всего он имеет пол (*мужчина* — *женщина*), возраст, невзрослый — взрослый (*ребенок/парень* — *мужчина*), и эти признаки (или параметры) можно считать основными для характеристики человека как физического существа. Как правило, в образе сознания, стоящим за словом, эти признаки сосуществуют. Исключением является, пожалуй, «ребенок», у которого нет пола. Относительно возраста можно заметить, что в русском языковом сознании реконструируется древнее социально маркированное противопоставление «человек» — «ребенок», характерное для традиционного мировидения, в котором «человек» — свободный взрослый член своего рода, «муж», а «ребенок» — маленький член рода, неполноценный в физическом, духовном и социальном отношении, причем социальный признак весьма значим [Степанов 1997: 701-704; Колесов 2000: 89-92, 153-154].

Человек в русском языковом сознании — это, прежде всего, существо мужского пола, и такое представление Н.В. Уфимцева считает свойственным славянскому языковому сознанию в целом [Уфимцева 2000: 212-213] *Мужчина* в ядре языкового сознания русских имеет ранг 13, а *женщина* — 42. Ю.С. Степанов пишет о «концептуальном воспоминании» об исчезнувшей в историческое время ступени в понимании человека, имея в виду совмещение и частичное наложение («имбрикацию») понятия «человек» и понятия «мужчина» во всех древних индоевропейских ареалах культуры [Степанов 1997: 599]. В средние века, в Древней Руси «мужь» —

свободный мужчина зрелого возраста и высокого социального статуса, синоним слова «человек», и эта лексема относится только к мужчине [Колесов 2000: 155, 159-164; Вендина 2002: 37].

Асимметрия наименований лиц по полу в зоне **ЧЕЛОВЕК** сохраняется, даже если взять ядро русского языкового сознания полностью (531 ассоциат): *мужчина* 424, *парень* 354, *мальчик* 299, *мужик* 293, *муж* 265, *отец* 139, *юноша* 132, *брат* 148, *дядя* 141, *сын* 128, *дед* 117 — с одной стороны и *женщина* 322, *девушка* 297, *девочка* 106, *жена* 133, *мама* 192, *мать* 159, *бабушка* 108 — с другой. Оппозиции, где первым (и наиболее значимым, маркированным) членом являются слова *мужик*, *брат*, *дядя*, *сын*, в пределах ядра языкового сознания полностью не выражены.

Если дополнить семантический гештальт за счет единиц 2-го слоя ядра, бинарность структуры обозначится более четко: *мужчина* — *женщина* 322; *парень* — *девушка*, при дальнейшем развертывании бинарность сохраняется. Обозначается оппозиция в сфере дейксиса: *я* 337 — *он* 254.

За бинарную структуру можно условно принять *дурак* — *друг*, однако, учитывая, что в этом случае бинарность носит не понятийный характер, а сугубо оценочный, с точки зрения принадлежности слов к аффективной сфере. С эмоционально-оценочной стороны *друг* маркирован положительно, *дурак* — отрицательно (что и позволяет использовать это слово в качестве ругательства). В то же время эти единицы выражают личное эмоционально-оценочное отношение к другому человеку безотносительно к его родовой принадлежности. При дальнейшем развертывании оппозиция усложняется. В пределах ядра языкового сознания обозначается вполне ожидаемое противопоставление *друг* 548 — *враг* 208, положительно маркированный член которого более «весом». В сфере эмоционально-оценочной более значимыми оказываются отрицательные характеристики: *дурак* 552, *идиот* 209, *гад* 133, *урод* 123, *сволочь*

105 — *молодец* 132, *герой* 131, что в целом для русского языкового сознания типично.

Таким образом, по данным семантического гештальта, человек — это существо скорее мужского пола, чем женского, скорее взрослый, чем не взрослый, это я или кто-то другой, и для меня он или плохой, или хороший.

Несомненно, важнейшим человеческим параметром с точки зрения нашего исследования является возраст, т.к. онтогенетическое развитие индивида происходит во времени. Противопоставление имеет бинарный характер по признаку «взрослый — невзрослый» и совмещается с признаком пола (мужского): *ребенок/парень* — *мужчина*. Начиная со 2-го слоя, структура теряет бинарный характер, начиная соответствовать выделяемым в современном сознании стадиям возрастного развития, причем, как для мужчин, так и для женщин, но женская цепочка «запаздывает» на один шаг: *ребенок/мальчик* — *парень* — *мужчина* и *ребенок/девушка* — *женщина*. В дальнейшем структура сохраняется, увеличивая свой состав: *ребенок/мальчик* — *парень/юноша* — *мужчина/дядя* — *старик/дед* и *ребенок/девочка* — *девушка* — *женщина* — *бабушка*. Слова, обозначающие стадии возрастного развития лиц обоих полов, могут совмещать эти признаки с семантическими признаками семейного статуса (*дед, бабушка*).

Подзона «Семья», самая важная для человека как существа социального, обозначается в составе зоны **ЧЕЛОВЕК**, когда появляется лексема *муж* 265, принадлежащая ко 2-му слою ядра языкового сознания. Далее внутри ядра (4-5 слои) обозначаются две структуры: по браку (*муж* 265 — *жена* 133) и рождению детей (*ребенок* 400/*сын* 128 — *мама* 192/*мать* 159/*отец* 139 — *дед* 117/*бабушка* 108), причем с дифференциацией по признаку пола. Иные семейные линии (*брат* 148; *дядя* 141) развития не получают. При преобладании в русском языковом сознании мужского начала пара *мать* 159 — *отец* 139 представляет собой исключение. В ней более значимым членом

является *мать*, то же можно сказать и об эмоциональном апеллятиве *мама* 192, где отсутствует мужской член противопоставления.

В целом социальная сфера существования человека, кроме семьи, начинает обозначаться в 3-м слое ядра языкового сознания, в гештальте такие подзоны не выделяются. Это названия лиц по выполняемым ими социальным ролям:

1. профессиональным (*студент* 207, *учитель* 207, *вор* 150, *солдат* 149, *врач* 145, *ученик* 126, *ученый* 109, *преподаватель* 105, *рабочий* 107);

2. ситуативным (*гость* 115);

3. и позициям, занимаемым по отношению к другим людям (*сосед* 137, *начальник* 142).

Внешний облик человека обозначается в пределах 4-5 слоев ядра, причем он прописан довольно детально: *взгляд* 241, *язык* 238, *голова* 233, *лицо* 194, *нос* 193, *руки* 192, *глаза* 183, *голос* 167, *ноги* 150 *рот* 128, *тело* 105, *волосы* 103, *улыбка* 102. Менее детально обозначен облик «внутренний»: *характер* 224, *сила* 208, *мысль* 177, *душа* 149.

Дополняя предыдущий вывод можно сказать, что в ядре русского языкового сознания человек — это существо скорее мужского пола, чем женского, взрослый или нет, я или кто-то другой, и для меня он или плохой, или хороший. Человек имеет определенный статус в своей семье, имеет профессию или какое-то другое занятие, играет различные роли в зависимости от ситуации, в которой находится. Он имеет внешний телесный облик и душу.

Литература:

Арутюнова Н.Д. Образ // Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 314-324.

Боргоякова А.П. Образ мира в языковом сознании этноса (хакасы, русские, англичане). М.: Изд-во «Советский писатель», 2003

Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002.

Виноградов В.В. Из истории слова «личность» в русском языке до середины XIX в. // История слов. Первое изд. 1994. (<http://wordhist.narod.ru/lichnost.html>).

Залевская А.А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981. С. 28-44.

Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова / А.А. Залевская // Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. — М.: Гнозис, 2005. — С. 86-132.

Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: Монография. Тверь: Лилия Принт, 2005.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной цепи // Языковое сознание и образ мира: Сборник статей. М., 2000. С. 191-206.

Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.

Марковина И.Ю., Данилова Е.В. Специфика ассоциативного сознания русских и американцев: опыт построения «ассоциативного гештальта» текстов оригинала и перевода // Языковое сознание и образ мира: Сборник статей. М., 2000. С.116-132.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М., 2002.

Сергиева Н.С. Ядро языкового сознания и его ключевые единицы // Вестник МГЛУ. Вып. 525. Языковое сознание как образ мира. Серия Лингвистика. М., 2006. с. 168-184.

Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004.

Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А.Леонтьева. М.: МГУ, 1977.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 1997.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: Сборник статей. М., 1996. С. 139-162.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира: Сборник статей. М., 2000. С. 207-219.

Уфимцева Н.В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М.: Наука, 2002. С. 152-170.

Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: Сборник статей. М., 2000. С. 13-23.

Черкасова Г.А. Квантитативные исследования ассоциативных словарей // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: Сб. статей. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. С. 227-244.

С.В. Власенко

МАССОВАЯ «КОЛОНИЗАЦИЯ» АНГЛИЦИЗМАМИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ РУССКОГОВОРЯЩИХ КАК ПРОБЛЕМА КОГНИТИВНОЙ ФИЛЬТРАЦИИ

Языковое сознание, англицизмы, заимствования, профессиональные подязыки, когнитивный профиль, когнитивная фильтрация

В статье рассматриваются заимствования англоязычной лексики в русском языке как процесс массовой «колонизации», затрагивающей как сферу повседневной речи, так и сферу профессионального общения. Эти заимствования рассматриваются как лексемы, не включающиеся в процесс когнитивной обработки. Делается вывод о возможных причинах ошибок при когнитивной обработке.

Масштабность проникновения англицизмов и американизмов в общеупотребительный русский язык — как в корпус общеупотребительной лексики, так и в корпус специальных подязыков, обслужи-

вающих профессиональную коммуникацию, позволяет говорить о массовой «колонизации» языкового сознания русскоязычных коммуникантов вообще и сознания специалистов и экспертов, в частности.

Приведем лишь несколько примеров: *круглосуточный колл-центр, трафик входящих сообщений, вебсайты госучреждений, размещение дебютного выпуска евробондов, хакерское мошенничество, контент-провайдер, зарубежные правообладатели контента, процесс бренд-стретчинга, секьюритизация фермерских ипотек, банковский ритейл, лизингодатель и лизингополучатель, ритейлер, маркетмейкер, нефтяные фьючерсы, абсорбирование рублевой ликвидности, волатильность биржевых торгов, землетрясение магнитудой пять баллов, блокбастер с хэппи-эндом, телевизионный праймтайм, фильм мейн-стрима, поколение селебритиз, селебрити-культура*¹ и многие др.

В отечественной лексикологии трактовка и взаимодействие понятий *заимствование* и *калька* (включая понятия *частичное заимствование* и *полукалька*) во многом зависят от ракурса рассмотрения и позиций лингвистов, между которыми нет однозначного согласия. В ряде отечественных словарно-энциклопедических изданий понятия *калька, калькированное выражение, переводческая калька, словообразовательная калька, заимствование, иностранное заимствование, переводческое заимствование* и *заимствованное значение* в сущности приравниваются друг к другу [АРСЛС 2001, 43, 216, 369; НРРЛС 1993: (2) 402]; в авторитетной зарубежной энциклопедии по лингвистике кальки включены в заимствования в качестве разновидности [CEL 1987: 330]. Исходя из этого, в целях анализа данного явления с позиций психолингвистики и профессиональной коммуникации, будем следовать широкому толкованию заимствований, относя к ним влившиеся в современный русский язык

¹ По материалам новостных передач 27.04.07–03.05.07. на телеканале РБК [www.rbctv.ru]; программ «Сфера интересов» от 29.04.07; «В фокусе: платный контент» от 28.04.07; «Новости компаний» от 08.05.07; «Эмитенты» от 09.05.07; «Частная жизнь» от 28.04.07; новостных передач телеканала Россия [www.rutv.ru] и программы «Времена» на Первом телеканале от 30.04.07 [www.1tv.ru].

лексемы как из британского, так и американского вариантов английского языка.

По свидетельству ряда лингвистов, англоязычные заимствования из самых разных областей жизни стран с развитой рыночной экономикой, занимают все большую нишу в лексике русскоговорящих, однако готовых схем их когнитивной адаптации русскоговорящими, по их мнению, не существует [Сахно 1991; Рябова 1996; Власенко 1996: 3–5; 2006: 79–80; 2007; Быкова 2003: 156–164; Привалова 2005: 192, 280, 349–350 и др.].

Приведем текст рекламного объявления, размещенного в московском метрополитене²:

«Приглашаются на работу девушки и молодые люди 18–25 лет для участия в промоакциях и для работы на выставках и презентациях в качестве супервайзеров (желательно с личным автомобилем), мерчандайзеров, продавцов-консультантов (медкнижки обязательно)».

«Некомфортность» приведенного рекламного текста для восприятия русскоязычных коммуникантов, будучи самоочевидной вследствие предпочтенных в сообщении «чужих» лексем — *промоакции, супервайзеры, мерчандайзеры* — вместо «своих» (*рекламные акции, инспектор-куратор или товаровед, агенты по продаже*), говорит о «нерастворенности» сем, вербализованных с помощью заимствований, в языковом сознании (ЯС) русскоговорящих.

Если рассматривать заимствования как неологизмы, то интересно мнение А.И. Басовой, считающей, что одной из причин создания новых слов является «стремление к экспрессивности, достижению определенного стилистического эффекта». Общество постоянно испытывает потребность создавать для уже известных явлений экспрессивные оценочные обозначения, повинаясь внутренней движущей силе связать две функции языка: информационную и

² Арбатско-Покровская линия (25.09.2007).

экспрессивную. Хотя каждая единица языка имеет и информационное, и (в той или иной степени) экспрессивное назначение, существует постоянная тенденция сохранить для экспрессивных целей выделенность, «отчужденность» некоторых единиц [цит. по Быкова 2003: 96].

Когнитивная интерференция?

Вопрос о том, является ли эффект выделенности и отчужденности лексики доминирующим мотивом употребления заимствований, не мешает рассматривать смысловосприятие как процесс непрерывного смыслового слежения за потоком взаимосвязей и отношений между единицами текста с целью их понимания. Однако, при этом интересен мотив, лежащий в основе явной склонности русскоговорящих к заимствованию и калькированию англо-американских терминов социально-экономической сферы. Рассмотрим следующий пример: «*Мы не берем деньги в траст, клиент сам принимает решения...*»³. Согласно специализированным банковским словарям, под термином *траст* (от *trust*) понимают денежную сумму или собственность, включая имущество, активы, портфель ценных бумаг и т.п., которыми управляют попечители по поручению доверителя и в его интересах [НАРБЭС 2000: 750; BFG 1993: 304].

Попытка распознать парадигму восприятия коммуникантов-участников рассматриваемого интервью связана с закономерным вопросом о барьерах, реально препятствующих полной интериоризации понятия *траст* и его адекватному означиванию названными коммуникантами на русском языке. С точки зрения психолингвистики, интересен и актуален вопрос именно и не-

посредственно о мотиве использования «чужой» лексемы на том месте, где существует возможность употребления не одного, а сразу нескольких русскоязычных вариантов: *Мы не выступаем попечителями доверительных фондов своих клиентов...; Мы не управляем вверенными нам (доверенными нам) денежными средствами...; Мы не выступаем в роли (в качестве) доверительных собственников средств клиентов... или ...не управляем доверенным капиталом (имуществом) (на основе [АРСБТ 1994: 414])*. Причина отвержения «своей» парадигмы означивания референтно-тождественного понятия и предпочтения «чужой» лексемы *траст* дает основание предположить, что такой выбор основан на стремлении коммуникантов, или в какой-то мере продиктован аномальным стремлением позиционироваться в глобализированном пространстве, достичь и продемонстрировать полную «конвертируемость» вошедших в российскую действительность финансово-экономических реалий. Подобные случаи — яркие примеры когнитивной интерференции (механизмы и природа которой подробно рассмотрены в тематическом сборнике [Interferenz... 1989] и работе Сахно [Сахно 1991]).

Такие англицизмы, как: *рейдер, кондоминиум, аутсорсинг, корпоративное ноу-хау, риэлторский рынок, оффшорный банк, франшизные предприятия, дистрибуторские сети, пенитенциарные заведения, финансовый менеджмент, трастовый фонд, бизнес-проект, электронный ритейл, девелоперы доступного жилья и инфраструктуры*, и многие другие ежедневно присутствуют в речи русскоговорящих, но, по всей видимости, не вызывают у них адекватных ассоциативно-вербальных реакций и неорганично вписываются в структуру их мышления. Вероятно, главной причиной поверхностного переноса — а заимствования и калькирование, на наш взгляд, и есть поверхностный перенос англоязычных понятий — является невысокий интерпретационный потенциал коммуникантов и, как

³ Телеинтервью с директором Дилингового центра при Российской экономической академии им. Плеханова. [Программа «Деловая Россия» телеканала РТР от 25.03.1996]. Термин *траст* продолжает широко использоваться в финансово-экономическом и банковском контекстах на ведущих телеканалах России, в особенности в экономическом блоке новостей РТР, ТВЦ и РБК.

следствие, неспособность означивать релевантные денотативные пространства, понятные в рамках «чужой» перцептивной парадигмы, но не в терминах «своей». (Подробнее о конкурирующих способах описания релевантного денотативного пространства и вариантах его означивания см., к примеру [Власенко 1996, 2007а, 2007б; Шмелев 1988а, 1988б]).

Процесс собственно когнитивной адаптации заимствований русскоязычными коммуникантами можно сравнить с процессом словесного картирования незнакомых референтов и (или) референтных пространств и связанных с ними ассоциативно-вербальных полей лишь на уровне языкового сознания (ЯС) [Власенко 1996: 7]. Вследствие этого, экспансию англо-американских заимствований в русский язык правомерно считать процессом, не связанным ни с появлением реальных понятийных схем в ЯС, ни с возникновением терминологических соответствий в русском, которые были бы взаимно соотнесены с соответствующим понятийно-концептуальным аппаратом определенной области знаний, а следует рассматривать как процесс, сопровождаемый поверхностным усвоением «рабочих» соответствий (подробнее о «рабочих» соответствиях см., в частности, исследование И.В. Рябовой [1996]).

Англизация русского языка в профессиональных подъязыках

Англизация русского языка в профессиональных подъязыках как явление носит устойчивый характер. Данное явление показательно для анализа состояния ЯС специалистов как коммуникантов, которых трудно заподозрить в бессознательном употреблении воспринимаемых и порождаемых текстов или в смысловой размытости и неопределенности используемых ими понятий.

Приведем примеры из сфер профессиональной коммуникации, свидетельствующие, на наш взгляд, об отсутствии реакции языкового «самосохранения» русскоязыч-

ных, о демонстративном подчеркивании двуязычия как свидетельства полноценности личности коммуниканта в современном контексте, в особенности в контексте профессиональной коммуникации:

- **финансово-экономическая сфера⁴:** *деноминация (от denomination), девальвация (от devaluation), профили бизнес-игроков (от business players' profiles), экономическая стагнация (от economic stagnation), трендовая линия (от trend line), паритет покупательной способности (от power purchasing parity), хеджирование портфелей компании (от company's portfolios hedging), операции хеджа (от hedge transactions), венчурное финансирование (от venture financing), международный кредитный рейтинг (от international credit rating), риелтор (от realtor), маркетмейкер (от market maker), скорректированный индикатор (от corrected indicator), трансфертные платежи (от transfer payments, transfers), бюджетный федерализм (от budget federalism), мейнстрим-сегмент рынка (от mainstream market segment), вторые бренды с большим потенциалом (от secondary brands with big potential), объемы продаж одного бренда (от single brand sales), премиум-сегмент рынка (от market premium segment), проджект-менеджер (от office-manager), офис-менеджер (от project manager) и мн. др.*

- **сфера интернет-услуг и мобильной связи:**

кибер-атака на сайты госучреждений (от government agencies' websites cyber attack), Интернет-СМИ (от internet media), веб-дизайн (от web-design), оператор баз данных (от database operator), Интернет-технологии (от Internet technologies), смартфон (от smart phone), смарткард (от smart-card), мультимедийное вещание (от multimedia broadcasting), чип (от chip) и мн. др.

⁴ По материалам новостных передач 27.04.07–03.05.07. на телеканале РБК [www.rbctv.ru]; программ «Сфера интересов» от 29.04.07; «В фокусе: платный контент» от 28.04.07; «Новости компаний» от 08.05.07; «Эмитенты» от 09.05.07; «Частная жизнь» от 28.04.07.

- **общественно-политическая сфера:**

*списрайтер (от **speechwriter**), спичмейкер (от **speechmaker**), импичмент (от **impeachment**), саммит (от **summit**), ежегодный саммит (от **annual summit**), спикер Госдумы или Совета Федерации (от **speaker**), запуск глобального соглашения (от **global agreement launch**), политкорректность (от **political correctness**), менеджеры (от **managers**) и др.;*

- **реклама и СМИ:**

*закрытые брифинги (от **close briefing**), медийная схема (от **media scheme**), имиджевая реклама (от **image advertising**), контент-провайдер (от **content provider**), правообладатели контента (от **content right-holders**), контент-доставка (от **content supply**), шоу-бизнес (от **show-business**), блокбастер (от **blockbuster**), хиты (от **hits**), триллеры (от **thriller**), хэппи-энд (от **happy end**), телевизионный праймтайм (от **TV-primetime**), мейнстрим (от **mainstream**), селебритиз (от **celebrities**), поколение селебритиз (от **celebrities generation**), селебрити-культура (от **celebrity culture**), гламур (от **glamour**), гламурный стиль (от **glamour style**), экшен-фильм (от **action film**), мультимедийное вещание (от **multimedia broadcasting**) и мн. др.*

- **рекреационно-туристическая сфера:**

*туроператор (от **tour operator**), шоп-тур (от **shop tour**), шопинг (от **shopping**), фитнес (от **fitting**), водибилдинг (от **bodybuilding**), одежда унисекс (от **unisex clothes**), дресс-код (от **dress code**), фейс-контроль (от **face control**) и многие др.;*

- **спортивная сфера:**

*финальные игры серии плей-офф (от **play-offs, playoff finals** или **play-off final games**), сыграть овертайм (от **to play overtime**), форвард (от **forward**), трансфер игрока (от **payer transfer**), др.*

Схожие рассуждения можно также найти у Г.В. Быковой (см., в частности, [Быкова 2003: 156–164]). Небезынтересны близкие взгляды на проблему, а также мне-

ние Н.З. Коптеловой о тенденции к экономии средств выражения [Котелова 1978] и мнение И.В. Приваловой о «перекраивании языковой картины мира» и формировании новых денотативных пространств [см. Привалова 2005: 279–280].

Представляется уместным анализировать ЯС русскоговорящих коммуникантов, среди которых большая группа начинающих переводчиков как посредников профессиональной коммуникации, фактически «запускающих» в обращение заимствования и кальки, с помощью понятия *когнитивный профиль*. Под *когнитивным профилем* предлагается понимать наличие у каждого коммуниканта некоторой совокупности личностных характеристик, соотносимых с его профессиональной компетентностью и индивидуальным профессиональным опытом и определяющих состояние общего континуума его знаний (общего фонда знаний). Когнитивный профиль как видовой термин позволяет интегрировать и обобщенно использовать такие составляющие индивидуального сознания коммуниканта как фонд знаний, в свою очередь включающий профессиональный опыт, а также познавательную деятельность в широком смысле, включая интеллектуальный потенциал, определяющий такие когнитивные механизмы и процессы, как восприятие, понимание, естественный вывод, рассуждение по аналогии, оценивание, типизация знаний и т.п. Данное понятие позволяет соединить воедино накопленный коммуникантами в ходе профессиональной деятельности интеллектуальный потенциал и реализовывать названные базовые когнитивные механизмы и процессы, обеспечивающие текстовосприятие и текстопостроение. [Власенко 1996: 4; 1997; 2006: 73, 82–83; 2007а, 2007б; Солсо 1996: 555–559]. Продолжающаяся лексическая экспансия англицизмов в русский язык, приведшая к его «колонизации», дает основание предположить, что процесс их освоения русскоязычной аудиторией является

одновременно следствием текущего состояния *когнитивного профиля* русскоязычных и причиной его быстрых изменений.

Критерий однословности и когнитивная экономия речевых усилий

Бесспорно, экспертам и переводчикам, работающим в сфере профессиональной коммуникации, априорно требуется сформированный когнитивный профиль, отсутствие которого немедленно сказывается на качестве переводческого продукта. Однако, речь идет не только и не столько о широкой профессиональной картине мира (заметим, что это понятие сопоставимо с понятием А.А. Леонтьева «профессиональный образ мира» [Леонтьев 1999: 273]), сколько об отточенной технике когнитивного усвоения плотной структуры профессиональных текстов. Здесь важно указать на одну особенность русского языка, обслуживающего подязыки финансово-экономической сферы, а именно, на *ситуацию сосуществования*, представленную уже десятилетиями соседствующей парной номинацией одних и тех же или близких денотативных пространств, например:

○ **дериватив** (от *derivatives*) — **производные финансовые инструменты**⁵;

○ **риелтор** (от *realtor* или *real estate agent*) — **специалист по торговле недвижимостью и сдаче ее в наем, агент по операциям с недвижимостью, агент по продаже недвижимости**;

○ **деятельность ноу-хау** (от *know-how activity*) — **инновационная деятельность в области технологии и коммерции; обмен производственным опытом**;

○ **пул ипотек** (от *mortgage pool*) — **пул ипотечных кредитов** или **ипотечный пул**, а также **портфель индивидуальных ипотек со сходными характеристиками**;

○ **ставка репо** (от *repo rate*) — **ставка по договору о продаже финансового инструмента с последующим выкупом**;

○ **бренд** (от *brand*) — **торговая марка** или **товарный знак**;

○ **маржа** (от *margin*) — **процентная надбавка, прибыль**;

○ **секьюритизация** (от *securitization*) — **выпуск акций или эмиссия ценных бумаг для трансформации в них неликвидных активов компании**;

○ **аутсорсинг** (от *outsourcing*) — **передача функций внешним исполнителям, передача работ внешним подрядчикам или подрядным организациям**;

○ **голубые фишки** (от *blue chips*) — **акции ведущих промышленных компаний**;

○ **андеррайтер** (от *underwriter*) — **компания-организатор размещения выпуска ценных бумаг**;

○ **менеджерские должности и менеджерские позиции** (от *managerial positions*) — **руководители, старшие должностные лица**;

○ **интернет-ритейлер** (от *Internet-retailer*) — **торговая организация розничной торговли, осуществляющая операции по Интернету**;

○ **омбудсмен** (от *ombudsman*) — **посредник по жалобам на действия госучреждений**⁶, **уполномоченный по правам человека**;

○ **экишен-фильм** (от *action film*) — **остросюжетный фильм** и многие др.

Ситуация языкового сосуществования проливает свет на разные аспекты когнитивной усвояемости англицизмов. Даже если пренебречь законом языковой экономии и тенденцией носителей языка употреблять однословные лексемы взамен несколькихсловных всякий раз, когда представляется такая возможность, то и эти аргументы не исчерпывают причины, стоящей за столь массовым появлением и использованием англицизмов в русском языке. Возможно, стремление к знанию и, как результат, демонстрация «беглого владения» английским языком доминирует над вышепере-

⁵ В лингвистике – производное слово.

⁶ По материалам газеты Коммерсантъ от 02.04.2007. С. 15–18.

численными причинами, если к ним добавить желание «конвертировать» не только свои дипломы или иные свидетельства о полученном профессиональном образовании, но свои мысли и манеру именовать события, явления и т.п. в век глобализации.

Здесь трудно не согласиться с рядом исследователей, утверждающих, что «представляют интерес ситуации, когда в процессе речевого общения необходимо обозначать такие предметы и явления, для которых в лексике литературно нормированного языка нет однословных обозначений. В этих случаях говорящие вынуждены либо употреблять слова, не признанные литературной нормой (узусом), либо создавать новые слова или описательные обороты, которые в перспективе стремятся заменить однословными наименованиями. Развитие лексики литературного языка во многом определяется этим противоречием между потребностью назвать ту или иную реалию и отсутствием такой лексической единицы в рамках традиционной нормы. В каждом конкретном случае это противоречие разрешается либо заменой противоречащего норме слова другим (которое, в свою очередь, может вызвать новые возражения), либо его постепенным включением в норму. <...> Постоянно остается потребность называть вновь появляющиеся реалии, создавать для уже известных явлений экспрессивные, оценочные обозначения [Быкова 2003: 97].

При этом ситуация многообразия и масштабности заимствований усложняется не только и не столько фактом сосуществования номинаций, сколько языковой небрежностью: тавтологии и языковые нелепицы, порожденные трансформированными заимствованиями, становятся все более распространенными, например, *конкуренция за праймтаймовое время, перерыв на кофе-брейк, фильмы основного потока мейнстрима*⁷ и др.

⁷ По материалам программы «В фокусе: платный контент» от 28.04.07 на телеканале РБК <www.rbc.ru>.

Избыточное употребление заимствований приводит к определенному притуплению языкового чутья, языкового стиля и языковой компетентности в родном языке. Чем иным можно объяснить, например, надпись «*Объединенные медиа*» на табличке, прикрепленной к зданию на одной из центральных улиц Москвы? В данном словосочетании согласование прилагательного в числе и падеже представляется спорным, поскольку «объединенные» явно согласуются в ЯС русскоязычного автора этой надписи с акронимом СМИ, а не с заимствованным существительным *медиа* (от *media*), которое в английском употребляется с глаголами как в единственном, так и во множественном числе, что формально дает право написать и **объединенное*, и **объединенный(ая)*. Вопрос, однако, не в правильности употребления «чужого» наименования в виде английского заимствования, а в целесообразности его употребления при наличии «своего» наименования *средства массовой информации*, в том числе акронима *СМИ*.

По всей видимости, приведенные выше примеры параллельной номинации, указывают на эффективность действия закона экономии речевых усилий [Быкова 2003, 160], согласно которому многословное описание с большой долей вероятности заменяется, а потом и вытесняется однословным, например: *маркетинг — деятельность по планированию рекламы и сбыта производимой продукции или предоставляемых услуг, киднеппинг — похищение людей (изначально детей, а позже политиков, бизнесменов, журналистов и т.п.) с целью получения выкупа или иной выгоды, брокер — коммерческий посредник на фондовой или товарной бирже, оказывающий услуги за комиссионное вознаграждение, ваучер — ценная бумага как финансовый инструмент, приватизационный чек, и др.* В особенности масштабен нескончаемый поток терминологии из области вычислительной техники и информационных тех-

нологий: *декодер, портал, сканер, принтер, картридж, курсор, клонированный фон, мультимедиа, интернет-кафе, медиа-гипермаркет, копицентр* и т.п., перевод которой на русский, как правило, не отвечает критерию однословности. Мнение Г.В. Быковой вполне коррелирует с законом языковой экономии и избыточности по В.Г. Гаку [Гак 1989]. Полагаем, что именно лаконизм и «рабочая» компактность англицизмов объясняет их исключительную живучесть.

Когнитивные фильтры и когнитивная фильтрация

Можно с большой долей вероятности предположить, что для ЯС русскоязычных специалистов в разных областях знаний и сферах деятельности характерна *когнитивная экономия* речевых усилий. Причем это явление, вероятно опосредуемое рядом процессов, включает и процесс *когнитивной фильтрации*, объем и скорость протекания которого снижается при межъязыковом взаимодействии вообще и, в частности, при межъязыковом посредничестве (если иметь ввиду только переводчика). Под термином *когнитивный фильтр* понимается своего рода «сетевая ловушка» принимаемых переводчиком языковых/речевых сигналов, которая собственно и позволяет выявлять основные смысловые «кирпичи» речевого фрагмента для их дальнейшей когнитивной переработки как значимых для данного акта коммуникации смыслокодирующих единиц (лексем, граммем, синтаксем). При этом если следовать мнению Б.М. Величковского о том, что семантическая информация хранится в памяти «в форме вложенных друг в друга пространственных и семантических контекстов» и что именно благодаря такой форме организации обеспечивается колоссальная плотность ее «упаковки» [цит. по Леонтьев 1999: 273–274], а также согласиться с мнением У. Чейфа о том, что «референция является важной частью семантической ин-

формации» [Чейф 2003: 68], то процесс когнитивной фильтрации глубинных структур предметно-деятельностного кодирования представляется отнюдь не линейным, а многоуровневым и многоэтапным процессом «демонтажа» плотно «упакованной» информации.

Можно предположить, что столь масштабный процесс заимствования не связан со столь же масштабным усвоением маркируемых англицизмами концептов в русском языке и формированием реальных понятийных схем в ЯС русскоговорящих. Представляется, что этот процесс зачастую сводим к поверхностному усвоению заимствований, происходящему не на уровне глубинных смысловых структур сознания, а на уровне поверхностных. И действительно, непонятно, что имеют в виду русскоязычные коммуниканты, когда говорят *бизнес-формат?* Подразумевают ли они *структуру экономической деятельности организации*, или *организацию и осуществление экономической деятельности компании*, или *схему проведения хозяйственных операций предприятия?* Заметим, что все три варианта возможны, т.е. представляют конкурирующие версии перевода.

На наш взгляд, именно отсутствие психологического и языкового «комфорта» восприятия заимствований указывает на отсутствие адекватной когнитивной фильтрации, которую не может обеспечить переводчик в отношении принимаемой к межъязыковой переработке информации на исходном языке; тем самым, обнаруживая несформированный когнитивный профиль как общую характеристику когнитивного потенциала.

В заключение отметим, что обосновав необходимость отслеживания и систематизации англицизмов как языковых маркеров недостаточно глубокой интериоризации (усвоения) переводчиками содержания понятий и объемов понятий, встречающихся в современных литературных, публицистических и профессионально-ориентирован-

ных текстах, мы тем не менее констатируем заметную тенденцию русской общепотребительной лексики и отраслевой терминологии к англизации. При этом существуют как объективные причины для подобной англизации, в частности, несоответствие современного статуса и уровня развития разных отраслей в англоязычных и русскоязычных странах, объективные системно-строевые различия контактирующих языков в условиях растущего пространства двуязычной коммуникации, так и субъективные: несформированный когнитивный профиль коммуникантов, языковых посредников (переводчиков) и, как следствие, слабые когнитивные фильтры для расщепления и дальнейшего распредмечивания перерабатываемой в ходе восприятия и (или) перевода информации.

Литература:

- Быкова Г.В.* Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003.
- Власенко С.В.* Факторы лакунизации текста (на основе анализа англо-американских и русских текстов разного коммуникативного статуса). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: ИЯ РАН, 1996.
- Власенко С.В.* Подготовка последовательных переводчиков: о формировании когнитивного профиля переводчиков // Лингвистические и методические аспекты подготовки научно-технических переводчиков. Тез. докл. межд. конфер. М.: РУДН, 1997. С. 55.
- Власенко С.В.* Теория и практика перевода в сфере профессиональной коммуникации: толковый словарь // Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский–русский. М.: Wolters Kluwer, 2006. С. 16–90.
- Власенко С.В.* Англизация русского языка или русского языкового сознания? (Взгляд переводчика-психолингвиста на заимствованные англицизмы с позиций профессиональной коммуникации) // Система языка и языковое мышление. Сб. науч. тр. МГПУ. М.: УРСС, 2007а. (в печ.)
- Власенко С.В.* Переводческие заимствования и кальки как отражение несформированного когнитивного профиля переводчика // Актуальные проблемы преподавания практического курса перевода в вузе. Материалы Межвузовской научно-практической конференции. Москва: Академия ФСБ РФ, М., 2007б. (в печ.)
- Гак В.Г.* Семантическая экономия и избыточность как средство преодоления интерференции при переводе // *Interferenz in der Translation*. Сбор. науч. ст. на англ., нем. и русс. яз. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopedie, 1989. P. 73–80.
- Котелова Н.З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1978. С. 5–26.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999.
- Привалова И.В.* Интеркультура и вербальный знак. Лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации. М., 2005.
- Рябова И.В.* Национально-культурная специфика заимствованной лексики (на материале экономической лексики русского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: ИЯ РАН, 1996.
- Сахно С.Л.* «Свое–чужое» в концептуальных структурах // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 95–101.
- Солсо Р.Л.* Когнитивная психология / Под общей ред. акад. РАО В.П. Зинченко. Пер. с англ. М.: Тривола, 1996.
- Чейф У.Л.* Значение и структура языка. М., 2003.
- Шмелев А.Д.* Лексическое значение существительного и словарное отражение его референциальных возможностей // Словарные категории. Отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1988а. С. 96–100.
- Шмелев А.Д.* Проблема выбора релевантного денотативного пространства и типы миропорождающих операторов // Логический анализ языка. Референция и проблемы текстообразования. М., 1988б. С. 64–81.
- Interferenz in der Translation (Inteference in Translation)*. Сбор. науч. статей на англ., нем. и русс. яз. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopedie, 1989.

Специализированные словари

АРСБТ: Англо-русский словарь банковской терминологии / Сост. Е.Г. Коваленко. Под ред. чл.-корр. РИА Н.И. Тимофеева. М.: Центр “Наука и техника”, 1994. 464 с.

АРСЛС: Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / Сост. Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Михайлов М.Н., др. Изд. 2-е. М.: Азбуковник, 2001. 626 с.

НАРБЭС: Новый англо-русский банковский и экономический словарь / Составитель Федоров Б.Г. СПб.: Лимбус Пресс, 1995. 848 с.

НРРЛС: Немецко-русский и русско-немецкий лингвистический словарь с англий-

скими эквивалентами. В 2-х тт. М.: Помовский и партнеры, 1993.

ABBYY LINGVO 11: Electronic Multilingual Dictionary, Version 5. — ABBYY Software Ltd., 2005. <www.Lingvo.ru>

СИС: Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1986. 608 с.

BFG: Banking and Finance Glossary (English–Russian/Russian–English) / Ed. by S. Faruqi. Washington: IBRD, EDI, 1993. In 2 Vols.

CEL: The Cambridge Encyclopedia of Language / Crystal D., Cambridge: Cambridge Univ. Press, USA, 1993. 472 p.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Д.Б. Никуличева

ЭКСПЕРИМЕНТ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ОСНОВ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ (на материале сопоставления русского и английского языков)

Перцепция, категоризация, моделирование, темпоральность, грамматика

В статье описывается эксперимент по выявлению внутренних визуальных образов людей. Эти образы могут быть записаны и подвергнуты сравнению благодаря сетке параметров, разработанных автором статьи. Целью эксперимента было сравнение визуализации времени англо- и русскоговорящими, а также сопоставление полученных результатов с временной системой русского и английского языков.

В течение последнего десятилетия автор статьи занималась исследованиями стратегий полиглотов в изучении иностранных языков. Большое внимание в ходе наблюдений, в частности, уделялось тому, какие аудиальные, визуальные и сенсорные представления возникают у людей в процессе эффективного усвоения новой языковой информации. Эти наблюдения, в свою очередь, стали стимулом к тому, чтобы постараться формализовать описание внутренне-

го визуального опыта людей, так чтобы его можно было бы сравнивать со своим собственным опытом, моделировать и воспроизводить.

Результатом многочисленных экспериментов с информантами стала разработка предлагаемой ниже *сетки параметров*, позволяющей производить запись и сравнение внутренних визуальных образов людей (Схема 1):

Параметры исследования

1. **Расстояние** : насколько отдаленно или приближенно вы видите вспоминаемую или воображаемую ситуацию (от 1 до 10 баллов, где 1 – «будто перед носом» а 10 – «будто у линии горизонта»);
2. **Горизонтальное расположение** : от 0, если картинка видится прямо по центру, до 10 либо **слева**, либо **справа** (если картинка смещена вплоть до левой или правой периферии поля зрения);
3. **Вертикальное расположение** : от 0, если картинка представляется прямо на уровне глаз, до +10 (если картинка максимально смещена вверх) и до -10 (если картинка максимально смещена вниз);
4. **Размер** картинки: от 1 при минимальном размере картинки (картинка будто «размером с точку») до 10, если картинка занимает все поле зрения;
5. **Ассоциированное** восприятие ситуации (как бы «своими глазами»), либо **диссоциированное** (будто человек наблюдает себя «со стороны»).

Dina Nikulicheva

(Схема 1)

Наша цель состояла в том, чтобы создать такую систему координат, которая бы позволила наиболее точно выявить и затем максимально наглядно воспроизвести осо-

бенности внутренних визуализаций, связанных со *временными* представлениями.

Следующим этапом стало исследование того, как индивидуальные визуальные пред-

ставления отдельных людей типично соотносятся с представлениями других членов их языковых коллективов, и можно ли проследить общие особенности внутренних визуализаций, характерные для носителей одной языковой культуры, и отличающие их от носителей других языковых культур.

Биологическая особенность восприятия времени состоит в том, что в отличие от органов восприятия движения или равновесия у человека нет органа восприятия времени. Вследствие этого время может быть доступно нам только опосредованно — посредством метонимического или метафорического переноса. Видимо, именно поэтому грамматическая концептуализация идей, связанных со временем, столь существенно отличается в языках мира.

Инструкции предлагаемого нами психолингвистического эксперимента выглядят следующим образом:

1. Оператор просит информанта подумать о каком-нибудь типичном нейтральном действии, которое субъект регулярно выполняет на протяжении всей жизни (чистка зубов, одевание обуви, причесывание)

2. Оператор просит информанта найти самое раннее воспоминание ("как если бы вы могли вспомнить это") о моменте, когда тот впервые выполнял выбранное действие, например: "Вспомните время, когда вы впервые попробовали чистить зубы". "Сколько вам лет?" "Откуда появляется картинка?" "Где вы это видите?" (и далее провести субъекта по всем предложенным выше Параметрам исследования).

3. Информант отвечает максимально быстро и спонтанно, используя как слова, так и жесты. Оператор записывает информацию.

4. Оператор просит вспомнить аналогичное событие через три года: "Вспомните (как если бы вы могли) как вы чистите зубы в ..... лет". "Откуда появляется картинка?" и т.д. (см. п. 2.).

5. Оператор записывает информацию и продолжает задавать вопросы с интервалом в 5-10 лет.

6. Приближаясь к нынешнему возрасту информанта, оператор просит вспом-

нить, как тот чистил зубы "год тому назад"..., "месяц тому назад"..., "неделю тому назад"..., "сегодня утром"..., задавая вопросы из п.2. и записывая ответы.

7. Далее оператор последовательно просит информанта представить, как тот будет чистить зубы "завтра"..., "через неделю"..., "через месяц" ..., "через год"..., "через пять лет", задавая те же вопросы и делая записи.

8. На основании сделанных записей информант и оператор создают модель личностной линии времени информанта.

Как правило, сложнее всего проходит начало эксперимента. Однако даже если человек говорил, что не может вспомнить конкретного момента, когда он чистил зубы «в пять лет», то на вопрос, «а если бы вы могли представить себе, как вы чистите зубы в пять лет», он легко описывал определенный возникающий в его мысленном представлении образ. И если при обсуждении у информанта сначала могли возникать затруднения, то, переходя ко второму, третьему и т.д. воспоминанию, человек обычно отмечал, что образ становится крупнее и как бы приближается (метафора «ближе — значит важнее» по [Lakoff, Johnson 1999]). Что же касается *расположения* визуальных образов, то именно здесь, как выяснилось, чаще всего присутствуют некоторые статистически типичные лингвокультурные расхождения.

Кроме того, важным оказалось различие между ассоциированным и диссоциированным представлениями времени, о чем стоит рассказать поподробнее.

Психотерапевты заметили, что у людей существует два основных способа визуализации своего прошлого:

- либо человек вспоминает произошедшие с ним события как бы изнутри, то есть, видя все происходящее «из своих глаз», точно также как все мы наблюдаем события, происходящие с нами в настоящем. Этот тип представлений называется **ассоциированным**.

- либо человек вспоминает прошлые события, видя самого себя как бы «со стороны». Как будто события прошлого с его

собственным участием наблюдает кто-то другой. Такой тип представлений называется **диссоциированным**. Вот как, например, описывала свои воспоминания одна из моих датских информанток: *"Jeg ser mig selv i billedet ... bagfra og lidt oppefra ... som om jeg står på en lille stol..."* «Я вижу себя со стороны ... немного сверху.... как будто стою на маленькой табуретке».

Ассоциированное воспоминание хорошо соотносится с метафорой *времени как пути*, по которому человек идет, или *реки времени*, по которой человек плывет как на плоту. (Ср. такие выражения как «мы подходим к празднику/ юбилею с новыми трудовыми свершениями», где субъект воспринимается как движущийся *внутри* «потока» / «канала» / «пути» времени по направлению к событиям). Когда человек, ощущающий себя «внутри потока времени», вспоминает пережитые события, то как бы вновь возвращается в них и живо ощущает их, почти как если бы они происходили с ним в настоящем. Такое представление времени характеризуется большей эмоциональной включенностью субъекта, нежели диссоциированное представление времени, когда человек видит себя во воспоминаемой ситуации со стороны. Психологи отмечают, что те люди, которые имеют привычку вспоминать события ассоциированно, менее пунктуальны, им

сложнее планировать будущие события. Для них события чаще происходят «внезапно» и «неожиданно». Их типичная жалоба: «Куда девается время?».

Распространенная метафора диссоциированного восприятия времени — это линия времени (Eng. time line). Метафора времени как «реки» или «дороги» тоже может быть использована, но с той разницей, что наблюдатель не движется вдоль них, а как бы стоит на высоком берегу у излучины реки (так что ему видно все далеко вверх и вниз по течению) или же остановился на холме у обочины дороги, так что ему виден и пройденный путь, и путь, который предстоит пройти.

Люди, имеющие привычку вспоминать события диссоциированно, гораздо легче планируют события, сами они пунктуальны, и им трудно понять, почему другие постоянно опаздывают и не могут прийти вовремя.

Ассоциированный и диссоциированный типы визуального представления событий вполне могут встречаться в рамках одной и той же языковой культуры, например, русскоязычной.

Типичный пример диссоциированного представления времени русским информантом выглядит следующим образом (Схема 2).

Типичный пример **диссоциированного** восприятия времени в русской культуре, женщина, 37, экономист

- **5 лет**. Картинка по центру. Ниже уровня глаз (-2). Расстояние 1,5. Размер 10.
- **12 лет**. Картинка по центру. Ниже уровня глаз (-1). Расстояние 1,5. Размер 10.
- **15 лет**. Картинка по центру. На уровне глаз (0). Расстояние 0,4. Размер 10.
- **20 лет**. Картинка слева. На уровне глаз (0). Расстояние 3. Størrelse: 10.
- **35 лет**. Картинка слева. На уровне глаз. Расстояние 2. Размер 10.
- **Год тому назад**. Картинка немного слева. Расстояние 1,5. Размер: 10.
- **Месяц тому назад**. Картинка чуть слева. Расстояние 1. Размер 10.
- **Сегодня**. Воспоминание становится ассоциированным. По центру. Расстояние 0.
- **Завтра** = Сегодня. Картинка представляется ассоциированно. По центру. Расстояние 0.
- **Через месяц** = Сегодня. Картинка представляется ассоциированно. По центру. Расстояние 0.
- **Через год** = Сегодня. Картинка представляется ассоциированно. По центру. Расстояние 0.
- **Через 5 лет**. Представление опять становится диссоциированным. На уровне глаз. Смещено вправо (2). Расстояние 10. Размер 5.
- **Через 10 лет**. Представление диссоциированное. На уровне глаз. Смещено еще правее (3). Расстояние 10. Размер 4.

(Схема 2)

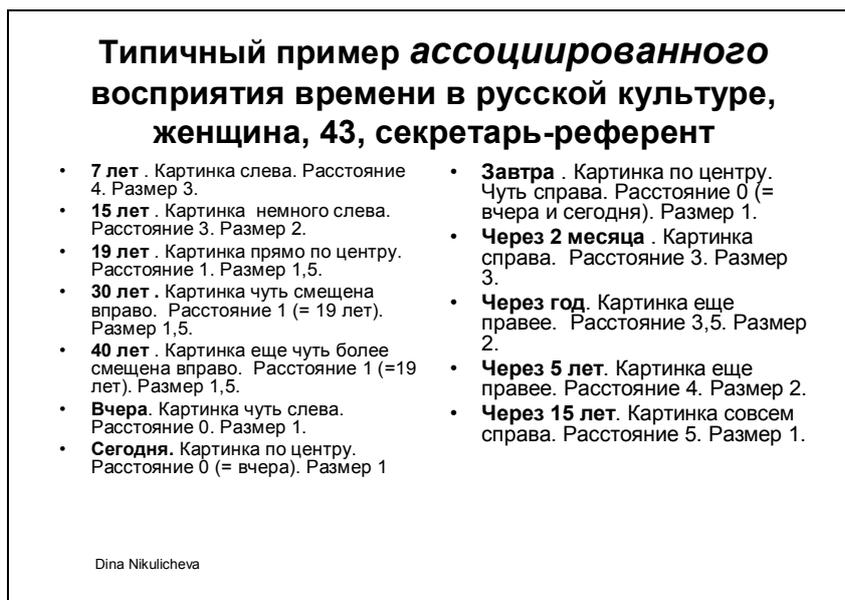
(Схема 3)

Графическое выражение результатов выглядит так (Схема 3).

Мы видим, что картинки детства (5-15 лет) расположены прямо по центру, приближаются к наблюдателю и поднимаются все выше. Линия взрослого прошлого (20 лет — месяц тому назад) не пересекает линию детства. Это будто другой «остров времени». Эта линия автономна от первой и приближается к наблюдателю с другой стороны (слева). Картинки «расширенного настоя-

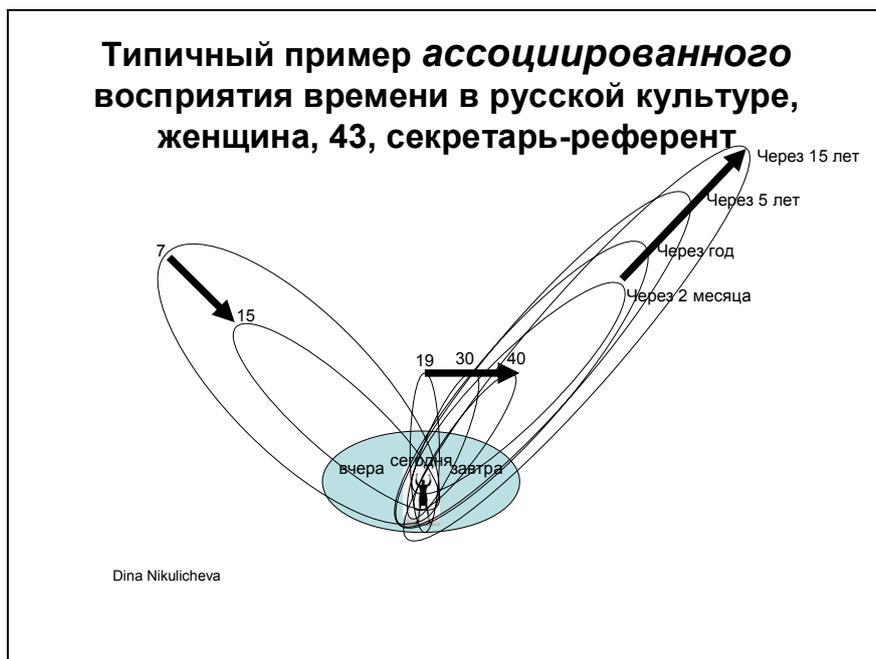
щего» (для данного человека «сегодня», «завтра», «через месяц», «через год») воспринимаются ассоциированно. Но далекое будущее вновь становится диссоциированным. Картинки последовательно удаляются, уменьшаются в размере и сдвигаются вправо.

Типичное ассоциированное представление времени русскоязычным информантом дает следующие результаты (Схема 4):

(Схема 4)

Графически это получает следующее выражение (Схема 5):

(Схема 5)

Картинки детства (7-15 лет) расположены далеко слева, но последовательно приближаются по мере приближения событий во времени. **Взрослая линия прошлого** (19-40 лет) расположена перед наблюдателем и направлена вправо. Картинки **расширенного настоящего** (для этого человека вчера, сегодня, завтра представляются как будто событие происходит в настоящий момент, то есть очень близко). Чем дальше в **будущее**, тем последовательно более удалена картинка. Все события видятся «из своих глаз», как если бы человек стоял в потоке времени, текущем слева направо и проходящем через его тело. И поскольку картинки видятся «изнутри», то создается впечатление, что человек как бы мысленно переносится на «далекие острова» прошлого или ступает на «еще неизвестные острова» будущего.

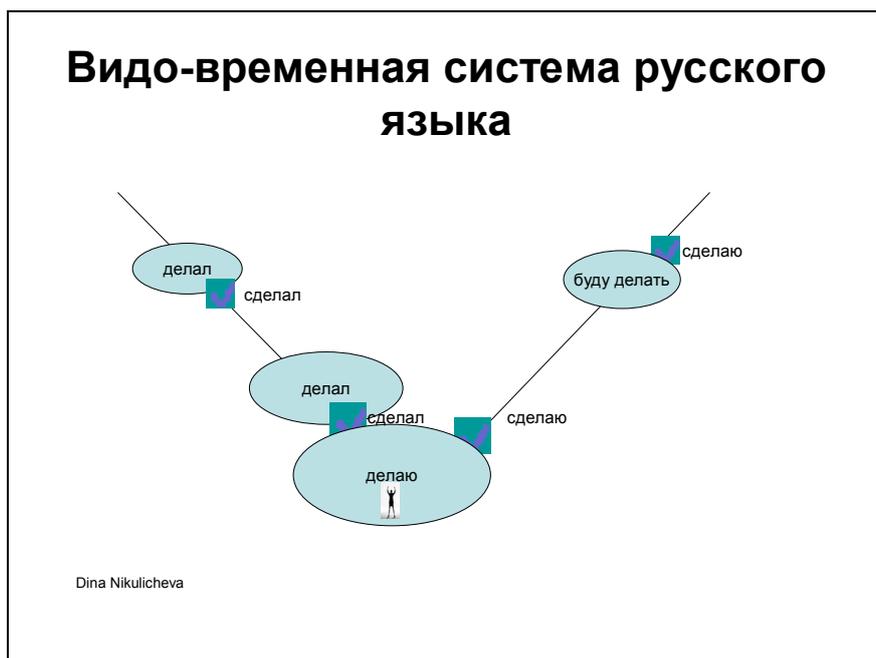
А теперь давайте сопоставим, как *экспериментальные* данные соотносятся со *структурой грамматических систем*.

Грамматическая система любого языка является единым для всех его носителей *культурным языковым кодом*. Видо-временная система, в частности, является

универсальным для всех носителей данного языка кодом того, какие смыслы, связанные с идеей времени, *категоризируются* в данной культуре. Понятно, что индивидуально-психологические представления носителей могут различаться. Однако язык устроен так, что, с одной стороны, неизбежно отбирает и *обобщает нечто прототипическое*, характерное для большинства носителей данной культуры, а, с другой стороны, *формирует сознание новых поколений* по той языковой матрице, которая заложена в системе его категорий.

Большинство принявших участие в нашем эксперименте носителей русского языка продемонстрировало склонность именно к *ассоциированному* воспоминанию прошлого.

Сопоставление результатов эксперимента со структурой видо-временной системы русского языка позволяет выдвинуть гипотезу о том, что в качестве перцептивной основы грамматического темпорального кода темпоральная система русского языка отобрала именно **ассоциированное** представление времени (Схема 6):

(Схема 6)

Мы как бы локализуем событие на «островах» прошлого, настоящего, будущего (а также «острове» сослагательности: «делал бы / сделал бы»). Любопытно, что метафора «островов времени» была предложена одним моим коллегой датско-русского происхождения, одинаково блестяще владеющим обоими языками, когда мы обсуждали его интуитивные представления о том, чем различаются временные представления у русских и у датчан.

Русский *несовершенный вид* идеально приспособлен для **ассоциированного** представления события.

Роль воспринимающего субъекта в структуре процессных ситуаций, выражаемых глаголами несовершенного вида, специально исследовалась А.В. Бондарко. Так, в статье «К вопросу о перцептивности» автор приходит к выводу о том, что в большинстве своих семантических вариантов формы несовершенного вида создают эффект *непосредственного восприятия* окружающих явлений *в момент речи*. По его мнению, «перцептивный компонент семантики русского несовершенного вида связан с тем, что конкретно-процессное значение несовершенного вида предполагает выде-

ление в обозначаемом действии *серединного фиксируемого периода*. <...> В понятие *фиксируемый период* заключены два элемента а) *серединная фаза* в протекании действия, б) *период восприятия* данной фазы протекания действия наблюдателем (воспринимающим субъектом). Эти элементы тесно связаны друг с другом: в протекании процесса выделяется именно тот период, который охватывается наблюдением» [Бондарко 2004, 280-281].

Показательно, что использование говорящим несовершенного вида *создает эффект наблюдаемости процесса* не только применительно к настоящему, когда «автор ставит читателя в позицию участника и вместе с тем свидетеля того, что происходит. Создается образ *совместного* <выделено мной Д.Н.> восприятия» [Бондарко 2004, 278].: Лев Николаевич позвал меня. *Сидел* на диване, устроив из него себе кресло и *читал*.» (Д.Маковицкий); «Я знал, что через минуту увижу его: он *будет идти* по переулку, и до тех пор, пока не перейдет на другую сторону дороги, я *буду видеть* его». (В.Амлинский) [примеры из: Бондарко 2004, 278].

Развивая идеи А.В.Бондарко, подчеркнем, что такая грамматическая семантика несовершенного вида создает *предпосылки для сильной вовлеченности говорящего в ситуацию*, и, следовательно, для потенциальной *эмпатии* автора и читателя по отношению к герою повествования.

В этом можно убедиться, проведя небольшой эксперимент, а именно выбрав из какого-либо произведения русской классики отрывок, где повествование ведется в несовершенном виде, и посмотреть, как изменится восприятие эпизода при замене всех глаголов на глаголы совершенного вида. В качестве объекта эксперимента нами был выбран известный отрывок из «Войны и мира».

«Бубенчики еще глуше *звенели* в лесу, чем месяц тому назад; все *было* полно, тенисто и густо; и молодые ели, рассыпанные по лесу, *не нарушали* общей красоты и, поддельваясь под общий характер, нежно *зеленели* пушистыми молодыми побегами. Целый день *был* жаркий, где-то *собиралась* гроза, но только небольшая тучка *брызнула* на пыль дороги и на сочные листья. Левая сторона *была* темна, в тени; правая, мокрая, глянцевая, *блестела* на солнце, чуть *колыхалась* от ветра. Все было в цвету; соловьи *трещали* и *перекатывались* то близко, то далеко. “Да, здесь, в этом лесу, был этот дуб, с которым мы были согласны, — подумал князь Андрей. — Да где он?” — подумал опять князь Андрей, глядя на левую сторону дороги и, сам того не зная, не узнавая его, *любовался* тем дубом, которого он *искал*. Старый дуб, весь *преображенный*, раскинувшись шатром сочной темной зелени, *млел*, чуть *колыхаясь* в лучах вечернего солнца...» [Л.Толстой. Т.5. с. 162-163].

Сравним приведенный отрывок с тем, насколько поверхностнее, отстраненнее, воспринималась бы вся сцена, будь она описана глаголами совершенного вида, хотя с грамматической точки зрения такая трансформация была бы вполне возможна:

*«Бубенчики *завзвенели* в лесу еще глуше, чем месяц тому назад; все *стало* полно, тенисто и густо; и молодые ели, рассыпанные по лесу, *нарушили* общей красоты и, под-

делавшись под общий характер, нежно *зазеленели* пушистыми молодыми побегами. Где-то *собралась* гроза, но только небольшая тучка *брызнула* на пыль дороги и на сочные листья. Левая сторона *потемнела*; правая, мокрая, глянцевая, *заблестела* на солнце, чуть *колыхалась* от ветра. Все *расцвело*; соловьи *затрещали* и *защелкали* то близко, то далеко. «Да, здесь, в этом лесу, был этот дуб, с которым мы были согласны, - подумал князь Андрей. — Да где он?» - *подумал* опять князь Андрей, *взглянув* на левую сторону дороги и, сам того не зная, *залюбовался* тем дубом, который он *узнал*. Старый дуб *преобразился*, раскинувшись шатром сочной темной зелени...».

Для любого русскоязычного читателя очевидно, что при такой замене из ключевого момента романа, знаменующего собой точку духовного возрождения князя Андрея, отрывок, в котором произведены видовые замены, превращается в малозначимый «проходной» эпизод полностью лишенный эмпатии автора и, соответственно, эмпатии читателя. Выраженное глаголами совершенного вида повествование приобретает констатирующий, почти конспективный характер. Использование в описании эпизода форм несовершенного вида, напротив, замедляет ход повествования и позволяет получателю текста как бы попасть в «пузырь времени», внимательно и детально рассмотреть и почувствовать происходящее, идентифицировавшись с субъектом повествования и *ощутив себя в его пространственно-временном хронотопе*. Это ощущение еще более усиливается грамматическими средствами русского языка, когда прошедшее время несовершенного вида заменяется в повествовании на настоящее.

А теперь давайте сравним результаты экспериментов с носителями русского языка с результатами таких же экспериментов, проведенных мною с американцами. Для сравнения нами также были отобраны по два наиболее типичных для американской культуры примера — один, характеризующийся диссоциированным, а другой — ассоциированным представлением времени. Ср. схемы 7 и 8).

Типичный пример диссоциированного восприятия времени в англоязычной культуре, американка, 52, преподаватель информатики

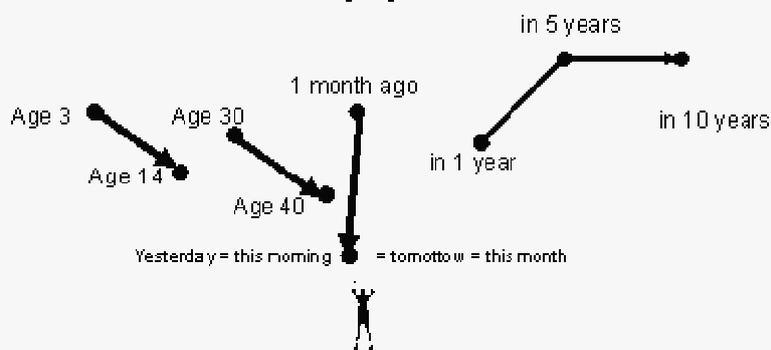
- **Age 3.** Картинка слева. Внизу. Расстояние 3. Размер 3.
- **Age 14.** Картинка слева. Внизу. Чуть смещена к центру. Расстояние 2. Размер 6.
- **Age 30.** Чуть слева, еще ближе к центру. Чуть выше. Расстояние 3. Размер 6.
- **Age 40.** По центру и чуть выше. Расстояние 2-3. Размер 7.
- **1 month ago.** По центру. Выше. Расстояние 4. Размер 6.
- **Yesterday.** На уровне глаз. Чуть-чуть левее. Расстояние 2. Размер 6.
- **This morning = yesterday.**
- **Tomorrow = this morning**
- **1 month in the future = this morning**
- **In 1 year.** Чуть сдвинуто вправо от центра и чуть ниже. Расстояние: 3. Размер 7.
- **In 5 years.** Еще больше сдвинуто вправо. Расстояние 4. Размер 5.
- **In 10 years.** Еще больше сдвинуто вправо. Внизу. Расстояние 3-4. Размер 5.

Dina Nikulicheva

(Схема 7)

Графически полученные данные могут быть представлены следующим образом:

Типичный пример диссоциированного восприятия времени в англоязычной культуре, американка, 52, преподаватель информатики

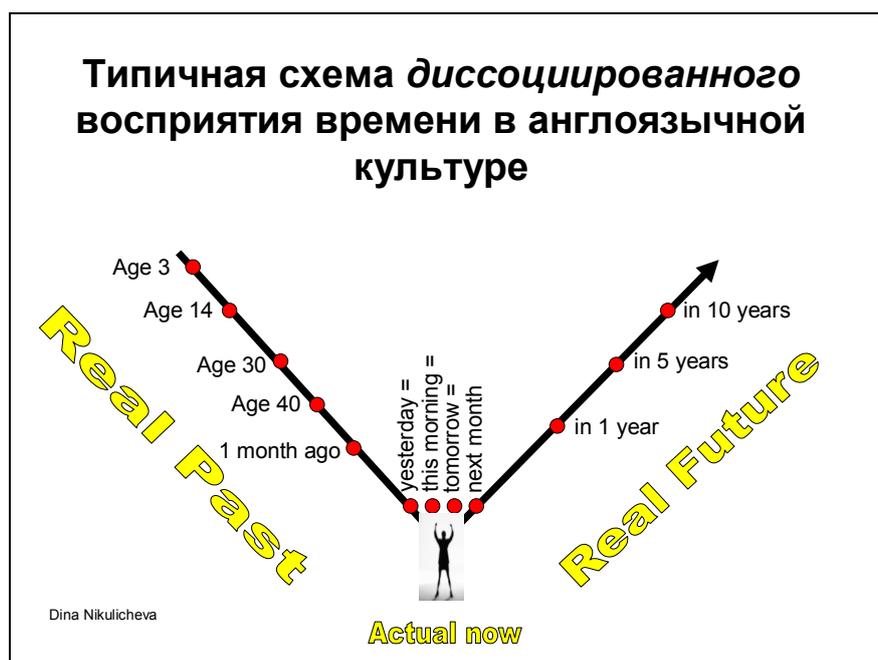

Dina Nikulicheva

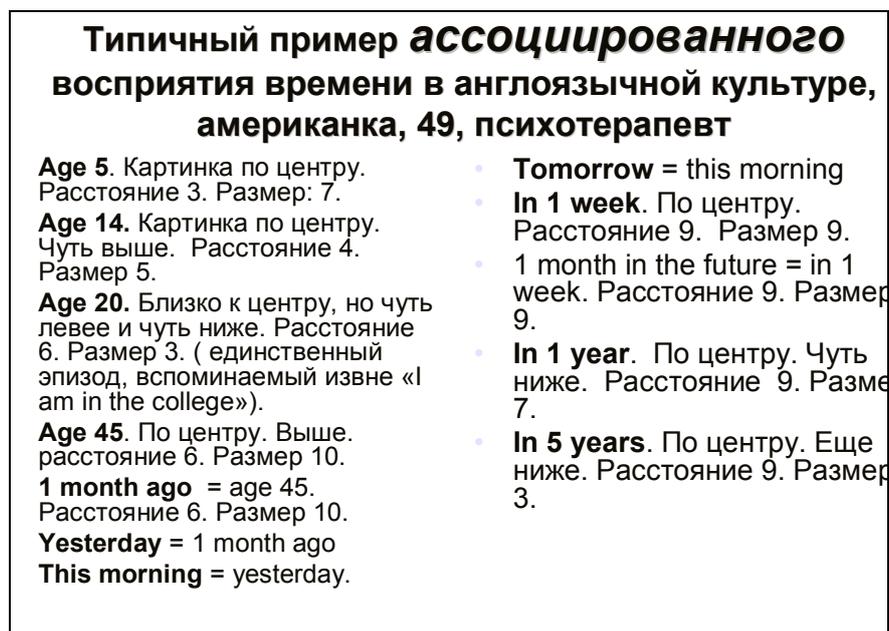
(Схема 8)

Информант располагает все события прошлого слева. Выделяются два отрезка прошлого, абсолютно идентичные в плане их направления в сторону приближения к наблюдателю. Чем дальше в прошлом локализовано событие, тем дальше и ниже оно представляется от наблюдателя и тем меньше кажется картинка. Картинки акту-

ального расширенного настоящего (для данного человека от «one month ago» до «this month») располагаются очень близко и прямо по центру, а будущие представления удаляются все дальше и дальше от наблюдателя и все больше смещаются вправо и вниз. Схематически эта модель может быть обобщена в следующем виде (Схема 9):

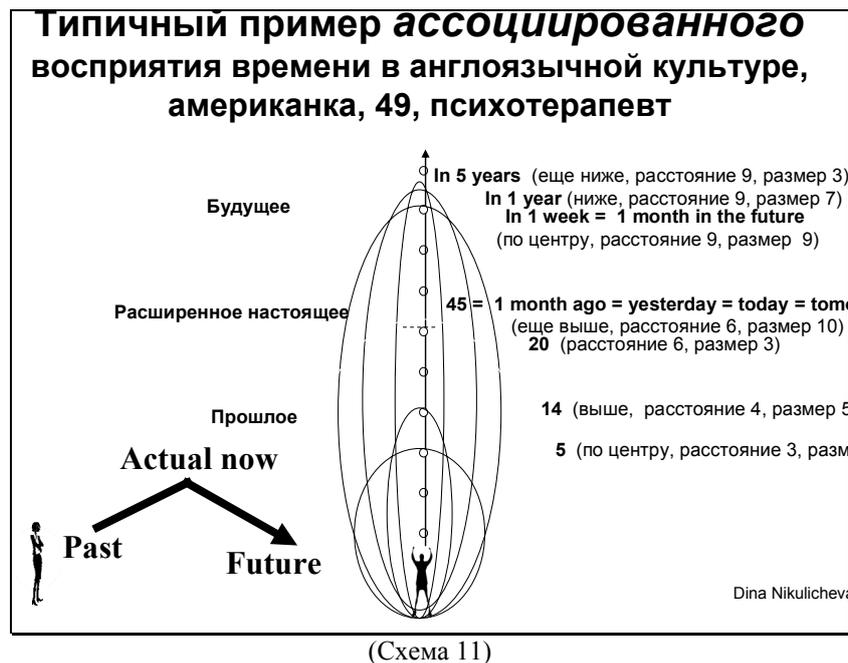
Типичная модель ассоциированного представления времени в американской культуре характеризуется следующими параметрами (Схема 10):

Графически это выражается схемой 11.

Все временные представления у этой информантки находятся прямо перед ней. При этом самые ранние воспоминания располагаются совсем близко (как бы «в начале пути»), а затем все дальше и дальше удаляются вперед. Все события расширен-

ного настоящего (для нее от age 45 до to-morrow) расположены на одном и том же среднем удалении. А будущее лежит все дальше и дальше от наблюдателя, причем картинки увеличиваются из прошлого до настоящего, а затем последовательно уменьшаются. Следует также отметить

вертикальный параметр. Ранние воспоминания начинаются на уровне глаз и потом последовательно поднимаются все выше до точки расширенного настоящего. А затем фокус начинает опускаться, как если бы человек всходил на холм настоящего, а затем начинал опускаться в сторону будущего. То есть, глядя сбоку, мы и в ассоциированном американском представлении получаем ту же *ломаную линию*, которую наблюдали и в более частотном для американских информантов диссоциированном представлении времени.

Таким образом, та общая модель, которая характеризует как ассоциированный, так и диссоциированный взгляд на время в американской культуре — это последовательно *линейный характер представления времени*. Эта линия может восприниматься «изнутри» (метафора «движения по дороге») или «со стороны» (метафора «холма», с которого обозреваешь всю дорогу). Статистически диссоциированное представление времени встречается среди носителей английского языка, по моим наблюдениям, чаще, чем среди носителей русского языка.

А теперь давайте сравним, как отмеченные *невербальные представления времени*

соотносятся с *поведенческими стереотипами* носителей разных культур в отношении времени.

Не секрет, что, хотя встречаются и исключения, носители германских языков в целом гораздо более пунктуальны, чем носители русского языка. В этой связи интересные данные приводятся в монографии М.Г. Лебедевко «Время как когнитивная доминанта культуры» [Лебедевко 2002], использующей исследования Эдварда Холла, предложившего разделить все культуры на *монокронические* и на *полихронические*. Согласно теории Холла, монокронические культуры характеризуются значительным фокусом на времени, а вторые — на отношении. Монокронические культуры имеют тенденцию делить время на сегменты, время четко ограничивается расписанием, регламентируется, дает возможность концентрироваться на чем-то одном, прежде чем перейти к чему-то другому. Полихроническое время, согласно Э.Холлу, характеризуется одновременным проистеканием нескольких событий. При этом наблюдается большая вовлеченность людей. Акцент делается скорее не на расписании, а на взаимоотношении. [Hall E., Hall M. 1990: 13].

Опираясь на теорию Э. Холла, М.Г. Лебедько доказывает, что американская культура является типично монохронической, в отличие от русской, относящейся к полихроническому типу. Узнаваемыми проявлениями является то, что:

- в американской культуре фокус направлен на время: «*time and tide wait for no man*», а в русской культуре фокус направлен на отношения людей «*семеро одного не ждут*»;

- американцы последовательно посвящают свое время выполнению одной задачи и имеют склонность к «неделимому вниманию» («*one thing at a time*»; «*first come, first served*»), а русские, для которых более свойственно «расщепленное внимание» гораздо чаще прерывают и отвлекают друг друга в рабочее время, особенно если им кажется, то их вопрос не займет много времени;

- американцы соблюдают правило *privacy*, включающее наряду с другими факторами и понятие личного времени, тогда как в русской культуре нет соответствующего слова, что говорит о культурной лакуне;

- американцы серьезно воспринимают временные обязательства: *time is money*.

Для них *deadline* — действительно *deadline*. В русской культуре последние сроки часто откладываются «по объективным причинам». Русская культура аппроксимативна в отношении к темпоральности: «*время — понятие растяжимое*» [по Лебедько 2002: 123-126].

Теперь давайте посмотрим, как выявленная закономерность *невербального представления времени* в англоязычной американской культуре соотносится с *видовременной системой английского языка*. Это сравнение убеждает в том, что (хотя в каждой культуре с большей или меньшей частотностью встречаются как индивиды с ассоциированным, так и с диссоциированным представлением времени), **англоязычная видовременная система как единый для всех носителей данной культуры языковой код, в основу временной категоризации кладет именно диссоциированное временное представление.**

Как известно, в активном залоге английский глагол имеет 16 видовременных форм, и пять из них легко помещаются на «линию времени» индивида (Схема 12).

(Схема 12)

Именно перцептивная идея линии лежит в основе такого, характерного для германских языков явления как «согласование времен». Ср. англ. *He told me that he had seen her before*, где грамматически выражена последовательность событий во времени (сначала видел Past Perf., потом рассказывал Simple Past) с русск. *Он рассказывал мне, что видел ее прежде*, где таксисные

отношения игнорируются, как будто бы оба события находились на одном и том же «острове прошедшего времени».

Что же касается остальных футуральных и перфектных форм, то они также расположены на линиях, но не на основной «линии времени индивида», а на линиях параллельных реальностей» (Схема 13).

(Схема 13)

Иными словами, если событие расположено на одной из линий, параллельных линии реального будущего, то оно никогда не попадет на линию реальности. Ср. ирреальное предположение относительно настоящего: *If you worked hard (now), you would be famous*, или относительно прошлого *If you had worked hard, you would have been famous*: с реальным развитием нынешней ситуации в будущем: *You don't work hard, and you will not be famous*.

Линейное восприятие времени, базовое для английского темпорального менталитета, нашло отражение в англоязычной художественной литературе и кинематографе. Не случайно столько английских романов и фильмов построено на идее линии времени и параллельного развития событий (Herbert Wells "Time Machine", Ray Bradbury рассказ о бабочке, изменившей мир,

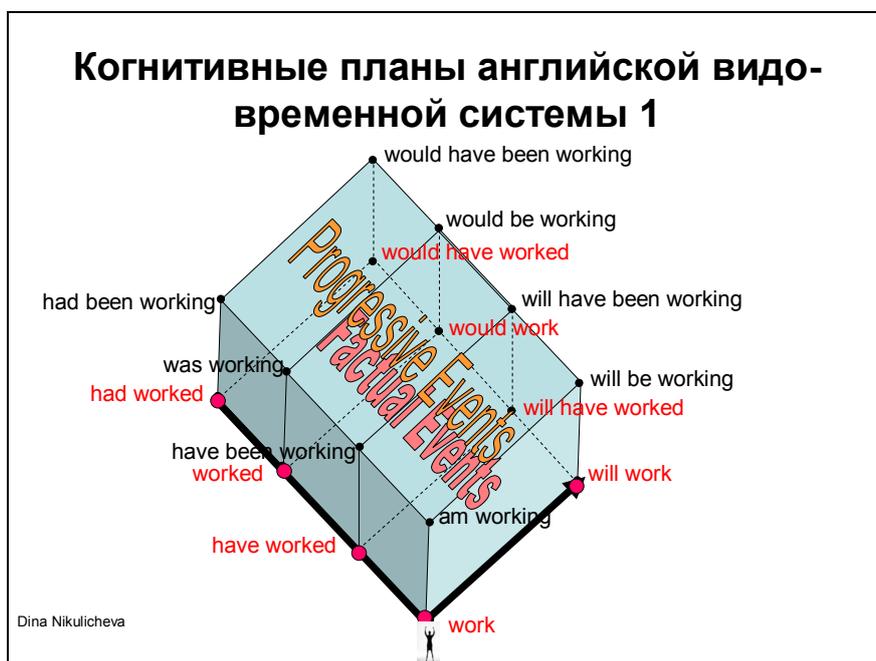
Michael Crichton "Time Line", фильмы Peter Howitt «Sliding Doors», Robert Zemeckis «Back to the Future», Alejandro Agresti «Lake House». И др. Таким образом, сама грамматическая структура темпоральных значений английского языка создает когнитивные предпосылки для обыгрывания идеи параллельного развития событий.

Что касается форм **длительного вида** (форм Continuous), то важно отметить, что они возникли в английском языке позже других (парадигматизовавшись лишь в XVI-XVIII вв.), но играют чрезвычайно важную роль, поскольку образуются от любой из вышеназванных недуративных глагольных форм. Дуративные значения в буквальном смысле «наложились» на значения предшествующих темпоральных форм. Графически это может быть выражено следующим образом (Схема 14):

(Схема 14)

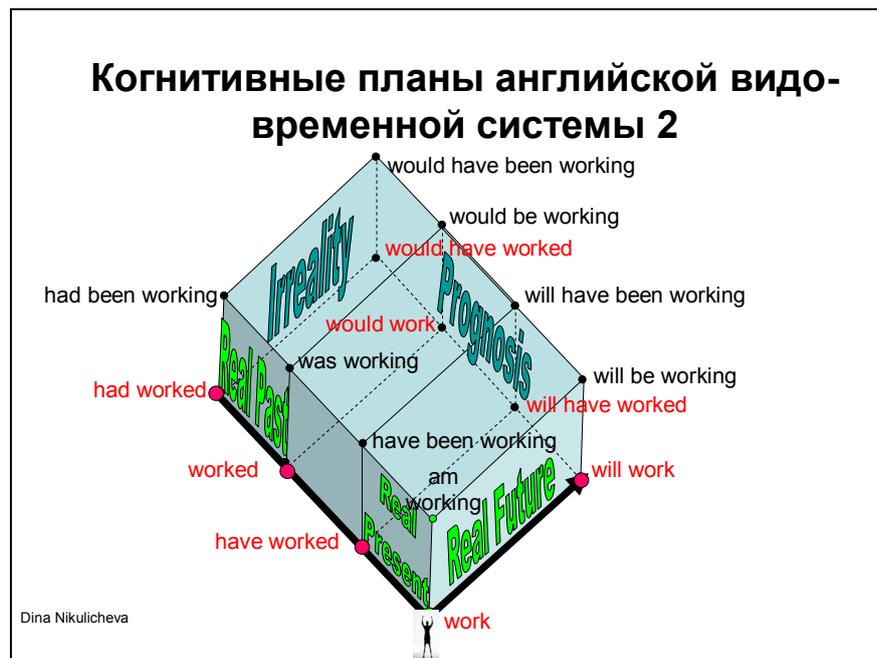
Указанная структура позволяет выделить следующие шесть когнитивных планов темпоральной системы английского языка (Схемы 15 и 16):

(Схема 15)

Данная схема позволяет объяснить, почему для того, чтобы употребить формы Continuous, должно существовать скрытое или явное указание на определенный момент на линии времени, через который

проходит данное длящееся действие. «Длительность» таким образом, вторична по отношению к локализации момента как определенной точки на линии времени.

Интересно, что в американской литературе имеется известная метафора, точно соответствующая предложенной выше когнитивной структуре. Речь идет о пассаже о времени из романа Стейнбека «К востоку от рая». При этом подчеркнем, что по-

скольку аналогичный английскому когнитивный план дуративности отсутствует в русском языке, то метафора Стейнбека в ее исходном виде неизбежно утрачивается в переводе (Схема 17).

Изменение временной метафоры в англо-русском переводе

“Time interval is a strange and contradictory matter in the mind. It would be reasonable to suppose, that a routine time or an eventless time would seem interminable. It should be so, but it is not. It is the dull eventless times that have no duration whatever. A time **splashed** with interest, **wounded** with tragedy, **crevassed** with joy — that’s the time that seems long in the memory. And this is right when you think about it. **Eventfulness has no posts to drape duration on.** From nothing to nothing is no time at all.”

(Steinbeck «East of Eden», 46)

«Ход времени воспринимается нашим сознанием странно и противоречиво. Если время состоит из однообразных будней или лишено событий, логично предположить, что оно тянется бесконечно долго. Так, да не так. Именно серые, лишённые событий дни пролетают совершенно незаметно. Другое дело, когда время **пестрит** происшествиями, когда оно **искоррежено** трагедиями и **пересыпано** радостями - потом кажется, что все это длилось очень долго. И если вдуматься, тут есть логика. **Пустоту веками не размещать**. Два пустых дня сливаются в один»

(Пер. А. Михалева).

(Схема 17)

Таким образом, сопоставление результатов эксперимента по выявлению невербального представления времени носителями русскоязычной и англоязычной культур с особенностями грамматической концептуализации времени в соответствующих языках позволяет нам выдвинуть гипотезу о том, что **английская темпораль-**

ная система скорее ориентирована на выражение **диссоциированного представления времени**, тогда как видо-временная система **русского языка** прототипически ориентирована на отражение **ассоциированного представления**.

Сравнение особенностей визуализации временных представлений носителями ука-

занных языков со структурой соответствующих грамматических систем позволило также говорить о существовании *зависимости между грамматической концептуализацией времени и его восприятием*.

Данный метод представляется весьма перспективным в плане контрастивных исследований. В этом направлении весьма интересные результаты уже были получены автором на материале датского языка в сопоставлении с английским (то есть в плане сопоставления психолингвистических особенностей концептуализации времени в близкородственных языках). Следующим этапом работы видится создание проблемной группы, объединенной задачами исследования «психологии грамматики» языков мира. Первым этапом ее деятельности могло бы стать проведение предложенного мной эксперимента как с носителями остальных языков германской подгруппы, так и с носителями языков иных семей. В дальнейшем полученные ре-

зультаты должны быть сопоставлены с системой темпоральных оппозиций, представленных в данных языках в синхронии, а также с динамикой диахронического становления в них указанных категорий. В результате в инструментарий лингвистики был бы включен уникальный материал, позволяющий лучше понять психические механизмы, лежащие в основе грамматики человеческих языков.

Литература:

Бондарко А.В. К вопросу о перцептивности // Сокровенные смыслы. Сборник статей в честь Н.Д.Арутюновой. М. 2004, С. 276-282.

Лебедев М.Г. Время как когнитивная доминанта культуры. Сопоставление американской и русской концептосфер. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002.

Hall E.T., Hall M. R. Understanding cultural differences / Yarmouth, ME: intercultural Press, 1990.

Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the flesh. The embodied mind and its challenge to western thought. New-York: Basic Books, 1999.

Г.А. Черкасова

ИССЛЕДОВАНИЕ ДИНАМИКИ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ РУССКИХ¹

Языковое сознание, ассоциативно-вербальная сеть, ассоциативный тезаурус, сопоставительный анализ, статистика

Статья посвящена исследованию ассоциативно-вербальной модели языкового сознания русских по временным срезам, которые зафиксированы тремя ассоциативными словарями: САНРЯ, РАС и САС. Исследование и анализ одинаковых и различающихся реакций из объединенной базы данных показали стабильность реакций с частотой выше трех.

Статья посвящена исследованию ассоциативно-вербальной модели языкового¹ сознания русских по временным срезам, которые зафиксированы тремя ассоциативными экспериментами с носителями русского языка, путем анализа выборок и про-

екций из интегрированной базы данных «Ассоциативный образ носителя русского языка».

БД создается в среде Интернет в рамках проекта РГНФ № 06-04-03803в и включает в себя: «Словарь ассоциативных норм русского языка Леонтьева», 25 тыс. зап., 1967-73 гг. — САНРЯ, L²; «Русский ассоциативный словарь», 1.3 млн. зап. 1988-95 гг. — РАС, R; русскую часть «Славянского ассо-

¹ Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ № 06-04-03803в «Автоматизированная система научных исследований динамики ассоциативно-вербальной модели языкового сознания русских как индикатора образа России в новейшей истории и современности» и № 06-04-00550а «Образ России в автохтонном и неавтохтонном языковом сознании».

² Указаны сокращения, используемые для их идентификации словарей.

циативного словаря», 66 тыс. зап. 1998-99 гг. — САС, S. Так как базы данных созданы по опросам, проведенным с интервалом 10–20 лет, то их анализ и сопоставление дает возможность исследовать динамику ассоциативно-вербальной модели языкового сознания современных русских, а наличие наработок по другим языкам позволяет провести сравнительный анализ с другими культурами.

Методика исследования динамики ассоциативно-вербальной сети (АВС) носителя русского языка включает пять шагов.

1. *Выявление множества одинаковых слов-стимулов*, встретившихся в двух или трех ассоциативных экспериментах.

2. *Формирование выборок из баз данных* разных временных срезов, и построение проекций Прямых и Обратных словарей по этим выборкам.

3. *Сопоставление словников обратных словарей*, полученных по выборкам, и фиксирование, как повторяющихся реакций, так и оригинальных ассоциатов, полученных на разных временных срезах.

4. *Сопоставление статей Прямых ассоциативных словарей*. Анализ состава и структуры статей, построенных по повторяющимся стимулам.

5. Выявление зафиксированных во фрагментах АВС овнешненных в вербальной форме (осознаваемые и неосознаваемые) знаний о России и русских у современных носителей русского языка.

Шаг 1. Анализ списков стимулов

Результаты первого ассоциативного эксперимента с носителями русского языка, опубликованные в САНРЯ, — это Прямой ассоциативный словарь, включающий 196 статей по каждому стимулу из множества $\{S_{\text{САНРЯ}}\}$.

Список стимулов РАС $\{S_{\text{РАС}}\}$ самый большой и содержит 6624 слова и словосочетания, которые включают все стимулы САНРЯ кроме слова *впечатление*, т.е. пересечение множеств стимулов РАС и САНРЯ — это 195 слов.

$|\{S_{\text{РАС}}\} \cap \{S_{\text{САНРЯ}}\}| = |\{S_{\text{САНРЯ}}\} - \langle \text{впечатление} \rangle| = 195$ слов

Список стимулов для эксперимента с носителями славянских языков $\{S_{\text{САС}}\}$ выбирался из стимулов РАС и содержит 111 совпадающих слов, и только один стимул САС — существительное *справедливость*, не совпадает со списком РАС, в котором есть прилагательное *справедливый*.

$|\{S_{\text{РАС}}\} \cap \{S_{\text{САС}}\}| = |\{S_{\text{САС}}\} - \langle \text{справедливость} \rangle| = 111$ слов

Пересечение списков стимулов САНРЯ и САС составило 53 слова, которые одновременно являются и пересечением всех трех списков стимулов.

$|\{S_{\text{САНРЯ}} \cap \{S_{\text{САС}}\}| = |\{S_{\text{РАС}}\} \cap \{S_{\text{САС}}\} \cap \{S_{\text{САНРЯ}}\}| = 53$ слова

Таким образом, в разных опросах повторялось 253 слова³ (195+111–53). В представленном *Списке повторившихся стимулов* жирным шрифтом выделены стимулы, встретившиеся во всех опросах, курсивом отмечены стимулы, повторившиеся только в РАС и САС, а без выделения даны стимулы, использованные только в САНРЯ и САС.

бабушка, бежать, белый, билет, Бог, богатый, больной, **большой,** брат, бумага, быстро, вернуться, веселый, ветер, вечер, вечность, взять, видеть, вместе, **вода,** военный, **война,** войти, враг, **время, вспоминать,** встретить, **встреча,** входить, газета, глаз, *глаза, глупый, говорить,* год, **голова, голос, гора, город, гость,** группа, гулять, давать, дать, *дверь, девочка,* делать, **дело, день, деньги, деревня,** детский, *добро,* добрый, договориться, **дом,** дорогой, достать, **дочь, друг, думать, дурак, душа, дядя, есть,** ехать, *жадный,* желать, *жена, женщина, жизнь, жить,* журнал, занятие, записать, звонить, здоровье, *зеленый, земля, зло,* знакомый, знать, идти, интересный, **искать,** история, картина, километр, кино, книжка, комната, кончать, кончиться, *красивый, красный, кричать,* курс, **лес,** литература, *лицо,* любить, **любовь,** люди, *маленький, мальчик, мастер, мать, машина,* место, милый, мнение, много, **молодой, муж, мужчина, надеяться,** найти, **народ,** настоящий, **начало,** начальник, начать, небольшой, *ненавидеть, новый,* ночь,

³ Слова, выделенные жирным шрифтом, встретились во всех опросах. Курсивом выделены стимулы повторившиеся в РАС и САС.

обещать, *обман, огонь*, оказаться, оказываться, определенный, оставаться, ответить, отвечать, отец, *палец, памятник*, папа, передавать, передать, петь, писать, **пить**, *плохо*, плохой, площадь, повод, подойти, пойти, покупать, полный, положение, положить, **помогать**, помощь, понимать, послушать, поступить, потерять, появиться, право, праздник, прекрасный, прийти, прислать, приходиться, провести, производство, простить, простой, *путь*, **работа**, работать, рабочий, *радость*, **разговор**, район, **ребенок**, результат, *река, родина, родной, рот*, рука, *руки*, русский, садиться, **свет**, **свободный**, связь, сдавать, сделать, *семья*, сесть, сидеть, **сила**, сильный, сказать, *слабый*, слава, следовать, **слово**, слышать, *смерть*, смотреть, смысл, советский, спросить, становиться, стараться, **старый**, **стол**, сторона, стоять, студент, *стыд*, суббота, существовать, *счастье*, счет, темный, *терять*, течение, товарищ, точка, труд, тяжелый, увидеть, угол, уезжать, уехать, уметь, *умный*, упасть, **успеть**, **утро**, учительница, учить, учиться, фамилия, форма, **хлеб**, *ходить*, хороший, *хорошо, хотеть*, час, **человек**, *черный*, **чистый**, школа, экзамен.

Шаг 2. Формирование выборок из БД и проекций Прямых и Обратных АС

На втором шаге были сформированы выборки из баз данных «Словаря ассоциативных норм русского языка Леонтьева», «Русского ассоциативного словаря» и «Славянского ассоциативного словаря» по словам из Списка повторившихся стимулов, и по этим выборкам построены проекции Прямых и Обратных словарей.

Выборки и проекции построены для всех *попарных пересечений*, т.е. для РАС и САС, РАС и САНРЯ, САС и САНРЯ, а также для пересечения РАС, САНРЯ и САС.

По созданным проекциям Прямых ассоциативных словарей подготовлен и опубликован по адресу <http://philipovich.ru/Projects/ASIS> «Сопоставительный ассоциативный словарь» (СопАС) в трех частях:

Часть 1 «Сопоставительный ассоциативный словарь» включает Прямой словарь и Обратный словарь, построенный по повторившимся в трех опросах 53 стимулам.

Часть 2 «Сопоставительный ассоциативный словарь РАС+САС» содержит

только Прямой словарь по 111 повторившимся в РАС и САС стимулам.

Часть 3 «Сопоставительный ассоциативный словарь РАС+САНРЯ» — это тоже только Прямой словарь по 195 стимулам, использованным в САНРЯ и РАС.

Поскольку пересечение стимулов САНРЯ и САС есть пересечение списков трех опросов, «Сопоставительный ассоциативный словарь САНРЯ+САС» полностью входит в первую часть и отдельно не публикуется.

При формировании Сопоставительного ассоциативного словаря учитывался тот факт, что количество испытуемых по отдельным стимулам в разных ассоциативных опросах колеблется в значительных пределах: для САНРЯ от 116 до 813, для РАС от 96 до 1056, только в САС оно почти одинаковое ≈ 600 . Поэтому введена новая статистическая характеристика *относительная частота* или *доля*, которая равна проценту частоты встречаемости конкретной реакции от количества опрошенных респондентов по стимулу. В сопоставительном словаре упорядочивание пар «стимул–реакция» и «реакция–стимул» выполнено по величинам относительным частоты встречаемости пары.

Шаг 3. Сопоставление словников Обратных ассоциативных словарей

РАС и САС — 111 стимулов

На повторившиеся 111 стимулов в РАС получено 47714 реакций, а в САС их 65344. Фрагменты (выборки) из Прямых ассоциативных словарей из БД «Ассоциативный образ носителя русского языка», содержат для РАС 17529 пар «стимул–реакция» и для САС — 19957, которые включают соответственно 9941 и 10247 разных реакций.

Введем следующие обозначения:

$\{R_{РАС}\}$ — множество реакций Русского ассоциативного словаря,

$\{R_{САС}\}$ — множество реакций Славянского ассоциативного словаря,

$\{R_{P=C}\}$ — пересечение множеств $\{R_{РАС}\}$ и $\{R_{САС}\}$. Это множество содержит 4595 реакций, которые повторились в РАС и в САС.

$|\{R_{P=C}\}| = |\{R_{PAC}\} \cap \{R_{CAS}\}| = 4495$ реакций

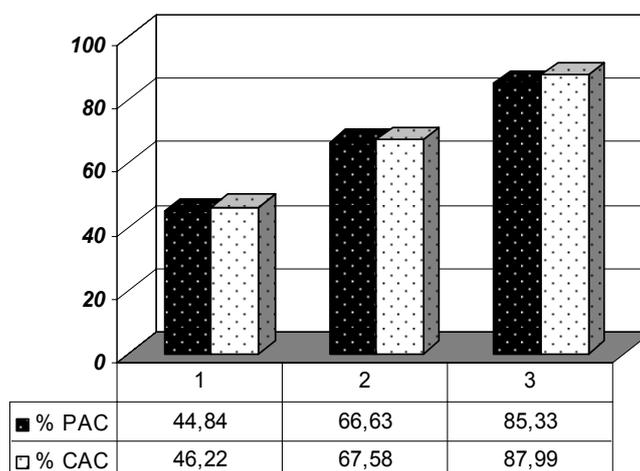
Количество совпадающих реакций от общего их количества для PAC составляет 46,22% (4495/9941), для CAS — 44,84% (4495/10247), т.е. **меньше половины всех реакций**. Все повторившиеся реакции из $\{R_{P=C}\}$ в выборках прямых словарей для PAC встретились в 11679 парах «стимул-реакция» (это 66,63% от общего количества пар 17529), а для CAS — в 13487 парах (67,58% от 19957), что составляет уже бо-

лее 2/3. Эти 4495 совпавших реакций во множестве всех ответов, полученных на 111 стимулов, были даны 40714 раз в PAC, а в CAS — 57494 раз, что составляет соответственно **85,33%** и **87,99%** от общего количества, собранных ассоциатов. Таким образом, среди всего множества полученных ассоциатов не повторяющиеся в двух экспериментах ответы составляют менее 15%. Ниже в табл. 1 сведены статистические характеристики.

Таблица 1. Характеристики PAC и CAS по 111 стимулам

№ п/п	Словарь	PAC	CAS
	Количество		
	всего ассоциатов, т.е. ответов-реакций	47714	65344
	разных пар «стимул-реакция» — $ \{S_i-R_{ij}\} $	17529	19957
	разных реакций (вершин ABC)	9941	10247
	совпадающих реакций $\{R_{P=C}\}$	4595	4595
1	% совпадающих реакций	46,22%	44,84%
	пар $\{S_i-R_{ij}\}$ с совпадающими реакциями	11679	13487
2	% пар $\{S_i-R_{ij}\}$ с совпадающими реакциями	66,63%	67,58%
	ассоциатов с совпадающими реакциями	40714	57494
3	%ассоциатов с совпадающими реакциями	85,33%	87,99%
	повторившихся пар «стимул-реакция»	6440	6440
	% повторившихся пар «стимул-реакция»	36,74%	32,27%

Графически результаты можно представить следующей гистограммой:

Статистические характеристики для 111 повторившихся в PAC и CAS стимулов показывают, что оба фрагмента ассоциативно-вербальной сети (ABC) содержат около 10 тысяч вершин-реакций, из которых совпадают менее половины ~45% (левые гистограммы). Совпадающие вершины-реакции

встречаются и для PAC, и для CAS более чем в 66,63% пар «стимул-реакция» (средние гистограммы), а общее количество ассоциаций респондентов в анкетах повторившимися реакциями составляет более 85% (правые гистограммы). Это констатирует, что ABC, охватывающая языковое со-

знание носителя русского языка, стабильна и повторяется на 85% для разных по времени опросов РАС и САС.

РАС и САНРЯ — 195 стимулов

Всего на 195 стимулов в РАС получено 97351 реакция, а в САНРЯ — 100272. Выборки по этим стимулам из БД Прямых словарей включают для РАС 34999 пар «стимул-реакция» и для САНРЯ 24638 пар, которые содержат соответственно 16957 и 12096 разных реакций. При этом 6497 реакций повторились в обоих словарях и составляют множество $\{R_{P=L}\}$, т.е.

$$|\{R_{P=L}\}| = |\{R_{РАС}\} \cap \{R_{САНРЯ}\}| = 6497 \text{ реак.}$$

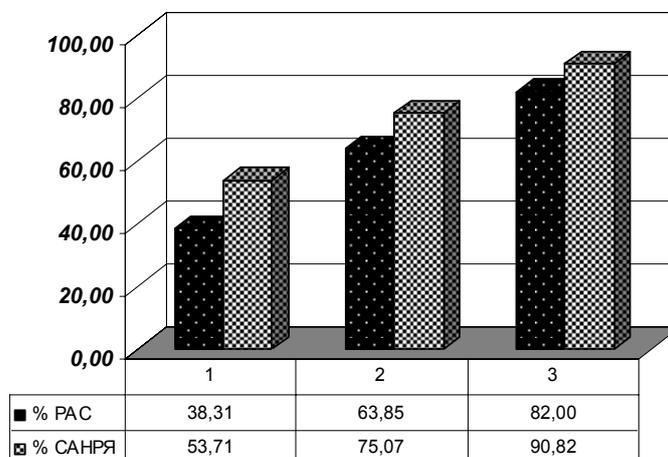
Отношение количества повторившихся реакций к общему их числу, т.е. процент, для РАС составил 38,31%, для САНРЯ — 53,17%. При этом все повторяющиеся реакции из множества $\{R_{P=L}\}$ в Прямых ассоциативных словарях породили для РАС

22347 пар «стимул-реакция», что составляет 63,85%, и 18500 пар для САНРЯ или 75,07%. Количество ассоциатов, совпадающих с повторившимися реакциями, в РАС 79830, в САНРЯ 91066, что дает соответственно 82% и 90,82%. Ниже в табл. 2 представлены эти статистические характеристики, а на рис. в форме гистограммы.

Полученные статистические показатели по выборкам РАС и САНРЯ аналогичны, с той лишь разницей, что разброс значений показателей несколько больше по сравнению с парой РАС и САС. Это объясняется тем, что в «Словаре ассоциативных норм русского языка», было получено меньшее количество разных реакций, как в каждой словарной статье, так и во всем словаре, чем в опросах РАС и САС, и, поэтому показатели для повторяющихся ответов несколько выше.

Таблица 2. Характеристики РАС и САНРЯ по 195 стимулам

№ п/п	Словарь	РАС	САНРЯ
	Количество		
	всего ассоциатов, т.е. ответов-реакций	97351	100272
	разных пар «стимул-реакция» — $ \{S_i-R_{ij}\} $	34999	24644
	разных реакций (вершин ABC)	16957	12096
	совпадающих реакций $\{R_{P=L}\}$	6497	6497
1	% совпадающих реакций	38,31%	53,71%
	пар $\{S_i-R_{ij}\}$ с совпадающими реакциями	22347	18500
2	% пар $\{S_i-R_{ij}\}$ с совпадающими реакциями	63,85%	75,07%
	ассоциатов с совпадающими реакциями	79830	91066
3	%ассоциатов с совпадающими реакциями	82,00%	90,82%

САНРЯ и САС — 53 стимула

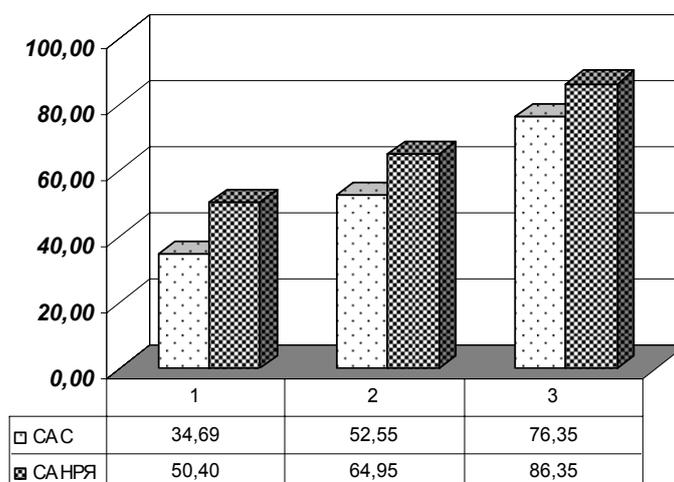
На повторившиеся 53 стимула в САНРЯ получено всего 24241 реакций, а в САС 31273 ответов, которые породили 6277 пар «стимул-реакция» в прямом словаре САНРЯ и 9662 пар в САС. Количество разных

реакций в этих опросах 4097 и 5952, и среди них 2065 совпадающих реакций, которые образуют множество $\{R_{L=C}\}$.

В табл. 3 и на гистограмме приведены статистические показатели и процентные доли для совпадающих реакций.

Таблица 3. Характеристики САНРЯ и САС по 53 стимулам

№ п/п	Словарь	САНРЯ	САС
	Количество		
	всего ассоциатов, т.е. ответов-реакций	24241	31273
	разных пар «стимул-реакция» — $ \{S_i-R_{ij}\} $	6277	9662
	разных реакций (вершин ABC)	4097	5952
	совпадающих реакций $\{R_{L=C}\}$	2065	2065
1	% совпадающих реакций пар $\{S_i-R_{ij}\}$ с совпадающими реакциями	50,40%	34,69%
2	% пар $\{S_i-R_{ij}\}$ с совпадающими реакциями ассоциатов с совпадающими реакциями	64,95%	52,55%
3	% ассоциатов с совпадающими реакциями	86,35%	76,35%

Как показывают статистические показатели в таблице 3, значения процентов встречаемости повторяющихся реакций в САНРЯ и САС несколько меньше тех, которые получены при сопоставлении САНРЯ и РАС (см. табл. 2 и предыдущую диаграмму). Это, вероятно, можно объяснить, во-первых, меньшим количеством повторившихся стимулов в этих опросах, во-вторых, тем, что интервал между проведенными ассоциативными опросами респондентов вдвое больше, и, следовательно, изменения в языковом сознании заметнее.

САНРЯ, РАС и САС — 53 стимула

Для рассмотренных выше 53 стимулов имеются статьи и в РАС, поэтому в табл. 4 и на диаграмме представлены данные для сопоставления результатов трех опросов. Анализ количественных значений показывает, что при рассмотрении совместно трех, разных по времени опросов, величина процентов совпадения повторяющихся реакций уменьшается. Так количество повторяющихся реакций уменьшилось на 6,5–8,5% по сравнению с величинами, полученными при попарном сопоставлении.

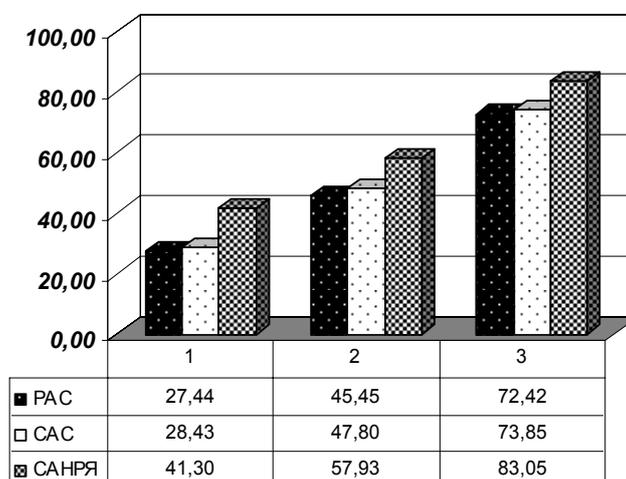
Значения для процентов повторяющихся реакций для РАС и САС отличаются на 1–1,5%, а величины для САНРЯ больше на 10–13%, что наблюдалось и при попарном сравнении САНРЯ с РАС или САС. Поэтому можно констатировать, что, сравнивая результаты сопоставлений по повторившимся 53, 111 и 195 стимулам, мы получаем похожие данные.

Следует подчеркнуть, что представленные результаты содержат реакции, полу-

ченные только по повторяющимся стимулам. Сопоставление Обратных словарей по всем стимулам рассмотрено в статье [Черкасова 2006], где отмечено, что «множество реакций, полученных в ассоциативных опросах, следующих через 10–15 лет, совпадает на 2/3 с множеством реакций словаря меньшего объема. Увеличение временного интервала вдвое до 20–30 лет уменьшает повторы ответов до 1/3».

Таблица 4. Характеристики САНРЯ, РАС и САС по 53 стимулам

№ п/п	Словарь			
	Количество	РАС	САС	САНРЯ
	всего ассоциатов, т.е. ответов-реакций	26121	31273	24241
	разных пар «стимул-реакция» — $ \{S_i-R_{ij}\} $	9427	9662	6277
	разных реакций (вершин ABC)	6166	5952	4097
	совпадающих реакций	1692	1692	1692
1	% совпадающих реакций	27,44%	28,43%	41,30%
	пар $\{S_i-R_{ij}\}$ с совпадающими реакциями	4285	4618	3636
2	% пар $\{S_i-R_{ij}\}$ с совпадающими реакциями	45,45%	47,80%	57,93%
	ассоциатов с совпадающими реакциями	18917	23094	20132
3	%ассоциатов с совпадающими реакциями	72,42%	73,85%	83,05%

Шаг 4. Сопоставление статей Прямых ассоциативных словарей

Будем сравнивать как следующие друг за другом словари (РАС и САС, САНРЯ и РАС), так и три вместе. Приведем примеры словарных статей и проанализируем такие характеристики как:

— повторяющиеся в статьях прямого словаря пары «стимул-реакция», имеющие

наибольшее расхождения в частотах встречаемости (долях или %);

— пары «стимул-реакция», которые встретились только в одном из опросов с относительной частотой более 2-3%⁴.

⁴ Значимая или пороговая величина относительной частоты, по проведенным ранее автором исследования должно быть не менее 3–4%.

4.1. РАС и САС

Анализируя выше словарные статьи Прямых ассоциативных словарей по 111 совпавшим стимулам, мы установили, что из всего множества пар «стимул-реакция» для опросов РАС и САС количество пар с совпавшим и стимулом, и реакций — 6440, что составляют от общего числа пар соответственно 36,74% и 32,27%, т.е. их 1/3. Анализ несовпадающих пар «стимул-реакция» показал, что большинство их, точнее более 98%, имеют частоту абсолютную или относительную 1 «единица» или меньше и

РАС: *есть* — *нет* 47 (8,75); *утро* — *хмурое* 24 (4,45); *ветер* — *странствий* 21 (4,0); *хотеть* — *не вредно* 4 (3,92); *белый* — *пудель* 15 (2,94); *богатый* — *кооператор* 3 (2,97); *богатый* — *тоже плачет* 3 (2,97); *дом* — *с мезонином* 3 (2,88); *умный* — *ботаник* 3 (2,86); *свет* — *в темном царстве* 3 (2,8); *свет* — *потух* 3 (2,8); *вечер* — *отдыха* 15 (2,77); *город* — *Челябинск* 14 (2,55); *земля* — *Вселенная* 15 (2,3); *слабый* — *щенок* 2 (2,11).

САС: *умный* — *глупый* 60 (10,14); *враг* — *недруг* 34 (5,74); *сила* — *слабость* 32 (5,41); *белый* — *орел* 28 (4,73); *красный* — *синий* 27 (4,55); *деньги* — *власть* 24 (4,05); *жадный* — *добрый* 23 (3,90); *счастье* — *горе* 23 (3,89); *новый* — *русский* 22 (3,72); *руки* — *пальцы* 22 (3,71); *вспоминать* — *все* 22 (3,71); *дом* — *крепость* 21 (3,56); *добро* — *и зло* 20 (3,39); *родина* — *дом* 20 (3,38); *богатый* — *новый русский* 20 (3,38); *красный* — *кровь* 19 (3,20); *душа* — *добрая* 19 (3,20); *слабый* — *ребенок* 18 (3,05); *хотеть* — *желание* 18 (3,03); *день* — *ясный* 17 (2,89); *народ* — *нация* 17 (2,87); *ненавидеть* — *зло* 17 (2,87); *враг* — *зло* 16 (2,70); *сила* — *воля* 15 (2,54); *вместе* — *дружба* 15 (2,53); *народ* — *страна* 15 (2,53); *ветер* — *с моря дул* 14 (2,38); *помогать* — *добро* 14 (2,37); *река* — *Сейм* 14 (2,37); *свет* — *ярко* 14 (2,37); *дело* — *мастера боится* 14 (2,36); *ненавидеть* — *плохо* 14 (2,36); *время* — *мало* 12 (2,36); *враг* — *убить* 13 (2,2); *глаза* — *душа* 13 (2,2); *жадный* — *жлоб* 13 (2,2); *жадный* — *плохой* 13 (2,2); *родина* — *Земля* 13 (2,2); *глаза* — *уши* 12 (2,03); *дело* — *деньги* 12 (2,02); *жадный* — *злой* 12 (2,03); *ненавидеть* — *презирать* 12 (2,02); *сила* — *мужчина* 12 (2,03); *стыд* — *страх* 12 (2,03); *умный* — *ученый* 13 (2,20); *умный* — *гений* 12 (2,03).

Данные показали, что из 111 анализируемых стимулов оригинальные реакции, имеющие с частоту более 2%, выявлены для РАС только в 12 статьях Прямого словаря, а для САС в 30 статьях, среди которых стимулы **жадный** и **сила** имеют по четыре оригинальные реакции; **враг**, **народ**, **ненавидеть** и **умный** по три, а **глаза**, **дело**, **красный**, **родина** и **свет** по две.

В русской части САС можно отметить следующие пары: **деньги** — **власть** 24 (4,05%); **новый** — **русский** 22 (3,72%); **богатый** — **новый русский** 20 (3,38%), которые отражают временные изменения в образе сознания носителей русского языка. Можно констатировать наличие в словарных статьях САС реакций синонимами или антонимами, например: **умный** —

только 333 пары (100 в РАС и 233 в САС) имеют частоту более 1.

Ниже приведены 15 пар для РАС и 49 пар для САС, которые имеют частоту встречаемости более 2%. Наличие в списке для РАС пары **есть** — **нет** объясняется тем, что при проведении славянского эксперимента стимул **есть** имеет уточнение **кушать**. Бóльшее количество пар для САС можно объяснить тем, что в эксперименте РАС одна треть стимулов предъявлялась 500-600 респондентам как в САС, а остальные только 100 испытуемым.

глупый, **враг** — **недруг**, **сила** — **слабость**, **жадный** — **добрый**, **счастье** — **горе**, **ненавидеть** — **презирать** и др.

Если проанализировать, сколько и какие повторяющиеся пары «стимул-реакция» имеют наибольшее расхождение в частотах встречаемости (долях или %), то из 6440 повторившихся пар разницу в 2% имеют 241, в 3% — 86, 4% — 72, 5% — 42, а более 6% — 86 пар. В табл. 5 приведены пары, имеющих разницу более 10%. Существенную разницу в относительной частоте встречаемости имеют только пары, которые являются либо самыми частотными в словарных статьях одного из словарей, либо занимают вторую-четвертую позиции. В таблице положительные величины указывают, что бóльшая частота реакции дана в РАС, а отрицательные в САС.

Таблица 5. Повторившиеся в РАС и САС пары «стимул-реакция» с разницей относительных частот более 10%

Стимул	Реакция	РАС		САС		Разница %
		Кол-во	%	Кол-во	%	
слабый	пол	30	31.58	97	16.44	15.14
машина	времени	128	25.91	66	12.99	12.92
дядя	Ваня	91	17.17	31	5.24	11.93
добро	пожаловать	22	21.36	59	10.00	11.36
мальчик	с пальчик	124	23.85	75	12.71	11.14
утро	раннее	97	18.00	44	7.45	10.55
враг	народа	18	16.82	40	6.76	10.06
...	...					
мужчина	женщина	88	16.09	156	26.26	-10.17
белый	черный	49	9.61	119	20.10	-10.49
много	денег	50	9.58	121	20.40	-10.82
палец	рука	69	12.90	141	23.78	-10.88
война	смерть	28	4.39	91	15.42	-11.03
время	деньги	14	13.59	126	24.80	-11.21
счастье	есть	1	0.95	74	12.50	-11.55
руки	ноги	7	6.54	109	18.38	-11.84
хорошо	плохо	95	17.72	181	30.57	-12.85
день	ночь	15	14.71	175	29.71	-15.00
плохо	хорошо	11	10.48	152	25.76	-15.28
путь	дорога	110	17.52	196	33.05	-15.53
город	Курск	3	0.55	96	16.16	-15.61
зло	добро	12	11.54	167	28.26	-16.72
начало	конец	22	21.36	227	38.41	-17.05
добро	зло	14	13.59	221	37.46	-23.87

Приведем примеры отдельных статей. Напомним, что в словарных статьях Сопоставительного словаря: курсивом выделены реакции, встретившиеся в двух словарях РАС и САС; жирные цифры после реакций — это частоты; в скобках даны относительные частоты или доли; первые четыре количественных показателя аналогичны,

представленным в РАС и в САС, а после разделителя // указано количество повторившихся и оригинальных реакций в словарной статье. Мы подчеркнули оригинальные реакции с частотой более 2%. Словарные статьи для САС приводятся не полностью, не даны реакции, полученные только у одного испытуемого.

R > УМНЫЙ: человек **19** (18.1); дурак **7** (6.67); я **5** (4.76); ботаник, голова, мужчина, ребенок **3** (2.86); дядя, как утка, муж, парень, пес, преподаватель, собеседник, студент, хороший **2** (1.9); башковитый, бедный, благородство, бред, в гору не пойдет, в очках, вид, Димон, друг, думать, дяденька, закон, знайка, интересный, козел, кон, кто-то, любимчик, малый, мальчик, молодец, ну очень, осел, от рождения, очень, очкарик, очки, пацан, пень, первый, поселок, профессор, романтик, сообразительный, столбовой, умение, учитель, хорошо, читатель, это я, юрист **1** (0.95); **105+57+3+41 // 31+27**

S > УМНЫЙ: человек **113** (19.09); глупый **60** (10.14); дурак **44** (7.43); пес **17** (2.87); я **15** (2.53); ученый **13** (2.2); гений **12** (2.03); профессор, тупой **11** (1.86); дядя, студент **10** (1.69); друг, мальчик **9** (1.52); учитель **8** (1.35); кот, ребенок **6** (1.01); вундеркинд, ученик **5** (0.84); голова, добрый, злой, мужчина, парень, сосед, хорошо **4** (0.68); взгляд, идиот, молодец, мудрый, отличник, очкарик, преподаватель, слишком, хитрый, хороший **3** (0.51); академик, богатый, вид, знающий, книга, книги, кто, мозг, мозги, муж, осел, ответ, очень, очки, разумный, сильный, сын, умник, ход **2** (0.34); <...> это громко сказано, юрист **1** (0.17); **592+167+19+113 // 31+137**

R > БОГАТЫЙ: бедный, человек 12 (11.88); мужик 5 (4.95); кооператор, купец, тоже плачет 3 (2.97); дом, муж, мужчина, толстый, урожай 2 (1.98); барин, бедняк, бездельник, бизнесмен, богач, Буратино, буржуй, вольво, выбор, гражданин, дело, денди, деньги, дождь, друг, дурак, душой, дядя, жених, зажиточный, злой, и бедняк, капиталист проклятый, край, крутится, машина, мен, мерин, наездник, наследник, небогатый, несчастный, обокрасть, опыт, отец, плачет, подлец, поклонник, помещик, разгильдяй, родственник, роскошный, сигара, скрипач, сноб, спонсор, умный, умом, усатый, форд, щедрый, язык 1 (0.99); **101+63+1+52 // 36+28**

S > БОГАТЫЙ: бедный 108 (18.24); человек 77 (13.01); деньги 37 (6.25); дядя 28 (4.73); новый русский 20 (3.38); муж 17 (2.87); мужчина 14 (2.36); дом 10 (1.69); друг 9 (1.52); бизнесмен 8 (1.35); жадный 7 (1.18); Буратино, золото, купец, родственник, толстый, умный, урожай, язык 5 (0.84); злой, стол 4 (0.68); барин, богач, вор, душой, машина, мешок, мужик, несчастный, опыт, сильный, скупой, счастливый, ум, я 3 (0.51); город, бабушка, денежный, достаток, дурак, духовно, жених, здоровый, кент, мажор, миллионер, мир, много денег, наследник, нищий, обеспеченный, отец, очень, плачет, русский, сосед, студент, урод, хан, чудак, юноша 2 (0.34); \$, <...> щедрый 1 (0.17); **592+168+8+107 // 36+133**

R > РОДИНА: мать 65 [31.71]; моя 19 [9.27]; Россия 15 [7.32]; зовет 6 [2.93]; любимая, одна, СССР 5 [2.44]; Отчизна 4 [1.95]; большая, Отечество, страна 3 [1.46]; город, кинотеатр, край, любовь, мать зовет, Москва, наша, патриот, родная 2 [0.98]; аршин, береза, березка, березки, березы, большой, в опасности, всегда одна, гадина, где родился, глупа, громко, достоинство, единственная, есть Родина, защита, зелень, зов, иметь, край родной, красивая, Кузбасс, лес{,} поле{,} речка, любить, мать твою, мать твоя, милая, много-много, могучая, моя мать, моя страна, моя{,} моя Россия, Оксана, Октября, она моя, патриотизм, поля{,} леса{,} реки, пос. Колотовка, природа, рождение, РСФСР, Рязань, с маленькой буквы, север, Северодвинск, Советский Союз, теплоход, тюрьма, философии, флаг 1 [0.49]; **205+70+4+50 // 30+41**

S > РОДИНА: мать 221 [37.33]; моя 56 [9.46]; Россия 41 [6.93]; страна 23 [3.89]; дом 20 [3.38]; Отчизна 17 [2.87]; земля 13 [2.2]; Отечество 12 [2.03]; одна 8 [1.35]; зовет 6 [1.01]; город, любовь, мать зовет, Москва, природа 5 [0.84]; край, патриотизм, родная 4 [0.68]; большая, великая, жизнь, любить, наша, уродина, чужбина 3 [0.51]; близкое, в опасности, гордость, деревня, защита, Курск, любимая, мать ваша, место, патриот, Русь, счастье 2 [0.34]; адрес, арена, армия, береза, березы, березы{,} поля{,} трава{,} нищета, богатая, Владивосток, Вся власть Советам!, где родился, где я живу, горы, далекая, ДДТ, долг, дорога, дорогая, душа, единственная, ее мать, жалко, ждать, жить, здесь, знает, и душа, Израиль, КПСС, край{,} где родились, красивая природа, красота, Ленин, люди, малая, маленькая, матушка, мать вашу, Медвенка, место жительства, место{,} где родился, мой дом, моя земля, моя страна, моя{,} Россия, навсегда, начало, нет понятия такого, нечто, обидно, она одна, опять, Отечество, отечество{,} место рождения, отсутствует, отчизна{,} долг, отчизна{,} мать, памятник, партия, песня, планета, поля{,} реки, пропили, Рига, Россия-матушка, Россия{,} Курск, РФ, самая лучшая, своя, святое, село, сердце, сила, СССР, стихотворение, столица, счастье{,} боль, там{,} где-то, тяга, у меня она есть, Украина, хорошая, хорошо, широка, Штирлиц, это свято 1 [0.17]; **592+123+9+86 // 30+94**

R > НОВЫЙ: дом 75 [14.2]; старый 58 [10.98]; мир 45 [8.52]; год, костюм 32 [6.06]; день 21 [3.98]; фильм 18 [3.41]; друг 14 [2.65]; красивый, портфель 9 [1.7]; свет, человек 8 [1.52]; знакомый 7 [1.33]; автомобиль 6 [1.14]; блестящий, предмет, телевизор, хороший, чемодан, чистый 5 [0.95]; журнал, путь, учебник 4 [0.76]; вещь, город, закон, интересный, магазин, магнитофон, плащ, стиль, стул 3 [0.57]; машина, модный, начальник, пальто, платье, приятель, приятно, рояль, свежий, свитер, станок, стол, студент, туфли, учитель 2 [0.38]; <...> элемент 1 [0.19]; **528+133+1+86 // 59+75**

S > НОВЫЙ: старый 95 [16.05]; дом 66 [11.15]; год 57 [9.63]; день 37 [6.25]; костюм 27 [4.56]; автомобиль, русский 22 [3.72]; друг 14 [2.36]; свет 9 [1.52]; чистый 8 [1.35]; пиджак, телевизор, человек 6 [1.01]; век, диван, красивый, стол, хороший 5 [0.84]; вещь, интересный, Мерседес, мир 4 [0.68]; альбом, блестящий, Завет, книга, лучший, предмет, учебник, чемодан 3 [0.51]; велосипед, журнал, знакомый, костюмчик, магазин, машина, мяч, одежда, плащ, портфель, путь, рубль, свежий, свитер, стул, урок, учитель, фильм 2 [0.34]; Mercedes-S600sle, авто, автомат, банк, бант, блестит, <...>, шкаф, этап, язык 1 [0.17]; **592+150+14+102 // 59+92**

РАС и САНРЯ

Сопоставим результаты по САНРЯ и РАС, ниже дан список оригинальных пар «стимул-реакция». Только восемь оригинальных пар в САНРЯ имеют частоту более 3% и две из них связаны с местом проведения опроса: **русский — казах; город — Алма-Ата**. Число оригинальных пар

с частотой более 2% для РАС 83, для САС их 23. В РАС найдено 35 пар с частотой более 3%, при этом три стимула: **точка, сила, сдавать** имеют по две пары. Некоторые новые реакции можно объяснить выходом книг, кинофильмов, годом опроса респондентов, например, **мастер — Маргарита, белый — Бим, год — Змеи** и т.п.

САНРЯ: право — на образование 42 (5.83); курс — наук 33 (5.55); русский — казах 10 (4.31); город — Алма-Ата 10 (4.25); история — ВКП(б) 21 (3.44); сила — могущество 6 (3.14); утро — вечера 19 (3.1); газета — Вечерка 22 (3.03).

РАС: час — пик 124 (22,46); точка — отсчета 91 (18,27); точка — опоры 60 (12,05); билет — на балет 53 (10,1); мастер — Маргарита 44 (8,03); война — миров 51 (7,99); группа — риска 38 (7,18); комната — смеха 40 (7,14); сила — духа 7 (6,73); отец — семейства 36 (5,58); жизнь — прекрасна 30 (5,58); слава — Богу 12 (5,56); год — Змеи 32 (5,35); прийти — в себя 28 (5,16); место — под солнцем 26 (5,07); форма — парадная 5 (4,81); работа — не волк 33 (4,62); сдавать — карты 24 (4,50); экзамен — на зрелость 21 (4,13); дело — в шляпе 4 (3,92); время — пришло 4 (3,88); человек — невидимка 25 (3,88); понимать — друг друга 4 (3,85); сила — тяжести 4 (3,85); взять — с собой 20 (3,84); курс — доллара 4 (3,81); стоять — на своем 21 (3,80); белый — Бим 19 (3,73); люди — братья 20 (3,70); смотреть — в глаза 20 (3,61); сдавать — макулатуру 19 (3,56); давать — в долг 18 (3,36); повод — для драки 17 (3,27); стол — накрыт 17 (3,21).

Рассматриваемые 195 словарных статей содержат значительное количество повторяющихся пар «стимул-реакция», но частоты их в САНРЯ в большинстве случаев превосходят частоты в РАС, а разница относительной частоты для 71 пары состав-

ляет величины от 10% до 34,5 % (фрагмент списка дан в табл. 6). И как при сопоставлении САС и РАС, большинство приведенных пар при сопоставлении САНРЯ и РАС стоят самыми частотными в Прямом словаре.

Таблица 6. Повторившиеся в РАС и САНРЯ пары «стимул-реакция» с разницей относительных частот более 10%

Стимул	Реакция	РАС		САС		Разница %
		Кол-во	%	Кол-во	%	
настоящий	человек	360	47.49	72	13.14	34.35
плохой	хороший	217	35.63	56	10.31	25.32
товарищ	друг	100	47.17	135	22.31	24.86
точка	запятая	292	41.54	96	19.28	22.26
папа	мама	268	39.70	109	20.72	18.98
детский	лепет	190	23.90	29	5.42	18.48
небольшой	маленький	186	32.18	74	13.73	18.45
хороший	плохой	72	30.13	81	12.54	17.59
мастер	на все руки	147	23.71	35	6.39	17.32
форма	содержание	137	19.19	2	1.92	17.27
кончать	начать	116	20.14	17	3.09	17.05
милый	человек	180	23.65	37	7.06	16.59
уехать	приехать	126	20.32	21	4.09	16.23
рука	нога	61	31.28	78	15.35	15.93
существовать	жить	205	33.17	95	17.46	15.71
видеть	смотреть	49	21.68	33	6.17	15.51
смотреть	видеть	62	25.41	55	9.93	15.48
час	время	37	20.11	27	4.89	15.22
сдавать	экзамены	163	26.08	59	11.07	15.01

труд	работа	38	22.89	53	8.07	14.82
оставаться	дома	153	25.98	76	11.52	14.46
достать	книгу	120	20.55	33	6.35	14.20
дорогой	человек	228	36.48	120	22.56	13.92
спросить	ответить	43	20.09	31	6.22	13.87
фамилия	имя	224	32.18	98	18.46	13.72
билет	кино	104	16.77	17	3.24	13.53
суббота	воскресенье	166	27.21	72	13.79	13.42
найти	искать	29	14.57	6	1.18	13.39
становиться	на ноги	115	16.27	17	3.00	13.27
сказать	говорить	32	14.35	7	1.12	13.23
кончать	институт	83	14.41	7	1.27	13.14
начать	кончить	153	25.12	67	12.05	13.07
район	область	92	15.86	17	3.20	12.66
год	месяц	32	16.67	25	4.17	12.50
поступить	институт	132	16.71	22	4.25	12.46
сидеть	стоять	42	18.10	35	5.64	12.46
билет	в кино	130	20.97	48	9.14	11.83
работать	трудиться	30	14.08	16	2.57	11.51
добрый	злой	116	20.39	55	8.93	11.46
стоять	сидеть	30	16.04	27	4.89	11.15
простой	человек	178	26.53	79	15.43	11.10
войти	в дом	191	26.16	80	15.18	10.98
прекрасный	человек	128	17.53	33	6.68	10.85
любить	ненавидеть	33	15.87	28	5.03	10.84
писать	читать	34	15.67	27	5.13	10.54
уметь	делать	145	24.79	91	14.29	10.50
поступить	в институт	210	26.58	84	16.22	10.36
праздник	1 Мая	85	13.87	24	3.66	10.21
давать	брать	42	21.21	59	11.03	10.18
дать	взять	52	26.80	86	16.67	10.13
литература	художественная	134	18.36	44	8.24	10.12
слава	труду	16	1.97	26	12.04	-10.07
право	на жизнь	28	3.88	29	14.08	-10.20
суббота	выходной	45	7.38	92	17.62	-10.24
дорогой	друг	40	6.40	90	16.92	-10.52
глаз	алмаз	1	0.44	58	11.51	-11.07
прекрасный	пол	7	0.96	60	12.15	-11.19
рабочий	человек	26	11.50	124	23.01	-11.51
место	встречи	6	2.87	74	14.42	-11.55
тяжелый	день	44	6.09	97	18.06	-11.97
детский	сад	102	12.83	135	25.23	-12.40
найти	себя	2	1.00	70	13.75	-12.75
начать	с начала	27	4.43	96	17.27	-12.84
сказать	слово	19	8.52	135	21.57	-13.05
сделать	дело	16	8.00	133	21.45	-13.45
мастер	и Маргарита	9	1.45	82	14.96	-13.51
достать	дефицит	7	1.20	81	15.58	-14.38
группа	крови	10	1.63	85	16.07	-14.44
милый	друг	138	18.13	197	37.60	-19.47
счет	в банке	8	1.17	25	22.12	-20.95
настоящий	друг	114	15.04	215	39.23	-24.19

В таблице 7 приводится фрагмент списка стимулов, которые при сопоставлении словарных статей САНРЯ и РАС, имеют наибольшее (34 слова) и наименьшее (177-195) количество совпадающих реакций. Стимулы в таблице упорядочены по убыванию процента совпавших реакций, а в последних двух столбцах указано количество ответов респондентов этими совпа-

щими реакциями и процент от общего количества ответивших. Так, например, строка 31: для стимула **сильный** в САНРЯ опрошено 674 испытуемых и получено 92 разные реакции, 39 из которых даны и в РАС (47,83%); эти 39 реакций получены от 593 испытуемых, что от общего числа опрошенных составляет почти 88%.

Таблица 7. Характеристики САНРЯ, по повторившихся в РАС реакциям.

№ п.п	Стимул	Всего ассоц.	Разных реакц.	Повторившиеся реакции			
				кол-во	%	ассоц.	% асс.
1.	вода	213	65	43	66,15	187	87,79
2.	друг	209	57	36	63,16	188	89,95
3.	час	184	64	39	60,94	157	85,33
4.	ехать	203	86	48	55,81	157	77,34
5.	сидеть	232	73	40	54,79	191	82,33
6.	учиться	219	75	41	54,67	174	79,45
7.	глаз	226	77	42	54,55	179	79,20
8.	думать	180	89	48	53,93	134	74,44
9.	стоять	187	75	40	53,33	143	76,47
10.	голова	223	82	43	52,44	180	80,72
11.	жить	201	83	43	51,81	147	73,13
12.	работать	213	87	45	51,72	159	74,65
13.	рабочий	226	87	45	51,72	176	77,88
14.	молодой	213	66	34	51,52	177	83,10
15.	отец	216	74	38	51,35	170	78,70
16.	картина	612	110	56	50,91	483	78,92
17.	рука	195	67	34	50,75	155	79,49
18.	сторона	188	67	34	50,75	153	81,38
19.	комната	231	81	41	50,62	182	78,79
20.	любить	208	87	43	49,43	150	72,12
21.	работа	208	77	38	49,35	159	76,44
22.	советский	226	73	36	49,32	184	81,42
23.	хороший	239	67	33	49,25	194	81,17
24.	площадь	761	106	52	49,06	625	82,13
25.	спросить	214	84	41	48,81	163	76,17
26.	войти	730	103	50	48,54	646	88,49
27.	успеть	714	157	76	48,41	559	78,29
28.	здоровье	667	102	49	48,04	567	85,01
29.	старый	706	146	70	47,95	610	86,40
30.	говорить	209	96	46	47,92	150	71,77
31.	сильный	674	92	44	47,83	593	87,98
32.	стол	233	67	32	47,76	172	73,82
33.	гулять	582	132	63	47,73	470	80,76
34.	слово	197	86	41	47,67	140	71,07
177.	русский	232	72	16	22,22	138	59,48
178.	право	721	161	35	21,74	434	60,19
179.	любовь	197	94	20	21,28	73	37,06

180.	время	202	81	17	20,99	85	42,08
181.	свет	202	72	15	20,83	111	54,95
182.	простить	582	135	28	20,74	277	47,59
183.	слышать	623	128	26	20,31	376	60,35
184.	дело	182	83	16	19,28	64	35,16
185.	мнение	535	104	20	19,23	364	68,04
186.	понимать	190	94	18	19,15	84	44,21
187.	начало	609	106	20	18,87	469	77,01
188.	счет	684	209	34	16,27	336	49,12
189.	форма	714	124	20	16,13	488	68,35
190.	производство	643	215	31	14,42	282	43,86
191.	смысл	600	164	23	14,02	311	51,83
192.	курс	594	147	20	13,61	309	52,02
193.	сила	191	82	11	13,41	62	32,46
194.	слава	813	238	30	12,61	345	42,44
195.	занятие	732	241	29	12,03	221	30,19

Приведем отдельные словарные статьи для «Словаря ассоциативных норм русского языка Леонтьева» –L и «Русского ассо-

циативного словаря» — R. Подчеркиванием выделены оригинальные реакции с частотой более 2.

L > **БИЛЕТ**: в кино **130** (20.97); кино **104** (16.77); поезд **28** (4.52); в театр, экзамен **26** (4.19); проездной **23** (3.71); купить **22** (3.55); театр **19** (3.06); на поезд **16** (2.58); железнодорожный, трамвай **9** (1.45); трамвайный **8** (1.29); автобус, касса, экзаменационный **7** (1.13); вопрос, входной, домой, ехать, лотерейный, пропуск, синий **5** (0.81); бумага, дорогой, ряд **4** (0.65); бумажка, в детство, взять, контролер, концерт, студенческий, счастливый **3** (0.48); белый, <...>, экзаменационный билет **1** (0.16); **620+124+0+73 // 56+68**

R > **БИЛЕТ**: на балет **53** (10.1); в кино **48** (9.14); на поезд **35** (6.67); в театр **28** (5.33); кино, проездной, театр **17** (3.24); на самолет **14** (2.67); счастливый **12** (2.29); балет, домой **11** (2.1); поезд, трамвай **10** (1.9); автобус, на концерт, самолет **8** (1.52); бумага, волчий, на автобус, нет, ответ, проезд **4** (0.76); бумажка, вагон, военный, дорогой, концерт, купить, льготный, на юг, обратный, очередь, студенческий, трамвайный, экзамен **3** (0.57); белый, <...>, сеанс, семья, случайный, съесть, талон, театральный, троллейбус, туда, хамство, цирк, что-то новое, штраф, юность **1** (0.19); **525+163+3+104 // 58+106**

L > **ДЕЛО**: работа **26** (14.29); большое **13** (7.14); безделье **11** (6.04); трудное **8** (4.4); хорошее **7** (3.85); делать **6** (3.3); труд **5** (2.75); важное, нужное, правое **4** (2.2); доброе, интересное, много, сделать, слово **3** (1.65); великое, время, занят, любимое, не ждет, потеха, серьезное, сложное, смело, совесть, срочное **2** (1.1); № 306, бизнес, благое, бумаги, великий, вечер, вещь, всех людей, выполнить, громадное, движется, дело - табак, дело пестрых, дельное, дельность, день, занятость, которому служишь, личное, мастера, мира, мокрое, начатое, наше, не дело, не путное, незаконченное, непонятное, ничего, новое, о разводе, плохое, подсудимый, полезное, праздник, прежде всего, причина, производство, рабочее, рука, Румянцева, сделано - можно отдохнуть, скучное, смена, спорится, стоит, стол, существовать, твое, тело, трава, тягостное, уголовное, умение, уметь делать сразу, час, ясный **1** (0.55); **182+83+0+57 // 15+68**

R > **ДЕЛО**: сделано **9** (8.82); жизни **5** (4.9); в шляпе **4** (3.92); дрянь, мое, номер **3** (2.94); бизнес, время, делать, мокрое, папка, работа, уголовное **2** (1.96); 13, № 03217, № 107, № 131, № 3, № 67, №..., альманах со стихами Д.А. Пригова, было, было так, в жизнь, времени, всей жизни, грабеж, для мужчины, досье, закончилось, закончить, закрытие, закрыто, Ильича, к своему другу, каждого, картонная папка, КГБ, любимое, мастер, милиция, надо работать, надоело, начато, начатое, не ждет, не идет, не твое, не умеешь - не воруй, незаконченное, новое, нужное, ОК, пестрых, потребность, пошло веселее, прибыльное, проиграно, производитель, сделать, серьезно, случая, собственное, судебное, табак, тело, труд, хорошее, худо, цифра, чести **1** (0.98); **102+71+3+58 // 17+55**

L > **СИЛА**: *мощь* 22 (11.52); *большая* 13 (6.81); *великая, слабость* 10 (5.24); *зрения* 9 (4.71); *огромная* 7 (3.66); *могущество* 6 (3.14); *богатырская, власть* 5 (2.62); *воли, могучая, непобедимая* 4 (2.09); *бессилие, молодость, мужество, народа, сильный* 3 (1.57); *богатырь, воля, гиря, могучий, мощная, мужская, мускул, мускулы, народ, несокрушимая, ума, физическая* 2 (1.05); боксер, в знании, вагон, ваза, вектор, великий, вещь, гантели, движение, дом, домкрат, единство, естественная, жизни, знания, знать, крепкая, *лошадиная*, люди, магнитная, маленький, место, мощность, мужицкая, мужчина, насилие, наука, неведомая, недюжинная, немая, нечистая, нужна, отвага, парень, побеждает, побеждать, поздняя, правда, приложить, радость, руки, самбист, слова, солома, сопротивление, социалистического лагеря, хорошая, человек, *человека*, человеческая, штанга, электрическая, энергия 1 (0.52); **191+82+0+53 // 11+71**

R > **СИЛА**: *воли* 8 (7.69); *духа* 7 (6.73); *есть, ума не надо* 6 (5.77); *тяжести* 4 (3.85); *большая, тока, ум* 3 (2.88); *знание, ловкость, лошадиная, могучая, мощь, мужество, мужская, человека* 2 (1.92); →, strong, биты, *богатырская*, бодрость, бык, в руках, в слабости, власти, *власть*, во мне, волн, героя, добра, дружбы, дуб, ерунда, есть, з-н Ньютона, качаться, кончилась, кормит, красота, крепко, ловкости, мускулов, мыслить не дает, мышц, мышцы, натиск, не в кулаках, не в мышцах, недюжая, немереная, непреодолимая, Ньютона, Пауэр, прибавляется, притяжения, рука, сильный человек, смелость, сокрушающая, страсти, страшно, танк, трения, тупая, тяги, тяжесть, удара, фанат, физика, *физическая* 1 (0.96); **104+69+0+54 // 11+58**

Сопоставление трех опросов РАС, САНРЯ и САС

Для сравнения результатов всех опросов мы построили Сопоставительный ассоциативный словарь (СопАС), который содержит 53 стимула и почти 11 тыс. реакций, полученных в трех опросах на эти стиму-

лы. Выше в табл. 4 приведены характеристики по проекциям Прямых словарей из РАС, САС и САНРЯ по этим 53 стимулам.

Для сопоставления приведем три статьи из СопАС, в которых жирных шрифтов выделены реакции, повторившиеся в трех опросах.

БЕЛЫЙ:

L > **снег** 168 (24.17); **черный** 150 (21.58); **цвет** 42 (6.04); **свет** 29 (4.17); **хлеб** 21 (3.02); **медведь** 19 (2.73); **дом, красный** 13 (1.87); **заяц, светлый** 10 (1.44); **синий** 9 (1.29); **чистый, шарф** 7 (1.01); **платок** 6 (0.86); *пудель, сахар, серый, стена, халат* 5 (0.72); **кот, петух, цветок** 4 (0.58); *бумага, день, зубы, как мел, как снег, лист, молоко, парус* 3 (0.43); апельсин, армия, бант, белка, *белье*, блестящий, бычок, волосы, *голубь*, горячий, **гриб, дым**, зверек, **зеленый**, как лунь, как чайка, **костюм**, котенок, *круглый, лебедь, материал, мел*, не снег только, *негр, облако, пух*, рыжий, саван, серебристый, стол, стол письменный, *темный*, У.Коллинз, *яркий* 2 (0.29); авторучка, *альбинос*, белки, береза, бокал, ботинок, *вечер*, воротник, гвардия, *голубой*, грязный, Деникин, друг Колька, зависеть, зайчик, зайчишка, зонд, как медведь, как снег лебедь, как стена, квадрат, **клык, красивый**, крашенный, *крест*, листья, лицо, масляной, милый нарцисс, **нежный**, орех, парень, перчатки, платочек, *платье*, полотенце, поросенок, прозрачность, простой, *простынь, простыня*, роза, рояль, рубашка, сад, сажа, свадьба, светлое, седина, скатерть, *смерть*, страх, сукно, телевизор, убийца, фата, **флаг, хлопок**, цветной, **человек, чистота**, шапка 1 (0.14); **695+126+0+62 // 28+69**

R > **снег** 128 (25.1); **черный** 49 (9.61); **цвет** 27 (5.29); *Бим* 19 (3.73); *аист* 18 (3.53); *пудель* 15 (2.94); **лист** 14 (2.75); **свет** 11 (2.16); **заяц, чистый** 10 (1.96); **медведь, пароход** 9 (1.76); **клык, лебедь** 8 (1.57); **день, красный** 7 (1.37); **конь, хлеб** 6 (1.18); *Андрей, ворон, дом, халат* 5 (0.98); **гриб, дым** 4 (0.78); *как снег, серый, шарф* 3 (0.59); *альбинос*, билет, **кот, красивый**, ночь, *плац, пух, сахар, синий*, слон, *танец, темный, цветок, человек, шар* 2 (0.39); *айсберг*, белоснежный, *бумага*, Валера, вальс, воздух, врач, выстрел, гвоздь, *голубой*, грязь, диван, зад, звон, **зеленый**, и черный, киль, кирпич, ком, комната, *корабль, король, костюм, крест*, кролик, *круглый, лед*, лето, *материал, молодой, молоко*, мрак, не бывает, *не черный, негр, нежный*, непонятный, непорочный, неудобно, *облако, олень*, очень белоснежный, парашют, **парус, пес, песок, платок, платье**, полушубок, постель, *прекрасно*, приятно, простор, *простынь*, пустой, равнина, розовый, ручка, **светлый**, свихнулся, седой, смерти подобный, собака, сорочка, спина, *стена*, стул, твердый, теплоход, торжественный, туман, **флаг**, фрак, *хлопок*, холодный, чисто, чтение, щенок, экран, яблоня 1 (0.2); **510+122+2+80 // 28+56**

S ► **черный 119** (20.1); **снег 109** (18.41); **цвет 45** (7.6); **орел 28** (4.73); **дом 18** (3.04); **свет 13** (2.2); **хлеб 12** (2.03); **лебедь 11** (1.86); **медведь 10** (1.69); *аист, лист, светлый, чистый 9* (1.52); **заяц 8** (1.35); *Бим, день, попугай 7* (1.18); **клык, красный, человек, шар 6** (1.01); ветер, **сахар 5** (0.84); *голубь, конь, флаг 4* (0.68); *лед, паролод, плац, халат 3* (0.51); волос, **гриб, зеленый, Игорь, парус, пес, платок, простыня, свадебное платье, смерть, солнце, танец, цветок, чистота, яркий 2** (0.34); автомобиль, *айсберг, алый, альбом, Андрей, баран, безупречный, белогвардеец, Белоконов С., белье, Бим*{,} *черное ухо, вечер, ворон, галстук, горизонт, гусь, день*{,} свет, желтый, *Женя, живот, зуб, катер, кличка, корабль, кореш, костюм, кот, ку-клукс-клан, ландыш, лилия, луковица, мел, Мерседес, Москвич, Мэрс, наркотик, не надевать, не черный, нежный, огонь, олень, павлин, пар, песок, плакат, пол, порошок, прекрасно, радостный, самолет, сарафан, свитер, серый, синий*{,} *красный, сон, столбы, сумма волн разной частоты, тапочки, трамвай, тюль, фартук, хаос, холст, цветы, червяк, шум, я 1* (0.17); **592+112+7+67 // 28+59**

ДЕЛО:

L ► **работа 26** (14.29); **большое 13** (7.14); **безделье 11** (6.04); **трудное 8** (4.4); **хорошее 7** (3.85); **делать 6** (3.3); **труд 5** (2.75); **важное, нужное, правое 4** (2.2); **доброе, интересное, много, сделать, слово 3** (1.65); **великое, время, занят, любимое, не ждет, потеха, серьезное, сложное, смело, совесть, срочное 2** (1.1); № 306, **бизнес, благое, бумаги, великий, вечер, вещь, всех людей, выполнить, громадное, движется, дело "пестрых", дело — табак, дельное, дельность, день, занятость, которому служишь, личное, мастера, мира, мокрое, начатое, наше, не дело, не путное, незаконченное, непонятное, ничего, новое, о разводе, плохое, подсудимый, полезное, праздник, прежде всего, причина, производство, рабочее, рука, Румянцева, сделано — можно отдохнуть, скучное, смена, спорится, стоит, стол, существовать, твое, тело, трава, тягостное, уголовное, умение, уметь делать сразу, час, ясный 1** (0.55); **182+83+0+57 // 12+42**

R ► **сделано 9** (8.82); **жизни 5** (4.9); **в шляпе 4** (3.92); **дрянь, мое, номер 3** (2.94); **бизнес, время, делать, мокрое, папка, работа, уголовное 2** (1.96); 13, № 03217, № 107, № 131, № 3, № 67, №..., альманах со стихами Д.А. Пригова, *было, было так, в жизнь, времени, всей жизни, грабеж, для мужчины, досье, закончилось, закончить, закрытие, закрыто, Ильича, к своему другу, каждого, картонная папка, КГБ, любимое, мастер, милиция, надо работать, надоело, начато, начатое, не ждет, не идет, не твое, не умеешь — не воруй, незаконченное, новое, нужное, ОК, пестрых, потребность, пошло веселее, прибыльное, проиграно, производитель, сделать, серьезно, случая, собственное, судебное, табак, тело, труд, хорошее, худо, цифра, чести 1 (0.98); **102+71+3+58 // 14+30***

S ► **время 45** (7.58); **работа 44** (7.41); **бизнес 23** (3.87); **мастера боится 14** (2.36); **папка, сделано 13** (2.19); **деньги, уголовное 12** (2.02); **важное 11** (1.85); **труд 10** (1.68); **мастер 9** (1.52); **безделье, слово 8** (1.35); **большое, делать, личное, любимое, нужное 7** (1.18); **занятие, спорится, чести 6** (1.01); **жизни, занятость, мое, номер, правое, тело 5** (0.84); **всей жизни, есть, табак, хорошее 4** (0.67); №..., **в шляпе, верное, доброе, идет, обязанность, прокурор, сделал, смело, стоит, суд, цель 3** (0.51); № 3, № 6, № 7, **было, в суде, в тело, времени, главное, дрянь, закрыто, неотложное, общее, отдых, офис, потеха, пошло, производство, серьезное, сложное, труба, час 2** (0.34); №, № 10023, № 13, № 14, № 15, № 175, № 245, № 26, № 26734, № 48, № 5, № 585, № XXX, **бесполезно, боится, брат, было в Пенькове, было так, быть занятым, в лес не уйдет, в прокуратуре, важно, важность, ваше, ведро, великое, величие, вера, весело, вещь, висит, возможность, волк, время**{,} **а потехе час, всегда, всегда спорится, выгодное, выполнено, гвоздь, горит, гражданское, гуляй смело, делу время, денежное, деньги**{,} **судьба, добро, договор, другое, дурака боится, ему время, есть дело, есть чем заняться в жизни, живет, животное, жизнь, забота, заботы, заведено, завести, задача, заказное, закон, закончить, заниматься, заняться, зона, интерес, интересное, КГБ**{,} **НКВД, классно, конец, кончено, крест, криминал, крупное, круто, курсовая, лень**{,} **безделье, лопаты, любимая работа, люди, мастера, мебель, милиция, мокрое, мужчина, на каждого, на работе, надежное, надо, надо делать, надо сделать, надо успеть, надобность, начало, начато, не волк, не годится, не ждет, не твое, нечистое, нотариус**{,} **юрист, обман, ограбление, окончено, оно, опасность, ответственность, открыто, открыть, папка (№), папка с бумагами, партия, план, плохо, плохое, подождет, полдела, помощь, пора, потеряно, предложение, прежде всего, прибыльное, приключение, принципа, пришили, пришитое, проблема, проиграно, прошлое, пусто, работа**{,} **труд, работать, расследование,**

решение, решенное, *Румянцева*, свое, сделал дело — гуляй смело, **сделать**, село, серьезная, *случая*, смысл, строгать, суда, *судебное*, *твое*, темное, толстое, трудно, *трудное*, у каждого свое, уголовное дело, умное, человека, честное, шито, шьют, это дело {,} это класс, юрист **1** (0.17); **594+226+33+162 // 13+163**

РАБОТА:

L ► **труд 24** (11.54); **трудная, тяжелая 13** (6.25); **дело 11** (5.29); **интересная 10** (4.81); **занятие, хорошая 7** (3.37); **моя, надоела 6** (2.88); **любимая, отдых 5** (2.4); **завод, на заводе, увлекательная 4** (1.92); **безработица, забота**, на производстве, *по душе*, **учеба 3** (1.44); **безделье, большая**, будущая, будущий, **дом, интерес**, книга, **легкая**, любимый, **необходимость**, *нудная*, приятная, рабочий день, *трудиться*, **удовольствие, школа 2** (0.96); № 1, Алитет, в институте, газета, горняк, группа, гулять, *далеко*, **делать, день, долгая, дрянь**, заклятая, знать, идет вперед, *интересно*, комсомол, лентяйничество, **наука**, научная, не гладкая, *не нравится*, *не убежит*, неудовлетворяющая, *новая*, паровоз, **плохая**, рабочие, ручная, сидеть, склад, спокойная, стадион, *станок*, столяр, судно, тоска, умение, унижительная, **учитель**, хлеб, цех **1** (0.48); **208+77+0+42 // 25+36**

R ► **трудная 50** (7); *не волк*, **тяжелая 33** (4.62); **интересная, любимая 24** (3.36); **забота 22** (3.08); **труд 20** (2.8); **отдых 16** (2.24); **учеба 11** (1.54); **хорошая 10** (1.4); *волк*, дело, **легкая 9** (1.26); **дом, кипит, лень**, нравится, *сложная, усталость 7* (0.98); есть работа, **школа 6** (0.84); *по душе*, спорится **5** (0.7); *деньги, домашняя, жизнь*, **завод, моя, нудная, плохая, радость, скучная 4** (0.56); адская, **большая**, в школе, глупая, **делать, долг, дома, занятие, каторга**, кошмар, *на дому*, над ошибками, *не убежит*, *нужная, станок*, *тяжкая, увлекательная, утро*, учителя **3** (0.42); **безделье**, времяпровождение, до седьмого пота, зверская, и дом, *интерес*, любовь, мозга, *молоток*, мука, на износ, **надоела**, неинтересная, **необходимость**, неохота, по специальности, редакция, *сделана, стоит*, трудоемкая, **удовольствие**, умственная, черная **2** (0.28); адовая, бардак, барыш, без заботы, безобразный, бесполезная, больница, ботало, *будущее*, быстрее, быстро, в ВГНЦ, в ночь, *в поле*, в полную силу, важно, вечер, вешалка, возвращаться поздно домой, *время*, всякая нужна, *высокооплачиваемая*, гадость, где, говно, грусть, грязная, *далеко, далеко от дома, дела, день, длинный*, для всех, днем, до изнеможения, добрая, *долгая*, долго, *дрянь*, дурак, дурная, единственная, *ждет*, завершить, задание, заела, заинтересованность, *закончена*, занимательная, *зарплата*, затягивает, здание, зевота, зов, и бедность, и робот, идет, изнурительная, инженер, инженерная, каждый день, канава, каторжная, качественная, клад, классная, книги, ковер, кончена, корова, кофе, курсовик, *лопата*, лошадиная, лошадь, лучшая, мама, маска, *машина*, машины, *много*, мозг, монотонная, мощь, мука или любимое дело, мысли, мыслить, на благо общества, **на заводе**, на картошке, на кухне, на совесть, на убой, нагрузка, над звуком, *над собой*, налево, **наука**, началась, наша, не, не бей лежащего, не бей сидящего, не из легких, не медведь, не моя, *не нравится*, не отдых, не сахар, не спорится, *не терпит*, не хочется, *не хочу*, невеселая, нелегка, нелюбимая, ненужная, необходимая, неотложная, *нет*, нет работы, низко оплачиваемая, нормальная, ночная, нудно, *нужна*, нужный, обязательная, *обязанность*, овощи, одинаковый, однообразие, однообразная, *окончена*, ответственная, отличная, *офис*, охота, очень хорошая, папа, педагог, перекресток, писать, письменная, плодотворная, *по дому*, по призванию, поганая, подметать улицу, *подождет*, поздняя, позорная, поле, *прекрасная*, прибыльная, приговор, приметная, программа, простая, профессионализм, *профессия*, процесс, пустая, пыльная, работа, работа {,} обычный, работаю, рабочее место, рабочий в спецодежде, ради будущего, рано вставать, результат, ремонт, руководитель, рычаг, рядом, с книгой, с охотой, самостоятельная, сдельная, сердца, *серьезная*, серьезно, сестры, сидячая, скверная, *скука*, служба, смех, созидание, спать, *специальность*, стол, стоять не велит, субботник, судьба, *суета*, суетная, счастье, творить, *творчество*, топор, требуется, *трудиться, трудно, трудность*, трудный, тунеядство, тщательно, *тяжело*, тяжелый, увлекает, увлекательный, ударная, удачная, *ужас*, ужасно, узнать, университет, усидчивость, усилия, *успех*, успешная, *утомление*, ученого, **учитель**, фабрика, фигура, физика, халява, хлопоты, хмурая, хороша, *хорошо*, человек, чести **1** (0.14); **714+310+5+236 // 25+218**

S ► **деньги 38** (6.44); **труд 37** (6.27); *не волк 32* (5.42); **дело 28** (4.75); **любимая 21** (3.56); **хорошая 19** (3.22); **трудная 17** (2.88); **отдых 16** (2.71); **тяжелая 14** (2.37); **забота 13** (2.2); **интересная,**

учеба 11 (1.86); **усталость 8** (1.36); **волк, дом 7** (1.19); **зарплата, надоела 6** (1.02); **безделье, лень 5** (0.85); **большая, жизнь, занятие, занятость, радость, учитель 4** (0.68); **выполнена, долг, дома, домашняя, есть, ждет, завод, интересно, каторга, над собой, нужна, офис, плохая, плохо, профессия, скучная, ужас, успех, хорошо 3** (0.51); **безработица, важная, весело, время, высокооплачиваемая, делать, кипит, легкая, на дому, найти, необходимость, новая, оплачиваемая, ответственность, поиск, руки, самоутверждение, сделана, сила, сложная, специальность, тяжело, тяжесть, удовлетворение 2** (0.34); **адвокат, бегемота, бесполезность, бизнес, бремя, будет, будущее, в доме, в поле, в радость, в тягость, веселая, временная, выгодная, дежурство, действие, дела, делается, денежная, день и ночь, дерьмо, деятельность, для себя, добро, должна быть любимой, должность, достала, доходная, думать, жить, заботы, закончена, занятие {}, общение, знание, издевательство, институт, интересное, искать, ишак, карандаш, клавиша, компьютер, курсовая, лес, лопата, любимое дело, люди, мастер, машина, много, молоток, молчание, моя, мрак, муторная, на дом, на заводе, на машине, надежды, надежная, надо, надоело, насмарку, наука, нашел, не безделье, не в кайф, не вол, не волк — вылетит не поймашь, не ждет, не идет, не работа, не стоит на месте, не терпит, не хочу, ненавижу, неприятность, нет, нет отдыха, нет {}, трудно, обуза, обязанность, огород, окончена, отца, папина, перспективная, пишущая машинка, по дому, по истории, подождет, полезная, постоянная, посуда, прекрасная, престижная, прибыль, проблемы, программирование, рабство, ругня, рутина, самоотдача, свобода, серьезная, сила {}, удовольствие, скука, сложная {}, интересная, солидный костюм, сон, специалист, средство, стабильность, стоит, суета, творчество, терпит, только хорошая, труд {}, терпеть, трудна, трудно, трудность, уважение, удовольствие, усердие, усилие, утомление, утро, утруждает, учителем, учиться, физ. величина, физическая, фу!, ходить, хороший, хорошо оплачиваемая, цель, экзамен 1** (0.17); **590+207+21+139// 25+125**

Из примеров видно, что стимул **белый** имеет одинаковые самые частотные реакции и значение долей близки. Только в словаре САС появилась оригинальная реакция с частотой более 2 — *орел*, которая объясняется появлением музыкальной группы *Белый орел*.

Анализируя статьи стимулов **дело и работа**, можно отметить различия в полученных ассоциациях от испытуемых в разные периоды. Например, в РАС первые шесть реакций для стимула **дело: сделано 9** (8.82); **жизни 5** (4.9); **в шляпе 4** (3.92); **дрянь, мое, номер 3** (2.94) не повторяются во всех опросах, а только в двух, а реакция **работа** на порядок уменьшила частоту встречаемости, хотя в САС она опять среди первых вместе с реакцией **время**. Возможно, на результат повлияло незначительное количество опрошенных в РАС их 102 или время проведения ассоциативного опроса 1992–95 гг., но об этом можно только гадать.

В заключении можно отметить, что подготовка СопАС — это только первый этап, и сопоставительный анализ словарей планируется провести с использованием математических методов, например, корреля-

ции. Планируется также выполнить лемматизацию реакций и построить новую версию сопоставительного словаря, в котором сведены разные формы к одной (основной).

Литература:

САНРЯ — Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А.А. Леонтьева. М., 1977.

РАС — Русский ассоциативный словарь. В 6 кн. / Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. М., 1994–1998.

РАС 2002 — Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. Т. 2. От реакции к стимулу / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М., 2002.

САС — Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. М., 2004.

Черкасова Г.А. Исследования статистических характеристик ассоциативных словарей // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Юрия Николаевича Караулова. Сб. статей. М., 2006. С. 378–388.

Ю.Н. Филиппович

МОДЕЛИРОВАНИЕ РАБОТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОГНАЙЗЕРА
РУССКОГО ЯЗЫКА¹*Языковое сознание ассоциативный тезаурус, когнитивный тезаурус, когнайзер, моделирование*

Статья посвящена вопросам компьютерного моделирования вербального сознания. Основой рассматриваемых моделей являются примеры когнитивного эксперимента (языковой игры типа «кроссворд») и вербального ассоциативного эксперимента. Анализируются безальтернативные варианты осознания – априори известные переходы между языковыми единицами. В компьютерных моделях реализованы алгоритмы Дейкстра и «волновой» для поиска цепочек в ассоциативных графах.

Введение

Языковое сознание (ЯС) — это форма мышления человека с использованием языковых единиц (ЯЕ). ЯС возникает и развивается как процесс *осознавания* — перехода от неосознанного (неопределенного, «альтернативного») восприятия предмета реального мира к осознанному (определенному, «безальтернативному»). Предмет осознан — значит вербализован, ему в соответствие поставлена некоторая конкретная языковая единица. ЯС локализовано в субстрате мышления и неотрывно от него. Реально существующее в пространственно-временном континууме оно может быть измерено. Пространственными свойствами размерности ЯС являются его элементарность (дискретность и непрерывность), структурность и протяженность; временными — длительность, неповторимость и необратимость. ЯС проявляет себя симультанно в виде пространственного *объекта* знаний о мире (языковой картины мира — ЯКМ); в виде развивающегося во времени *процесса* порождения единиц знаний о мире (ЕЗМ); в виде *ситуации=явления* (композиции объекта и процесса) — как некоторый когнайзер, динамично изменяющий симультанную ЯКМ посредством двух разнонаправленных процессов: от языковой единицы к знаниям о мире (ЯЕ → ЗМ) и от знаний о мире к языковой единице (ЗМ → ЯЕ)².

Правомерность таких суждений о ЯС требует экспериментального подтверждения, которое состоит из собственно экспериментов, сводящихся к наблюдению, измерению и фиксации его проявлений, и последующих модельных построений.

Экспериментов два.

Первый — это свободный вербальный ассоциативный эксперимент, результатом

² Эти суждения представляют собой попытку непротиворечивого соединения авторских представлений о предмете [Филиппович 2001] и исходных посылок-определений Ю.Н. Караулова для тех основных понятий, которые используются в данной статье: «...языковое сознание складывается из вербально выраженных знаний о мире, т.е. содержанием языкового сознания является вербализованная часть картины мира. ... языковое сознание представляет собой подвижное, динамическое образование, своего рода когнайзер, манипулирующий элементарными единицами знания (фигурами знания) и функционирующий в активном, смыслопорождающем (т.е. в направлении от знака — к смыслу) и пассивном, знакопорождающем (от смысла — к знаку) режимах. ... Языковая, или наивноязыковая, картина мира складывается не из слов, не из понятий, имеющих логико-лингвистическую природу, а из единиц когнитивной природы, обладающих различной системообразующей мощностью и вступающих одна с другой в различные иерархически-координативные отношения ...» [Караулов 2004а]. Понятие элементарной единицы знаний — «фигуры знания», «когнемь» — введено и интерпретировано как минимальная когнитивная единица, представляющая собой пятикомпонентное отношение {<слово-знак>, <вербальная-формула-смысла>, <способ задания смысла>, <референтная область>, <функция>} или пентаграмму — полносвязанный пятивершинный граф. Подробно см. работы [Караулов 2003а,б,в].

¹ В статье представлены результаты работ, выполняемых по проекту РФФИ № 05-06-80284 «Языковое сознание нашего современника: когнитивная структура и лингвокультурное содержание».

которого является ассоциативный тезаурус (ассоциативная вербальная сеть — АВС)³, моделирующий активный режим работы ЯС, и построенный на основе пар слов-стимулов и слов-реакций <S→R>. По условиям эксперимента исходным является предъявляемое испытуемому слово (стимул), т.е. ЯЕ, и предлагается «ответить» на это слово любым спонтанно и первым пришедшим в голову другим словом или словосочетанием. Результатом эксперимента становится соединение двух языковых единиц, которое приобретает новое качество: полученная пара стимул-реакция несет знания о мире, превращается в элементарную единицу знаний о мире (ЕЗМ).

Второй — это когнитивный эксперимент⁴ (языковая игра типа «кроссворд»), результатом которого является когнитивный тезаурус и построенный на основе когнем. По условиям этого эксперимента испытуемому предъявляется естественно-языковая конструкция (вербальная формула смысла — ВФС), состоящая из нескольких ЯЕ, и предлагается «ответить» на эту конструкцию языковой единицей — словом-знаком (Зн), отражающим ее смысл. Результатом эксперимента становится более сложная конструкция, состоящая из ВФС и Зн, также несущая знание о мире, и являющаяся его единицей (ЕЗМ).

Модельными сущностями являются: а) языковые картины мира, б) процессы вербализации знаний о реальном мире, в) когнайзер.

Языковые картины мира представляют в форме баз данных ассоциативного и когнитивного экспериментов.

Процессы вербализации знаний о реальном мире два: первый из них (от слова к знанию) квалифицируется как активный режим работы когнайзера — он ориентирован на познание и состоит в разворачивании некоторой языковой единицы в единицу знаний о мире; а второй (от знания к

слову) — как пассивный, ориентированный на мышление⁵ и состоящий в свертывании единицы знаний о мире в некоторую языковую единицу.

Когнайзер — база знаний, интегрирующая процессы вербализации знаний и базы данных ассоциативного и когнитивного экспериментов в форме процедуры осознания — принятия решения о выборе вербальных альтернатив представления знаний о реальном мире.

Выводы, которые были сделаны из этих экспериментальных наблюдений и построений таковы [Караулов 2004 б]:

— осознание является той процедурой, которая преобразует семантические отношения в когнитивные, превращая единицы языка (слово, словосочетание, предложение) в простейшие единицы знания;

— такое преобразование осуществляется в разной форме в зависимости от режима, в каком работает языковое сознание: в активном режиме осознание происходит путем построения ассоциативной цепочки из стимулов и реакций в АВС, цепочки, из которой формируется пропозиция; в пассивном режиме тот же процесс реализуется в фигуре знания;

— знание, которое извлекается из АВС чаще бывает не очень точным, несколько размытым и неоправданно детализированным;

— тем не менее, между двумя типами знания практически всегда устанавливаются отношения эквивалентности, если только подвергающийся осознанию знак присутствует в числе стимулов или реакций в АВС.

Взяв за основу сделанные выводы, попробуем сконструировать формальную модель процедуры осознания в когнайзере для последующей реализации в виде компьютерной программы.

³ См. например работы Ю.Н.Караулова, Ю.А.Сорокина, Е.Ф.Тарасова, Н.В.Уфимцевой, Г.А.Черкасовой по теме Русский ассоциативный словарь.

⁴ Более подробно см. статьи Ю.Н.Караулова [Караулов 2004 а, б, в;], а также [Филиппович 2005].

⁵ Использование категорий «познание» и «мышление» в данном контексте обусловлено их введением в раннее опубликованных статьях. Они являются составными частями «универсального категориального аппарата», связывающего два диалектических единства <часть–целое> и <форма–содержание> [Филиппович 2001].

ФОРМАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Первоначально, преследуя только методические цели, уточним (упростим) содержание понятия «осознавание». Сведем процесс осознания (переход от неосознанного к осознанному = от невербализованного к вербализованному) к безальтернативным и альтернативным вариантам.

Безальтернативные варианты осознания — это переходы от априори известных ЕЗМ к ЯЕ и обратно.

Альтернативные варианты характеризуются вариативностью, неопределенностью (вероятностью) и неточностью этих переходов. Иначе, имеется множество ЕЗМ и ЯЕ, а также процедура перехода между ними, которая состоит в выборе альтернативных единиц, традиционно разделяемая на две составные части — критериальная оценка альтернатив и принятие решения о предпочтении (выбор альтернатив).

Далее наибольшее внимание уделим формальному описанию и программной (компьютерной) реализации безальтернативных вариантов осознания, и только наметим возможные подходы к моделированию альтернативного осознания.

Рассмотрим самую простую и интуитивно понятную модель: представим ассоциативно-вербальную сеть в виде графа, вершинами которого являются слова (в общем случае некоторые языковые единицы — ЯЕ), а дугами выявленные в эксперименте отношения между ними. Все множество вершин графа можно разделить на три типа: слова-стимулы (S), слова-реакции (R), слова-стимулы-реакции (SR). Отношения между ними устанавливаются экспериментально, если респондент одному слову, называемому словом-стимулом ставит в соответствие другое слово, которое впоследствии рассматривается как слово-реакция. Данное отношение будем называть ассоциативным и обозначать символами «→», «←», «↔».

Результатом эксперимента являются следующие подмножества пар слов: {S, R}, {S, SR}, {SR, R}, {SR, SR}. Заметим, что в

процессе эксперимента конкретное отношение может быть установлено разнонаправлено, т.е. одно и то же слово может оказаться и словом-стимулом и словом реакцией. Кроме этого одно и то же отношение может быть установлено несколько раз, в этом случае будем называть частоту встречаемости отношения его валентностью и указывать ее численное значение. В первых трех из указанных подмножеств следующие отношения $\langle S \rightarrow R \rangle$, $\langle S \rightarrow SR \rangle$, $\langle SR \rightarrow R \rangle$, $\langle S \leftarrow R \rangle$, $\langle S \leftarrow SR \rangle$, $\langle SR \leftarrow R \rangle$ только одновалентны; в последнем подмножестве отношения могут быть одновалентны $\langle SR \rightarrow SR \rangle$ и бивалентны $\langle SR \leftrightarrow SR \rangle$. Это означает, что в графовой модели ABC есть следующие типы вершин: а) вершины S (корневые вершины, корни), имеющие только выходящие дуги, связывающие их с вершинами типа R и SR; б) вершины типа R (листьевые вершины, листья), имеющие только входящие дуги, связывающие их с вершинами типа S и SR; в) вершины типа SR, имеющие как входящие, так и выходящие дуги, связывающие их с вершинами типа S, R и SR.

В Русском ассоциативном словаре зафиксировано 103211 слов (языковых единиц), в том числе: слов-стимулов {S} — 160; слов-реакций {R} — 96587; остальных слов, которые являются и словами-стимулами и словами-реакциями {SR} — 6464 [Черкасова 2005].

В графовой модели ABC для двух любых вершин можно установить связи, которые будут представлять собой пути в графе, или цепочки, состоящие из последовательности вершин и дуг. Анализируя возможные цепочки, выделим два типа: *однонаправленные* — вершины цепочки связаны между собой только одновалентными отношениями $\langle S \rightarrow R \rangle$, $\langle S \rightarrow SR \rangle$, $\langle SR \rightarrow R \rangle$, $\langle SR \rightarrow SR \rangle$; *разнонаправленные* — вершины связаны всеми возможными одновалентными и бивалентными отношениями.

Особый тип цепочек представляют собой кольца. В цепочках, как первого, так и второго типов могут присутствовать «за-

кольцованные участки» различной длины, под которой будем понимать количество однонаправленных отношений, приводящих к исходной вершине. Единичное кольцо — это замыкание вершины на саму себя. Ниже будут приведены несколько примеров цепочек с закольцованными участками.

Нахождение в АВС цепочек первого и второго типа представляет собой моделирование процедуры осознания в когнай-

Знак = *Арбалет*.

Формула смысла = *Старинное оружие в форме лука*.

Первоначально определим пропозицию формулы смысла как:

<старинное> | <оружие> | <в форме> | <лука>.

В АВС элементам пропозиции *старинное*, *лука* соответствуют только листовые вершины графа типа R, а конструкция *в форме* отсутствует, т.е. для данной формулы смысла мы имеем только одну возможную исходную вершину — *оружие*. Эта

Оружие (обр.)

ОРУЖИЕ* огнестрельное **93**; применять **10**; сдать **9**; пистолет, пушка **7**; пулемет **6**; заряжать, стрельба **5**; бульжник, кинжал, носить, сдавать, ствол **4**; Калашников, слово, шпага **3**; автомат, бросать, войска, вооружен, древнее, копье, ликвидировать, орудийный, патрон, ружье, убийство **2**; армия, атаковать, атом, атомная бомба, атомный, байки, бандит, битва, боец, болванка, бомба, борьба, бумага, везти, вершина, военный, воин, Вторая мировая война, выбросить, выстрел, град, дубина, защитник, инструмент, клинок, конструктор, личный, лук, наше, нужно, оборона, отнять, отобрать, птица, ракета, ржавое, самоубийство, склад, смертельный, создавать, солдат, спрятать, танк, убивать, убийца, уничтожить, хранение, хранить, цели, цепь, чистить, юмор, ядерный, ядро **1**; **81+247**

Оружие (пр.)

ОРУЖИЕ: холодное **9**; массового поражения, *ружье* **5**; *огнестрельное*, ядерное **4**; *война*, стреляет, убийства **3**; *безопасность*, мощное, *пистолет*, смертельное, *смерть*, старинное, убийцы **2**; абсолютное, *автомат*, *армия*, Бальзак, винтовка, военное, возмездия, врага, *в руках*, выстрелило, газовое, грозное, *дерево*, *железо*, *зонтик*, именное, и пушка, *кинжал*, командира, *кровь*, любви, массового уничтожения, *мести*, *мое*, мортира, МП, на складе, *нож*, *опасно*, опасное, *орудие*, перестройки, *перо*, пицаль, *продавать*, пролетариата, *прощай*, *прятать*, разоружение, самозащиты, секретное, *сильный*, слово, сложить, смерти, спортивное, *ствол*, *стрельба*, *стрелять*, твое, холодная, *черный* **1**; **105+67+3+52**

Нас будут интересовать только вершины, являющиеся словами-реакциями. Найдем среди них такие, которые означают слова *стрельба* и *орудие*. Дуги, связывающие их, имеют валентность равную 1. Эти

Стрельба (пр.)

СТРЕЛЬБА: из лука **24**; *пистолет* **7**; *оружие* **5**; из пистолета, *лук*, *мишень*, по мишени, *ружье* **4**; *война* **3**; *автомат*, из автомата, меткая, *убийство* **2**; автоматная, *арбалет*, винтовка, влет, сле-

зере, т.е. его функционирование в активном и пассивном режимах. Построим простые графовые модели пропозиций формул смысла нескольких когнем, т.е. смоделируем в АВС конкретные варианты пассивного и активного режимов работы когнайзера.

Пассивный режим работы когнайзера

Начнем с нахождения однонаправленных цепочек. В качестве примера возьмем когнему «Арбалет»:

вершина относится к типу SR, так как имеет более восьмидесяти входных дуг, являясь реакцией соответствующего количества слов-стимулов, и почти семьдесят выходных, порождая слова-реакции (см. словарные статьи обратного и прямого РАС).

вершины также относятся к типу SR. У них 21 и 15 входных и 103 и 106 выходных дуг соответственно. Среди них есть такие, которые связывают их с вершиной *арбалет*, валентности связей равны 1.

пую, в тире, в цель, выстрелы, гул, духарик, жертва, заяц, идиотство, из винтовки, из орудия, из оружия, из пулеметов, индейцы, кровь, кутила, меткость, наугад, огнеметная, огонь, пальба, перекрестная, повсюду, по живым мишеням, по мишеням, пулемет, пули, пуля, револьвер, рельба, сильная, стрелец **1; 103+49+0+36**

Орудие (пр.)

ОРУДИЕ: труда **40**; убийства **17**; убийство **8**; пушка, труд **4**; кинжал, лопата **2**; арбалет, артиллерист, боя, войны, выстрел, для защиты, древнее, дым, железное, захвата, к бою, массового поражения, метательное, мир, молоток, нож, огнестрельное, пистолет, плуг, предмет, предмет деятельности, преступления, производства, пролетариата, пыток, работа, сигарета, смерти, топор **1; 106+36+0+29**

Вершина *арбалет* относится к типу R, и является в рассматриваемой когнеме знаком. Таким образом, мы установили две цепочки, связывающие выделенный элемент пропозиции со знаком. Длина этих цепочек равна двум отношениям:

- <оружие →¹ стрельба →¹ арбалет>;
- <оружие →¹ орудие →¹ арбалет>.

Заметим, что в рассматриваемом примере вершина *арбалет* связана только с двумя вершинами — *стрельба* и *орудие* (см. обратный РАС):

Арбалет (обр.)

АРБАЛЕТорудие, стрельба **1; 2+2**

Среди слов-реакций, порожденных словом-стимулом *оружие*, есть, например,

пистолет, ружьё, ствол. Для первых двух словом-реакцией является *стрельба*, а для последнего — *орудие*. Так мы получаем еще три цепочки, но длиной в три отношения:

- <оружие →² пистолет →² стрельба →¹ арбалет>;
- <оружие →⁵ ружьё →¹ стрельба →¹ арбалет>;
- <оружие →¹ ствол →¹ орудие →¹ арбалет>.

Действуя таким образом, найдем все цепочки длиной максимум в 4 отношения от элемента пропозиции *оружие* до вершин *стрельба* и *орудие*, это эквивалентно нахождению цепочек длиной в 5 отношений до вершины *арбалет*:

Длина пути   Путь

Оружие

- 1   оружие —1—> стрельба
- 2   оружие —2—> пистолет —2—> стрельба
- 2   оружие —5—> ружье —1—> стрельба
- 3   оружие —5—> ружье —5—> охота —1—> стрельба
- ...
- 3   оружие —1—> армия —1—> оружие —1—> стрельба
- 4   оружие —1—> армия —1—> мучение —1—> борьба —1—> стрельба
- ...
- 4   оружие —1—> ствол —1—> пушка —1—> чугун —1—> стрельба

Всего цепочек 141, в том числе: 1 — нет, 2 — 1, 3 — 2, 4 — 15, 5 — 123.

- 2   оружие —1—> ствол —1—> орудие
- 3   оружие —5—> ружье —1—> ствол —1—> орудие
- 3   оружие —1—> перо —1—> топор —1—> орудие
- 4   оружие —2—> пистолет —1—> железо —3—> лом —1—> орудие
- ...
- 4   оружие —1—> армия —28—> солдат —1—> топор —1—> орудие

Всего цепочек 29, в том числе: 1 — нет, 2 — нет, 3 — 1, 4 — 2, 5 — 26

В результате нашего дальнейшего поиска непременно будут найдены и более длинные цепочки. Общее их количество будет определяться конкретными отношениями, зафиксированными в ассоциативном эксперименте.

Для заданной длины возможных цепочек, связывающих элемент пропозиции со знаком когнемы в АВС можно выделить подграф (рис. 1) соответствующей размерности, который будем рассматривать как конкретное модельное представление пассивного режима работы когнайзера. Такое представление позволяет определить для последующих рассуждений: а) цепочки и подграфы отдельного элемента пропозиции — элементарные пропозиционные цепочки и графы; б) размерности цепочек и графов, например, длины и валентности отношений, количество вершин и дуг; в) структурные особенности цепочек, например ко-

личество закольцованных участков, типы и размеры колец.

В рассмотренной нами пропозиции, ее элементами являлись в основном словоформы. Формальное их несовпадение со словами, зафиксированными в АВС, оказало влияние на количество вершин графа, которые были выбраны в качестве начальных при поиске цепочек, а в итоге и на размерность подграфа, моделирующего когнайзер. Анализ слов АВС показывает, что в ней есть слова, которые являются основной формой для пропозиционных элементов и одновременно относятся к типу SR, например, *старинное* — *старинный*, *форме* — *форма*, *лука* — *лук*. Сформируем новую пропозицию, применив к ранее выделенным элементам процедуру лемматизации — переводу слова в основную форму:

<старинный> | <оружие> | <форма> | <лук>.

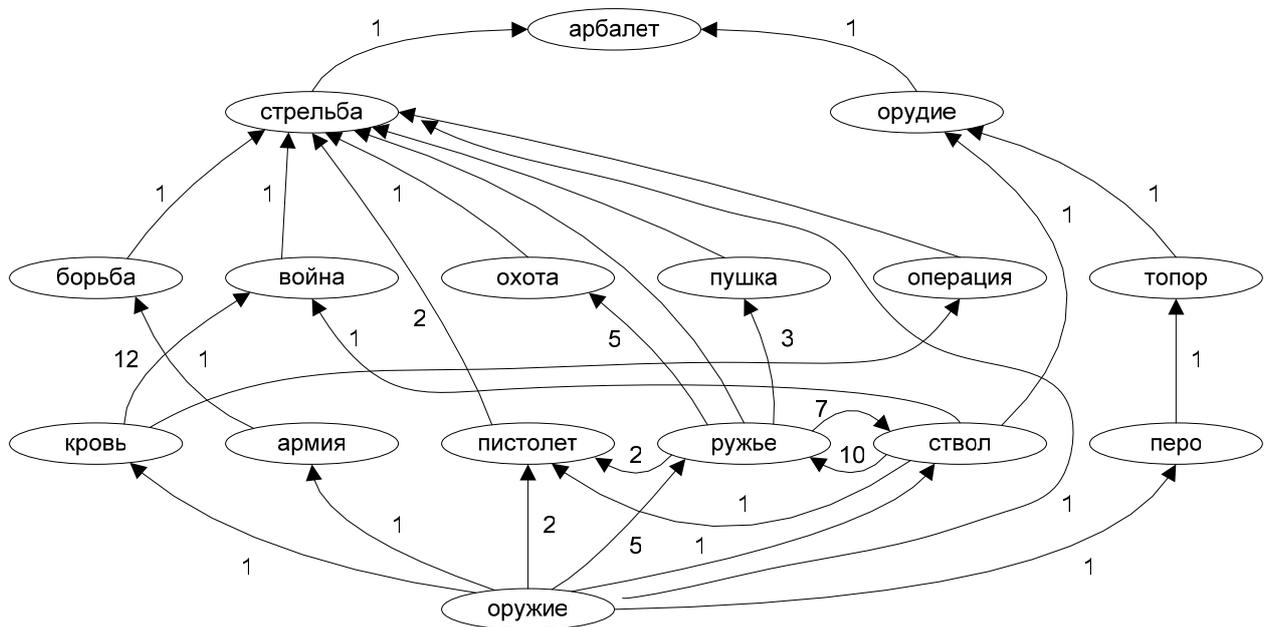

Рисунок 1. Подграф размерности 4 пропозиционного элемента *оружие*.

Найдем в графе АВС для каждого из пропозиционных элементов цепочки длиной не более 5, связывающие их с вершиной *арбалет*. В результате получим пропо-

зиционный подграф рассматриваемой когнемы, который будет являться моделью пассивного режима работы когнайзера (рис. 2).

Длина пути	Путь
	<u>Старинный</u>
3	старинный —1—> двор —1—> ружье —1—> стрельба
4	старинный —4—> комод —1—> зеркало —1—> взгляд —1—> стрельба
...	
4	старинный —2—> образ —1—> мысль —1—> стрела —1—> стрельба
	<i>Всего цепочек 31, в том числе: 1 — нет, 2 — нет, 3 — нет, 4 — 1, 5 — 30</i>
3	старинный —1—> двор —1—> ствол —1—> оружие
4	старинный —1—> двор —7—> вор —1—> лом —1—> оружие
...	
4	старинный —1—> двор —2—> хозяйственный —1—> топор —1—> оружие
	<i>Всего цепочек 22, в том числе: 1 — нет, 2 — нет, 3 — нет, 4 — 1, 5 — 21</i>
	<u>Форма</u>
2	форма —1—> спорт —1—> стрельба
2	форма —1—> война —1—> стрельба
3	форма —1—> солдат —2—> ружье —1—> стрельба
...	
3	форма —1—> армия —1—> оружие —1—> стрельба
4	форма —1—> война —1—> убийца —1—> боевик —1—> стрельба
...	
4	форма —2—> страшная —1—> мысль —1—> стрела —1—> стрельба
	<i>Всего цепочек 103, в том числе: 1 — нет, 2 — нет, 3 — 2, 4 — 4, 5 — 98</i>
3	форма —1—> солдат —1—> топор —1—> оружие
4	форма —1—> спорт —1—> жлоб —1—> лом —1—> оружие
...	
4	форма —1—> армия —28—> солдат —1—> топор —1—> оружие
	<i>Всего цепочек 10, в том числе: 1 — нет, 2 — нет, 3 — нет, 4 — 1, 5 — 9</i>
	<u>Лук</u>
2	лук —3—> стрела —1—> стрельба
4	лук —1—> стук —1—> окно —1—> взгляд —1—> стрельба
...	
4	лук —1—> салат —2—> лук —3—> стрела —1—> стрельба
	<i>Всего цепочек 21, в том числе: 1 — нет, 2 — нет, 3 — 1, 4 — нет, 5 — 20</i>
3	лук —1—> перо —1—> топор —1—> оружие
3	лук —1—> стук —1—> топор —1—> оружие
4	лук —1—> салат —1—> солдат —1—> топор —1—> оружие
4	лук —1—> стук —1—> молоток —10—> топор —1—> оружие
	<i>Всего цепочек 4, в том числе: 1 — нет, 2 — нет, 3 — нет, 4 — 2, 5 — 2</i>

Анализ графа на рис. 2 показывает, что пропозиционный элемент *старинный* не связан цепочками длиной 3 со знаком когнемы «Арбалет». Слова *старинный* и *арбалет* в АВС связаны между собой цепочками длиной ≥ 4 . Возможно построение графа всех связей пропозиционных элементов форму-

лы смысла и знака когнемы «Арбалет» любой наперед заданной размерности $m \leq M$, однако представление его в графической форме (в виде рисунка) может оказаться затруднительным. Для $M=4$ такой граф будет содержать 362 цепочки, количественные сведения о которых приведены в таблице 1.

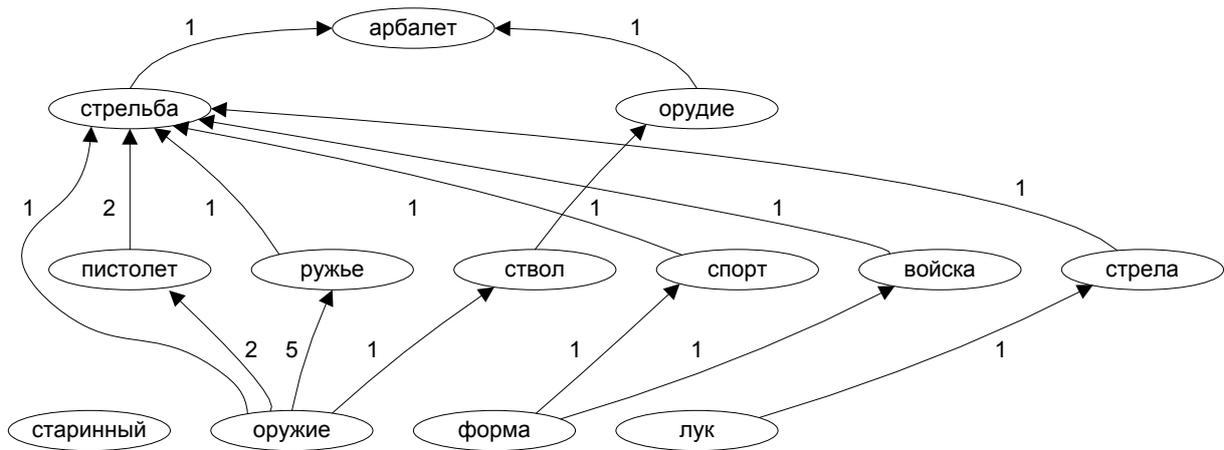

Рисунок 2. Пассивный пропозиционный граф размерности 3 когнемы «Арбалет»

Таблица 1.

Характеристики размерности пассивного пропозиционного графа когнемы «Арбалет»

Цепочки	Длина цепочки					Всего
	1	2	3	4	5	
старинный...-> стрельба -> арбалет	нет	нет	нет	1	30	31
оружие...-> стрельба -> арбалет	нет	1	2	15	123	141
форма...-> стрельба -> арбалет	нет	нет	2	4	98	104
лук...-> стрельба -> арбалет	нет	нет	1	нет	20	21
всего	нет	1	5	20	271	297
старинный...-> орудие -> арбалет	нет	нет	нет	1	21	22
оружие...-> орудие -> арбалет	нет	нет	1	2	26	29
форма...-> орудие-> арбалет	нет	нет	нет	1	9	10
лук...-> орудие -> арбалет	нет	нет	нет	2	2	4
всего	нет	нет	1	6	58	65
всего	нет	1	6	26	329	362

В связи с этим построим и отобразим на рисунке 3 минимальный пассивный пропо-

зиционный граф когнемы «Арбалет», содержащий только кратчайшие цепочки.

<<старинный> | <оружие> | <форма> | <лук>> -> <арбалет>

Длина пути	Путь
4	старинный -1-> двор -1-> ствол -1-> орудие -1-> арбалет
4	старинный -1-> двор -1-> ружье -1-> стрельба -1-> арбалет
2	оружие -1-> стрельба -1-> арбалет
3	форма -1-> спорт -1-> стрельба -1-> арбалет
3	форма -1-> война -1-> стрельба -1-> арбалет
3	лук -3-> стрела -1-> стрельба -1-> арбалет

Всего цепочек 6, в том числе: 1 — нет, 2 — 1, 3 — 3, 4 — 2, 5 — нет

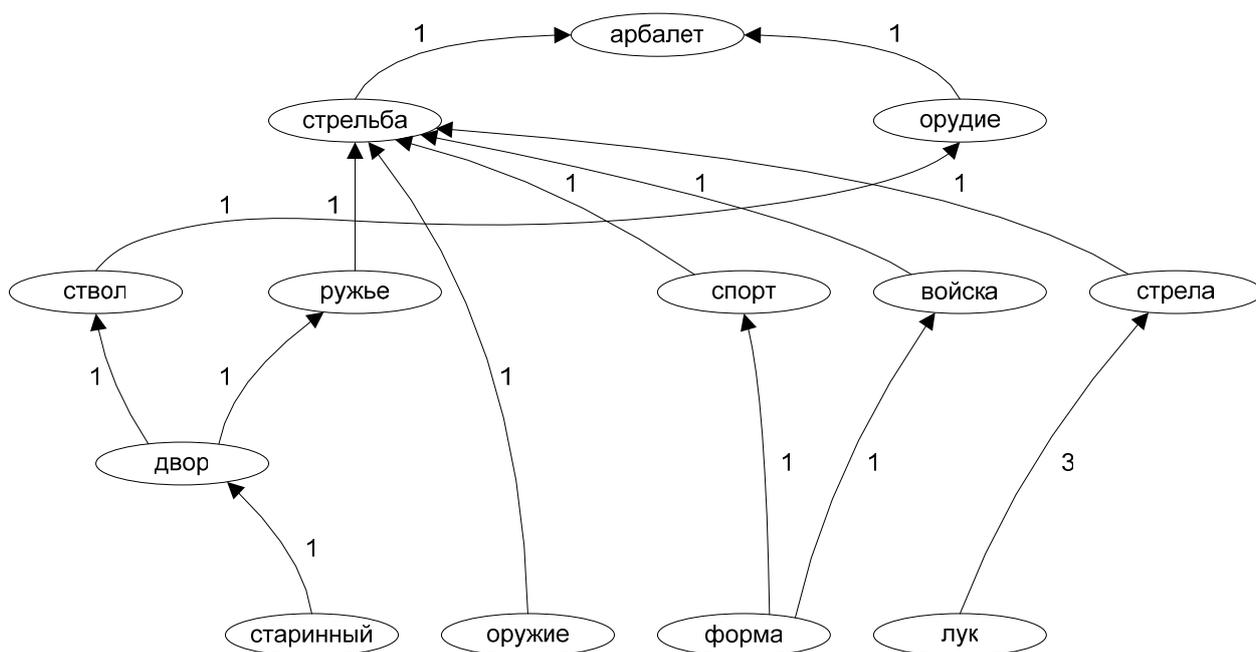

Рисунок 3. Минимальный пассивный пропозиционный граф когнемы «Арбалет»

Особенности построения цепочек

Особенности получения пропозиций.

Заметим, что процедура лемматизации была применена нами формально, т.е. при построении новой пропозиции мы заменили отсутствующие в АВС слова на те, которые в ней есть. Обоснование данной замены состоит в том, что она, возможно, несущественно изменила содержание формулы смысла. Большой обоснованности потребо-

вали бы другие формальные замены, которые можно осуществить при получении поисковой пропозиции, например, взаимозамены внутри парадигмы слова, или синонимичного ряда. Приведем примеры форм с этими пропозиционными заменами.

Парадигматические формы (курсивом выделены слова-реакции, а жирным курсивом — слова-стимулы, которые есть в базе данных РАС).

	<i>Старинное</i>	оружие	в форме	лука [называют]	арбалет.
	<i>Старинным</i>	оружием	в форме	лука [называется]	арбалет.
[название]	<i>Старинного</i>	оружия	в форме	лука	арбалет.

Синонимичные формы.

Ряд 1 [Абрамов, 1994]: **Старый**, ветхий, древний, многолетний, вековой, многовековой, **старинный**, давний, старобытный, стародавний, старомодный, устарелый, застарелый, закоснелый, закоренелый, заматерелый, давнишний, допотопный, извечный, исконный, ископаемый, архаический, археологический, престарелый, пожилой, седой, поседелый, ветеран; обветшалый, пришедший в ветхость, отживший, отсталый, затасканный, истасканный, истертый, подержанный, поношенный, потрепанный, полинялый, заскорузлый, зачерствелый.

Ряд 2 [Александрова, 1968]: **Старинный**, старый, дедовский, прадедовский, стародедовский, древний, вековой, многовековой; старосветский (уст. и книжн.); старозаветный (шутл.); антикварный (о ценной вещи).

Ряд 3 [Абрамов, 1994]: **Форма**, вид, выкройка, фасон, модель.

Ряд 4 [Александрова, 1968]: **Форма**, вид; конфигурация (книжн.).

Древнее оружие в форме лука.

Длина пути	Путь
4	древнее —1—> лето —2—> море —1—> война —1—> стрельба
	...
4	древнее —1—> место —1—> цепь —1—> стрела —1—> стрельба
	<i>Всего цепочек 15</i>
4	древнее —1—> место —1—> взять —1—> лом —1—> орудие
	...
4	древнее —1—> дело —1—> труд —1—> топор —1—> орудие
	<i>Всего цепочек 7</i>

Старинное оружие в виде лука.

Длина пути	Путь
3	вид —1—> море —1—> война —1—> стрельба
3	вид —1—> окно —1—> взгляд —1—> стрельба
4	вид —1—> озеро —1—> зеркало —1—> взгляд —1—> стрельба
	...
4	вид —1—> анфас —1—> прямой —1—> стрела —1—> стрельба
	<i>Всего цепочек 15</i>
4	вид —1—> анфас —1—> прямой —3—> ствол —1—> орудие
	...
4	вид —1—> море —1—> след —1—> топор —1—> орудие
	<i>Всего цепочек 5</i>

Кольцевые элементы цепочек. Среди найденных цепочек при построении подграфа пропозиционного элемента *оружие*

когнемы «Арбалет» есть 52 цепочки с закольцованными участками, например:

Длина пути	Путь
3	<i>оружие</i> —1—> ствол —4—> <i>оружие</i> —1—> стрельба
4	<i>оружие</i> —5—> ружье —2—> <i>оружие</i> —2—> пистолет —2—> стрельба
4	<i>оружие</i> —2—> пистолет —7—> <i>оружие</i> —1—> ствол —1—> орудие
4	<i>оружие</i> —2—> пистолет —7—> <i>оружие</i> —2—> пистолет —2—> стрельба
4	<i>оружие</i> —2—> пистолет —1—> патрон —2—> <i>оружие</i> —1—> стрельба
4	<i>оружие</i> —5—> ружье —5—> охота —1—> охота —1—> стрельба
4	<i>оружие</i> —2—> пистолет —6—> автомат —4—> пистолет —2—> стрельба
4	<i>оружие</i> —5—> ружье —2—> выстрел —18—> ружье —1—> стрельба
4	<i>оружие</i> —1—> ствол —1—> гладкий —5—> ствол —1—> орудие

Исследование закольцованных участков цепочек требует особого внимания. Основной причиной этого является наличие в АВС значительного количества вершин модельного графа потенциально являю-

щихся элементами колец. Этими элементами могут быть 6464 вершины типа {SR} — слова стимулы-реакции. В качестве примера приведем двух и трех элементные кольца пропозиции когнемы «Арбалет».

Длина пути	Путь
2	старинный —1—> вальс —1—> старинный
2	старинный —1—> двор —1—> старинный
2	старинный —10—> замок —2—> старинный
2	старинный —4—> комод —7—> старинный
3	старинный —1—> двор —1—> сквер —1—> старинный
3	старинный —1—> двор —1—> стол —1—> старинный
3	старинный —4—> комод —2—> стол —1—> старинный
3	старинный —1—> двор —1—> двор —1—> старинный
4	старинный —1—> вальс —3—> бал —2—> вальс —1—> старинный
...	
4	старинный —4—> комод —18—> старый —1—> холст —1—> старинный

Всего колец 268, в том числе: 1 — нет, 2 — 4, 3 — 4, 4 — 262

2	оружие —2—> пистолет —7—> оружие
...	
2	оружие —1—> армия —1—> оружие
3	оружие —2—> пистолет —1—> патрон —2—> оружие
...	
3	оружие —5—> ружье —2—> выстрел —1—> оружие
4	оружие —1—> армия —1—> офицер —5—> армия —1—> оружие
...	
4	оружие —1—> ствол —1—> пушка —10—> ядро —1—> оружие

Всего колец 262, в том числе: 1 — нет, 2 — 5, 3 — 19, 4 — 238

2	форма —1—> армия —2—> форма
2	форма —1—> норма —2—> форма
2	форма —1—> солдат —6—> форма
3	форма —1—> армия —1—> офицер —2—> форма
...	
3	форма —1—> армия —28—> солдат —6—> форма
4	форма —1—> солдат —8—> генерал —3—> армия —2—> форма
...	
4	форма —4—> школа —1—> она —1—> юбка —1—> форма

Всего колец 204, в том числе: 1 — нет, 2 — 3, 3 — 13, 4 — 189

2	лук —1—> салат —2—> лук
2	лук —3—> стрела —7—> лук
3	лук —1—> салат —1—> масло —1—> лук
3	лук —1—> салат —2—> капуста —1—> лук
3	лук —1—> салат —1—> салат —2—> лук
3	лук —3—> стрела —1—> Амур —2—> лук
3	лук —3—> стрела —1—> стрельба —4—> лук
4	лук —3—> стрела —1—> Амур —1—> Амур —2—> лук
...	
4	лук —3—> стрела —1—> Амур —5—> стрела —7—> лук

Всего колец 47, в том числе: 1 — нет, 2 — 2, 3 — 5, 4 — 40

Особенности проведения ассоциативного эксперимента. При анализе получаемых цепочек, обращают на себя внимание некоторые цепочки и составляющие их стимульно-реактивные пары (звенья), имеющие в своем составе омонимичные формы — замок и замок, полон и полон, стук (настучать, стукач) и стук (звук ударов мо-

лотка), перо (стебель, лист лука), перо (средство, инструмент письма) и перо (оперенье стрелы, оконечная часть стрелы); созвучия — двор–ствол, двор–вор, забота–охота, форма–норма, салат–солдат; выражение — жрать охота. Ниже приведены примеры этих цепочек:

Длина пути	Путь
3	старинный —1—> двор —1—> ствол —1—> орудие
4	старинный —1—> двор —7—> вор —1—> лом —1—> орудие
4	старинный —10—> замок —3—> железный —3—> лом —1—> орудие
4	старинный —10—> замок —2—> ржавый —1—> лом —1—> орудие
4	старинный —1—> стакан —1—> полон —1—> стрела —1—> стрельба
4	старинный —5—> часы —1—> забота —1—> охота —1—> стрельба
4	форма —1—> норма —1—> цель —8—> мишень —5—> стрельба
4	лук —1—> стук —1—> жалоба —1—> спорт —1—> стрельба
4	лук —1—> стук —1—> молоток —10—> топор —1—> орудие
4	лук —1—> перо —3—> Пушкин —1—> пушка —1—> стрельба
4	лук —1—> салат —1—> солдат —2—> ружье —1—> стрельба
4	лук —1—> салат —1—> солдат —1—> топор —1—> орудие
4	лук —1—> салат —1—> жрать —1—> охота —1—> стрельба

Особенности взаимосвязей элементов пропозиции. Фактическим условием возможности построения пассивного пропозиционного графа какой-либо формулы смысла является отнесение составляющих ее элементов к типу слов-стимулов S или слов-стимулов-реакций SR. Из этого сле-

дует, что возможными становятся взаимосвязи между пропозиционными элементами формулы смысла. Проиллюстрируем это на примере коглемы «Арбалет», т.е. построим цепочки длиной не более 3, связывающие слова ее формулы смысла между собой.

Длина пути	Путь
3	лук —1—> перо —1—> птица —1—> оружие
3	лук —1—> салат —1—> солдат —6—> форма
3	лук —3—> стрела —1—> стрельба —5—> оружие
3	лук —3—> стрела —2—> сердце —1—> форма
2	оружие —1—> армия —2—> форма
2	оружие —1—> зонтик —1—> старинный
2	оружие —1—> стрельба —4—> лук
3	старинный —1—> анекдот —2—> плоский —1—> форма
3	старинный —1—> двор —1—> ружье —2—> оружие
3	старинный —1—> двор —1—> ствол —4—> оружие
3	старинный —5—> часы —4—> пик —1—> форма
2	форма —1—> армия —1—> оружие
3	форма —1—> война —1—> стрельба —4—> лук
3	форма —1—> круглый —41—> стол —1—> старинный
3	форма —1—> печенье —1—> мука —1—> лук
3	форма —1—> солдат —1—> нищий —1—> лук
3	форма —1—> спорт —1—> стрельба —4—> лук
3	форма —2—> страшная —1—> мука —1—> лук
3	форма —4—> школа —1—> двор —1—> старинный

Всего цепочек 19

Общее количество таких цепочек оказалось равным 19. При этом не нашлось ни одной цепочки длиной 3, которая бы свя-

зывала слова *старинный* и *лук*. Однако есть 20 цепочек длиной 4 <*старинный* —...—> *лук*> и 28 — <*лук* —...—> *старинный*>.

Другие примеры.

Приведем несколько примеров пассивных пропозиционных графов размерности

3 для когнем: «Ряска», «Раскопки» и «Серп».

Пример 1. Знак = *Ряска*. Формула смысла = *Зеленое одеяло водоемов*.

Пропозиция формулы смысла = <*зеленый*> | <*одеяло*> | <*водоем*>.

Длина пути	Кратчайшие пути не более 4
3	зеленый —1—> лягушка —7—> болото —1—> ряска
3	зеленый —1—> газ —1—> болото —1—> ряска
3	зеленый —10—> крокодил —3—> болото —1—> ряска
3	зеленый —1—> лягушка —2—> пруд —1—> ряска
4	одеяло —1—> ночь —1—> туман —1—> болото —1—> ряска
4	одеяло —1—> ночь —1—> рассвет —1—> болото —1—> ряска
3	водоем —3—> лягушка —7—> болото —1—> ряска
3	водоем —1—> море —1—> болото —1—> ряска
3	водоем —10—> озеро —2—> болото —1—> ряска
3	водоем —2—> река —1—> болото —1—> ряска
3	водоем —6—> вода —1—> болото —1—> ряска
3	водоем —3—> лягушка —2—> пруд —1—> ряска
3	водоем —2—> река —1—> пруд —1—> ряска
3	водоем —1—> речка —1—> пруд —1—> ряска
3	водоем —4—> рыба —1—> пруд —1—> ряска

Всего цепочек 15

Пример 2. Знак = *Раскопки*. Формула смысла = *Повседневная работа археолога*.

Пропозиция формулы смысла = <*повседневный*> | <*работа*> | <*археолог*>.

Длина пути	Кратчайшие пути не более 3
3	повседневный —1—> обед —1—> редкость —1—> раскопки
3	работа —1—> клад —1—> древний —1—> раскопки

Всего цепочек 2

Пример 3. Знак = *Серп*. Формула смысла = *Что держит в руках Мухинская колхозница*.

Пропозиция формулы смысла = <*держат*> | <*рука*> | <*Мухина*> | <*колхозница*>.

Длина пути	Кратчайшие пути не более 3
3	держат —1—> руль —2—> золотой —1—> серп
3	держат —3—> руки —1—> нож —1—> серп
3	рука —1—> удар —1—> молот —32—> серп
3	рука —2—> перстень —14—> золотой —1—> серп
3	рука —2—> голова —1—> коса —1—> серп
3	рука —1—> красота —1—> коса —1—> серп
3	рука —1—> работа —2—> молоток —6—> серп
3	рука —1—> удар —1—> молоток —6—> серп
3	рука —2—> палец —1—> нож —1—> серп
3	рука —2—> река —1—> трава —1—> серп
3	рука —1—> гнев —1—> трава —1—> серп

Всего цепочек 11

Активный режим работы когнайзера

Фактической целью рассмотрения однонаправленных цепочек было моделирование перехода от смысла (пропозиции формулы смысла) к знаку. Теперь изменим цель. Попробуем перейти от знака к смыслу, т.е. покажем на примере, что возможно решение и обратной задачи — для

заданного знака построение такой пропозиции, которая эквивалентна априори известному смыслу (пропозиции формулы смысла).

Ниже на рис. 4 приведен активный пропозиционный граф когнемы «Арбалет», цепочками которого являются:

Длина пути   Путь

- 1 арбалет <—1— орудие
1 арбалет <—1— стрельба

Всего цепочек 2, в том числе: 1 — 2

Орудие - лук

- 3 орудие —1—> работа —2—> мука —1—> лук
3 орудие —4—> труд —1—> мука —1—> лук
3 орудие —1—> выстрел —1—> стрела —7—> лук
3 орудие —1—> пистолет —2—> стрельба —4—> лук
3 орудие —4—> пушка —1—> стрельба —4—> лук
3 орудие —1—> топор —1—> капуста —1—> лук
4 орудие —1—> выстрел —1—> стрела —1—> Амур —2—> лук
4 орудие —4—> труд —1—> морковь —1—> капуста —1—> лук
...
4 орудие —8—> убийство —1—> пистолет —2—> стрельба —4—> лук

Всего цепочек 89, в том числе: 1 — нет, 2 — нет, 3 — нет, 4 — 6, 5 — 83

Орудие - оружие

- 2 орудие —1—> пистолет —7—> оружие
...
2 орудие —1—> выстрел —1—> оружие
3 орудие —1—> пистолет —1—> патрон —2—> оружие
...
3 орудие —1—> выстрел —1—> выстрел —1—> оружие
4 орудие —1—> топор —3—> дерево —1—> армия —1—> оружие
...
4 орудие —1—> выстрел —4—> пушка —10—> ядро —1—> оружие

Всего цепочек 271, в том числе: 1 — нет, 2 — нет, 3 — 4, 4 — 17, 5 — 250

Орудие - старинный

- 3 орудие —1—> работа —1—> стол —1—> старинный
4 орудие —1—> выстрел —3—> последний —1—> вальс —1—> старинный
...
4 орудие —1—> работа —1—> творить —1—> холст —1—> старинный

Всего цепочек 109, в том числе: 1 — нет, 2 — нет, 3 — нет, 4 — 1, 5 — 108

Орудие - форма

- 3 орудие —1—> работа —1—> фигура —1—> форма
...
3 орудие —4—> пушка —1—> солдат —6—> форма
4 орудие —1—> топор —3—> дерево —1—> армия —2—> форма
...
4 орудие —2—> лопата —1—> новая —1—> юбка —1—> форма

Всего цепочек 132, в том числе: 1 — нет, 2 — нет, 3 — нет, 4 — 6, 5 — 126

Стрельба - лук

- 1 стрельба —4—> лук
- 3 стрельба —4—> мишень —1—> стрела —7—> лук
- 3 стрельба —7—> пистолет —2—> стрельба —4—> лук
- 3 стрельба —4—> ружье —1—> стрельба —4—> лук
- 3 стрельба —3—> война —1—> стрельба —4—> лук
- 3 стрельба —4—> мишень —5—> стрельба —4—> лук
- 3 стрельба —5—> оружие —1—> стрельба —4—> лук
- 3 стрельба —1—> заяц —1—> капуста —1—> лук
- 4 стрельба —4—> мишень —1—> стрела —1—> Амур —2—> лук
- ...
- 4 стрельба —4—> ружье —3—> пушка —1—> стрельба —4—> лук

Всего цепочек 61, в том числе: 1 — нет, 2 — 1, 3 — нет, 4 — 7, 5 — 53

Стрельба - оружие

- 1 стрельба —5—> оружие
- 2 стрельба —7—> пистолет —7—> оружие
- 2 стрельба —4—> ружье —2—> оружие
- 2 стрельба —2—> убийство —2—> оружие
- 3 стрельба —7—> пистолет —1—> патрон —2—> оружие
- 3 стрельба —1—> пулемет —1—> патрон —2—> оружие
- ...
- 3 стрельба —4—> мишень —4—> выстрел —1—> оружие
- 4 стрельба —2—> убийство —1—> тюрьма —1—> армия —1—> оружие
- 4 стрельба —1—> огонь —1—> дерево —1—> армия —1—> оружие
- ...
- 4 стрельба —4—> ружье —3—> пушка —10—> ядро —1—> оружие

Всего цепочек 238, в том числе: 1 — нет, 2 — 1, 3 — 3, 4 — 27, 5 — 207

Стрельба - старинный

- 3 стрельба —5—> оружие —1—> зонтик —1—> старинный
- 3 стрельба —1—> огонь —7—> камин —2—> старинный
- 4 стрельба —3—> война —1—> окно —2—> двор —1—> старинный
- 4 стрельба —1—> заяц —1—> снег —1—> двор —1—> старинный
- ...
- 4 стрельба —1—> огонь —1—> уголь —1—> холст —1—> старинный

Всего цепочек 65, в том числе: 1 — нет, 2 — нет, 3 — нет, 4 — 2, 5 — 63

Стрельба - форма

- 3 стрельба —5—> оружие —1—> армия —2—> форма
- 3 стрельба —7—> пистолет —1—> милиция —2—> форма
- 3 стрельба —1—> кровь —3—> сдать —1—> форма
- 3 стрельба —1—> огонь —1—> сердце —1—> форма
- 4 стрельба —2—> убийство —1—> тюрьма —1—> армия —2—> форма
- 4 стрельба —1—> огонь —1—> дерево —1—> армия —2—> форма
- ...
- 4 стрельба —1—> кровь —1—> новая —1—> юбка —1—> форма

Всего цепочек 90, в том числе: 1 — нет, 2 — нет, 3 — нет, 4 — 4, 5 — 83

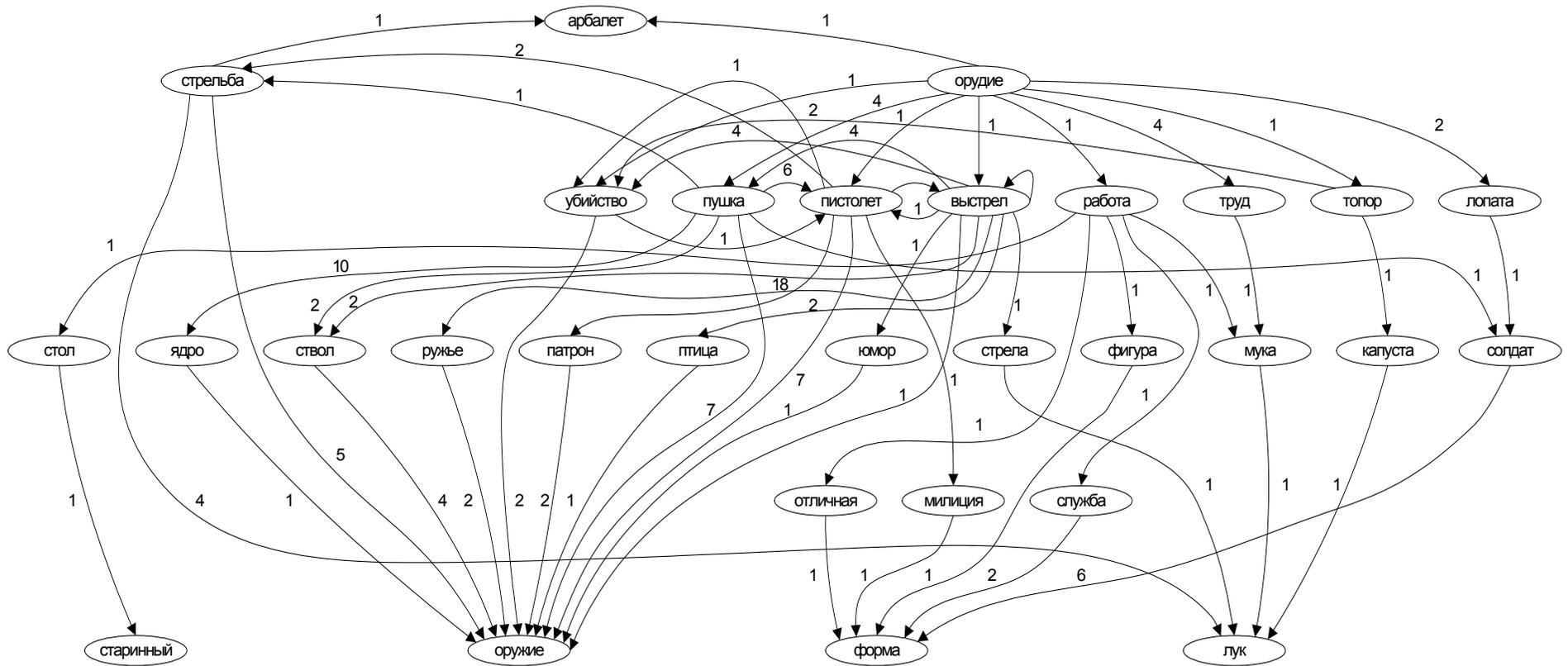

Рисунок 4. Активный пропозиционный граф размерности 4 когемы «Арбалет»

ПРОГРАММНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

Общая постановка задачи программной реализации экспериментального моделирования комплексных принципов устройства и механизмов работы языкового сознания (более узко — процессов осознания) была сформулирована в следующем виде: *для ABC, представленной в форме файла, содержащего множество стимульно-реактивных пар с указанием их частотности, разработать алгоритм и программное средство определения ассоциативных цепочек, связывающих любые два слова между собой.* Существо этой постановки сводится к разработке алгоритма и программы поиска цепочек (путей) в графе, связывающих две его произвольные вершины между собой.

Такая постановка задачи является известной и хорошо освоенной как теоретически, так и практически. Задача состоит в определении эффективной последовательности просмотра (обхода) вершин графа. Описано множество различных алгоритмов ее принципиального решения, а также модификаций, позволяющих учесть многие особенности графов и целей поиска. Наиболее известными подходами являются «поиск в глубину» и «поиск в ширину». В числе самых известных алгоритмов следует назвать: «волновой», Форда-Беллмана, Флойда, Дейкстры. Данные алгоритмы используются для решения поисковой задачи при различных начальных условиях: например, граф может быть ориентированным или нет, взвешенным или нет, требуется найти кратчайшие или все пути, есть ли в графе циклические участки и т.д.

Реализация алгоритма в виде конкретной программы или программного комплекса связана с дополнительными требованиями и уточнениями. Для рассматриваемого случая таковыми являются:

Во-первых, условия и уточнения связанные с модельными сущностями, которыми являются базы данных ассоциативного и когнитивного экспериментов, лингвистический процессор, когнайзер — сверхболь-

шие размеры баз данных, сложная недетерминированная динамически изменяющаяся структура данных; «полный» лингвистический процессор, включающий морфологическую, синтаксическую, семантическую и прагматическую компоненты, функционирующий как система поддержки принятия решений; интегральная реализация модели когнайзера как «хранилища знаний».

Во-вторых, программный комплекс ориентирован на эксперименты, т.е. должен отвечать требованиям, традиционно предъявляемым к автоматизированным системам научных исследований (АСНИ) — вариативность схемы (технологии) эксперимента, наличие средств управления (задания условий) эксперимента, возможность визуального наблюдения за его ходом и документирования результатов.

В-третьих, экономия вычислительных ресурсов — временных и памяти, т.е. максимально возможное быстродействие и минимально возможные затраты памяти.

Традиционными требованиями к программным реализациям практически любых алгоритмов являются: надежность, переносимость в различные вычислительные среды, документированность, «дружелюбность» интерфейса с пользователем (наличие объяснительной, обучающей и help-компонент) и др.

Удовлетворение перечисленных требований или учет их при проектировании возможен только поэтапно, в процессе создания перманентно изменяющихся версий программного комплекса. Для первых (макетных) версий были установлены следующие требования (ограничения):

1. Требования к алгоритму поиска — произвольный, с максимально возможным быстродействием.

2. Требования к пользовательскому интерфейсу — наличие следующих полей для ввода и корректировки параметров поиска: Формула смысла; Знак; Параметры путей — минимальной длины, фиксированной длины «...», диапазон длин «...»; Область

для замены пропозиционных элементов; Область результата — цепочки в формате ...«слово» -> «слово»... .

В одной из реализованных макетных версий, названной «Когнайзер» [Сиренко, 2006, 2007] был использован модифицированный алгоритм Дейкстры, предназначенный для поиска кратчайшего пути в графе и исходно имеющий вычислительную сложность $\Theta(N^2)$, где N — количество вершин графа (в данном случае элементов АВС).

В разрабатываемом алгоритме необходимо было обеспечить поиск всех путей заданного диапазона длин. Это потребовало иной организации ветвления вычислений. Из-за того, что каждая вершина графа размерности N может быть точкой ветвления вычислений на $N-1$, а таких вершин может быть $N-1$, сложность алгоритма может вырасти до $\Theta(N^4)$ — это «худший» теоретический вариант реализации поиска.

В связи с этим было введено ограничение на максимальную длину искомых це-

почек, т.е. было принято решение считать вершины, не достигаемые за 5 шагов, недостижимыми. Среднее количество реакций на стимул в экспериментальной базе данных равно 18.78, при этом множество возможных реакции существенно (приблизительно в 15 раз) больше, чем множество стимулов. Это дало возможность предположить, что значительная часть связей стимул-реакция не имеют продолжения и реакция является листом ассоциативного дерева.

Учитывая, ограниченность количества реакций на стимул, а также то, что пути длиной более 5 не рассматриваются, результирующая сложность разработанного алгоритма составила $\Theta(k*N^2)$, где k — константа, $k \ll N$, и оказалась существенно не отличимой от исходной вычислительной сложности алгоритма Дейкстры.

На рис. 5 приведено изображение главного окна пользовательского интерфейса программы.

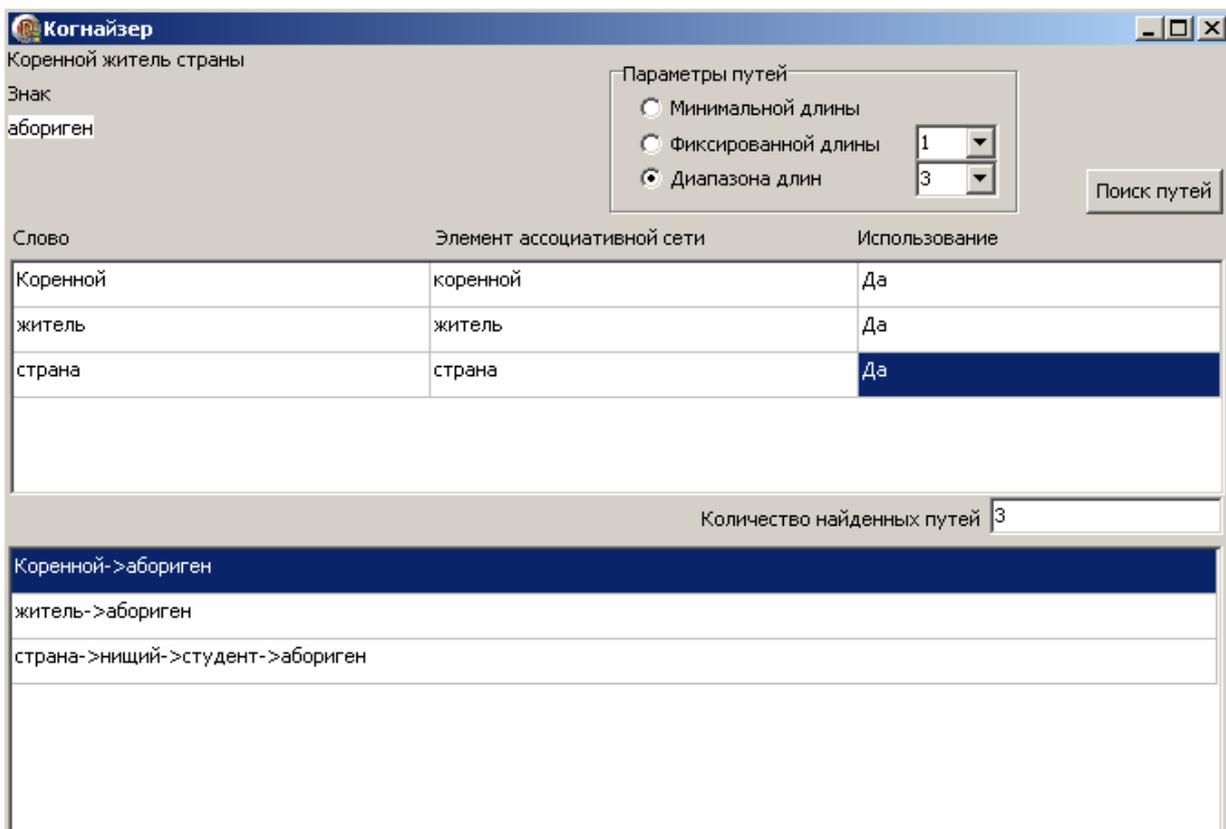

Рисунок 5. Главное окно программы «Когнайзер».

В другой макетной версии [Панченко 2007] был использован «волновой алгоритм», имеющий исходную вычислительную сложность $\Theta(N+M)$, где N — количество вершин графа, а M — количество дуг (связей). С учетом того, что количество вершин графа равно $N = m^H$, где m — среднее количество дуг, исходящих из вершины, а H — максимальная длина цепочки, вычислительная сложность поиска цепочки заданной длины составляет $\Theta(m^H + M)$. Для данной версии программной реализации также было введено 5-ти элементное ограничение на длину искомых цепочек.

На рис. 6 приведено изображение главного окна пользовательского интерфейса этой версии программы. Ее особенностями являются: возможно подключение баз данных двух ассоциативных словарей — РАС и ассоциативного словаря английского языка; учитывается двунаправленность ассоциативных связей; имеются развитые средства документирования; программа имеет клиент-серверную архитектуру и была размещена в сети Интернет по адресу www.associative.ru; стимул может быть задан как пропозиция формулы смысла из последовательности языковых единиц.

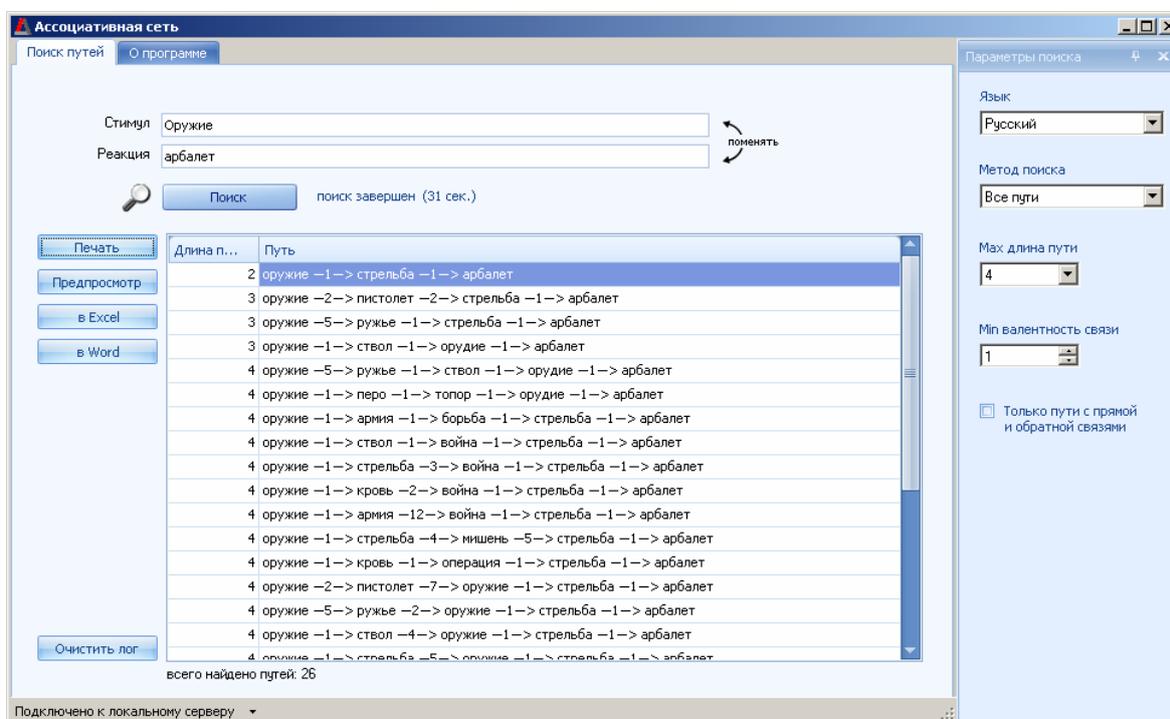

Рисунок 6. Главное окно программы «Ассоциативная сеть»

Заключение

Описанные в статье опыты и созданный для их проведения инструментарий следует рассматривать как первые подготовительные шаги для последующей реализации альтернативных вариантов моделирования осознания в когнайзере, который в этом случае можно было бы рассматривать как систему принятия решений в условиях неопределенности. Функционирование этой системы состояло бы в преобразовании таких исходных данных, как ЯЕ или ЕЗМ в

форме пропозиции ВФС какой-либо когнемы, в результирующей — сформированную (сгенерированную) ЕЗМ, или выбранную из некоторого множества конкретную ЯЕ, соответственно.

В основу архитектуры такой модели когнайзера может быть положена традиционная 2–3-х компонентная структура, включающая: *Базу лингвистических данных* (БЛД) и *Лингвистический процессор* (ЛП), состоящий из *Интерфейса* и *Решателя*.

Отметим особенности и требования, которые следует учесть при моделировании.

1. При моделировании безальтернативного осознания использовались только частично база данных ассоциативного эксперимента и две компоненты когнем базы данных когнитивного эксперимента. При моделировании альтернативного осознания должны быть найдены методы учета значений других компонент когнем — способ задания смысла, референтной области и функции; а также частотных (валентных) характеристик стимульно-реактивных пар.

2. Особого внимания заслуживают такие компоненты когнем как формула смысла и референтная область. В отличие от других компонент когнем, которые представлены простыми списками, они имеют более сложную структуру. Так формула смысла в большинстве случаев представлена предложениями различного типа, понимание которых возможно только в определенном виртуальном контексте, или как элемент некоторого гипертекста. Референтная область, представлена в когнеме наименованием одной или нескольких подобластей, отношения между которыми являются иерархическими или сетевыми, в общем случае относятся к типу «многие-ко-многим».

3. БЛД должна включать не только данные ассоциативного и когнитивного экспериментов, но и другие данные, позволяющие «сужать» и «расширять» множества альтернатив ЯЕ и ЕЗМ. К таким данным следует относить сведения о: правилах словообразования и морфемном членении слов, синонимах, антонимах, фразеологизмах, метафорических конструкциях, терминах и др. Эти сведения сосредоточены в различных лексикографических источниках. Такие требования кардинально изменяют представление о БЛД. В случае даже их частичного удовлетворения получается интегрированная лексикографическая (словарно-тезаурусная) система.

4. Лингвистический процессор модели когнайзера (его Решатель) реализует две укрупненные функции: поиск (отбор) альтернативных ЕЗМ или ЯЕ и последующий

выбор одной из них. Существует множество формальных интерпретаций этих функций в зависимости от цели и предмета поиска. Важнейшими характеристиками при этом являются критерии отбора и выбора альтернатив. Основные особенности реализации поискового ЛП когнайзера видятся: а) в его вариативности, т.е. использовании поликритериальных оценок альтернатив; б) в вероятностном (неточном) оценивании, как самих альтернатив, так и процесса поиска; в) в нечеткости (степени достоверности) критериев поиска и его результатов.

5. Интерфейс ЛП обеспечивает внутреннюю взаимосвязь компонент когнайзера и внешние взаимодействия. Основной особенностью внешних взаимодействий является ориентация на ученого-исследователя языкового сознания. Интерфейс когнайзера по своей форме является визуальным (графическим) образом модели языкового сознания, оснащенным своеобразным «пультом управления». Основными функциями управления процессом моделирования являются: манипулирование ЕЗМ и ЯЕ — создание, изменение, выбор и т.п.; пуск/приостановка/остановка моделирования; создание и манипулирование БЛД; установка и изменения условий моделирования; визуализация процесса моделирования и его результатов; документирование результатов моделирования и др.

6. Особое значение приобретает нахождение априорных (предварительных и текущих) оценок вычислительной сложности алгоритмов поиска вариантов решений.

Литература:

Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари» 1994.

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Около 9000 синонимических рядов / Под ред. Л.А.Чешко. М.: Советская энциклопедия, 1968.

Русский ассоциативный словарь В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М., 2002.

Караулов Ю.Н. Языковое сознание: пассивный и активный режим работы // Межкультурная коммуникация и перевод. Материалы межвузовской научной конференции 31 января 2003 г. М.: МОСУ, 2003.

Караулов Ю.Н. Единицы языка и единицы знания // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. Материалы научно-практического семинара. Часть 2. М.: «Галерея», 2003.

Караулов Ю.Н. О единицах знания // Полифония образования и англистика в мультикультурном мире. Тезисы первой междунар. конф. Ассоциации англоведов и преподавателей английского языка 25–26 ноября 2003 г. М.: МГЛУ, 2003.

Караулов Ю.Н. Основы лингвокультурного тезауруса русского языка // Русское слово в русском мире. Москва-Калуга, 2004.

Караулов Ю.Н. Концептография языковой картины мира. Статья 1: Первый этап «восхождения» к образу мира: от элементарных фигур знания к предметно-референтным областям культуры // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. Вып. 2. Сб. ст. М.: «Азбуковник». 2004. С. 7-17.

Караулов Ю.Н. Концептография языковой картины мира. Статья 2: Референтные области, концепты и концептосферы. (Второй этап «вос-

хождения» — от областей к концептам) // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. Сб. ст. М., 2004, С. 69-82

Панченко А.В. Инструментальное средство для анализа ассоциативных сетей // Интеллектуальные технологии и системы. Сборник учебно-методических работ и статей аспирантов и студентов. Вып. 9. М., 2007.

Сиренко А.В. База данных лингвокультурного тезауруса русского языка // Интеллектуальные технологии и системы. Сборник учебно-методических работ и статей аспирантов и студентов. Вып. 8. М., 2006.

Сиренко А.В. Лингвокультурный тезаурус русского языка // Дипломный проект. Рук. Ю.Н.Филиппович. МГТУ им. Н.Э.Баумана. М., 2007.

Филиппович Ю.Н. Семиотическая концепция интеграции информационных технологий // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики –2001. Сб. ст. / Отв. ред. А.И.Новиков. М.: Азбуковник. 2001. С. 311-338.

Филиппович Ю.Н. Эскиз информационной технологии лингвокультурного тезауруса // Язык. Сознание. Культура. Сборник статей. М.–Калуга, 2005. С. 319–334.

Черкасова Г.А. Опыт использования информационной технологии «Ассоциативный эксперимент» // Язык. Сознание. Культура. М.–Калуга, 2005. С. 308–318.

А.Ю. Филиппович

АСНИ АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Вербальные ассоциации, ассоциативный эксперимент, моделирование, веб-технологии, электронные версии словарей

Статья посвящена Автоматизированной системе научных исследований ассоциативных экспериментов. В ней рассмотрены электронные версии ассоциативных словарей, подсистема анализа ассоциативно-вербальной сети, система проведения интерактивного ассоциативного эксперимента и методика фильтрации «шумов» в электронных ассоциативных экспериментах.

Ассоциативный эксперимент (АЭ) является одним из самых распространенных методов психолингвистики для оценки особенностей восприятия человека и изучения его языкового сознания. Своей популярностью он обязан относительной простоте организации небольшого эксперимента и оценки полученных результатов. Однако для проведения массовых экспериментов и

глубокого анализа ассоциативных полей требуются специальные инструменты подготовки исходных и обработки результирующих данных, среди которых наибольшее применение нашли такие средства автоматизации, как программы для генерации анкет, лингвистические редакторы, базы данных, пакеты статистического анализа и др.

В большинстве случаев подобные инструменты разнородны и трудно интегрируются друг с другом, что приводит к необходимости разрабатывать специальные программы-конвертеры и адаптировать системы более общего назначения. Задача преодоления недостатков таких решений является одной из главных предпосылок для создания *Автоматизированной системы научных исследований ассоциативных экспериментов (АСНИ АЭ)*.

Второй важной предпосылкой для создания комплексной информационной системы является бурное развитие современных информационных технологий, которые открывают дверь не только для автоматизации рутинных операций, но и предлагают новые возможности по организации самих экспериментов: значительное расширение аудитории за счет постоянно растущего количества пользователей сети Интернет, высокая динамика наполнения баз данных АЭ, новые формы и режимы анкетирования и т.д.

Третьей предпосылкой является рост интереса к прикладному использованию ассоциативных полей для проведения рекламных компаний, анализа текстов выступлений, контекстного поиска информации, автоматического перевода, построения семантических сетей и онтологий.

Моделирование и анализ языкового сознания россиян

Несмотря на большое количество предпосылок и значительный объем наработок, отправной точкой для начала работ по созданию АСНИ АЭ послужила задача исследования динамики ассоциативно-вербальной модели языкового сознания, отвечающей за формирование образа России в современном мире¹.

¹ Разработки ведутся при поддержке гранта РГНФ № 06-04-03803в «АСНИ динамики ассоциативно-вербальной модели языкового сознания русских как индикатора образа России в новейшей истории и современности» в рамках конкурса 2006-2008 гг. «Образ России в современном мире»

Данный проект направлен на решение фундаментальной проблемы, касающейся нескольких смежных научных дисциплин (семиотики, лингвистики, психологии, культурологии, социологии), — моделирования и анализа языкового сознания россиян определенного поколения (конец XX в. — начало XXI в.). В рамках исследования предполагается, что АЭ можно рассматривать как способ овнешнения языкового сознания, а ассоциативный тезаурус, составленный на основе репрезентативной выборки, является моделью сознания «усредненного» носителя русского языка.

Основное направление исследований — изучение стимульно-реактивного (ассоциативного) режима работы языкового сознания, отражением которого является ассоциативно-вербальная сеть современного русского языка (АВС), зафиксированная в следующих словарях:

- «Русский ассоциативный словарь»;
- «Словарь ассоциативных норм русского языка А.А. Леонтьева».

Они позволяют изучать системность и содержание образа мира россиян в динамике последних десятилетий. Дополнительно в рамках проекта рассматриваются ассоциативные словари, которые отражают межкультурные аспекты и в перспективе могут способствовать уточнению особенностей сознания русских:

- «Славянский ассоциативный словарь»;
- «Русско-испанский ассоциативный словарь»;
- «Ассоциации информационных технологий: эксперимент на русском и французском языках».

Проанализировав исторические тенденции формирования обыденного образа мира россиян, можно сравнить результаты с данными по другим культурам и исследовать связь языка и культуры, а также роль языка в процессе формирования этнического менталитета россиян в современном мире.

Особое внимание уделяется аудитории и лексике, связанной с современными информационными технологиями, т.к. в настоя-

щее время наблюдается активное смещение коммуникативного взаимодействия, особенно среди молодежи, в новую информационную среду.

В качестве основного планируемого результата проекта по моделированию и анализу языкового сознания россиян планируется создание базы данных «Ассоциативный образ россиян носителей русской культуры» в среде Интернет и инструментально-программной среды для автоматизации исследований языкового сознания русских, которые позволят:

- представить процесс формирования и развития русского языка и исторических тенденций в последние четыре десятилетия в России;
- социальным институтам по формированию общественного сознания наиболее привычным для слушателей образом и, следовательно, наиболее эффективно доносить социально одобряемые идеи (например, повысить эффективность воздейственных текстов в СМИ);
- социальным институтам по формированию общественного мнения осуществлять мониторинг общественного сознания для выявления тенденций его эволюции;
- составителям различного рода текстов выбирать наиболее эффективные способы конструирования текстов, делая их понятными и легко запоминаемыми;
- выявить и обоснованно подтвердить специфику национального менталитета русских.

Функциональные подсистемы АСНИ АЭ

При разработке АСНИ АЭ основой упор сделан на web-технологии, которые позволяют расширить круг пользователей системы и сделать доступным решение задач через Интернет². Вместе с тем, используются и традиционные (desktop) технологии, необходимость создания которых обуславливается следующими причинами:

- существующие наработки (текстовые ресурсы, базы данных и программы) ориентированы на локальное использование;
- производительность и удобство работы с помощью web-технологий по ряду параметров уступает реализациям локальных программ;
- немаловажным фактором является ограниченность доступа в Интернет (удаленность, пропускная способность, стоимость и т.д.) и недостаточная квалификация в области современных ИТ потенциальных пользователей;
- web-технологии вносят дополнительную сложность в защите информации, разработке организационного и правового обеспечения;
- создание экспериментальных версий и прототипов компонент АСНИ АЭ может оказать более эффективной при ориентации на локального пользователя.

АСНИ АЭ является экспериментальной разработкой, которая постоянно развивается и дополняется новыми модулями и данными. На текущий момент ей выделено несколько основных и перспективных подсистем:

- Электронные версии ассоциативных словарей;
- Система проведения интерактивного ассоциативного эксперимента;
- Система анализа ассоциативно-вербального поля;
- Система проведения визуального ассоциативного эксперимента;
- Система психолингвистического анализа текстов.

Электронные версии ассоциативных словарей. Основное назначение этой подсистемы состоит в представлении изданных печатных словарей в новой современной форме — в виде HTML-ресурса. Для повышения эффективности работы со словарями разрабатывается web-ориентированная база данных АСНИ АЭ и дополнительные возможности работы с ней, которые в перспективе будут доступны для ши-

² Основная страница АСНИ АЭ в Интернет находится по адресу <http://www.philippovich.ru/Projects/ASIS/>.

рокого круга пользователей сети Интернет. В состав подсистемы входят следующие компоненты:

- Интернет-версии печатных изданий ассоциативных словарей, разработанные путем преобразований печатных изданий в формат статического HTML или PDF.
- Адаптированные Интернет-версии словарей, в основу которых положена специально сформированная web-ориентированная версия интегрированной БД ассоциативных экспериментов и технологии динамического формирования web-страниц.
- Информационно-поисковая (запросная) система, которая является дополнительным механизмом вывода данных, позволяет задавать гибкие запросы и получать выборки по различным характеристикам.
- Компонента подключения внешних БД, которая содержит набор утилит для преобразования в унифицированный формат внешних БД известных АЭ. Кроме того, предполагается реализовать возможность создания и подключения к общей системе персональной БД АЭ, которая может быть составлена путем специально подобранной выборки статей, анкет или слов из общей или собственной базы.

Система анализа ассоциативно-вербального поля. Основное назначение этой подсистемы состоит в информационной поддержке деятельности исследователя (или другого пользователя) по анализу ассоциативно-вербальной сети (поля) с использованием общих или специально разработанных технологий.

В настоящее время реализована и открыта для доступа тестовая версия компоненты поиска ассоциативных цепочек³, использующая стандартные средства запросных систем на базе SQL. Помимо этого разрабатываются специальные алгоритмы поиска кратчайших цепочек стимул-

реакция, построенные на базе современных парадигм в области искусственного интеллекта, связанных с генетическими алгоритмами, нейронными сетями и т.д.

Система проведения визуального ассоциативного эксперимента. Данная подсистема позволяет выйти за рамки возможностей традиционного вербального эксперимента за счет использования в качестве стимулов (реакций) графических изображений или видеороликов. Основными компонентами системы являются:

- База данных графических изображений и видеоматериалов;
- Графическая онтология, которая устанавливает различные, и в первую очередь, семантические, отношения между образами и их вербальным представлением;
- Программные модули для организации АЭ на локальных компьютерах и через сеть Интернет, которые впоследствии могут быть интегрированы с системой интерактивного ассоциативного эксперимента.

В перспективе визуальный АЭ планируется дополнить аудиальными аспектами⁴ и реализовать возможность проведения мультимедийного АЭ, сочетающего или чередующего стимулы для различных каналов восприятия. Особый интерес в этом отношении представляют изучение ассоциативных полей людей с ограниченным слухом, которые для коммуникации активно используют артикуляционные и жестомимические образы.

Система психолингвистического анализа текстов. Данная подсистема является одним из основных инструментов для проведения прикладных исследований, направленных на решение следующих типовых задач:

- Оценка эмоциональной окраски текста и выявления потенциальных ассоциаций соответствующих целевых групп;

³ Более подробно возможности этой системы раскрываются в статье Филиппович Ю.Н. в данном журнале.

⁴ К аудиальным аспектам можно отнести использование в рамках АЭ живой речи, мелодий, звуков, фоновой музыки, а также наработок в области фоносемантического анализа.

- Формирование первичного и вторичного ассоциативных рядов для оптимизации рекламных текстов и текстов-выступлений;
- Подбор и оптимизация стимульных рядов на основе списков желаемых или необходимых реакций;
- Разработка эффективных списков ключевых слов для индексирования интернет-сайтов в информационно-поисковых системах.

Прочие компоненты и подсистемы. К числу дополнительных компонент, которые пока только проектируются или не могут быть реализованы автономно, относятся следующие перспективные подсистемы:

- «Пространственные метки», которая позволяет осуществлять анализ динамики изменения ассоциативных рядов с привязкой к геоинформационным системам;
- «Анализ профилей респондентов и их категоризация», которая базируется на технологиях Data Mining (интеллектуального анализа данных) и направлена, в первую очередь, на классификацию и кластеризацию участников АЭ для сравнительного анализа их ассоциативно-вербальных полей;
- «Мультиязычная поддержка», которая предназначена для проведения АЭ на различных языках и выявления лингвокультурных отличий среди народов мира. В качестве исходных материалов для этой подсистемы выступают Славянский и Русско-испанский ассоциативные словари, а также результаты тематического эксперимента на русском и французском языках «Ассоциации информационных технологий».

Система проведения интерактивного ассоциативного эксперимента

Основное назначение этой подсистемы АСНИ состоит в автоматизации рутинных операций АЭ, т.к. необходимость вручную формировать, распечатывать и вносить в базу данных результаты экспериментов требует серьезных временных, организаторских и материальных затрат.

Кроме того, как показывает практика, из-за неразборчивости почерка регулярно возникают ошибки ввода и опечатки операторов. Традиционная (бумажная) технология дополнительно накладывает ограничение на удаленность респондентов и создает сложности при сохранении условий проведения экспериментов и обработки материалов, приходящих по почте. Эти ограничения могут быть частично устранены за счет использования современных ИТ и создания web-ориентированной системы проведения интерактивных ассоциативных экспериментов, которые обладают следующими неоспоримыми преимуществами:

- значительное уменьшение временных и материальных затрат;
- возможность прохождения анкетирования одновременно большому числу респондентов;
- возможность одновременного проведения нескольких АЭ;
- значительное уменьшение количества ошибок;
- расширение круга респондентов;
- возможность постоянного развития базы.

Значительное уменьшение временных и материальных затрат достигается тем, что при проведении эксперимента в Интернет нет необходимости вручную подготавливать анкеты, распечатывать их, организовывать централизованное распространение, заполнение и сбор анкет. Также исключается этап ввода анкет в базу данных специальными операторами — вместо этого, стимулы вводятся в базу данных самим респондентом.

Возможность прохождения анкетирования одновременно большому числу респондентов является очень важным преимуществом, т.к. позволяет многократно сократить сроки проведения эксперимента и увеличить его аудиторию.

Использование системы проведения интерактивного АЭ для решения задач гранта РГНФ по исследованию ассоциативно-вербальной модели языкового сознания русских как индикатора образа России в но-

вейшей истории и современности позволит дополнительно решить следующие задачи:

- наполнить БД АЭ самыми современными данными и добавить новый временной срез в ассоциативные исследования;
- предоставить возможность отслеживания и анализа динамики изменения образов языкового сознания россиян с заданной степенью дискретизации;
- создать отдельный ракурс образов языкового сознания среди выделенной категории населения — пользователей Интернет, которые во многом формируют образ электронной России;
- расширить границы ассоциативного эксперимента, включив туда представителей русскоязычного населения за рубежом;
- провести точечный эксперимент по стимулам, характеризующим образ России.

Создание условий для непрерывного пополнения данных потенциально дает возможность:

- наблюдать резонансы в реакциях и привязывать их конкретным событиям;
- оценить скорость изменения АВС и необходимую частоту проведения экспериментов;
- исследовать механизмы построения временных индикаторов для повышения эффективности решения задач проекта;

Несмотря на множество преимуществ, web-ориентированная версия имеет также ряд недостатков, которые требуют разработки специальных методов и подходов:

- При наборе данных на клавиатуре многие пользователи делают опечатки или орфографические ошибки, которые во многом исключаются за счет грамотности операторов набора. Тем не менее, этот недостаток не является критическим и может быть преодолен с помощью специализированных компьютерных программ проверки правописания.
- При проведении Интернет-опросов трудно проконтролировать условия эксперимента. Например, пользователь (респон-

дент) может одновременно решать другие задачи, связанные с работой или отдыхом, слушать музыку и т.д. В этих случаях ассоциации могут сильно зависеть от внешних стимулов и снижать валидность экспериментов.

- В анкетах помимо традиционных ругательств, шуток, рифм и других формальных и неформальных отметок могут появляться новые типы «шумов». Предположительно они могут быть связаны с возможностью копирования слов через буфер обмена операционной системы из параллельно открытых документов. Подобного рода шумы могут частично исключаться за счет добровольного участия в эксперименте, т.е. без привязки к дополнительным бонусам в виде доступа к ресурсам и др.

В настоящее время в среде Интернет доступна вторая версия программы, которая во многом является экспериментальной и содержит следующие функциональные возможности:

- Два режима работы: *пользовательский*, который используется заполнения анкет, и *администраторский*, который предназначен для создания, настройки и просмотра результатов АЭ.
- Регистрация участников эксперимента, которая позволяет сокращать время на повторный ввод персональных данных и обеспечить изучение динамики изменения АВС путем проведения нескольких экспериментов. В то же время респондент может остаться анонимным участником АЭ, если администратор АЭ не введет соответствующее ограничение.
- Возможность создания новых или изменения существующих АЭ путем ввода списка стимулов и настройки параметров.
- Гибкая и расширяемая система настроек характеристик респондентов позволяет вводить новые параметры, указывать очередность и обязательность их заполнения.

- С точки зрения визуальных настроек анкетных форм существует возможность указания количества стимулов в анкете, одновременно отражаемых на экране.
- Просмотр отдельных анкет позволяет оценить особенности ассоциативно-вербального мышления конкретного респондента или их группы.
- Результаты АЭ можно просмотреть и в обобщенном виде с помощью традиционного представления прямого и обратного ассоциативного словаря.

В дальнейшем в программе планируется добавить следующие функции:

- Возможность генерации разнообразных анкет;
- Расширенные визуальные настройки отображения анкет эксперимента;
- Учет пользователей и групп пользователей;
- Развитый инструмент вывода результатов и статистических данных об экспериментах.

Возможность генерации разнообразных анкет. В настоящей версии программы доступен лишь минимальный функционал — каждый эксперимент содержит список стимулов и в каждой анкете любой стимул встречается ровно один раз. В будущих версиях необходимо реализовать возможность генерации анкет, т.е. из общего списка стимулов в анкету должно попадать только заданное количество с указанной вероятностью появления. Планируется также ввести механизм ограничений, который позволяет сделать так, чтобы стимулы не встречались в экспериментах больше определенного количества раз.

Визуальные настройки отображения эксперимента. В новой версии планируется добавить следующие возможности визуальной настройки:

- расположения стимулов (количество столбцов, количество символов в столбце, количество стимулов на странице);
- шрифтовая разметка (размер, стиль и т.д.);
- цветовые гаммы (цвет шрифта, фона, полей ввода и т.д.)

Учет пользователей и групп пользователей. В дальнейшем должна быть предусмотрена расширенная система полномочий, включающая авторизацию и аутентификацию пользователей. Как минимум, должны быть созданы и настроены следующие роли:

- *Администратор.* Пользователи этой роли могут добавлять авторов экспериментов, а также курировать разнообразные системные настройки (резервирование данных, выгрузку и загрузку любых экспериментов, администрировать форумы и т.д.).
- *Автор эксперимента.* Пользователи этой роли должны иметь возможность создать эксперимент — ввести в систему список стимулов, выбрать настройки формирования анкет и ограничители, указать необходимые настройки отображения, выбрать данные, которые необходимо ввести респонденту о себе и т.д.
- *Респондент.* Пользователи этой роли должны иметь возможность регистрации и задания своих персональных данных.

Развитый инструмент вывода результатов и статистических данных об экспериментах. В текущей версии система может только формировать статистику об относительной частоте реакций в разрезе экспериментов, но в будущем планируется реализация следующих отчетов, составляющих основу прямого и обратного ассоциативных словарей:

- абсолютная и относительная частота реакций на заданные стимулы (группы стимулов);
- абсолютная и относительная частота стимулов, породивших выбранную реакцию (группу реакций).

Все статистики могут быть представлены в разрезе одного или всех экспериментов с возможностью разбиения респондентов по различным критериям на группы (пол, возраст, сфера деятельности, родной язык и т.д.).

Методика фильтрации «шумов» в электронных АЭ

Одним из важнейших факторов, от которых зависит валидность ассоциативного эксперимента (АЭ), является «уровень шума» в ответах респондентов. В общем случае под шумом следует понимать ответы на анкету, которые получены не по правилам эксперимента, или некорректно рассчитанные статистические показатели для группы участников.

При проведении экспериментов через Интернет уровень шума существенно возрастает из-за меньшего контроля со стороны организаторов и наличия дополнительных возможностей у респондентов. В связи с этим важной задачей при создании АСНИ АЭ является разработка методов фильтрации (уменьшения и устранения) шумов.

Все шумы можно разбить на две укрупненные группы. К первой из них относятся сознательно задаваемые респондентом неверные ответы, а ко второй — случайные факторы, вызванные ошибками и особенностями проведения АЭ.

К *случайным шумам* можно отнести следующее:

- орфографические ошибки и опечатки при вводе результатов анкетирования в электронную базу данных;
- омонимия слов, приводящая к ошибочному объединению различных по смыслу реакций в единое понятие и подсчету общей частотности;
- пустые ответы, вызванные нехваткой у респондента достаточного времени на написание ответов или их ввода в компьютер;
- необъективный подсчет частотности ассоциаций, вызванный неравномерностью количества респондентов в опрашиваемых группах, сформированных по половозрастному, географическому, профессиональному или другому принципу;
- влияние предшествующего в анкете стимула, реакции или их группы на текущие и последующие ответы.

«Сознательные шумы» зависят от целей, преследуемых респондентами, и условий (механизмов) ассоциативного эксперимен-

та. Их условно можно разделить на следующие виды:

- Деструктивные цели, вызванные желанием навредить эксперименту и снизить его валидность. Они могут быть вызваны следующими причинами:
- «недобровольный» характер включения респондента в АЭ (часто встречается при анкетировании в вузах и военных частях);
- желание проверить или опровергнуть полученные в ходе эксперимента результаты;
- «киберспортивный» интерес, который сильно развит среди особой группы пользователей Интернет, часто называемых хакерами;
- Рекламные цели, которые реализуются путем размещения в качестве ответов рекламы различных товаров и услуг или ссылок на специализированные электронные ресурсы;
- Цели быстрого заполнения анкеты АЭ, которые могут возникнуть в случае использования специальных опросных форм как обязательного предварительного шага для получения доступа к ресурсам проекта или другим необходимым данным.
- Желание выделиться среди прочих респондентов за счет оригинальности ответов, использования нецензурных выражений и т.д.

Методы фильтрации шумов можно условно разделить на три группы в зависимости от применимости на различных этапах проведения АЭ:

- Методы планирования технологии проведения АЭ с учетом потенциально возможных шумов;
- Методы управления процессом проведения интерактивного АЭ;
- Методы постобработки данных для выявления типовых шумов.

К *первой группе* относятся методы, которые направлены на устранение шумов и обеспечения валидности эксперимента за счет оригинальной организации процесса

анкетирования и специальной подготовки исходных данных.

Одной из наиболее сложных задач АЭ — ограничение влияния предшествующих в анкете стимула, реакции или их группы на последующие ответы. В настоящее время для этого широко используются методы случайной генерации последовательности стимулов в анкете. Они достаточно эффективно работают для частотных реакций общего характера, однако при проведении прикладных АЭ для исследования отдельных аспектов в рекламных целях или для тематического (например, анализа стимульного ряда «образа России») этого оказывается недостаточно. Компьютерная реализация позволяет расширить возможности организации ассоциативного эксперимента следующим образом:

- случайным образом и в заданных границах формировать количество стимулов на одной странице (экране);
- отображать в каждый момент времени только один стимул на экране;
- проводить контекстный АЭ на веб-страницах специализированных сайтов, в поисковых системах и т.д.;
- на основе анализа имеющихся данных исключать комбинации частотных ассоциативных цепочек в опросном листе.

Ко второй группе относятся методы и решения, которые определяют для интерактивных АЭ окружающее информационное пространство и функциональные возможности пользователя (респондента).

Для борьбы с *орфографическими ошибками* можно использовать стандартные подходы шрифтового или цветового выделения ошибочных и неизвестных слов. Основным недостатком такого решения является необходимость использования (или даже разработки) специализированных орфографических модулей, спеллеров и т.д. Дополнительную сложность представляет значительный объем соответствующих программных модулей и баз данных, который не позволяет осуществлять проверку данных на компьютере клиента и требует

передачи данных на сервер, что приводит к дополнительным временным затратам.

В качестве альтернативы или дополнения можно использовать списковые элементы компьютерного интерфейса (ListBox, ComboBox и др.), которые позволяют выбирать ответы из раскрывающегося списка и автоматически фильтровать возможные варианты с учетом набранных первых букв слова. Недостатком такого метода является потенциальная опасность «программирования» возможных ответов, сужая их визуальным рядом, простой и скоростью выбора.

Для борьбы с *омонимией слов* необходимо предусмотреть специальные механизмы уточнения семантики стимулов и реакций. В первом случае (для стимулов) можно воспользоваться дополнительными пояснениями, представленными в виде текстового сообщения или графического образа. Во втором случае (для реакций) нужно в информационной системе интерактивного АЭ реализовать возможность ввода пояснений. Более сложным решением является предварительное составление списков слов с возможной омонимией и реализацией возможности ввода или выбора соответствующего значения на экранной форме.

Основными недостатками описанных решений являются:

- потенциальные изменения в реакциях за счет расширения ассоциативно-вербального поля дополнительными словами и фразами;
- дополнительные временные затраты респондента для ввода ответа или выбора уточнений;
- необходимость составления специальных баз данных слов с омонимией;
- неполнота баз данных слов с омонимией и необходимость разработки инструментов ее динамичного наполнения;
- неоднозначность графических образов, факт использования которых выходит за рамки вербального эксперимента и может привести к нежелательным резуль-

татам, т.е. реакции на цвет, форму и другие характеристики графического образа вместо реакции на семантику слова-стимула.

Одним из вариантов решения проблем омонимии — проведение специальных АЭ, результаты которых можно использовать для уточнения данных более общих исследований.

Частой проблемой проведения АЭ является различие *времени реакции респондентов*. При анкетировании группы людей и нормировании среднего времени ответа это приводит к тому, что отдельные участники опроса не успевают давать ответы. Актуальна и обратная ситуация, когда избыток времени приводит к формированию вторичных ассоциаций, нарушая цели и методику проведения эксперимента.

В рамках компьютерного эксперимента можно частично решить эту проблему за счет предварительной персональной настройки эксперимента для каждого респондента. Для этого необходимо разработать тестовый ряд стимулов или специальные задания для проверки скорости реакции. Использование компьютерного АЭ позволяет вести учет времени ответов, а в последующем с помощью статистических методов осуществлять выявление аномалий и фильтрации шумов.

Организация эксперимента в компьютерной среде (в сети Интернет) создает дополнительные сложности, связанные с различной степенью компьютерной компетентности респондента, средств коммуникации (ноутбук, КПК, телефон и т.д.), пропускной способности канала связи, возможностью параллельной работы над другими задачами, неконтролируемыми внешними факторами (фоновые музыка, видеоряд и т.д.).

Некоторые параметры среды можно определить автоматически (скорость соединения, тип программного средства и т.д.) и учитывать в последующем, но часть характеристик пользователь должен указать самостоятельно при настройке своего профи-

ля. Чтобы уменьшить количество отвлекающих факторов можно предложить соответствующие эргономические (размер экранных форм) и программные решения (например, фоновый звук нейтрального характера).

Вместе с тем следует более разносторонне отнестись к задаче устранения внешних факторов, т.к. это может привести к созданию искусственных лабораторных условий эксперимента, которые не встречаются в реальной жизни респондента. Как следствие результаты эксперимента могут оказаться оторванными от действительности и не отражать реальную ассоциативно-вербальную сеть.

Третья группа методов фильтрации шумов направлена на использование уже полученных результатов ассоциативных экспериментов. Эти методы в первую очередь направлены на фильтрацию статистических отклонений, вызванных теми или иными причинами.

Одной из наиболее распространенных задач агрегирования результатов АЭ является *подсчет частотности ассоциаций* для различных групп, сформированных по половозрастному, географическому, профессиональному или другому принципу. При выполнении подсчетов возникают две основные трудности: экстраполяция частотных характеристик на основе малого числа опрошенных респондентов в конкретной группе и неравномерное количество представителей различных групп.

Для решения этих проблем необходимо изучение динамики изменений свойств ассоциативного поля при увеличении количества опрашиваемых. Исследования, проведенные Черкасовой Г.А.⁵, показали, что частотность реакций в ассоциативных экспериментах подчиняется гиперболическому закону, близкому по своим характеристикам к закону Ципфа и Мандельброта.

---

⁵ Черкасова Г.А. Исследования статистических характеристик ассоциативных словарей // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Юрия Николаевича Караулова: Сб. статей. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 378-388.

— *байпаком* связано не только с характером занятий казахов в прошлом — подвижным скотоводством, но и с климатическими условиями. В покроях мужского бешмета с перехватом у талии, женского расклешенного платья *кулиш койлек*, женского широкого платья *жаз койлек* — с густыми сборками на кокетке и отложным воротником нетрудно заметить влияние русской, татарской, среднеазиатской одежды, т.е. соседей казахов [Калыбекова 2005: 149].

Таким образом, казахский костюм, являясь знаком невербальной коммуникации, несет дополнительную информацию и выражает социальную и индивидуальную характеристики человека, указывает на его возраст, пол, характер и эстетический вкус.

Литература:

Байтанаев Б.А. А.А. Диваев. Очерк жизни и деятельности. Алматы, 1968.

Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

Буракова М.В., Лабунская В.А. Психосемантическое пространство причесок и женских социальных ролей // Психологический вестник. Ростовский госун-тет. Вып. 2. Ч.1, 1997.

Казахи. Историко-этнографическое исследование / М.К.Козыбаев, Х.А.Аргынбаев, М.С.Муканов. Алматы, 1995.

Калыбекова А.А. Теоретические и прикладные основы народной педагогики казахов. Алматы, 2005.

Каминская Н.М. История костюма. М., 1968. Основы теории проектирования костюма / Под ред. Т.В.Козловой. М., 1988.

Петрова Е.А. Знаки общения. М., 2001.

Степучев Р.А. Морфологическое предметообразование в костюмном коде (языке). Конспект лекций. М., 1994.

Степучев Р.А. Проблема костюма как семиотической системы в коммуникации человеческого общения. Конспект лекций. М., 1991.

Л.К. Яковенко (Казахстан)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ДОЛЖНОСТИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КАЗАХСТАНЦЕВ

Образ мира, национально-культурная специфика языкового сознания, вербальные ассоциации, профессиональное сознание

В статье описаны результаты исследования представлений о должности, выявленные методами анкетирования и ассоциативного эксперимента.

Профессиональная культура, все чаще привлекающая в последнее время внимание лингвистов, является одним из фрагментов языковой картины мира. Языковая картина складывается из образов языкового сознания, которое Е.Ф. Тарасов определяет как «образы сознания, овнешняемые языковыми знаками» [Тарасов 1996:10].

Универсальное языковое сознание в исследовательском плане — психолингвистическая модель, построенная по определенным параметрам и воспроизводящая феномен языкового сознания как системы образов сознания различной психической модальности, которые доступны наблюдению и описанию по своим вербальным репрезентантам. Профессиональное языковое

сознание — психолингвистическая модель, реконструирующая совокупность основных образов сознания, формируемых и овнешняемых с помощью профессионально ориентированных языковых средств [Алферова 2005]. Примерами таких овнешнений в нашем случае выступают слова-реакции на названия должностей.

Целью данной работы является выявление специфики структур, формирующихся в языковом сознании казахстанцев (как профессионалов, так и непрофессионалов) в аспекте восприятия ими должности.

Ю.И. Алферова полагает, что профессиональное языковое сознание отражает профессионально ориентированную часть сознания, содержащего совокупность ког-

нитивных образований, преломляющих знания, мнения, впечатления, возникающие у индивидов по поводу специфической (профессиональной) области действительности. В формировании феномена участвуют профессионально ориентированные когнитивные структуры, возникающие под влиянием ассоциативных механизмов, связывающих концептуальную область и способы ее вербального означивания с помощью терминоориентированных языковых единиц. Исследуя отражение должности в языковом сознании, мы будем использовать в качестве таких единиц должностные наименования, а судить о формировании когнитивных структур — по результатам проведенных нами ассоциативных экспериментов.

Нами проведено изучение специально вызванных реакций, которые были получены в ходе анкетирования. На первом этапе респондентам (112 человек) предлагалось назвать слова, с помощью которых можно обозначить должностные отношения. Около половины всех опрошенных затруднились привести примеры, показывающие взаимоотношения должностей по вертикали и по горизонтали. Остальными респондентами были названы: *директор, министр, начальник, президент, подчиненный, рабочий, ректор, руководитель, служащий, сотрудник, управляющий, чиновник* и

др. Приведенные примеры отражают взаимоотношения как по вертикали (то есть между теми, кто руководит, управляет профессиональной деятельностью, и теми, кто является исполнителем) и по горизонтали, когда взаимоотношения профессионалов являются относительно равноправными. В качестве примеров взаимоотношений по горизонтали были приведены следующие: *ученики; учителя равны между собой; зоотехники — равноправны; владельцы кафе, бармены, официанты, уборщицы; равноправные: начальник, директор, управляющий, руководитель; директор, чиновник, начальник; музыканты связаны между собой равными правами, студенты; сотрудники; равноправны сотрудники* и пр.

Разработанная нами анкета включала стимулы — должностные наименования, ассоциативные отклики на которые предстояло дать респондентам. Из множества должностных наименований мы выбрали те, которые отвечают двум требованиям: 1) наиболее частотные; 2) отражающие характер взаимоотношений «по горизонтали». В результате были отобраны слова *подчиненный, рабочий, служащий, сотрудник*. Материалы анкетирования (100 человек) обобщены в таблице, фрагмент которой мы приводим ниже (реакции даны в порядке убывания частоты).

Стимул	Реакция
Подчиненный	Зависимый + зависимый человек 9, бесправный 7; исполнительный 6; вежливый 5; выговор (ему) 4; невзрачный, низкая зарплата 3; добрый, молчаливый, нервный, обычный, ответственный, подчиняется, послушный 2; бегают туда-сюда, делая работу; бессильный человек; благодарный; все время грустный; от начальника; выполняющий все задания начальника; высказывания, постоянное недовольство; гибкий в отношениях; жалостное лицо, вечно чем-то недовольное; качественно относится к своей работе; невысокий, смуглый человек; неинициативный, привык, что за него решают все другие; никогда не отказывает; обязанный; одетый просто; одногранный человек; опущенные глаза; организованный; ответственность; не нарушает правила; подчиняться; подчиняющийся; подчиняющийся прихотям начальника; портфель (кожаный); простодушный; простой; работа начальника есть; слабый; слушающий, требовательный; трудолюбивый; умеющий хорошо выполнять приказы; умный; хорошенький; хитрый; это уж как раб, как обязан кому-либо — 1, нет реакции — 8.

Из стимулов, называющих профессионалов, находящихся в отношении относительного равноправия, в максимальной степени удаленности от руководителей разного ранга находится подчиненный. Большая часть всех реакций прямо указывает на его подчиненное положение, зависимость и даже бесправие: *бесправный; бессильный человек; зависимый человек; зависимый от начальника; подчиняется, подчиняться; подчиняющийся; работа начальник есть* и пр. Косвенными указаниями на подчиненность, зависимость можно считать такие реакции: *бежит туда-сюда, делая работу; опущенные глаза.*

Подчиненный воспринимается как человек, ничем не выделяющийся из ряда других обычных людей: *обычный; одногранный человек; простой.* О том же говорят и внешние признаки: *одетый просто; невзрачный; жалостное лицо, невысокий, смуглый человек.*

Показателен отзыв *выговор (ему).* Выговор безоговорочно связывается с подчиненным, он словно выполняет предназначение нести на себе недовольство вышестоящих, будучи обязанным безропотно выполнять все задания и указания, терпеть: *выполняющий все задания начальника; умеющий хорошо выполнять приказы; никогда не отказывает; подчиняющийся прихотям начальника; послушный; обязанный; слушающий; это уж как раб, как обязано как-то кому-либо.* Кроме того, подчиненного характеризуют и такие реакции: *все время грустный; высказывания, постоянное недовольство; вечно чем-то недовольное; низкая зарплата;*

Из положительных качеств подчиненному предписываются такие, которые гармонируют с его подчиненным положением (*вежливый; исполнительный; качественно относится к своей работе; организованный; ответственный; не нарушает правила; трудолюбивый; молчаливый*) и отказано в тех, что свидетельствуют о самостоятельности мышления и действия (*неинициативный; привык, что за него решают*

все другие; слабовольный). Совершенно нейтральных реакций мало: *добрый; требовательный; умный и др.*

Рабочий воспринимается как человек более независимый, наделенный множеством положительных качеств: *активный; думающий; исполнительный; мужественный; ответственный; постоянность; скромный; спокойный; упорный; усталость; храбрый* и пр. В то же время рабочий — человек простой: *простота в общении; простой; неоригинальный; обычный.* О подчиненности рабочего говорят следующие отзывы: *боится своего начальника; подчиняющийся(ся); послушный; работа дольше положенного.*

Немалую роль в формировании образа рабочего в языковом сознании респондентов играют орудия и место труда: *известка; инструмент; инструменты; завод* и пр.; внешние данные: *худой; грязный; одежда: в грязной форме; в специальном костюме; каска; люди в комбинезоне (опред. формах); рабочая одежда; рабочий костюм.*

Респонденты отмечают преобладание физических качеств над умственными: *сильный; сильный физически, но не морально, точнее менее образован.* Особо подчеркнута трудолюбие: *работящий; трудолюбивый; трудолюбие; человек, который долго трудится; работа; работоспособный; шустрый и трудолюбивый* и пр. Названы и негативные признаки: *пьянство; низкоинтеллектуальный, но гуманист; жестокий.*

Отмечено наличие реакций, свидетельствующих о материальной заинтересованности рабочего, цели труда: *деньги; за деньги делает работы; низкая зарплата.*

На стимул «служащий» был получен синоним — «подчиненный, одинаковый с сотрудником». Более низкий статус служащего по сравнению с высокими должностными лицами подчеркнуто указанием на более низкий уровень жизни (*бедный*). Идея подчинения выражена очень ярко: *подчиненный; это служит кому-л. и подчи-*

няться ему; потакание своему руководителю; послушный; дисциплинированный и др. Лишним подтверждением того, что ассоциативно «служащий» воспринимается как структура, принадлежащая «горизонтали» в профессиональной области, являются реакции, которые показывают называющие, что служащий — это один из множества (*пунктуальный человек, привыкший быть звеном, важным элементом, но заменимым*). Служащего характеризует и внешний вид, одежда, отличающие его от руководителя: *рабочая форма (синяя); рубашка; внешний вид простой*. Среди важнейших качеств служащего — *суетливый; скромный; терпеливый; вежливый*. Нейтральными выглядят характеристики типа *работа, выполняющий свои обязанности, дисциплинированный, собранный и др.*

Обращает на себя внимание такая реакция, как *хорошенький*. Среди реакций на начальника, директора, руководителя неоднократно встречались отзывы *красивый, привлекательный*. А служащий всего лишь *хорошенький*. Его более низкий статус подчеркивается не только выбором слова, но даже его формой — мелиоративом, который приобретает переносное значение «миловидный» [Ожегов 1989: 865].

Нахождение стимула «сотрудник» на горизонтальной оси многократно подтверждается самыми разными реакциями. Первую группу составляют реакции, свидетельствующие о постоянном общении сотрудников друг с другом: *общение; общительный; дружба, взаимоотношения; коммуникабельный; шутки; неофициальное обращение*. Другая группа реакций показывает восприятие сотрудника как члена коллектива, связь одного сотрудника с другими благодаря общей работе: *такой, как все люди; это как коллектив работающий вместе; у них есть общая работа; общие дела с другими сотрудниками*. К третьей группе можно отнести реакции, показывающие параллельное общение, чреватое непониманием, конфликтами, соперничеством: *и друг, и враг. Верить не стоит;*

порой ссоры, которые быстро забываются; компаньон, богатый.

Понятие «сотрудник» респонденты связывают преимущественно с людьми не физического, а умственного труда. Об этом свидетельствуют реакции, содержащие восприятие внешнего вида, одежды сотрудника (*костюм, брюки*) и предметов, с которыми он работает (*бумага, компьютер*).

Наблюдаются синонимичные реакции: сотрудник — *то же, что и служащий*. Однако идея подчинения, хоть и присутствует, выражена менее резко, чем в отношении к подчиненному, рабочему или служащему: *в меру инициативный; молчаливый*. Тем не менее сотрудник *всегда все время куда-то опаздывает*, тогда как начальство задерживается.

Общим для должностей не единичных, а массовых, занимаемых людьми относительно равноправными в процессе труда, рассмотренных нами как сущности одной горизонтали, является следующее:

1) в реакциях всех респондентов так или иначе содержится идея подчинения; наиболее ярко она выражена по отношению к стимулу «подчиненный» (*бесправный; бессильный человек; зависимый человек; зависимый от начальника* и пр.), наименее резко — по отношению к стимулу «сотрудник»;

2) по отношению к людям, занимающим массовые должности, подчеркнута их обычность (*подчиненный — обычный; односторонний человек; простой; рабочий — простота в общении; простой; обычный; служащий — внешний вид простой; сотрудник — такой, как все люди*), более низкий уровень жизни (*подчиненный, рабочий — низкая зарплата*), отсутствие или сдерживание инициативности (*подчиненный — неинициативный; привык, что за него решают все другие, рабочий — за деньги делает работы; служащий — выполняющий свои обязанности; отсутствие эмоций; потакание своему руководителю; сотрудник — в меру инициативный*);

3) противопоставление массовых должностей должностям единичным, занимающим вершину вертикали.

Итак, анализируя особенности отражения должности в языковом сознании казахстанцев, мы отмечаем, что эти отношения могут выстраиваться по горизонтали (когда участники той или иной области профессиональной деятельности находятся в отношениях относительного равноправия) и по вертикали (когда есть вышестоящие и нижестоящие, а отношения выстраиваются на основе подчинения, подавления, приказа). Отношения по вертикали включают не только руководителей любого ранга (вершина вертикали), но и их подчиненных (нижняя часть вертикали). В свою очередь, горизонтальные отношения охватывают, главным образом, людей, занимающих массовые должности, однако и на вершине вертикали складываются собственные горизонтальные отношения.

Образ должности занимает немаловажное место в языковом сознании казахстан-

цев. Проявление координированности реакций, относящихся не только к противопоставленным по вертикали должностям, но и по отношению к должностям, соотносящимся друг с другом по горизонтали, очевидно, свидетельствует о том, что полученные нами реакции не являются случайными, а представляют собой устойчивые и закономерно воспроизводимые в сознании многих опрошенных образы должностей.

Литература:

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.

Алферова Ю.И. Профессионально маркированные компоненты языкового сознания, репрезентированные единицами родного и изучаемого языков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2005 // <http://www.psycholing.narod.ru>

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус.яз., 1989.

Ж.Б. Жалсанова

РОДИТЕЛИ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ И БУРЯТ

Национально-культурная специфика языкового сознания, образ мира, вербальные ассоциации, семья, родители

В статье представлены результаты ассоциативного эксперимента, проведенного со словами «отец» и «мать» в русской и бурятской среде. Исследование выявляет национально-культурную специфику образов сознания, связанных с представлениями о родителях, в сопоставительном аспекте.

Одним из важных направлений в психолингвистике является изучение национально-культурной специфики языкового сознания разных народов. Языковое сознание понимается как совокупность структур сознания, в формировании которых были использованы социальные знания, связанные с языковыми знаками, или как образы сознания, овнешняемые языковыми средствами, отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными

тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового сознания интегрируют в себе языковые знания, формируемые самим субъектом, преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств в предметной деятельности [Тарасов 2003: 9]. Образы сознания одной культуры анализируются в процессе сопоставления с образами другой культуры.

В данной статье мы рассматриваем образы родителей в языковом сознании представителей русской и бурятской культур. Институт семьи занимает важное место в нашем сознании, в общественной жизни.

Материалом исследования являются данные свободного ассоциативного эксперимента, который был проведен в 2 этапа со студентами вузов в сентябре — декабре 2006 г. в г. Улан-Удэ (Республика Бурятия). В эксперименте приняли участие 3 группы испытуемых (по 200 человек — 100 мужчин (м) и 100 женщин (ж):

1. представители бурятской культуры, для которых бурятский язык является родным, в эксперименте они обозначены как «буряты 1, б1»;

2. носители бурятской культуры, считающие русский язык своим родным языком и не владеющие бурятским языком — «буряты 2, б2»;

3. представители русской культуры — «русские, р».

Испытуемым был предъявлен список слов-стимулов, и было предложено зафиксировать на родном языке первую ассоциацию, пришедшую в голову. В результате мы получили ассоциативные поля, отражающие содержание образов родителей (матери и отца) в русской и бурятской культурах.

Для анализа экспериментальных данных мы используем семантический гештальт Ю.Н. Караулова. Семантический гештальт характеризует ассоциативное поле как единицу знаний о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности. Семантический гештальт складывается обычно из нескольких зон, которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (т.е. стимулу) [Караулов 2000: 194]. Он является новым типом ассоциативной структуры, позволяющим проводить межкультурные исследования, выделяя универсальную часть типа гештальта и его национально-культурную специфику [Горошко 2001: 230]. Ис-

пользуя методику семантического гештальта, мы выделяем семантические зоны в ассоциативных полях и предлагаем следующую классификацию:

1. **Персоналии** — слова-реакции, обозначающие персоналии, лица, ассоциируемые со словом стимулом;

2. **Предметы, реалии, животные** — слова-реакции, обозначающие предметы, реалии, животных, а также абстрактные понятия, ассоциируемые со словом стимулом;

3. **Внешние характеристики** — слова-реакции, обозначающие постоянные (интегральные) признаки, физиологические характеристики, физические данные, внешность.

4. **Оценочные характеристики** — слова-реакции, обозначающие черты характера, характеристики умственных способностей, оценочные характеристики (дифференциальные признаки), в рамках шкалы «хороший — плохой»;

5. **Эмоции, чувства, состояние** — слова-реакции, обозначающие эмоциональные состояния и чувства;

6. **Количество** — слова-реакции, обозначающие количество;

7. **Место** — слова-реакции, обозначающие местонахождение;

8. **Время** — слова-реакции, обозначающие время;

9. **Деятельность** — слова-реакции, обозначающие деятельность, процесс, действия, ассоциируемые со словом-стимулом;

10. **Отказ.**

Рассмотрим ассоциативное поле **МАТЬ / ЭХЭ¹** (см. рис. 1).

Семантическая зона «Персоналии»: буряты 1 м — 60 %, ж — 49 %; буряты 2 м — 36 %, ж — 36 %; русские м — 43 %, ж — 37 %. Для всех шести групп рядом с **матерью** находится *отец* — буряты 1 *эсэгэ (м17, ж14)*, *аба (м5, ж1)*, буряты 2 — *м14*,

¹ **Жирным шрифтом** выделено слово-стимул, *курсивом* — слова-реакции, в скобках — частотность реакций.

ж10, русские — м10, ж10; для бурят 2 и русских эта реакция самая частотная. Буряты 1 указывают синоним *эжы* (м31, ж24) 'мать' (самая частотная реакция), буряты 2 (м6, ж5) и русские (м9, ж3) — *мама*. Для всех шести групп **мать** — это *женщина* (б1 (м1, ж2), б2 (м2, ж6), р (м5, ж4)).

Для бурят 1 (м3, ж5) важен семейный статус **матери** — *хамган* 'жена, женщина', об этом также говорят женщины бурятки 2 (ж1) и русские (ж1). **Мать** — это

хун 'человек' (б1 (м1), *близкий человек* (б2 (м1, ж1), р (ж2), *родной человек* (б2 (м1), р (м1), *любимый человек* (б2 (м1) или *мачеха* (б2 (ж2), р (м2, ж1)).

Мать — это *родитель* (б2 (м1, ж1), *родительница* (р (ж1), у которой есть *дети* (б2 (м2, ж1), р (м4, ж1), *дитя* (б2 ж, р (1), *ребенок* (б2 (ж1), р (м2, ж3), *сын* (б1 ж, б2, р м) или *дочь* (б2 ж) (1). Если у нее много детей, то она — *мать-героиня* (б2м, р (1)).

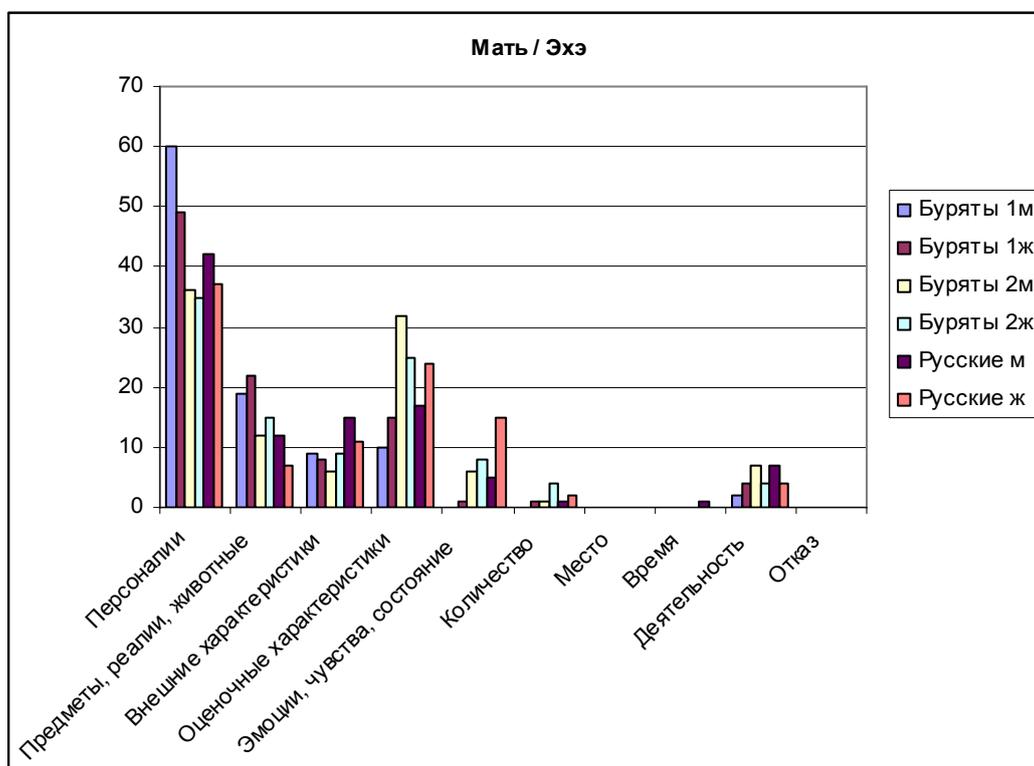

Рисунок 1. Ассоциативное поле МАТЬ / ЭХЭ.

Мать может быть *подругой* (б2 ж, р ж (2) и *другом* (б2 (ж1). Буряты 2 ж и русские м дали ассоциацию *теща* (1). Для русских **мать** выступает в лице *хозяйки* (м1, ж3).

Другие единичные реакции: для бурят 1 м **мать** находится в кругу родственников — *абгай* 'старшая сестра; жена старшего брата', *ахай* 'старший брат; деверь, (старший) брат мужа'. Буряты 1 ж говорят о **матери**, что она — *ажалшан* 'трудолюбивая, труженица' и *дууша* 'человек,

который любит петь'. Буряты 2 мужчины считают **мать** *советчицей*, женщины упоминают о писателе *Горьком* (роман «Мать»). Русские м дали реакции *Богоматерь, тетя*, женщины — *Тереза, воспитательница, свекровь*. Семантическая зона «Предметы и реалии»: буряты 1 м — 19 %, ж — 22 %; буряты 2 м — 12 %, ж — 14 %; русские м — 11 %, ж — 7 %. Во всех шести группах с образом **матери** связан образ *родины, Отчества* — в бурятском языке словосочетание *эхэ орон* (б1 (м15, ж7) оз-

начает *нютаг* (м3) 'родина'; б2 (2); р (м1, ж2). Буряты 2 (м3, ж2) и русские (м4, ж2), вспоминая о **матери**, говорят о *доме*, о *семье* (б2 (м1), р (м3)), *семействе* (р (м1)), о *домашнем уюте* (б2 (м1)).

Отличные реакции: буряты 1 ж упоминают *һун* 'молоко' (3), *газар* 'земля, мир', *һанаан* 'мысль, дума', *театр*, *зүүн* 'игла', *эдеэн* 'пища, еда, кушанье', *эльгэн* 'печень' (1). Буряты 2 м — *природа*, *гарант*, *детство*, *пища*, *повесть Горького* (1). Буряты 2 ж — *совет* (2), *все*, *весь мир*, *всему голова*, *жизнь*, *поддержка*, *ссоры*, *снег* (1). Русские м — *земля*, *опора*, *обед* (1); русские ж — *жизнь*, *защита*, **мать** — *сыра земля* (1).

Буряты 1 м дали ассоциацию *нохой* 'собака' (1), буряты 1 ж — *эмэ* 'самка' (3), *эрэ* 'самец' (2). В других группах ассоциации, связанные с животными, отсутствуют.

Семантическая зона «Внешние признаки»: буряты 1 м — 9 %, ж — 8 %; буряты 2 м — 6 %, ж — 9 %; русские м — 15 %, ж — 11 %. Все шесть групп испытуемых определяют принадлежность матери — *мини* / *моя* (б1 (м2, ж7), б2 (м1, ж3), р (м7, ж2)). Для бурят 2 (м5, ж5) и русских (м8, ж9) **мать** — *родная*. Буряты 1 м говорят о возрасте матери — *буурал* (2) 'седая', *наһатай* 'пожилая, в годах', *хүгшэн* 'старая, престарелая', *мүнхэ* 'вечная' (1) и о красоте — *һайхан* 'красивая', *гоё* 'нарядная; красивая' (1).

Семантическая зона «Оценочные характеристики»: буряты 1 м — 10 %, ж — 15 %; буряты 2 м — 32 %, ж — 25 %; русские м — 17 %, ж — 24 %. Во всех шести групп присутствует положительная оценка **матери** — *һайн* 'хорошая, добрая' (б1 (м4, ж1), *добрая* (б2 (м9, ж7), р (м4, ж5), *хорошая* (р (1)). Буряты 1 упоминают синонимы — *һайн сэдхэлтэй*, *һайн һанаатай* 'с хорошими намерениями' (м1), *һайн зантай* 'с хорошим характером, нравом', *сэбэр* 'хорошая' (ж1). Буряты 2 (м2, ж1) и русские (1) указывают на *доброту матери*.

Для бурят 2 самая частотная реакция — *любимая* (м6, ж8), *самая любимая* (ж1), русские — *любимая* (м3, ж5) и *любящая*

(ж1), буряты 1 — *дуратай* (2) 'любимая, любящая'. **Мать** — *идеал* (б2 (м1), р (ж1), *лучшая*, *самая лучшая*, *лучший человек* (б2 ж, р ж (1)), *святость* (б2 (м1), *святыня* (р (ж1), *святое* (б2 (м5), р (м2)), *самое родное* (б2), *дорогой*, *очень близкий человек* (р) (1).

Буряты 1 м дают следующую оценку — *баяртай* 'радостная', *энэрхы* 'сострадательная; великодушная' (1). Для бурят 1 ж **мать** — *хүндэтэй* 'уважаемая' (3), *нангин* 'священная', *жаргалтай* 'счастливая', *бэрхэ* 'опытная, умелая, искусная', *хэрэгтэй* 'нужная, необходимая', *зөөлэн* 'мягкая, нежная' (1). Ей присущи *буян* 'добродетель' и *ухаан* 'ум, разум' (1). Негативные реакции — *ууртай* 'злая, яростная', *хайратай* 'жалкая, бедная' (1).

Для бурят 2 **мать** олицетворяет *светлое* (ж1), *добро* (м1, ж2), *главное*, *ответственность* (м1). **Мать** — *ласковая* (ж1), но она может быть *непонимающей* (м1). Респонденты дали следующие эмоциональные оценки — *аллилуйя*, *супер*, *хорошо* (м1). Буряты 2 ж говорят о *трудолюбии матери*.

У русских ж **мать** ассоциируется с *мудростью*, она — *мудрая*, а также *отличная*, и представляет собой нечто *ценное* (1).

Семантическая зона «Эмоции, чувства, состояние»: буряты 1 ж — 1 %; буряты 2 м — 6 %, ж — 8 %; русские м — 5 %, ж — 15 %. Буряты 1 м не эмоциональны, буряты 2 и русские говорят о *любви* (б2 (м2, ж3), р (м2, ж11), *теплоте* (б2 (ж1), *тепле* (б2 (ж2), р (м1, ж2), *ласке* (б2 (м2), р (ж1), *нежности* (р (ж1), *счастье* (б2, р м (1), *радости* / *баяр* (б2 м, б1 ж (1).

Для всех респондентов **мать** — *единственная*, *одна* (семантическая зона «Количество») и *навсегда* (русские м) (семантическая зона «Время»).

Семантическая группа «Деятельность»: буряты 1 м — 2 %, ж — 4 %; буряты 2 м — 7 %, ж — 4 %; русские м — 7 %, ж — 4 %. Для бурят 2 (м6, ж2) и русских (3) основная деятельность **матери** — это *забота*, а также *стирка* (р (ж1) и *ожидание* (р (ж1)). **Мать** — это человек, который *любит* (б2 (м1) и которого *любят* (б2 (ж1), р (м2)). Буряты 2 ж говорят о том, что **мать** следу-

ет *хүндэлхэ* 'уважать, почитать' (2), она может *хайрлаха* 'жалеть', буряты 1 м дают реакцию, обозначающую движение — *эрэбэ* 'идет, возвращается' (1).

Как мы видим, самая большая семантическая зона — «Персоналии», рядом с **матерью** для всех респондентов находится **отец**, они составляют одно целое, семью. В бурятском языковом сознании важен семейный статус **матери**, она является *һамган* 'женой', а также находится в кругу родственников. Как в русском, так и в бурятском языковом сознании очень важна функция **матери**, как *родителя*, у которого

есть *дети*. Для всех респондентов с образом **матери** связан образ *родины*. Образ матери имеет положительную оценку, она — *хорошая, добрая*, в русском языковом сознании **мать** — *любимая*, а в бурятском языковом сознании она — *уважаемая*, так как это **женщина в возрасте, седая**. Буряты не эмоциональны, в отличие от бурят 2 и русских, которые в связи с **матерью** говорят о *любви*.

Рассмотрим ассоциативное поле **ОТЕЦ / ЭСЭГЭ** (см. рис. 2).

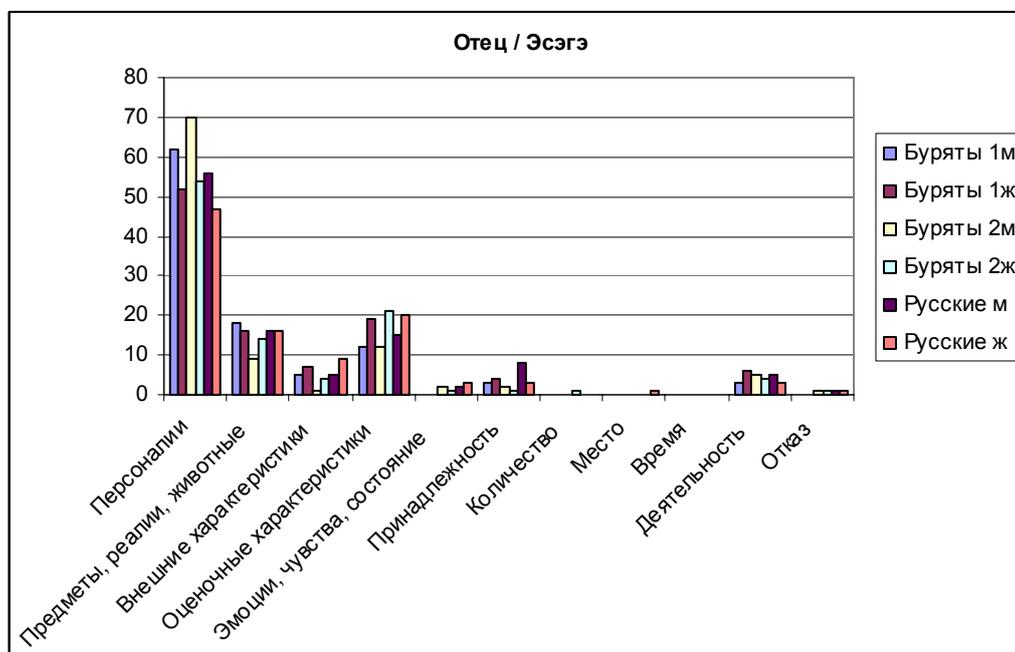

Рисунок 2. Ассоциативное поле **ОТЕЦ / ЭСЭГЭ**.

Семантическое поле «Персоналии»: буряты 1 м — 62 %, ж — 52 %, буряты 2 м — 70 %, ж — 54 %, русские м — 56 %, ж — 47 %. Все группы респондентов дают реакции синонимы — *аба* (б1 (м25, ж9), *баабай* (м3, ж11), *папа* (б1 (м2, ж1), б2 (м16, ж13), р (м3, ж9). Рядом с **отцом** находится **мать** / *эхэ, эжы*, у бурят 1 (ж14), бурят 2 (м22, ж13) и русских (м14, ж10) респондентов эта реакция самая частотная. **Отец** — это *эрэ хүн* (б1 (м6, ж3) / *мужчина* (б2 (ж8), р (м1, ж5), он является *главой* (б2 (м1, ж4), р (м5, ж7), *гэр бүлын толгой*

(б1 (м5) / *главой семьи* (б2 (4), р (3), *эзэн* (б1 (м2, ж1) / *хозяином* (б2 (м3, ж1), р (ж1). **Отец** — это *хүн* (б1 (1) / *человек* (б2, р (ж1), *өөрын хүн* 'свой человек' (б1 (ж1), *самый близкий человек* (р (м1). Для *хүбүүн* (б1 (м1) / *сына* (б2 (м9, ж2), р (м13, ж2) он является *наставником* (б2 (м3), р (м2), *учителем* (б2 (м1), р (м2) *детей* (р (м2), *ребенка* (р (ж1), что важно для респондентов мужского пола.

Для бурят 1 **эсэгэ** — это *ажалишан, хүдэлмэришэн* 'рабочий, работник' (1), *дархан* 'кузнец' (ж2), он находится в кругу

родственников — *абгай* 'старшая сестра; жена старшего брата' (2), *абга* 'брат отца, родной дядя (по линии отца)' (м4), *аха*, *ахай* 'старший брат' (1).

Для бурят 2 **отец** — это *мужик* (м2), *помощник*, *воспитатель*, *старец* (м1), *дед*, *дедушка* (ж1). У русских респондентов выявлены отличные реакции — *бог* (м2), *воин*, *родитель*, *плотник*, *священник*, *я* (м1).

Семантическая зона «Предметы, реалии, животные»: буряты 1 м — 18 %, ж — 16 %, буряты 2 м — 9 %, ж — 14 %, русские м — 16 %, ж — 16 %. Для всех групп респондентов **отец** связан с *семьей* (р (м7, ж1), *семейством* (б2 (м1) / *бүлэ* (м8), *гэр бүлэ* (ж3) и *домом* / *гэр* (1). Для бурят 2 и русских **отец** — это *опора*, *защита* (2), *поддержка*, *пример*, иногда *ремень* (1).

Для бурят 1 **отец** ассоциируется с *орон* 'отечеством; родиной' (м10, ж8), *тэнгэри* 'небом', *һанаан* 'мыслью', *нэрэ* 'именем', *бууза* 'бузой' (большие пельмени, сваренные на пару) (ж1). Буряты 2 мужчины дали следующие реакции *голова*, *обед*, *ссора* (1), для женщин **отец** — это *все*, *власть* (2), *ориентир в жизни*, *веселье*, *машина*, *юрта*, *тапочки* (1). У русских респондентов с **отцом** ассоциируются *порядок* (м1), *совет* (ж2), *стена*, *автомат*, *газета*, *гитара*, *глаза*, *совесть* (ж1).

Семантическая зона «Внешние характеристики»: буряты 1 м — 5 %, ж — 7 %, буряты 2 м — 1 %, ж — 4 %, русские м — 5 %, ж — 9 %. Буряты 1 дают следующий портрет **отца** — *һайхан* 'красивый', *үндэр* 'высокий', *хүгшэн* 'старый', *малаан* 'лысый, плешивый' (1). Для бурят 2 (ж3) и русских (м1, жб) респондентов **отец** — *родной*. Для всех групп респондентов **отец** — *мини* (м3, ж4) / *мой* (б2 (1), р (м4, ж1).

Семантическая зона «Оценочные характеристики»: буряты 1 м — 12 %, ж — 19 %, буряты 2 м — 12 %, ж — 21 %, русские м — 15 %, ж — 20 %. Для всех испытуемых **отец** — *һайн* (б1 (ж5) / *хороший* (б2 (м1, ж2), р (ж2), *добрый* (б2 (ж3), р (м2, ж3). Ему свойственна *мудрость* (б2 (ж1),

р (м2, ж1) — *сэсэн* (б1 (ж2) / *мудрый* (р (ж1), *ухаатай* (б1 (ж4) / *умный* (б2 (м1), р (ж1). **Отец** может быть *строгим* (б2 (м1, ж3), р (м4, ж1), даже *злым* (б2 (ж1), р (м1) / *ууртай* (б1 (2). Для респондентов **отец** олицетворяет *силу* (б2 (2) — *хүсэтэй* (б1 (ж1) / *сильный* (р (2); он — *нечто святое* (б2 (м1) — *свято* (б2 (м1), *святой* (р (1), *сэнтэй* 'ценный, дорогой' (б1 (ж1). Русские и буряты 2 выделяют следующие черты — *ответственность* (м2), *заботливость* (1).

Отличные реакции: для бурят 1 *эсэгэ* — *хүндэтэй* 'уважаемый' (м7), *арюун* 'чистоплотный, опрятный' (м1), *найдамтай* 'надежный', *томоотой* 'рассудительный, степенный, серьезный', *шадамар* 'ловкий' (ж1). Для женщин бурят 2 **отец** — *любимый* (3), *любящий*, *справедливый*, может быть *упрямым*, они говорят об *уверенности* и *серьезности* (1). Для русских респондентов **отец** — *молодец* (м1), *важно*, *главный*, *лучший*, *самый лучший*, *порядочный* (ж1).

Буряты 2 и русские говорят об *уважении* (2) к **отцу**, а также упомянуты *ненависть*, *страх*, *гордость*, *счастье* (1) (семантическая зона «Эмоции, чувства, состояние»). Для бурят 2 ж **отец** — *единственный* (1) (семантическая зона «Количество»), для русских ж он находится в *командировке* (1) (семантическая зона «Место»).

Семантическая зона «Деятельность»: буряты 1 м — 3 %, ж — 6 %, буряты 2 м — 5 %, ж — 4 %, русские м — 5 %, ж — 3 %. Для бурят 2 и русских в обязанности **отца** входят *воспитание* (б2 (м3), р (м2, ж1), *забота* (б2 (ж2), р (1), *помощь* (б2 (м1), *работа* (б2, р (ж1). **Отец** может *пить*, *ругаться* (р (ж1) / *хараана* (б1 (м1), *любить* (б2 (ж1). Бурятам 1 *эсэгэ* *һанагдаха* 'приходит на ум, вспоминает' (ж1), он — *бии* 'ест, имеется', *үбдэнэ* 'болеет', *униана* 'читает' (ж1), *ерэбэ* 'приезжает', *эдеэлнэ* 'кушает' (м1). В его обязанности входит *ороноо хамгаалха* 'защищать родину' (ж1).

Как мы видим, самая большая семантическая зона — «Персоналии». **Отец** — это

эрэ хүн / *мужчина*, он является *главой*, гэр бүлүн толгой / *главой семьи*, эзэн / *хозяином*. Рядом с **отцом** находится *мать* / эхэ, эжы, он связан с *семьей* и *домом*. Для бурят 2 и русских **отец** — это *опора, защита*, в бурятском языковом сознании **отец** ассоциируется с *орон* ‘отечеством; родиной’. Образ **отца** в языковом сознании русских и бурят положительный — *хайн* / *хороший, добрый, хүндэтэй* ‘уважаемый’. Он олицетворяет *силу*, ему присущи *мудрость* и *ответственность*. В обязанности **отца** входят *работа, воспитание, забота, ороноо хамгаалха* ‘защищать родину’.

Образы родителей в языковом сознании русских и бурят имеют общие черты, что вполне объяснимо. Языковое сознание бурят 2 имеет больше сходств с языковым сознанием русских, это связано с родным языком (русским) данной группы респондентов. Семья — это важный социальный институт, и родители играют большую роль в жизни каждого человека. Это мы видим из ассоциаций испытуемых, рядом с матерью находится отец, они составляют одно целое, семью, воспитывают детей. Мать — это самое дорогое, родной, близкий человек. С образом матери связан образ родины. Отец — это мужчина, он является главой семьи, хозяином.

Но все же образы родителей в русской и бурятской культурах имеют этнические особенности. В бурятском языковом сознании важен семейный статус матери, она является *хамган* ‘женой’, а также находится в кругу родственников. В русском языковом сознании мать — любимая, а в бурятском языковом сознании она — уважаемая. Для бурят 2 и русских отец — это опора, защита, в бурятском языковом сознании отец ассоциируется с *орон* ‘отечеством; родиной’.

Полученные данные являются важными для анализа особенностей языкового сознания представителей разных народов, могут быть использованы в дальнейших кросс-культурных исследованиях.

Литература:

Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков; М., 2001.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 191-206.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: ИЯ РАН, 2003. С. 7-22.

В.И. Жельвис

ПИСЬМЕННОЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ КАК НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Мировосприятие, культура, эпистолярный жанр

Анализируя особенности составления писем соболезнования на русском, английском, немецком и французском языках, в частности способы эвфемизации обозначений смерти, автор характеризует отношение к самому феномену, объясняемое рядом культурных, исторических и религиозных факторов.

Нет необходимости подробно говорить о том значении, которое придается смерти в любом человеческом сообществе, в любой культуре. Собственно смерти посвящено огромное количество произведений, фольклорных, художественных, научных. Представляется, однако, что еще недостаточно

внимания обращается на национально-специфическую составляющую общего отношения к смерти, равно как и на динамику этого отношения.

В этой связи целесообразно обратиться к малоизученному литературному жанру — письменному выражению соболезнования

родным и близким людям в связи со смертью их родственника или друга. Есть основания считать, что сам характер и форма выражения такого соболезнования позволяет увидеть серьезные различия в отношении к смерти у разных этносов и культур.

Материалом для подобного исследования могут, в частности, служить письмовники, то есть литература, чрезвычайно популярная на протяжении нескольких последних веков, во всяком случае, в Европе. Как известно, в письмовниках их авторы предлагают образцы писем на все случаи жизни, в том числе и по интересующему нас предмету. Немало подобного рода советов можно обнаружить в Интернете.

Весьма существенно, что образцы предлагаемых писем рассчитаны прежде всего на обывателя, то есть человека, как правило, не обремененного высокой образованностью и не часто прибегающего к эпистолярному общению. Для целей настоящего исследования это — положительное обстоятельство, так как в подобных текстах расчет делается прежде всего на носителя данной национальной культуры, со свойствами только ему традициями, эмоциями и ритуалами. Учет того, как этот вопрос рассматривается в иных культурах, письмовниками во внимание не принимается.

В данной статье рассмотрены образцы писем соболезнования на английском, немецком, французском и русском языках. В меньшей степени привлекается и родственный материал — надгробные надписи, некрологи и проч. Русский материал стоит здесь особняком, так как с установлением советской власти и тотальной цензуры в России жанр письмовника перестал существовать. Не стоит сбрасывать со счетов и особенность русского национального характера, в соответствии с которой, по крайней мере, до последнего времени, интимные эмоции не принято демонстрировать, а письменно их выражать нужно не по шаблону. Правда, до начала XX века это не мешало широкому распространению в

России письмовников, прежде всего в малограмотной мещанской и рабочей среде.

В последние годы письмовники в России стали появляться снова, но исключительно как образцы деловых писем.

Так или иначе, но выводы об отношении к письменному выражению соболезнования в России, в отличие от прочих проанализированных культур, приходится делать на основании материала прошлых веков и собственных наблюдений автора.

В начале — несколько слов о восприятии феномена смерти вообще. Ясно, что это восприятие на протяжении веков не могло не меняться. Так, в Средние века смерть в Европе называлась именно смертью, эвфемизмы были мало популярны. Бесконечные войны и эпидемии приводили к тому, что смерть, в том числе ранняя и насильственная, при всей своей ужасности, стала восприниматься как едва ли не ежедневное рутинное событие. Принимать ее как устрашающую ежедневность помогало в то время и отсутствие среднего класса, значительно отошедшего от реалий существования среди природного цикла. Для людей, тесно связанных с природой вообще и с сельским хозяйством в частности (или недалеко от природы ушедших, например, ремесленников), смерть оставалась частью повседневной жизни. Большие семьи, где было много престарелых, заботы скота и т.п. также не давали повода относиться к уходу из этого мира как к чему-то из ряда вон выходящему.

Разумеется, свое слово сказала и христианская церковь, учащая, что настоящая жизнь начинается только за гробом и нет смысла слишком скорбеть об этой, скоротечной и такой нелегкой жизни.

Но, с другой стороны, никакие коллизии не позволяли отвлечься от осознания бренности, смертности всего земного, необходимости готовиться к ней и о ней размышлять. Отсюда и многочисленные средневековые литературные, живописные и скульптурные произведения на соответствующую тему.

В наши дни отношение к смерти сильно изменилось — по крайней мере, в благополучных странах Западной Европы. Прежде всего, уменьшилось количество смертей. Увеличилась продолжительность жизни, сократилась детская смертность, и главное — повысился уровень благосостояния рядового европейца. В философии западноевропейского обывателя восторжествовал гедонизм. В результате смерть стала восприниматься как явление если не вовсе противоестественное, то, во всяком случае, как нечто досадно противоречащее естественному ходу вещей.

Сказанное выше подтверждается филологами, изучающими историю эвфемизации обозначений смерти. Соответствующие эвфемизмы существовали с начала времен, но в древности их было много меньше, и многие из них представляли собой героизацию доблестной смерти какого-нибудь викинга в яростном бою.

Эта ситуация в Западной Европе решительно меняется приблизительно с XVII века. Вот мнение **англоязычного** исследователя Вернона Ноубла:

«Создается впечатление, что более тонченное восприятие жизни потребовало и более добродушного и смягченного отношения к этой завершающей реальности. Если ее нельзя проигнорировать, ее следует умалить до удобной пропорции и сделать приемлемой, а основной смысл смягчить. Совершенно случайно набор слов, обозначающих тяжелую утрату, увеличился прямо пропорционально росту городского населения, которое все более ценит материальные блага — обстоятельство, которому смерть ни в коем случае не должна мешать» [Noble, 1982: 12].

Далее Ноубл упоминает изданный в середине Викторианского периода письмовник. В разделе этого письмовника, посвященном выражению соболезнования по поводу смерти родных или близких людей, слово «смерть» (death) не упоминается ни разу (!). Вместо него рекомендуются разнообразные эвфемизмы вроде «большая

беда» (great affliction), «фатальное окончание болезни» (fatal termination of illness), «тяжелая утрата» (heavy bereavement), «утрата такого любящего родителя» (loss of so affectionate a parent), «невосполнимая утрата» (irreparable loss), «ваша огромная беда» (your great sorrow) (Ibid, 12).

Приблизительно та же картина — в текстах надгробных надписей. В специальном разделе, посвященном англоязычным эпитафиям, К. Алан и К. Барридж приводят свою классификацию эвфемизмов на надгробных памятниках:

1. Смерть как потеря («Вчера мы потеряли м-ра Бентли»);

2. Смерть как путешествие («Кей Ривз внезапно оставила нас»)

3. Смерть как начало новой жизни («Норман Келлер: рожден для жизни вечной 10 марта 1989 г.»).

Кроме того, в эпитафиях могут упоминаться род занятий умершего, его хобби и т.п. [Alan, Burridge, 1991: 161-164].

Особенно изысканный пример — запись о смерти больного на больничной койке: The patient failed to fulfill his wellness potential — «Больному не удалось осуществить свои потенциальные возможности к выздоровлению» ((Ibid: 167).

В современном англоязычном словаре эвфемизмов названо около 400 эвфемистических обозначений смерти, и это не считая названий для похорон, убийств и самоубийств (Holder, 1996:431-433).

Смерть стала восприниматься как «непорядок», как нарушение приличий. Умирать — некрасиво. Если угодно, умереть — значит обнаружить дурной вкус. Поэтому даже простого упоминания смерти «в приличном обществе» следует избегать подобно тому, как избегается, допустим, упоминание о нижнем белье, особенно женском, и, если уж на то пошло — о любых моментах интимной жизни.

В этом отношении большой интерес представляет отрывок из книг А. Милна о Винни-Пухе, где Кристофер Робин пытается заговорить о смерти со своим игрушеч-

ным другом Винни: говорящий не может заставить себя произнести слова «смерть» и «умирать», обрекая себя на подлинные «муки слова». А. Милн точно отразил здесь современное отношение англичан к теме смерти:

— Пух!

— Да? — сказал Пух.

— Когда я... когда... Пух!

— Да, Кристофер Робин?

— ...Когда я уже не буду Никогда Ничего

Делать...

— Никогда-никогда?

— Ну, никогда столько, сколько сейчас. Мне будет нельзя. — Пух ожидал, что Кристофер Робин будет продолжать, но тот опять замолчал.

— Да, Кристофер Робин? — сказал Пух ободряюще.

— Пух, когда я... ну, понимаешь, когда я не буду Никогда Ничего Делать — ты будешь иногда сюда приходить?

Все еще глядя куда-то вдаль, Кристофер Робин протянул руку, ища лапу Пуха.

— Пух, — сказал Кристофер Робин самым искренним тоном, — если я... если я не совсем... — Тут он остановился и попытался начать снова. — Пух, что бы ни случилось, ты ведь поймешь, правда?

— Пойму что?

— Ах, да ничего. — Он рассмеялся и вскочил на ноги.

— Пошли!

— Куда пошли? — спросил Пух.

— Все равно куда! — ответил Кристофер Робин.

В принципе подобная ситуация сохраняется на Западе и сегодня. Вот несколько надписей на могильных памятниках **во Франции** (записаны К.В. Балеевских в 2005 г.): «Два ангела, унесенные на небо», «Здесь покоится, ожидая счастливого воскрешения...», «Пусть твой покой будет таким же тихим, как твое сердце было добрым», «С тех пор, как твои глаза закрылись, наши не перестают плакать», «Одного существа нам не хватает, и все становится безлюдным», «Всегда будет кого-то не хватать, чтобы заставить улыбнуться мою жизнь... Тебя», «Солнце светило, сады

цвели, птицы пели. И вдруг наступила тишина».

Автор исследований текстов некрологов Г. Ринглет (Gabriel Ringlet) предлагает обширную классификацию обозначений смерти во франкоязычных культурах. В ней пять групп:

Смерть как трансцендентальный отдых: «сон», «отдых», «отпуск», «каникулы», «вечный досуг»;

Смерть как сентиментальный эмоциональный концепт: «призыв», «приглашение», «искушение», «овладение», «уход»;

Смерть как путешествие в иной мир: «переезд», «переход», «переправа», «дорога», «ходьба»;

Смерть как исчезновение из этого мира: «похищение», «исчезновение», «освобождение», «выдерживание»;

Смерть как деятельность, труд: «ожидание», «прием», «труд», «встреча» [Ringlet 1992: 51].

Исключительный интерес представляет собой анализ раздела соболезнований в современных французских письмовниках. Зловещее слово *mort* («смерть») полностью изгнано из текста соответствующих писем, телеграмм, надписей на визитных карточках и газетных извещений. В исследованных материалах удалось найти только три случая употребления *mort*, из них лишь в одном дело идет о смерти ребенка, причем употреблено это слово в кратком официальном уведомлении: *Pierre a été victime de la mort subite...* («Пьер стал жертвой внезапной смерти»). Во втором случае оно не относится к непосредственно умершему человеку и звучит в составе сентенции: *La mort n'est pas une absence, seulement une différence de presence* («Смерть — это не отсутствие, а всего лишь присутствие в ином виде»). Наконец, в третьем случае речь идет о смерти собаки. Причем слово *mort* фигурирует только в заголовке раздела *Termoignage de sympathie pour la mort d'un animal* («Проявление симпатии по поводу смерти животного»), о самом же животном в рекомендуемом тексте говорится

Rastigniac avait eu un accident («С Растиньяком произошел несчастный случай»).

Повсеместный эвфемизм, касающийся смерти людей, здесь *décès* — «кончина». Наиболее типичный пример: *Acceptez mes condoléances attristées pour le décès de votre...* (букв. «Примите мои скорбные соболезнования по поводу кончины вашего (вашей)...»). Из других возможностей предлагается *deuil, perdre* («потеря»), *perte* («потеря»), *chagrin* («беда», «огорчение»), *grande peine* («огромная боль»), *disparition* («уход»), *Pierre a été rappelé à Dieu* («Пьера призвал Господь») и мн.др.

Вот типичные способы выражения соболезнования из различных французских писемников:

Надпись на визитной карточке:

M. et Mme Guy A... prient Monsieur et Madame P... de réserver leur bien sincères condoléances et l'expression de leur douloureuse sympathie.

Г-н и г-жа Ги А... просят господина и госпожу П. принять выражение их глубокого соболезнования и выражают им свои печаль и сочувствие.

Текст почтовой открытки:

Cher...

Nous avons été bouleversés d'apprendre le deuil qui vous frappe. Si nous pouvons vous aider en quoi que ce soit, n'hésitez pas à faire appel à nous. Plus que jamais, soyez assuré de notre sincère amitié.

Дорогой...

Мы потрясены известием о скорбном событии, которое вас постигло. Если мы в состоянии чем-то вам помочь, не колеблясь обратитесь к нам. Более, чем когда-либо, уверяем вас в своей симпатии.

Текст телеграммы:

Mère décédée. Lundi 10 heures.

Мама скончалась. Понедельник 10 час.

Разумеется, подобное отношение характерно едва ли не для всего западного общества. В Новом свете возникает культ молодости и красоты. Если в японской культуре издавна существовал культ старости, старое искривленное дерево или сгорбленная морщинистая старуха были предметами любования художника, в США физическое

здоровье и молодое тело — эталон красоты, восхищения и поклонения. Все наиболее знаменитые актрисы Голливуда — молодые красавицы, исключения редки и осознаются публикой именно как исключения.

При всем еще сохраняющемся уважении к церкви и христианству влияние христианских догм резко падает. «Британская энциклопедия (2000) свидетельствует:

«Упадок церкви особенно очевиден в том, что, в то время, как она продолжает говорить о символическом значении смерти Иисуса Христа (и о смертности человека вообще), она перестала подчеркивать многие первоначальные аспекты эсхатологии и сосредотачивается теперь, как и в прошлом, на различных деталях индивидуальной смерти. В век Хиросимы и Нагасаки тщательные описания Неба, чистилища и ада в «Божественной комедии» Данте, продолжая оставаться прекрасной литературой, в лучшем случае вызывают улыбку, когда их предлагают в качестве будущего для всего человечества».

К. Алан и К. Барридж отмечают парадоксальное явление: пусть на новом витке спирали, но современное западноевропейское общество порой стало снова воспринимать смерть, как это делала средневековая толпа, собравшаяся на площади для лицезрения публичной казни, то есть как развлечение. Отсюда обилие сцен насилия и смерти на кино- и телеэкранах. В то же самое время реальная, «естественная» смерть объявляется как бы несуществующей, чему имеется множество доказательств. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить не только о табу на упоминание смерти в «приличном обществе», но и о растущей тенденции приукрашивать тела умерших, чтобы они выглядели в гробу «как живые», кремировать покойников и развеивать их прах, что исключает необходимость посещать их могилы; похоронные ритуалы повсеместно сокращаются, ушли или уходят ритуалы оплакивания и всеобщего бдения; можно прожить жизнь и

ни разу не увидеть покойника, кроме как на экране; родители предпочитают, чтобы маленькие дети не видели тела умерших родственников и даже не сообщают им правду о причине их внезапного исчезновения. Исключение — траур по выдающимся личностям, президентам, королям, папам и т.п., но в данном случае это скорее скорбь об ушедшей героической личности, а не мысль о явившейся смерти [Allan, Burrige 1991: 154-160].

Разумеется, сказанное выше не следует понимать как единственно возможное отношение к смерти и упоминание о ней. Однако говорить о такой тенденции есть все основания. В этом смысле показательно, что в англоязычных странах издается огромное количество книг, а в Интернете — такое же обилие советов о том, как следует выражать свое сочувствие людям, потерявшим своих близких. Например, неоднократно специально подчеркивается, что слово *death* (смерть) в письмах соболезнования употреблять можно. Само такое замечание уже говорит о возможных сомнениях на этот счет. И при всем при этом в приводимых образцах соответствующих писем слово *death* не употребляется ни разу. Вот примеры, взятые из Интернета:

Dear Mr. Summers,

I would like to extend the deep sympathy of all of us at Jason Associates. We had the privilege of knowing and working with Edith for many years, and her friendly presence will be sadly missed. Please consider us your friends and telephone us if we can be of any help.

Sincerely, ...

(Уважаемый г. Саммерс,

От моего собственного имени и от имени Jason Associates разрешите мне выразить Вам наше искреннее сочувствие. Мы имели честь знать Эдит и сотрудничать с ней на протяжении долгих лет, и теперь нам будет очень не хватать ее дружеского присутствия. Прошу Вас считать нас Вашими друзьями и звонить нам, если мы можем быть Вам чем-либо полезными. Искренне Ваши.....).

Dear Hal,

Roseann and I were deeply saddened to learn of your great loss. We hope the love you and Edith shared will help comfort you in the days ahead. If there is anything we can do for you, now or in the future, please let us know.

With much sympathy, ...

(Дорогой Хал,

Весть о твоей огромной потере глубоко опечалила нас с Розанной. Мы надеемся, что мысль о любви, которую вы с Эдит питали друг к другу, поможет тебе в дальнейшей жизни. Если мы можем чем-нибудь оказать тебе полезными — сейчас или в будущем — пожалуйста, дай нам знать. Искренне твои.....).

В сравнительно недавно изданном англоязычном пособии по письмоведению слово *death*, так сказать, получает право гражданства, но в предисловии к разделу о выражении соболезнования отмечается: «более всего на свете мы боимся самого упоминания о смерти». Тем не менее, как можно заключить из трех приведенных образцов, если речь идет о пожилом человеке, сакраментальное слово допустимо: *I was sorry to hear of G_____’s death; I was shocked to hear of your mother’s death* (Меня опечалило известие о смерти Г; Я был поражен, узнав о смерти вашей матери). Если же речь идет о смерти преждевременной — прежде всего о ребенке, то предпочтительно иносказание типа *It must be devastating to lose a child after such a struggle* (Должно быть, мучительно трудно утратить ребенка после таких усилий по его спасению). В комментариях к этому образцу его авторы отмечают:

«Если смерть как таковая остается в нашем обществе табу (sic! В.Ж.), в еще большей степени это относится к смерти ребенка».

Парадоксальным образом в Германии дела обстоят несколько иным образом. Материалы, почерпнутые в Интернете, поражают, прежде всего, обстоятельностью и подробностью предлагаемых советов. Особый список составляют первые и особый — последние, заключительные строки письма. Есть советы отдельно в мирском стиле и отдельно для верующих, есть

большая подборка подходящих стихов и цитат из произведений великих людей. Обстоятельно обсуждается проблема выражать сочувствие устно или письменно, а если письменно, то писать от руки или все же можно прибегнуть к компьютеру: близким друзьям рекомендуется письмо от руки; правда, особо отмечено, что почерк при этом должен быть разборчивым. Указано, каким родственникам или коллегам надо выражать сочувствие в первую очередь, а каким — во вторую.

Но особенно обращает на себя внимание свободное употребление, наряду с многочисленными эвфемизмами, слова *Tod* («смерть»). Вот предлагаемый образец письма соболезнования.

Liebe Monika,

Die Nachricht vom Tod Deiner lieben Schwester hat mich sehr getroffen doch Trauer und Schmerz kann ich Dir niemand abnehmen. Dennoch möchte ich sagen, wie tief mich das Ableben Deiner Schwester erschüttert hat. Als Deine Freundin macht mich dieser Verlust zutiefst betroffen.

Ich möchte Dir hiermit mein tiefstes Mitgefühl und meine Trauer aussprechen, wünsche Dir viel Kraft um diese schwere Zeit zu überstehen. Ich werde Deine Schwester stets in ehrenvollen Andenken behalten.

*In tief empfundener Anteilnahme
Christine.*

(www.Mobile-buero-dienstleistungen.de)

(Дорогая Моника,

Известие о смерти твоей любимой сестры глубоко меня потрясло. Невозможно выразить мою печаль и боль. Но все же, я хочу сказать, что кончина твоей сестры стала для меня большим горем. Будучи твоей подругой, я очень переживаю эту потерю.

Я хотела бы выразить тебе мое глубочайшее сочувствие и сказать тебе, что я крайне опечалена. Я желаю тебе больше сил пережить это тяжелое время. Я навсегда сохраню светлую память о твоей сестре в моем сердце.

*С глубоким сочувствием,
Кристина)*

Из текста письма следует, что автор наряду со словом *Tod* употребляет и эвфе-

мизмы *Ableben* («кончина») и *Verlust* («потеря»). В огромном списке рекомендуемых выражений — приблизительно та же стратегия. Несколько примеров:

Der Tod deiner Mutter ist nicht nur für eure Familie, auch für die gesamte (Firmenbranche) ein sehr grosser Verlust.

(Смерть твоей матери это огромная потеря не только для вашей семьи, но и для всего филиала нашей фирмы)

Dein Vater war ein einzigartiger Mensch, sein Tod ist auch für mich ein grosser Verlust.

(Твой отец был неповторимой личностью, его смерть является огромной потерей и для меня)

Wie keine andere war seine Mutter für dich da, ihr Tod macht unser Leben ärmer.

(Его мать значила очень много и для тебя, ее смерть обеднила нашу жизнь)

Der Tod ist wie eine Kerze, die erlischt, wenn der Tag anbricht.

(Смерть подобна свече, она угасает с наступлением дня)

Тем не менее, и в немецкой культуре предпочтение отдается эвфемизмам и иносказаниям:

Dieser Verlust reißt menschlich eine grosse Lücke in unsere Gemeinschaft.

(Эта потеря пробивает большую брешь в нашем обществе)

Aus eigener leidvoller Erfahrung weiss ich, wie es ist, den Vater zu verlieren.

(По собственному горькому опыту я знаю, каково это потерять отца)

Ich nehme in Trauer Abschied von deinem Vater.

(С печалью воспринимаю я кончину твоего отца)

Tief betroffen habe ich vom Heimgang deines Vaters gehört.

(Я был глубоко опечален вестью о кончине (досл. возвращении домой) твоего отца)

Leider ist es ein sehr trauriger Anlass, diese Zeilen zu schreiben.

(Увы, такое грустное дело писать эти строки)

In tiefer Trauer nehmen wir Anteil an Deinem Schmerz.

(С глубокой скорбью разделяем мы твою боль)

Das Vorhersehbare ist eintreten. Schwer ist die Stunde dennoch.

(То, что должно было произойти, произошло. Тем не менее, этот час перенести тяжело).

Современный **русский** эпистолярный опыт вполне может включить часть немецких оборотов; заимствовать их у англичан и особенно французов значительно сложнее. И все же русский текст принципиально не похож на любой из вышеописанных.

К худу или к добру, но Россия заметно отстала в области негативного или равнодушного отношения к религии. «Святой Русью» она явно быть перестала, однако прежние православные взгляды здесь еще не окончательно забыты. И сегодня отношение к смерти в православии резко отличается от того, какое установилось в западных культурах. Смерть для православного мировосприятия — это естественное событие, предшествующее жизни вечной, а не досадное препятствие для счастливой и благополучной жизни в этом мире. Вот как говорится о смерти в «Православном словаре» Н.В. Будур (2003):

«Смерть — отделение души от тела. Как пишет митрополит Антоний Блюм: «В мире, который грех человеческий сделал чудовищным, смерть является единственным выходом. Если бы наш мир греха был зафиксирован как неизменный и вечный, это был бы ад. Смерть — единственно, что позволяет земле вместе со страданием вырваться из этого ада». Епископ Аркадий Лубянский говорит: «Смерть для многих есть средство спасения от духовной гибели. Так, например, дети, умирающие в раннем возрасте, не знают греха. Смерть сокращает сумму общего зла на земле. Что представляла бы из себя жизнь, если бы вечно существовали убийцы — Каины, Иуды — предающие Господа, Нероны — люди-звери и другие?» Поэтому смерть тела не «нелепа», как про нее говорят люди мира, а необходима и целесообразна» (стр.271).

Здесь не место спорить с уважаемым епископом и отмечать тот очевидный факт, что смерть постигает не только каинов, иуд и неронов, но и величайших святых, так что она сокращает не только «сумму обще-

го зла на земле». Важно, что отношение к смерти в православии — это решительно не отношение к ней в мире протестантизма.

Вышени предступомянутый знаменитый российский церковный деятель и гуманист митрополит Сурожский Антоний Блюм рассказывает в своей известной книге «Школа молитвы», что когда он узнал, что его знакомые не разрешали детям увидеть тело скончавшейся любимой бабушки, чтобы не травмировать детские души, он посоветовал им обязательно дать им возможность бабушку увидеть. И когда их ввели в комнату, где лежала покойница, рассказывает автор книги, дети долго смотрели на тело и потом сказали: «Как красива бабушка!»

Обратимся теперь в этой связи к русским письмовникам XIX века, данные которых тоже рисуют картину, сильно отличную от английских и французских изданий подобного рода, цитированных выше.

В некоторых русских письмовниках отмечается, что оавляют собой перевод с французского, но это не должно смущать, так как, во-первых, очевидно, что при переводе текстов писем, предназначенных для русского читателя, отбор делался с учетом вкусов именно русского, а не иностранного общества; во-вторых, не стоит забывать, что в XVIII-XIX веках слова «перевод с французского» могли служить необходимым прикрытием, средством повысить авторитет издания (вспомним, как многие сакральные тексты в России приписывались Иоанну Богослову, хотя безусловно не могли иметь к нему ни малейшего отношения).

В проанализированных русских письмовниках 1801, 1812 и 1829 гг. слово «смерть» употребляется постоянно, само понятие смерти в соболезнующих письмах воспринимается как естественное и неизбежное, хоть и печальное. В предисловии к Письмовнику 1829 г. в разделе «Письма утешительные» говорится:

«Всякое приветствие здесь будет не у места. Мы подвергаемся несчастьям так часто,

что бесчеловечно бы поступили, если бы не подавали взаимно один другому таковых облегчений. (...) Поговоря о достоинстве скончавшегося друга или сродника, можно представить, что в его смерти нет ничего чрезвычайного, привести важнейшие примеры, о которых огорченный уже слышал, а особливо представить оставшихся других знаменитых его сродников, дабы тем удовлетворить его честолюбию (стр. XXIV-XXV).

В образцовом письме же из этого раздела отмечается:

Ничто лучше не может научить нас умереть спокойно, как всегдашние горести нашей жизни (стр. 12).

Само слово «смерть» в русских Письмовниках употребляется весьма охотно, лишь изредка чередуясь с «кончина» или «утрата». В Письмовнике 1829 г.:

Я видела десять дней тому назад смерть любезного моего дяди (стр. 441).

Я столько прискорбел, сколько не должно мне быть таковым о смерти моего отца (стр. 444).

С великим сокрушением услышал я о смерти вашей дочери (стр. 445).

Русские образцовые письма настойчиво подчеркивают неуместность слишком большого сокрушения по поводу смерти близких людей. В Письмовнике 1812 г. по поводу смерти супруга рекомендуются следующие выражения:

Но вы согласитесь, что чрезмерность не может быть приятна Богу. Предаваться умеренной горести значит обвинить Его дело, противиться воле Его и не полагаться на Его провидение. Неутешное сетование есть уже возмущение против Неба, а Христианство велит покоряться Его правлению. Он везде видит нашу пользу, во всем старается сыскать нам выгоду, хотя мы часто или почти никогда, не видим избираемых Им способов (стр. 164).

В другом письме из того же Письмовника даются некоторые объяснения Божьего соизволения. Молодую вдову, потерявшую единственного ребенка, советуется утешать следующим образом:

Он не узнает развратов мира, и добрые склонности, с коими он родился, никакому не будут подвержены искушению, заразившись им. (...) Пожертвуйте им великодушно Господу. Примите сие несчастье за благодать и за случай, предоставляемый вам для засвидетельствования вашей покорности. Ваше пожертвование тем более будет ему приятно, чем любезнее ваша жертва (стр. 169).

Примерно о том же говорят и русские пословицы:

«Сегодня жив, а завтра — жил»; «От смерти не посторонись»; «Не на живот рождаемся, а на смерть»; «Кабы люди не мерли, земле бы не сносить»; Два раза молоду не быть, а смерти не отбыть»; «Невинная душа не пристрашна к смерти»; «Без поры душа не выйдет. Кто вложил душу, тот и вынет»; «Смерти бояться — на свете не жить»; «Бойся жить, а умирать не бойся!; «Бойся Бога: смерть у порога» и т.п. (Цит. по: Хроника... 1993: 314-315).

В поразительном контрасте с вышесказанным находится отношение к смерти в русском дворянском обществе, во всяком случае, насколько об этом можно судить по некоторым образцам мемуарной литературы. В этой связи стоит упомянуть о записках представительницы среднего дворянского сословия конца XVIII — начала XIX веков А.Е. Лабзиной. Как отмечает А.А. Улюра (2004), тема смерти в ее записках крайне редко звучит как «смерть похитила сего благодетельного отца». В абсолютном большинстве случаев автор прибегает к эвфемизации: «я осталась без отца», «я близок к концу», «надо подготовиться в путь», «приближалась к гробу», «отнял Господь ее», «приближаюсь к вечности», «кончила жизнь», «я так скоро ее потеряла», «она нас оставила», «оставила сей свет» и т.д.

Другими словами, стиль Лабзиной обнаруживает ее явное несогласие с рекомендациями современных ей письмовников. Скорее всего, дело тут в огромном влиянии на русских дворян (вероятно, в еще большей степени на дворянок) французской литературы и соответствующих французских этических рекомендаций.

К сожалению, как уже отмечалось выше, мода на составление письмовников в России исчезла уже к середине XIX века, поэтому говорить о соответствующих современных образцах трудно, ибо особенности стиля того или иного автора реальных соболезнующих писем вряд ли можно считать характерными для всего русского этноса. Не стоит забывать и об общем упадке интереса к эпистолярному общению. Тем не менее, создается впечатление, что в значительной степени прежние взгляды на смерть еще сохраняются, хоть заметны и существенные изменения.

Можно считать, что одна из причин того, что подобные взгляды разделяются еще определенным количеством россиян, — крайне малое число тех, кого можно уже относить к благополучному среднему классу. Причем есть основания полагать, что мироощущение тех россиян, которых все-таки, пусть с оговорками, но все же можно считать российским средним классом, быстро приближается к западноевропейскому гедонистическому. Представило бы интерес изучить в этом отношении словарь «новых русских» и их отношение к слову «смерть» и его эвфемизмам.

Пьяницы придумывают изощренные названия питейных заведений и напитков, иногда достаточно остроумные; прочие граждане получают удовольствие от «черного юмора», хорошим примером которого в русской культуре являются так называемые «садистские стишки», в англоязычной это — *sick humour*.

В этой связи имеет смысл попытка понять, почему фильм Мела Гибсона «Страсти Христовы», где детально, с жестокой натуралистичностью, почти «документально», изображены сцены истязания и смерти Христа, вызвал почти истерическую реакцию в США и гораздо более спокойно был воспринят в России. Если в США он пользовался громадным успехом, и, если верить прессе, были случаи, когда зрители под влиянием увиденного признавались в совершенных ими давних преступлениях, в

России фильм довольно быстро сошел с экрана. И это при том, что роль христианской религии и морали в России все-таки рано сбрасывать со счетов. Дело здесь, представляется, отнюдь не в большей впечатлительности, тем более религиозности западного зрителя, а во все той же своеобразной роли изображения смерти, разном восприятии смерти в западном и российском обществе.

Однако вышесказанное нуждается в серьезных оговорках. Если бы все существовало в таком черно-белом варианте, решение вопроса выглядело бы до банальности просто: многочисленные сцены смерти и насилия на художественном экране были бы в России запрещены, а точнее — никогда бы там и не появились: рекламодатели заставили бы кинодеятелей и кинопрокатчиков применять иную стратегию. Очевидно, что значительную часть российского зрителя изображения соответствующих сцен вполне устраивают.

Кроме того, целесообразно еще раз обратить внимание на сократившуюся роль православия в современной России. За годы государственного атеизма ему был нанесен удар, от которого оно далеко не оправилось. Вряд ли стоит принимать усилившуюся в постсоветскую эпоху ритуальную сторону религии за столь же резкое укрепление религиозного мироощущения. Очевидно, что настойчивые призывы церкви к восприятию смерти в духе православия сегодня слышаны далеко не всеми россиянами, в том числе относящими себя к верующим. В доказательство сказанного можно привести данные Российского ассоциативного словаря. В первом томе РАС (От стимула к реакции) среди наиболее частых реакций нет почти ни одной, которая указывала бы на смиренное отношение к смерти, но зато характерны такие, как «страх», «ужас», «ужасно», «страшно», «горе», «темнота», «чернота», «пустота», «жестокая», «гроб», «кладбище», «труп» и т.п. С некоторой натяжкой к, условно говоря, «православным» реакциям можно отнести

разве что далеко не самые частые реакции «придет», «любовь», «небытие», «неизбежная», «не страшна», «рай» (2 реакции), и немногие другие. Подлинно «православными» можно признать только один раз встретившиеся шесть реакций **«бессмертие», «воскресение», «вечность», «мир душе», «не пугает», «отдых»**, которые, впрочем, тонут среди 169 реакций противоположного толка.

Приблизительно такую же реакцию можно проследить на материале «Славянского ассоциативного словаря» (русский, белорусский, болгарский и украинский языки).

Учитывая быструю «вестернизацию» российского общества, усиление гедонистических тенденций и восприятия смерти как зрелища, вряд ли можно рассчитывать на возвращение православного мировосприятия в его полном объеме.

Литература:

Будур Н.В. Православный словарь. Москва: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002.

Лаврин А.П. Хроника Харона. Энциклопедия смерти. Москва: Московский рабочий, 1993.

Новейший всеобщий и полный секретарь, содержащий новое, полное и основательное наставление, как сочинять всякого рода письма, с приобщением многих лучших примеров, и состоящий в четырех частях. Переведено с

французского Васильем Протопоповым. Иждивением Московского купца Тимофея Полежаева. Москва, 1801. В университетской типографии у Хр. Клаудия. Часть первая.

Новый и полный Письмовник, или всеобщий секретарь, содержащий в себе письма (...). Издание 6-ое, против прежнего исправленное и умноженное. Спб. Печатано в типографии Ивана Глазунова, 1829.

Полный письмовник, или всеобщий секретарь, показывающий легкое и достаточное руководство к сочинению всякого рода употребительных писем, необходимых во всех случаях общежития (...). Часть первая. Москва, 1812. В Университетской типографии.

Улюра А.А. Восприятие по умолчанию: эвфемизмы в мемуарах А.С. Лабзиной // «Злая лая матерная...». Сб. статей под ред. В.И. Жельвиса. М.: Ладомир, 2005. С. 523–534.

Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. Т.1. От стимула к реакции. М., 2002.

Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М., 2004.

Allan K., Burridge K. Euphemism & Dysphemism. Language used as Shield and Weapon. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991.

Holder R.W. A Dictionary of Euphemisms. Oxford, New York: Oxford University Press, 1996.

Lang L.B. Letter Writing. Glasgow: Harper & Collins Publishers, 1994.

Noble V. Speak Softly. Euphemism and Such. University of Sheffield, 1982.

Ringlet G. Ces chers disparus. Essai sur les annonces nécrologiques dans la presse francophone. Paris: Edition Albin Michel S.A., 1992.

НАШ АРХИВ

БИБЛИОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.

Доклад обществу любителей российской словесности,
читанный 11 мая 1927 г. в Москве.

Доклад Н.А. Рубакина (1862-1946) хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (ГБЛ, Ф. 358, 85, 5). Первоначальное название доклада – «Теория литературы как одна из отраслей точного знания».

По-видимому, окончательный вариант «Библиологической психологии...» можно датировать февралем 1927 года, так как в правом верхнем углу автографа доклада рукою Н.А. Рубакина написано: «Архив. Для печати переработал. Н.Р., 1927. II.».

Автограф доклада состоит из 49 страниц. К нему приложены две машинописные копии (по 33 страницы). На одном из экземпляров машинописи сделана правка рукою Н.А. Рубакина; затем эта правка была перенесена рукою М.А. Бетман (?)¹ на второй экземпляр машинописи. (Сверка правки по обоим экземплярам машинописи показывает почти полную идентичность текстов). По-видимому, именно этот второй экземпляр машинописи и был послан (из Москвы?) в ленинградский Институт научной педагогики². На этом экземпляре четко видны следы печати: «Государственный Институт Научной Педагогики. Вход. № 1106, 8 августа 1928 г.». В левом верхнем углу доклада синими чернилами написано следующее: «В.А. Десницкому. 13 VII.». В правом верхнем углу карандашом написано: «Читал (?) <...?> Теоретически – спорна. Методика – неясна по сумбурности изложения. ПС (?) ПЯ <?>».

Официальный ответ Н.А. Рубакину по поводу этого доклада был следующего содержания:

¹ М.А. Бетман (1891-1964) – секретарь Н.А. Рубакина.

² Год основания Института установить не удалось; приказ о ликвидации Института был подписан наркомом просвещения РСФСР П. Тюркиным 21 октября 1938 г.

«РСФСР. Н.К.П. Главнаука. Государственный Институт Научной Педагогики. 29 марта 1929 г. № 504. Ленинград. Фонтанка, дом № 10/2. телеф. 5-99-23.

Николаю Александровичу Рубакину

Правление Государственного Института Научной Педагогики при сем возвращает Вам рукопись Вашей статьи «Библиологическая психология и литературоведение», в виду того, что, будучи весьма ценной по содержанию, она не соответствует общей программе издаваемого Институтами сборника «Вопросы Педагогики», вследствие чего не может быть в нем помещена.

Директор Института, Профессор ... (?)

Управляющий Делами ..... (?)»

Таким образом, доклад Н.А. Рубакина не был напечатан и, по-видимому, не был также и зачитан на заседании Общества, хотя и нельзя отрицать такую возможность, ибо Общество просуществовало до 1930 г. (см. по этому поводу БСЭ, 3-е издание, М., 1974, Т. 18, стлб. 733), и именно в этом году умер П.Н. Сакулин.

При подготовке доклада Н.А. Рубакина к печати как основной текст рассматривался «ленинградский» экземпляр машинописи, а также экземпляр машинописи с правкой Н.А. Рубакина.

О библиопсихологии Н.А. Рубакина и о всем комплексе связанных с ней проблем см.: Ю.А. Сорокин. Библиопсихологическая теория Н.А. Рубакина и психология массовой коммуникации. Философские проблемы психологии общения, Фрунзе, 1976; Библиопсихологическая теория Н.А. Рубакина (критический очерк). В кн.: Н.А. Рубакин. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию. М., 1977.

Ю.А. Сорокин

Н.А. Рубакин

БИБЛИОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.

Доклад обществу любителей российской словесности,
читанный 11 мая 1927 г. в Москве

Цель доклада

В этом кратком докладе мы делаем попытку резюмировать, в самых общих и главнейших чертах, работы Секции библиологической психологии, сделанные за последние десять лет и в СССР известные в неизмеримо меньшей степени, чем на Западе. Делая это резюме, мы постараемся показать, чем собственно отличается библиопсихология от литературоведения в том смысле, какой ему ныне придается, и что дает и может дать библиопсихология не только литературоведению, но и вообще книжному делу.

Прежде всего надо оговориться во избежание недоразумений. На каких-нибудь двадцати страничках нет никакой возможности изложить все те результаты экспериментальных и других работ Секции, которые не поместились и на девятистах страницах нашего еще не напечатанного двухтомного труда «Основы и задачи библиопсихологии». Мы сделаем так: сказав несколько слов о библиопсихологии как особой отрасли социологии, мы на отдельном примере и путем его анализа постараемся пояснить библиопсихологическую точку зрения на самые основные литературные явления.

Итак, прежде всего, что такое библиопсихология. Это лучше всего видно из тех жизненных и практических целей, которые стоят перед нею.

Определение библиопсихологии

Мы называем библиопсихологией психологию книжного дела. Три различных концепта введены в это определение. Во-первых, термин «психология» как признак родовой; во-вторых, термин «книжное дело» как признак видовой. В этот второй термин входит и третий концепт «книга».

Так как и книжное дело, и книга представляют собою явления социальные, — они продукты и функции общественной жизни, они созданы и постоянно творятся коллективной жизнью человечества, а социальный коллектив объемлет и обуславливает собою личность, — то и в библиопсихологии на первом плане стоит, как мы это увидим, момент социальный, а не индивидуальный, и она представляет собой одну из наук общественных, один из отделов социологии. Было бы большой ошибкой приурочивать ее к психологии индивидуальной.

Однако неправильно противопоставлять в нашем случае социальный подход к объекту индивидуальному подходу к нему. Работнику книжного дела приходится практиковать и тот, и другой, это смотря по тому, в какой области и как приходится работать и где какой подход целесообразнее. Социальный всегда является необходимым условием и неизбежным дополнением индивидуального, и обратно. В библиопсихологии, как и в психологии педагогической и криминальной, первый не исключает второго. Коллективизация предполагает индивидуализацию, и обратно, и, как в медицине и в гигиене, общественные медицина и гигиена находятся в теснейшей связи с индивидуальной.

Библиопсихология — это значит социальная библиопсихология.

Но она — наука, т.е. одна из отраслей объективного знания и идет к своей цели путем утилизации всех научных методов и без всякой *anticipationis naturae* к исследованию еще более неизвестного, беря своей отправной точкой уже известное, прочно установленное. Прежде всего она пользуется теми методами, при помощи которых все более и более превращаются в точные

науки различные отрасли естествознания, а именно наблюдением, экспериментом и теорией статистики до математической включительно. Обществоведение еще очень далеко от идеала точного знания. Тоже и литературоведение. Идти к решению намеченной задачи с этого конца мы считаем прямо-таки непрактичным. Науки о культуре должны иметь своей базой науки о природе. Всякое явление в области литературы и вообще книжного дела есть прежде всего явление природы, и лишь затем, или, по крайней мере, вместе с тем явление культуры. Они находятся в таком же отношении между собой, как рефлексы условные, создаваемые в курсе социальной и исторической линии, находятся к рефлексам естественным, являющимся продуктом филогенеза и космической эволюции.

Родовой признак: психология

Что мы понимаем под термином «психология»? Для нас она – одна из естественных наук. И по своим целям, и по своим методам. Ничего общего с теологией и метафизикой современная психология, а значит и библиопсихология, не имеет.

Мы различаем термин «психологический» от термина «физический», материальный. Психический – это значит субъективно переживаемый. Такое переживание не только не исключает, но предполагает объективное исследование внешних признаков таких переживаний. Считаю необходимым подчеркнуть эти, в сущности, азбучные истины во избежание приурочиваний библиопсихологии к интерспекулятивной и спекулятивной психологии. Все те явления, какие относятся к объекту библиопсихологии, имеют и объективную и субъективную стороны, одна от другой неотделимые. О психических переживаниях работников книжного дела, к числу которых мы относим и писателя, и читателя, мы судим по их поведению, понимая этот термин в смысле Уотсона. Здесь мы стоим на той же точке зрения, как профессора Э. Клапаред, Уотсон, В. Бехтерев, К. Кор-

нилов и др. представители новой психологии.

Далее, у всех литературных явлений, у всех явлений из области книжного дела имеется свой психологический коррелят. Научная психология изучает этот коррелят в связи с другими факторами, предоставляя другим наукам изучать эти последние и делать из них главные объекты своих исследований. Субъективные и интроспективные показания в процессе библиопсихологического исследования представляют собой необходимое дополнение к объективным, экстраспективным данным, подобно тому, как для окулиста врача необходимы субъективные показания тех, для кого он выбирает очки. Но как и в медицине, эти субъективные и интроспективные показания должны всегда подлежать контролю объективных методов, иначе научное изучение психологии книжного дела превратится в набор голословных суждений и рецептов волевого типа, которым грош цена, если естественный базис явлений еще неизвестен или неверно понят. Наука, искусство, философия, литература, ее теория и история, лингвистика, грамматика, риторика, логика, гносеология и т.д. имеют свои психологические корреляты. Они-то нас и интересуют как объект библиопсихологии и отделы ее. Так мы понимаем родовой признак, указанный в определении этой науки. Переходим к признаку видовому.

Видовой признак: книжное дело

Мы подчеркиваем, что объектом библиопсихологии является не только книга и не только читатель и писатель, а книжное дело вообще, — термин, в объем которого входит все это, но также и многое другое. Этот термин по своему объему шире термина «литературная жизнь», введенного проф. П. Сакулиным. Психология книжного дела – это значит психология производства, распределения, обмена и потребления всех литературных ценностей, входящих в объем понятия книги, о котором сейчас будет идти речь. Под этими ценностями мы

понимаем все ценности не только печатного, но и рукописного и устного слова и переходные формы между этими тремя главными видами его. Каждый из них имеет своеобразную психологию.

Психология создания печатного, рукописного и устного слова

Библиопсихология исследует научными методами, во-первых, процесс их создания, начиная от их зарождения в психике того или иного работника книжного дела под напором потребностей социальной и исторической жизни. Сюда входит изучение психологии этих работников, относя к их числу не только читателя и писателя, читательство и авторство как формы труда последних, но и психологии переводчика, редактора, издателя, типографщика, кинопродавца, библиотекаря, педагога и ученика. В настоящее время их труд уже изучается психологически по методам профессиональной ориентации, а значит, опять-таки в связи с социальной стороной дела. Психология труда всех этих работников должна изучаться и специально с точки зрения книжного дела, как фактор интегрального социального процесса, создающего нашу культуру и цивилизацию, в сущности вербальную и книжную. Выделение литературы из этого общего процесса – искусственно. Книжное дело – гигантский механизм, созданный коллективным трудом человечества, и психологического изучения требуют не только весь этот механизм в целом, а каждый винтик его, каждый рычаг, иначе сказать, каждый работник книжного дела, взятый в условиях своего времени и места в общем процессе производства литературных ценностей и их функционирования.

Психология циркуляции Теория диаспоры

Во-вторых, библиопсихология исследует явления циркуляции печатного, рукописного и устного слова. Таков второй отдел нашей науки. Должна быть исследована

циркуляция таких ценностей во времени и пространстве, и не только в одной плоскости, но и в разных этажах социального строя, и процесс распределения этих ценностей: каждая книга, каждый автор, каждое литературное направление, каждый поток эмоций и идей имеет свою особую диаспору. У каждой диаспоры есть своя психология. Здесь перед нами психология продвижения и влияния ценностей, создаваемых работниками книжного дела, и психология ореола и вообще антиципирования качества как книг, так и авторов, и издателей и т.д. Подлежат библиопсихологическому исследованию как диаспоры, так и их изменения в пространстве и времени, и внешние и внутренние условия их появления, кристаллизации, разрушения и исчезновения под напором все новых и новых социальных и других сил. Библиопсихология стремится выяснить и филогенезис, и онтогенезис литературных ценностей, их приемлемость или отшвыривание социальным коллективом, их естественный и социальный подбор, их внедрение в жизнь коллектива и индивида, их созидательную и разрушительную работу. Так как в этом процессе продвижения различных ценностей слова, в их циркулировании да и в разрушении их ореолов принимают участие не только авторы и читатели, а и все другие работники книжного дела, до наборщиков и печатников включительно, то все они с этой точки зрения и подлежат научному изучению. Напомним, какую роль сыграли все типографские рабочие, роль очень важную и блестящую, в истории русской периодической печати в последние годы царизма. Напомним еще роль типографщиков и издателей, определяющих внешний облик книги, — напомним, например, о значении мелкого шрифта и мелкого формата и тонкой бумаги, усвоенных техникою заграничной и подпольной печати, сыгравшей такую важную роль в истории распространения революционных идей. Формат и шрифт и их своеобразная психология – неотделимые элементы от

психологии циркуляции книг и книжного дела вообще, и его влияния. Мы знаем, что психология циркуляции ныне еще не входит ни в теорию, ни в историю литературы. С библиопсихологической точки зрения все это должно входить туда, потому что без этого эволюция литературы и ее влияние на человечество не могут быть поняты.

Психология утилизации

Наконец третьим отделом книжного дела является утилизация литературных ценностей. И не только чтение и изучение, но и разные другие применения их к жизни коллектива и индивида. Как известно, применения эти бывают, увы, не только положительными, полезными, но и отрицательными, даже зловреднейшими, как яд. И не только в социальной и индивидуальной, но и народной и международной жизни, и это во всех областях современной цивилизации и культуры. Да, о книге нельзя не сказать, что она – могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость, какова, например, книга революционная. Но она же – и орудие натирания очков, орудие лжи и обманов всякого рода, орудие злобы, ненависти и клеветы, и не только просвещения, а и невежества. Она же – и орудие рекламы и погоня за наживой. Три великих социальных зла: обеднение трудящихся классов, их затемнение, их унижение, т.е. рабство экономическое, юридическое и умственное, тоже не обходятся без помощи литературных ценностей. И такая их столь печальная роль пока что почти не изучается даже в истории литературы, а не только в ее теории. Библиопсихологическая точка зрения требует такого изучения, такой утилизации печатного, рукописного и устного слова. И с этой точки зрения все это представляет особый интерес первостепенного значения. Здесь перед нами психология отношений, существующих между словом и реальностью, между фактом и словесным ярлыком, психология сознательной и подсознательной, умышленной и ненадуманной лжи свидетельских показаний. Библи-

опсихология делает и их своим объектом, изучая потребление и влияние печатного, рукописного и устного слова.

Три основных фактора книжного дела Их функциональная зависимость и их психология

Во всех этих трех главнейших областях книжного дела, т.е. в области создания, циркуляции и утилизации литературных ценностей, перед нами три главных фактора: читатель, книга и писатель. С библиопсихологической точки зрения все эти термины должны быть понимаемы в самом широком смысле. Мы понимаем под словом «книга» печатное, рукописное и устное слово вообще, начиная от отдельной буквы и кончая всемирной литературой, и начиная от рефлексивного восклицания до ораторства и до разговора, изучать психологию которого так настоятельно рекомендовал Г. Тард, видя в этом один из важных факторов общественного мнения и литературной жизни. Под словом «читатель» мы понимаем всякого рода потребителя литературных ценностей, в том числе и слушателя. Под словом «автор» мы понимаем не только писателя, но и оратора, и всех других участников в процессе создания литературных ценностей, равно как и создания их влияния.

Из этого видно, что с библиопсихологической точки зрения понятие «книжного дела» очень значительно и существенно отличается от понятия литературной жизни и литературы. И этот объект библиопсихологии – объект определенный, единый и цельный, потому что едино и цельно книжное дело. Но эта часть может быть понята только в неразрывной связи с психологией книжного дела вообще.

Уже давно психология книжного дела, ныне называемая библиопсихологией, ожидает и требует для себя особого места в ряду всех других наук. Уже давно существуют особые отделы библиопсихологии, объекты которых – социальные явления менее крупных, например, криминальная психо-

логия. Но до сих пор не было особой научной дисциплины, посвященной столь важному социальному фактору исторической жизни, каким является книжное дело. Библиопсихология и есть такая дисциплина, и ученый мир Запада признал это еще десять лет тому назад.

Видя в читателе, книге и писателе три основных фактора книжного дела, мы рассматриваем их в условиях места и времени, т.е. социальной и исторической среды, не иначе как в функциональной зависимости. Это значит, что их качественная и количественная стороны влияют взаимно, и для того, чтобы исследовать и понимать их, необходимо рассматривать их всегда в обоюдной зависимости и обоюдном влиянии, и ни на минуту не забывая, что все эти три фактора, равно как и функциональная зависимость их, суть явления не статистические, а динамические, их облики, их «содержания», их влияния вечно изменяются. Здесь перед нами тройной и вместе с тем единый процесс, и, исследуя психологию книжного дела, мы не забываем ни на минуту его диалектическую сущность.

Разделение библиопсихологии

Библиопсихология как наука представляет в настоящее время уже очень обширную и довольно разработанную систему, создание которой началось давным-давно, но концентрация и систематизация результатов, накопившихся в ряде веков, началась всего лишь двадцать-двадцать пять лет тому назад. Мы различаем библиопсихологию описательную от теоретической и прикладной, нормальную от патологической, специальные психологии, например, авторства и читательства, библиотековедения, книгоиздательства и книготорговли и т.д., от общей библиопсихологии, социальную от индивидуальной, теоретическую от прикладной. Существует библиопсихология историческая как история литературы и библиопсихология генетическая как филогенезис и онтогенезис всех факторов книжного дела, социально-экономических,

политических, национальных и т.д., влияющих на него. Литература по всем этим отделам и вопросам библиопсихологии на разных языках так велика, что только в одной нашей секции успело накопиться более 36 тысяч библиографических фишек по разным вопросам этой науки. Разумеется, никоим образом нельзя смешивать библиопсихологию с библиологией, которые вовсе не интересуются психологическим коррелятом всех библиографических и библиологических явлений. Нельзя смешивать библиопсихологию и с теорией и историей литературы, потому что у нее совсем другой подход к их изучению.

Изучение читательства и изучение читателя

В настоящее время наука о литературе, в сущности, сводится к изучению разных литературных произведений, главным образом художественных, и их авторов. Лишь очень недавно некоторые авторы, историки литературы ввели в круг своих объектов еще изучение читательства. Начало этому в России, как известно, было положено давным-давно. Еще в 80-ых годах прошлого века изучали читательство кружок Х. Алчевской и А. Калмыковой, Е. Некрасова, А. Пругавин, первые – с педагогической, вторая – с исторической, третий – с публицистической точки зрения. Тем же делом занимался очень энергично, по инициативе Л. Толстого, кружок «Посредник» с П. Бирюковым и И. Горбуновым в первую очередь. Нами лично в 1889 г. изучение читательства было поставлено на почву социологическую и психологическую. Это было сделано впервые в нашем «Опыте программы исследования литературы для народа»/Спб., 1889 г. и в «Русском богатстве», №№ 5-6, Леонида Оболенского/. В этом «Опыте программы», как и в наших «Этюдах о русской читающей публике», составленных на основании материалов, полученных главным образом от рабочих и крестьян в виде их рукописей, дневников, ответов на наши вопросы, книжное дело и

его психология, а не только читательство, изучаются в теснейшей связи с социально-экономическим фактором и производственными отношениями, где тип читателя-рабочего противопоставляется типу читателя-крестьянина и капиталиста, где самое понятие о таких типах, социальных и психических, выводится из производственных отношений.

Еще в конце 80-ых гг. и в начале 90-х мы проводили ту мысль, что для изучения литературы и литературной жизни необходимо изучать не только литературные произведения и их авторов, но также и читателей разных социальных, прежде всего социальных, а также и психических типов, и не иначе как с социально-экономической точки зрения, и вместе с тем психологической. К сожалению, эта точка зрения, хотя и проводимая нами неукоснительно до сих пор во всех наших работах в различных областях книжного дела и положенная в самую основу наших работ в течение 40 лет и в конце концов естественно приведшая нас к созданию библиопсихологии, не была отмечена тогда даже самыми видными теоретиками литературы.

Но изучать читательство еще не значит изучать читателя. То и другое изучение до самого последнего времени шло у большинства последователей раздельно. Библиопсихологическая точка зрения объединила их и поставила в теснейшую и неразрывную связь, что логически привело к совсем иной постановке литературных изысканий. К ныне существующим методам прибавился особый библиопсихологический метод, но, разумеется, не для того, чтобы отменить и изменять все другие методы литературных исследований, а для того, чтобы пополнить их и придать научную точность таким понятиям как «тип читателя», «тип книги», «тип автора», «типы их соотношений».

С нашей точки зрения можно подходить к литературным исследованиям не иначе как со стороны читательства, а это явление, как социально-психологическое, может

быть изучаемо во всей его глубине не иначе как в теснейшей связи с психологией процессов, происходящих в читателях. Подобно тому, как социальные медицина и гигиена, как мы это уже заметили, требуют изучения явлений, происходящих в индивидуальном человеческом организме, так с библиопсихологической точки зрения явления читательства, ныне уже входящие в историю литературы, требуют знакомства с психологией чтения и процессов, происходящих в читателе. Но так как «читателя вообще» не существует, а существуют лишь разные читатели, созданные разными условиями социальной среды, места и времени, то для понимания этих социальных явлений читательства, необходимо научное изучение особенностей различных читателей, а значит, и их классификация по социально-экономическим типам, родам, видам и разновидностям в зависимости от разных условий места и времени.

Процесс чтения и его биб. психологическое изучение

Что такое чтение? Никто не отвечает на этот вопрос столь непростительно упрощенно, как это делает большая часть педагогов, библиотекарей и разных исследователей читательских интересов, и все те, кто недостаточно знаком с психологией этого процесса. Экспериментальные исследования явлений чтения, очень многочисленные, показывают, что процесс этот в высшей степени сложен, и в нем участвуют не только интеллект и не только иррациональные элементы читательской психики/эмоции, инстинкты, органические чувства, а весь человек, и не только нервномозговая система, но и железы как внешней, так и в особенности внутренней секреции, поставщики гормонов и гормоны. Процесс чтения – в высшей степени сложный процесс восприятия букв, слов, фраз, — восприятий вербальных, т.е. в виде отдельных слов, и интервербальных, т.е. психических соотношений между словами, и наконец, суправербальных, т.е. в виде пе-

реработки слов в бессловесные мысли, умственные картины, суждения и рассуждения, происходящие уже на языке собственной читательской психологии, а не на языке прочитанных слов. Далее, что очень важно, процесс чтения есть процесс вовсе не пассивный, а творческий. Это вовсе не поток внушений, а самовнушений, и не только запоминание слов и идей с теми или иными пропусками и без пропусков, их пересадка из книги в свое нутро, — это процесс переделки, особого комбинирования их соответственно качествам отдельного читателя, который таким способом, по мнению авторов и других читателей, «выворачивает» иногда наизнанку то, что им кажется «содержанием» так называемой книги.

Читатель и книга и их

биб. психологическое изучение

Исследование процесса чтения показало, что всякий читатель сам строит облик этого содержания, пропускает одно, прибавляет другое, искажает /с точки зрения автора и других читателей/ третье и т.д., но всегда относит к объекту, т.е. к книге, свои собственные переживания /мысли, чувства, образы и проч./ и строит из них свою проекцию книги. Все мы плохо различаем книгу как предмет материальный от «книжного содержания», которое есть не иное что, как явление психическое. Мы принимаем за «содержание» книги ее буквы и слова, тогда как знаем их не как таковые, а как все то, что ими возбуждено в нас. Возбудитель — книга действительно остается один и тот же для ее разных читателей, но вызываемые ею возбуждения в них бывают всегда различны. Но их-то каждый читатель и относит к объекту, к материальной книге, вследствие чего неизбежно получается большая или меньшая разница в том, что каждый из нас называет «содержанием книги». Чем больше различается психологически и социально читатель от читателя, тем больше и эта разница. В чем сходны читатели, в том будут сходны и содержа-

ния, т.е. проекции одной и той же книги в их глазах. Каждое слово, разумеется, есть не что иное, как звук или начертание букв, но социальная среда путем условных рефлексов связывает и с звуками, и с начертаниями более или менее одинаковые психологические переживания, которые, впрочем, никогда не бывают тождественны. Поэтому читателям кажется, что большая или меньшая одинаковость понимания одной и той же книги или речи зависит от книги как материального предмета, в котором это содержание как будто бы заключено. Но разумеется, это неверно: оно зависит от одинаковости читательских или слушательских переживаний, идей, чувств, но эти переживания — вовсе не книга как материальный предмет, и ни один читатель не может знать ее независимо от своих переживаний, т.е. не как свою проекцию.

Автор и его библиопсихологическое изучение

Проекция книги, так строяемые каждым читателем, вовсе не книга. Поэтому ее автор тоже не более как проекция ее автора. Мнения критиков и комментаторов об авторе — это тоже не более как их собственные переживания, возбужденные словами книги. Из них критик как читатель и строит свою проекцию или эйекцию книги и ее автора. Из этого правила не исключены и теоретики, и историки литературы, и комментаторы. Поэтому и нельзя не сказать о них, что все их суждения вовсе не объективны, а субъективны, и чтобы сделать из них объективную истину, необходимо делать поправку на них, выяснять их личные уравнения. Но этого, как известно, пока что делается, и потому нет и не может быть и объективной истории литературы. И это до тех пор, пока исследователи будут идти к ней путем изучения произведений и от них восходить к авторам. От изучаемого произведения до умозаключений о его авторе еще очень далеко, потому что то, что по мнению автора, он вложил в книгу, по мнению читателя он туда не вложил. Там

что-то совсем другое. И факты, и идеи, и оценки одного и того же произведения у автора и у читателя то и дело бывают разные и никогда не совпадают вполне друг с дружкой. Процесс практикуемого чтения по-прежнему остается процессом переделки и искажений. Вследствие этого по отзывам читателей о книгах можно узнать не о том, о чем трактуют книги, а только о тех, кто это говорит. Да и их мы можем знать по той причине лишь в нашей собственной переделке и искажении. Приверженцам формалистской школы кажется, что они идут к объективному знанию литературных явлений. Но неверно и это, потому что они тоже знают не иное что, как те их впечатления, которые производят на них такая-то литературная форма, не более. На другого формалиста та же самая форма произведет иное впечатление и обусловит совсем иные переживания. Этим путем до объективного знания литературных произведений не дойдешь и от индивидуального и субъективного подхода не освободишься. Не менее индивидуален подход и любого критика и комментатора. Таким же был и подход средневековых комментаторов Аристотеля, считавших себя единственными носителями истины. При превращении Павлов в Савлов (а где таких нет?) превращалась и их якобы единственно верная истина, и этим они, разумеется, подрывали веру ко всякой якобы «непогрешимой» доктрине. Библиопсихологический подход к книге не может не охранить от таких заблуждений: содержание книги есть функция читателя, а сам он – функция своей наследственности, социальной среды и личной жизни. Несходство организмов и социальных явлений обуславливают несходство проекций, строяемых для читаемых книг и слышимых речей. Никакие перевоплощения, вчувствования и интуиции не приводят читателя-критика к полному пониманию писателя, даже самого любимого: всегда они у разных критиков и читателей более или менее далеки друг от дружки, что, впрочем, не мешает всем им утверждать, будто их

собственное понимание самое истинное. Основной принцип функциональной зависимости в его приложении к соотношениям читателя, книги и автора переводит в другую плоскость ныне господствующий метод исследования литературных произведений и автора.

Пять основных законов библиопсихологии

Первым основным законом является закон, впервые подмеченный В. Гумбольдом и поясненный затем проф. А. Потенбня, и наконец экспериментально подтвержденный современной психологией, вплоть до исследований академиков И. Павлова и В. Бехтерева. (См. «Общие основы рефлексологии», изд. 2-е, стр. 22-25). Этот закон можно формулировать так: книга, как и слово, не есть передатчики содержания, вложенного автором, а только возбудителя психических переживаний. Нетрудно понять, что, делая логические выводы из этого закона, мы должны поставить всю теорию и историю литературы и все книжное дело на иную почву, чем теперь, и перенести центр тяжести в читателя, т.е. потребителя литературных ценностей. Ныне теория и история литературы строятся на предполагаемом сходстве слов и предложений. Но эта почва более чем зыбкая, ненадежная: одно и то же слово в разных ушах звучит по-разному. Науку о литературе надо строить на сходстве психических переживаний, возбуждаемых словами, а не на сходстве слов, их звуков или начертаний, или других физических элементов. Надо понять, что литература, — печатное, рукописное и устное слово, — есть их психология, а не физика.

Что же это за почва, на которую необходимо поставить научное изучение психологии книжного дела? Ответом на это является второй закон библиопсихологии, так называемый закон мнемы, который подводит биологический и психологический фундамент как под теорию литературы, так и вообще книжного дела. Из этого же закона видно,

сколь глубоко проникает в библиопсихологию именно социальный, а не индивидуальный элемент.

Знаменитый немецкий дарвинист, биолог и психолог Р. Семон, уже предвидевший теорию И. Павлова об условных рефлексах, дал закону В. Гумбольдта и А. Поттебни биологическое, материалистическое обоснование своим учением о мнеме. Таким термином обозначается совокупность всех следов, или энграмм, иначе сказать записей, какие остаются в живом веществе после всякого воздействия на него. Понятие мнемы по своему объему и содержанию шире старинного понятия «памяти». Следы, или энграммы, как результат внешнего воздействия, способны оживать при некоторых условиях под влиянием получаемых раздражений. Такое их оживание Р. Семон называет экфорированием, т.е. «вынесением». Экфория предполагает наличие энграмм. Обе предполагают наличие раздражений. Экфорированные энграммы, в свою очередь, снова энграфируются и дают начало энграммам вторичным в отличие от энграмм первичных. Поэтому поток энграмм и экфорий никогда не прекращается в течение жизни. Из этого видно, что мнема – понятие динамичное, а не естественное. Это процесс. Всякое раздражение, откуда бы оно ни пришло, извне или из самого организма, как явление физическое всегда и неизбежно сопровождается у человека возбуждением, т.е. явлением психическим, субъективно переживаемым и интроспективно знаемым, хотя нередко и остающимся за пределами сознания. Если раздражение не ведет за собою возбуждения, Семон не считает его раздражением. Реальность снабжает мнему отдельными энграммами первичными или их группами, смежными в пространстве или во времени, сосуществующими и последовательными. Здесь перед нами вопрос об отношении слова и реальности. Что касается до процесса чтения, он есть не что иное, как процесс экфорирования различных психических переживаний под влия-

нием букв, слов, фраз читаемой книги. Они являются возбудителями когда-то полученных энграмм. Из энграмм, как здание из кирпичей, строятся все более и более сложные психические переживания. Каких элементов не имеется в мнеме, тех не будет и в такой постройке. За неимением соответствующих первичных энграмм, слова, обозначающие цвета, не экфорировывают его ощущений. Словесные описания «хамелеона» не экфорировывают его точного образа в том субъекте, кто не видел ни хамелеона, ни его изображения. Таким образом, закон мнемы биологически подтверждает филологический закон Гумбольдта-Поттебни, а книга превращается в возбудителя, а не в передатчика психических переживаний. Этим в корень реформируется понятие книжного содержания. Оно перестает быть центром литературных изысканий. Поэтому с библиопсихологической точки зрения, как уже сказано, не следует смешивать книгу как явление материальное с книгой как явлением психическим. Книга – вещь есть материальный предмет. Книжное содержание есть психический процесс.

Теория мнемы является связующим звеном между литературоведением, психологией и биологией и объясняет нам примат коллектива во всех областях книжного дела. Это видно из следующего.

Мы знаем из биологии и психологии, что разрозненные психические переживания и движения делаются от повторения привычными, автоматическими. В процессе филогенезиса они превращаются в наследственные, и мы знаем их как рефлексы, инстинкты, органические чувства, эмоции. Совокупность таких энграмм, получаемых нами всеми по наследству от наших предков, называется наследственной мнемой. Ею обуславливается так наз. «темперамент» каждого индивида, его качественные и количественные особенности. Под влиянием среды социальной на этой почве естественных рефлексов возникают бесконечно разнообразные и сложные условные рефлексы и суперрефлексы, — биологический

фундамент человеческого характера. Социальная среда является главным поставщиком энграмм от самого рождения на свет и вплоть до могилы. Совокупность этих энграмм социального происхождения называется социальной мнемой. Нетрудно видеть, что именно она и является главным фактором, формирующим каждого из нас, каждого читателя, писателя и всякого работника книжного дела. Сходства энграмм, поставляемых социальной средой, обуславливает обоюдное понимание членов одного и того же социального коллектива. Социальная мнемка каждого из нас является связью между нами и коллективным опытом человечества и его сокровищами. Социальная мнемка до известной степени перерабатывает мнемку наследственную каждого из нас, обуславливая замену рефлексов естественных рефлексами наследственными. Вместе с тем она нивелирует все мнемки. Но эта нивелировка тоже в силу биологических и социальных причин все-таки не сводит на нет нашу индивидуальность. Каждый из нас не в силах получать энграммы из всей социальной среды целиком, — они поставляются только тем углом этой последней, в каком приходится жить индивиду, а также в зависимости его биологических отличий от других индивидов. Поэтому от общего социального опыта следует отличать опыт индивидуальный и признать, что рядом с мнемкой социальной в каждом из нас есть запас энграмм индивидуальной жизни. Этот запас их мы называем мнемкой индивидуальной. Таким образом, с библиопсихологической точки зрения изучать читателя и писателя — это то же, что изучать мнемку каждого из них, — наследственную, социальную, индивидуальную. Каждая из этих трех главнейших категорий энграмм, точнее сказать, их поток, могут быть классифицированы на отделы и подотделы, каковы, напр., мнемка классовая, профессиональная, национальная, конфессиональная и т.д. Здесь перед

нами социальная психология авторства и читательства.

Из сейчас сказанного, нельзя не видеть еще одной, тоже социальной стороны мнемки. Изучая мнематические явления, энграммы и процесс экфорирования, мы изучаем вместе с тем процесс, каким, выражаясь словами К. Маркса, бытие определяет сознание. В задачу библиопсихологии входит изучение этого важнейшего процесса не только в индивиде, а и в социальном коллективе, представляющем не сумму и не механическую смесь, а, так сказать, химическое соединение элементов. Библиопсихологическое изучение читающего и пишущего коллектива — это то же, что изучение соотношения различных мнем. Для этого необходимо выяснять, из какого процента каких разновидностей их состоит данный коллектив. Выяснить это в высшей степени важно. Это вопрос чисто социологический и социальный.

Составом коллектива из тех или иных типов читателей определяется влияние читателя на читателя и автора на читателей, и обратно. Определяется и диаспора всякой книги и идеи, и их сила или бессилие в данной социальной среде. А чтобы изучать это очень сложное и важное явление, от которого и зависит всякое распространение идей, знаний и настроений, и поведение коллектива, его пассивность или активность и способность к борьбе, необходимо изучать и влияние всякого коллектива на те или иные мнемки.

Здесь перед нами третий основной закон библиопсихологии, который мы называем законом И. Тэна, впервые формулирующего влияние расы, среды и исторического момента на литературу и на ее элементы. Каждый из нас получает потоки энграмм в зависимости от качественной и количественной стороны этих трех социальных факторов, а именно: своей расы, своей социальной среды и того момента истории, когда человек живет, читает, пишет. Закон этот находится в теснейшей связи с вопросом о строении мнемки, о ее составе из на-

следственных, социальных и индивидуальных энграмм.

Скажем теперь два слова о четвертом основном законе библиопсихологии, который называется законом Э. Геннекена. Сущность его заключается в следующем. Читатель тем лучше, глубже и полнее понимает автора, чем более сходны мнемы этого читателя и писателя. И тем слабее их обоюдное понимание, чем менее сходство их мнем как наследственной, так и социальной и индивидуальной.

Но и при том сходстве, какое наблюдается, например, между читателем и его любимым автором, обоюдное понимание их зависит, кроме того, в очень высокой степени от сходства или несходства настроений, т.е. эмоциональных состояний, чувств, страстей, аффектов, инстинктов, то притягивающих человека к человеку, то отталкивающих их друг от друга. Преобладание притягательных эмоций над отталкивательными уменьшает отрицательный результат несходства психических и социальных типов. Здесь перед нами пятый основной закон библиопсихологии, закон консонанса и диссонанса эмоций, важнейший практический закон, управляющий поведением всякого работника книжного дела.

Эти пять основных законов библиопсихологии по нашему глубокому убеждению дают возможность всем работникам книжного дела, будь это автор, читатель, библиотечарь или кто другой, быстро и легко ориентироваться во всяком явлении интересующей нас области.

Здесь мы оставляем в стороне некоторые другие библиопсихологические законы, практически тоже очень важные. Таков, например, закон Э. Маха об экономии сил и времени, или закон интеллектуального тейлоризма, затем закон Шарля Бодуэна, или закон «обратного усилия», в силу чего книги, написанные и распространяемые в одних целях, при некоторых социальных условиях и при определенном эмоциональном настроении, начинают действовать на

читателей в прямо противоположном направлении. Отметим еще закон «предельной полезности», аналогичный такому же закону в области экономики и тесно связанный с законом Фехнера. За неимением места и времени мы не можем вдаваться в их объяснение.

Специальный метод библиопсихологии как один из путей превращения литературоведения в особую отрасль объективного знания.

Теперь мы попробуем пояснить, разумеется, только в самых основных и общих чертах, самую суть специального библиопсихологического метода и укажем на его применения в целях объективного исследования литературных явлений. Но оговоримся: практические изыскания по этому методу не так просты, как это может показаться в силу нашего элементарного объяснения. Удалось достигнуть и весьма существенных упрощений в приложении данного метода и без всякого ущерба для дела. Особенное значение имеет тщательная выработка библио-псих. эталонов, иначе сказать, качественных и количественных мерок для изучения читателя, книги и писателя и их сравнения в качественном и количественном отношении. Только имея такие эталоны в наших руках, мы получим возможность исследовать вышеупомянутые три фактора книжного дела, сравнительно и определять отклонения от некоторого среднего уровня. Выработка таких эталонов когда-нибудь будет лежать на специальных ученых учреждениях вроде Международного библиографического института, Секции библиологической психологии и т.д. подобно тому, как в физике и в геодезии выработка эталонов поручена ныне особым учреждениям вроде Палат мер и весов, геодезических институтов и т.д.

Нам, быть может, скажут, если специальный библиопсихологический метод столь сложен в своих применениях, то как же рекомендовать его рядовым работникам книжного дела и какой пользы могут они

ожидать от него в своей общественной практике?

Так говорить – это то же, что с точки зрения рядовых электротехников возражать против очень сложных научных, математических и экспериментальных исследований теории электричества, которая ныне тоже разрабатывается в ученых лабораториях, кабинетах, институтах, университетах и т.д. Одно дело – наука, ее теория, и совсем другое дело – ее упрощение и доведение ее до трудящихся масс. Необходима и наука, и ее утилизация в обыденной практике. Так обстоит вопрос и в области библиопсихологии. Наша Секция производит свои исследования читателей, книг и авторов при помощи специального библиопсихологического метода над самыми разнородными субъектами, в том числе и над детьми, и над малокультурными элементами, и над субъектами высоко интеллигентными, и в этом смысле приспособляет метод к разным объектам, разумеется, не в ущерб точности исследований. Эти последние бывают как массовые, так и индивидуальные, смотря по задачам исследований. Исследование отдельного субъекта берет от 20 минут до двух часов времени, это смотря по детальности исследования. Благодаря данному методу получается возможность очень глубоко и подробно исследовать самые разнообразные стороны субъектов. Мы говорим здесь о его исследовании библиопсихологическом, в круг которого не входит изучение физических свойств его, например, силы, выносливости, близорукости или дальновзоркости и т.п. Как мы уже сказали, библиопсихология пользуется в своих целях самыми разнообразными методами. Никогда не следует упускать из виду, что библиопсихологический метод всегда визирует не человека вообще, а человека в процессе чтения, в процессе работы в той или иной отрасли книжного дела, и главным образом, работы умственной, а не физической.

Сущность специального библиопсихологического метода заключается в сле-

дующем. Если для каждого из нас всякое литературное произведение есть не более как объективирование или проекция переживаний, им возбужденных, — проекция, строяемая перцепиентом, то и изучение книг – это то же, что изучение проекций.

Мы можем знать книгу только по реакциям на нее разных читателей, и чем их больше исследовано, тем полнее наши знания о свойствах самой книги как возбудителя психических переживаний в самых различных субъектах и в разных условиях места и времени. Исследования показывают, что для каждой книги, для каждого отдела и вида литературы есть свой читатель-оптимум, читатель-максимум, читатель-минимум. Есть и читатель средний. Путем библиопсихологического метода можно изучать все эти категории читателей, а значит и определять как средний уровень, так и разные степени отклонения от него в сторону положительную и отрицательную. Получается возможность делать это как для авторов, так и для целых отраслей знания, не только в качественном, но и в количественном отношении, а восходить от изучения какого-нибудь отдельного читателя к многим читателям, от среднего читателя к книге, от изучения всех произведений автора к самому автору. Теория статистики нам указывает практику такого восхождения от отдельных случаев к средним величинам.

Определить среднего читателя и установить эталон или ряд эталонов – это вопрос науки, теоретической библиопсихологии. Как мы сказали, их выработка, требующая большого материала, должна лежать на особых научных учреждениях. Но каждый работник книжного дела, напр., библиотекарь, может принять в своей практике, для собственного употребления, в качестве эталона, напр., самого себя, а всех других читателей сравнивать с самим собою, принимая себя за единицу сравнения, что вполне достаточно для обыденной работы.

Итак, будем прежде всего изучать книгу и книги как реактив на читателя, например,

на данного работника. Реакция на всю книгу целиком есть не что иное, как равнодействующая множества разных других реакций, а именно – на буквы, на слова, фразы, главы и т.д. Чтобы понять сложное явление, натуралист исследует явления простейшие: подобно этому поступает и библиопсихолог. Он исследует явления вербальные, интервербальные и лишь затем переходит к супервербальным, и только после этого классифицирует и подсчитывает читательские реакции.

Какие же реакции изучать? Разумеется, это зависит от целей, которые ставит себе исследователь. Он может подходить к своему объекту с любым вопросом, в котором перечислены реакции, интересующие исследователя. В их список он может внести все, какие ему желательно, подходить к объекту с социальной или индивидуальной стороны, с профессиональной, революционной и т.д. Реактив можно выбрать по методам выборочной статистики тоже соответственно целям исследования и опираясь на закон больших чисел. В целях упрощения изложения будем говорить о таком изучении только читателя, книги и автора, оставляя в стороне исследования всех других работников книжного дела.

Разные тексты вызывают в одном и том же читателе различные психические переживания. Подвергнем одного и того же читателя действию нескольких различных текстов и изучим, какие именно переживания в каком количестве возбуждает в нем каждый их этих текстов. Результат одного из таких опытов показан на следующей табличке: <.....>.

Из этой таблицы видно, что некоторые тексты возбуждают в одном и том же читателе больше всего эмоций, что обозначено буквой Э, другие тексты – больше всего концептов, отвлеченных понятий. При действии некоторых текстов стоят на первом месте образы, в других кинестетические переживания. Нам, быть может, скажут, что тут мы употребляем терминологию старой психологии. Из всего, что было ска-

зано в этом докладе, достаточно видно, что мы стоим на почве психологии новой, но мы, разговаривая с читателем, не можем не говорить с ним о его переживаниях, не называя этих переживаний. Такие термины, как «образ», «концепт» и проч. суть названия, относящиеся к реальностям, одинаково называемым как объектом исследования, так и самим исследователем. Для такого разговора с объектом, разумеется, могут быть утилизированы только интроспективные переживания. Из этого вовсе не следует, что интроспекция не подвергается контролю. Кроме того, самые ответы исследуемого субъекта представляют собой его реакцию на вопрос исследователя.

Сравнивая действие разных текстов на одного и того же читателя, нельзя не заметить, что, несмотря на их разницу, дает себя чувствовать тип текста, равно как и тип читателя. Исследование другого читателя при помощи тех же текстов дает другой результат. Присмотримся к порядку букв, которыми обозначены категории психических переживаний: П – концепты, понятия; О – образы; Э – эмоции, чувства; В – волевые переживания, например, хотения, волевой напор; Д – действия, кинестетические переживания; Ор – органические чувства; И – инстинкты; Ощ – отдельные ощущения как элементы образов. Порядок этих обозначений, как это видно из таблицы, не совсем одинаков при действии разных текстов на одного и того же читателя. В этом сказывается влияние разных книг, а значит и тип книги. Если же два разных текста относятся к одному и тому же отделу науки, как, например, текст №№ 5 и 6, т.е. философские книги Л. Лопатина и С. Франка, то порядок обозначенных букв получается одинаковый.

Около каждой буквы стоят цифры. Ими обозначаются в виде процентов относительные количества реакций, вычисленные в % к общему числу всех реакций, испытанных данным читателем в процессе восприятия текста. Так, например, история Ключевского возбудила в данном читателе

в данный момент почти столько же реакций эмоционального типа /32,2%/, сколько и стихотворение Некрасова «Ирина, мать солдатская» /37,3%/. Это показывает, что данный читатель – эмоционального типа, потому что другие читатели реагируют эмоционально на те же самые тексты значительно слабее, чем этот. Посмотрим теперь на реакции волевого типа. Они колеблются от 18.0% до 5,8%, тогда как образы колеблются от 11.1% до 4,6%. Из этого примера видно, что текст книги несомненно оказывает свое влияние как фактор чтения. Обращает внимание, что на первом

месте стоят у данного читателя эмоции, на втором – образы. Обе эти категории переживаний не отодвигаются дальше второго места. Это характеризует тип читателя.

Подвергнем теперь действию одного и того же текста нескольких и разных читателей. Таким образом, при помощи того же метода мы получим возможность сравнивать, а значит и классифицировать разных читателей по их реакциям на один и тот же текст-реактив. Результаты, полученные таким образом, показаны на следующей таблице:

Влияние одного и того же текста на шесть разных читателей

Читатель:

А	Э.42,5	П.19,7	Об.15,4	Д.11,6	Ор.4,3	В.3,0	И..2,6	Ощ.0,9
В	Об.34,8	Э.33,3	В.9,1	Д.8,6	П.8,4	Ощ.4,6	И.10,7	Ор.0,5
С	Э.31,4	П.26,3	Об.14,3	Д.13,2	Ощ.6,8	В.3,4	И.2,8	Ор.1,8
Д	Э.49,7	Д.14,1	П.12,9	Об.9,9	В.5,1	Ощ.4,2	Ор.3,8	И.0,9
Е	48,9	Об.18,1	Д.10,1	В.10,1	Ор.5,3	П.3,8	Ощ.2,6	И.1,1
Ф	* 41,2	* 17,2	П.15,0	Д.14,5	В.9,5	Ощ.1,8	Ор.0,8	И.0,0

Мы не будем входить в ее анализ. Отметим лишь, что читатели разных типов констатируют различное число переживаний по каждой категории этих последних. Число этих категорий мы, разумеется, можем увеличивать как угодно, тоже опираясь при получении читательских показаний на закон больших чисел. Читатель только отвечает: констатирует или не констатирует он в себе при чтении каждого отдельного слова текста переживание такой-то категории? Да или нет? Единицей подсчета является осознанность или констатирование. Подсчитываются утвердительные ответы, которые затем выражаются в процентах по каждой категории в виде цифр.³

Эти цифры называются библиопсихологическими коэффициентами и ими можно характеризовать, во-первых, читателя данного, во-вторых, книгу; в третьих, автора, только расширяя в каждом из этих случаев количество исследуемых

субъектов по закону большого числа. Отметим еще тот большой интерес, какой представляет с точки зрения психологии книжного дела изучение каждого отдельного показания данного читателя: почему он классифицировал такое-то свое переживание в такую-то категорию их? Здесь наблюдается поразительное разнообразие и странности, изучение которых делает возможным библиопсихологический психоанализ. Секция библиологической психологии пользуется для исследований читателей, книг и авторов пятью разными списками психических переживаний, наблюдаемых у человека. Самый краткий состоит из 8, второй из 20, третий – из 62, четвертый из 130 и пятый, пока что самый подробный, — из 218. Констатирование переживаний при этом различается от оценки их. Изучается и оценка при помощи особых вопросов, специально введенных. Нетрудно понять, что метод этот дает возможность выводить средние коэффициенты и для книг, и для читателей, и для авторов. Например, «Гучки» Лер-

* Пропуск в рукописи – Ю.С.

монтова возбуждают в 6 исследованных читателях от 49,7 до 31,4% эмоций, а в среднем 41,1%. Это значит, что текст «Тучек» сильнее всего действует на эмоциональную сторону этих читателей, так как величины всех других коэффициентов ниже эмоционального в среднем. Возбудимость образов колеблется в разных читателях от 34,8% до 9,1%, а в среднем 18,3%. Еще меньше возбудимость концептов.

Поправка на читателя, критика и историка литературы по библиопсихологическому методу

Пояснив на отдельных примерах самую суть специального библиопсихологического метода и его применения к качественному и количественному объективному изучению читателей, книг и авторов, сделаем теперь некоторые дедукции из сейчас сказанного. Нетрудно понять, что при помощи библиопсихологического метода можно выяснить, во-первых, средний уровень по каждой рубрике психических переживаний как по отношению к читателям, так и по отношению к книге, так и по отношению к авторам. Во-вторых, можно цифрами характеризовать отклонения, или амплитуды читателей, книг и авторов от собственного среднего уровня в ту или иную сторону, положительную или отрицательную. В-третьих, сопоставляя цифры, характеризующие процент переживаний по каждой категории, можно сравнивать между собой объективно как читателя с читателем, так и книгу с книгой, так и автора с автором. Поясним это на примере читателя. Например, читатель А в области концептов отклоняется от среднего уровня на 5,4%, так как его коэффициент концептов – 19,7%, а средний уровень их у всех читателей, помещенных в таблицу, – 14,3%. Разница составляет 5,4%. Эта разница показывает, что возбудимость концептов в данном читателе выше среднего. Напро-

тив, у читателя Е возбудимость концептов (11,8%) на 10,5% ниже среднего и т.д.

Такие сравнения библиопсихологический метод позволяет делать не по 3 качествам любого читателя, книги и автора, а хотя бы по целым сотням их. И при этом все эти качества будут таким путем констатированы как средние величины объективно, а не субъективно, как это делается теперь.

При помощи библиопсихологического метода мы можем исследовать читателей-оптимум или максимум, равно как и самого автора книги, и сопоставлять показания автора с показаниями его читателей. Так, например, при одном таком исследовании автора сравнительно с читателями, во-первых, его, а во-вторых, не его типа, оказалось, что, приняв общее число авторских реакций за сто, мы получили для первого читателя 34, для второго только 17%. Эти цифры дают понятие, сколь малый процент авторских переживаний доходит по адресу.

Тот же метод позволяет делать поправку на читателя, критика и историка литературы, на книгу и на автора, указывая качества и количества отклонений их коэффициентов от соответствующих средних величин. Эти отклонения свидетельствуют об относительной легкости и частоте возбуждений психических переживаний разных категорий у них.

Этим путем может быть удалена субъективность оценок, а значит, явится возможность и превратить науку о литературе в одну из отраслей объективного знания.

Из выше сказанного не трудно еще понять, что коэффициенты, характеризующие среднего читателя, характеризуют средний уровень действия книги, а значит, должны быть отнесены не только к характеристике читателя и читателей, но и к самой книге. Значит, данный метод позволяет перейти от объективного изучения читательских проекций и читателей к изучению литературных произведений,

литературы и ее истории. Так мы получим ее объективную историю вместо нынешней субъективной.

Тот же метод позволяет объективно выяснять и свойства автора и тоже характеризовать их качественно и количественно цифровыми коэффициентами. Для этого необходимо изучить среднее действие всех произведений данного автора на среднего читателя их и среднего читателя вообще. Так мы получим цифры, характеризующие автора по действию его произведений. Можно изучить этим способом действия его на разные социальные классы, в разные моменты истории и т.д.

Сопоставляя соответственные коэффициенты разных читателей и арифметически или геометрически, мы получим возможность классифицировать читателей по их родам, видам и разновидностям, т.е. по типам, положив в основу классификации относительную возбудимость переживаний разных категорий.

Подобно этому мы можем сопоставлять коэффициенты книг и сравнивать и классифицировать их.

То же самое можно сказать и об авторах.

Совокупность коэффициентов мы называем библиопсихологическою формулою. Таким образом, данный метод позволяет характеризовать и книги, и авторов, их многочисленные и интимные свойства как качественно, так и количественно, что вносит новую точку зрения в библиографию.

Отметим еще, что все эти объективные оценки вовсе не исключают оценок хотя бы самых субъективных и экстравагантных. Они лишь характеризуют самих оценщиков по их отклонениям от среднего уровня.

Некоторые другие теоретические и практические применения библиопсихологического метода

Можно исследовать по этому методу любого работника книжного дела в целях

профессиональной ориентации и применяя определенно выбранные тексты в качестве реактивов на разного рода психические, интеллектуальные, эмоциональные и волевые особенности их.

Если мы изучим таким же путем и выразим тоже коэффициентами самые тонкие и, прежде всего, эмоциональные особенности, например, двух драматических артистов, исполнявших одну и ту же роль, мы этими коэффициентами зафиксируем особенности их талантов для потомства. Ныне, как известно, таланты их входят в историю театра только в виде субъективных, а потому противоречивых характеристик, делаемых зрителями и комментаторами.

Особенно интересно приложение того же библиопсихологического метода для изучения реакций на разные категории Аристотеля, Канта или Ренувье. Оно раскрывает гносеологические особенности разных субъектов и логически ведет к созданию сравнительной гносеологии. Исследования, нами произведенные, показали, что некоторые субъекты думают преимущественно в категории времени, или последовательности, текучести явлений /диалектическое или эволюционное мышление/; другие – в категории пространства, или сосуществования. Иные – в категории единичности, другие – множественности. Одни в категории необходимости, другие – в категории возможности и условленности. Одни преимущественно в терминах внешнего, другие – внутреннего мира. Исследования Кречмера и других натуралистов ведут нас к пониманию материальной, анатомо-физиологической базы психических типов.

Одним их очень важных применений библиопсихологического метода является его использование в целях изучения социальной психологии. Определено выбирая книгу или совокупность книг в качестве реактива и пуская их в данный социальный коллектив или любую социаль-

ную группу, например, в такой-то общественный класс, профессию, в племя, расу, исследователь получает возможность изучать состав данной социальной группы на разных психических типов по их реакциям на эти книги. Этим путем Секция изучала состав и этнических групп из разных психических типов, а именно: группы русской, еврейской и польской. Для исследования были взяты лица только со средним образованием. Исследование было произведено до 1914 г. Исследование показало, что в то самое время, когда в русской этнической группе имеется только 24% лиц, мыслящих дедуктивно, в еврейской – 42,0%, т.е. почти в два раза больше. Поляки занимают среднее место. Процент лиц индуктивно мыслящих наиболее высок среди русских /67,0%/, затем следуют поляки /45,0%/, а затем евреи. Больше всего аналитиков среди евреев /62%/, меньше всего среди русских /27%/, поляки опять занимают среднее место. Людей абстрактного мышления меньше всего среди русских /12%/, конкретного больше всего среди евреев. Наиболее эмотивны евреи же /59%/, затем поляки /52%/, и только затем русские /45%/, и т.д. Выяснение состава социального коллектива из разных психических типов, разумеется, имеет очень большое значение для изучения диаспор, распространения книг и влияния книг на читающую массу. Любая библиотека может организовать такого рода исследование в целях изучения обслуживаемого ею коллектива. Даже более того, библиотека может и должна превратиться в лабораторию общественного мнения, понимая это последнее слово в широком смысле. Разумеется, наибольший интерес представляет изучение состава коллектива из типов социальных. Как мы уже говорили в начале доклада, библиопсихологический метод дает возможность исследовать и этот вопрос с таким же успехом. С такой точки зрения может быть организована и библиотечная статистика чтения.

Любую книгу, выдаваемую из библиотеки, можно рассматривать как реактив на читающую толпу и, изучив книгу библиопсихологически, мы получим возможность изучать и читающий коллектив по реакциям его составных элементов на книгу. Кроме того, любую библиотеку можно превратить в настоящее пособие для литературных работников, организовав библиопсихологическим способом критику их произведений читающей толпой и изучение успехов и неудач их произведений в толпе.

Все выше сказанное ведет к реформе литературной практики как в области создания, так и циркуляции, так и утилизации печатного, рукописного и устного слова. В задачу нашего доклада не входит говорить об этой практике. Но мы не можем не отметить громадного значения библиопсихологического метода в области создания литературы служебной, к которой относятся, например, литература научно-популярная, учебная, детская, агитационная, пропагандистская, партийная и т.д. Ныне такого рода литературы летят по большей части над головами читателей и кончают свое бытие в подвалах и складах. Изучение их влияния на читателей и на читающий коллектив, состоящий из определенных социальных и психических типов, не может не превратить литературу в действительно мощное орудие борьбы за истину и справедливость.

Заключительные тезисы доклада

Этим мы и закончим наш доклад. Увы, мы не сказали в нем и сотой доли того, что должны были бы сказать. Мы не сказали, например, ни слова о библиопсихологическом потенциале, т.е. о сравнительной силе действия отдельных слов в фразе и отдельных фраз в тексте как на индивида, так и на социальный коллектив. Ничего не сказали и о классификации читателей, книг и авторов. Не сказали о целом ряде важнейших практических

применений библиопсихологических законов и принципов в области библиотековедения, книгоиздательства, авторства, читательства, педагогики, самообразования, пропаганды и агитации. Не смогли сказать о тех приемах, с помощью которых каждый работник книжного дела может углублять, улучшать и регулировать действие печатного, рукописного и устного слова при той же самой затрате энергии, какая тратится в настоящее время, и достигать неизмеримо больших результатов.

Следовало бы сказать и о двух великих болезнях современного человечества, пишущего, говорящего и читающего: о словобоязни и словоблудстве, потому что первая из этих болезней из людей культурных делает московских купчих старого времени с их «металлами» и «жупелами» и приучает людей к отождествлению словесности с реальностью и к замене этой последней словами, а вторая учит топить реальность в потоке слов, которые обыкновенно интерферируются одно с другим до нуля включительно, оставляя после себя только туман в голове читателей и слушателей.

Но всего в небольшом докладе не скажешь, а того, что здесь было сказано, по нашему глубокому убеждению все-таки вполне достаточно, чтобы познакомить вас с основными принципами библиопсихологии. Резюмируем: 1. Библиопсихология есть психология книжного дела, особая отрасль объективного знания, изучающая функциональную зависимость читателя, книги и писателя в условиях места и времени. Практической целью ее в наше время является создание сознательных кадров образованных строителей нового строя жизни.

2. Библиопсихология изучает процесс чтения, читателя и читательство, автора и авторство при помощи научных методов

и, прежде всего, методов естествознания, т.е. путем наблюдения, эксперимента, статистики. Она подходит к своему объекту, т.е. к книжному делу, литературной жизни, литературе, как натуралист подходит к своим.

3. Подход этот всегда социальный, даже тогда, когда он имеет в виду индивида и его личные особенности. Библиопсихология вовсе не часть индивидуальной психологии, а социологии, и преследует не иначе как социальные цели.

4. Исследуя книжное дело с фактической, реальной стороны, библиопсихология вместе с тем указывает пути наиболее рациональной постановки всех областей его и способы достижения максимальных результатов с наименьшей затратой времени, сил и средств.

5. Библиопсихология сродни интеллектуальному тейлоризму, но с той разницей, что этот последний является орудием тренировки, дрессировки и муштры, а библиопсихология есть прежде всего орудие самовооружения и самоопределения, сознательного и свободного мышления и борьбы со всяким натиранием очков.

6. Основую библиопсихологии является биологическая теория мнемы, наследственной, социальной и индивидуальной, а логическим выводом из этой теории является примат социальной мнемы и социальный момент в каждом библиопсихологическом явлении. Пять основных законов библиопсихологии, т.е. индуктивные обобщения, фактически и экспериментально установленные и проверенные, находят свое объяснение в этой теории.

7. Примат социальной мнемы над наследственной и индивидуальной как результат естественных и условных рефлексов ставит психологию книжного дела на определенно социальную почву .

28 января 1967 г.

Многоуважаемый господин Филиппов,

Работая в отделе рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина в Москве, я имел возможность ознакомиться с Вашей перепиской с Н.А. Рубакиным. В дальнейшем мне удалось узнать, что Вы долгие годы поддерживали с ним переписку и занимались проблемами библиопсихологии. Интересуясь библиопсихологией, я занялся изучением творчества Н.А. Рубакина и надеюсь в ближайшее время опубликовать в сборнике «Книга» статью на эту тему. В связи с этим всякая информация, связанная с научной деятельностью Н.А. Рубакина и дальнейшим развитием его идей, представляет для меня большой интерес.

Быть может, Вы сочтете возможным сообщить мне названия и выходные данные Ваших трудов в этой области, наиболее ценных работ по библиопсихологии других авторов, известных Вам, а также некоторые сведения о том, в каком состоянии находится в данное время исследовательская работа по библиопсихологии в Болгарии.

Весьма интересно было бы также узнать, опубликован ли Вами архив Н.А. Рубакина, находящийся, если я не ошибаюсь, в вашем распоряжении; где, когда и в каких изданиях это было сделано.

С совершенным уважением
Юрий Сорокин.

P.S. Если Вы сочтете возможным ответить на мое письмо, прошу указать, какой язык Вы предпочитаете для переписки: русский, английский, французский или немецкий.

Мой адрес: СССР, г. Москва, Г-467. Кунцево, Полигонная ул., дом 3/7.

14 февраля 1967 г.

Уважаемый товарищ Хаджихристов,

Интересуясь проблемами библиопсихологии, я отправил некоторое время тому назад Вашему коллеге Русину Филиппову письмо, в котором просил сообщить, если это возможно, о современном состоянии библиопсихологии в Болгарии и работах болгарских авторов в данной области. Обратив мое внимание на две статьи (Д. Кацарова и П. Михалчева), Ваш многоуважаемый коллега посоветовал за более подробной информацией обратиться непосредственно к Вам.

Был бы крайне признателен за сообщение сведений по интересующим меня вопросам по следующему адресу:

Москва, Г-467, Кунцево, Полигонная улица, дом 3/7.

С уважением
Юрий А. Сорокин

P.S. Если, помимо оригинальных, существуют переводные работы, прошу также сообщить о них.

4 марта 1967 г.

Многоуважаемый коллега,

Благодарю Вас за любезное письмо, равно как и за те сведения, которые Вы сообщили. Я непременно воспользуюсь Вашим советом написать в Софию для уточнения интересующих меня вопросов. Сожалею, что Вам не удалось опубликовать архив и материалы дискуссий по библиопсихологии. Не сочтете ли Вы возможным в связи с этим переслать мне копии писем Н.А.Рубакина (и статей о нем из материалов дискуссий), наиболее интересных в научном отношении. В свою очередь я буду рад оказать услугу Вам и Вашим коллегам, если возникнет надобность в каких-либо русских изданиях.

Позвольте также обратиться к Вам с двумя вопросами. Насколько мне известно, Д.Кацаров, статью которого Вы рекомендуете, упоминается в дневнике Н.А.Рубакина. Не смогли бы Вы сообщить подробнее о научной деятельности Д.Кацарова в настоящее время и, если это возможно, его адрес?

Второй вопрос относительно Института библиопсихологии в Лозанне. Существует ли он до сих пор? Кто им руководит? Издаются ли этим Институтом какие-либо Труды, Ученые записки и т.д.? Если Вы не располагаете сведениями по этому вопросу, прошу сообщить, есть ли у Вас хоть какие-нибудь косвенные данные о состоянии библиопсихологии в Швейцарии.

С совершенным уважением

Юрий А.СОРОКИН

25 марта 1967 г.

Многоуважаемый профессор,

По вопросам деятельности русского ученого-библиографа Н.А.Рубакина мне пришлось обратиться за консультацией к известному библиографу Вашей страны Русену Филиппову. Он дал мне Ваш адрес и посоветовал обратиться к Вам за сведениями о научной деятельности Вашего покойного коллеги Д.Кацарова в области библиопсихологии. Буду крайне признателен, если Вы сможете сообщить о трудах профессора Д.Кацарова в этой области и биографические сведения о нем. Мне было бы интересно получить также хотя бы некоторые предварительные сведения о современном положении библиопсихологии в Болгарии, равно как и об истории ее.

Если Вам известны лица, занимавшиеся или занимающиеся библиопсихологией, прошу не счесть за труд сообщить о них.

Мой адрес: Москва, Г-467, Кунцево, Полигонная улица, дом 3/7, Сорокину Ю.А.

P.S. Прошу сообщить, какой язык Вы предпочитаете для переписки: русский, немецкий, английский, французский.

С совершенным уважением

Юрий А.Сорокин

Лозанна, Н.Т. 1929.

Многоуважаемый коллега,

Прежде всего премного благодарю Вас за присылку Вашего превосходного издания, столь содержательного и так изящно изданного, и за Ваше обещание прислать нам и следующий его том. От всей души желаем всякого успеха тому великому и необходимому делу, которому Вы так энергично служите. Кто сильно хочет, тот и сможет. Я знаю это по собственному опыту.

Посылаю Вам и Вашей библиотеке кой какие материалы и книгу по библиопсихологии. „Письма к читателям“ представляет собой не иное что как популярное изложение библиопсихологии и ее принципов в применении к практике самообразования. Французская брошюра принадлежит перу одного из членов нашего Института и содержит краткое изложение новейших достижений нашей науки. В настоящее время уже закончен печатанием в издании Петроградского Государственного Книгоиздательства (Лениза) мой новый большой труд, представляющий введение в библиопсихологию, под названием „Психология читателей и книги“ (Поступит в продажу на днях). Мой двух-томный труд на французском языке „Introduction à la psychologie bibliologique“, 1922, 609 p. 2 vol. успел уже издать и распродан. Популярное изложение основных принципов библиопсихологии на рус. языке издано в Ленинграде в 1924 г. Издательство „Колос“ („Что такое библиопсихология“, 64 с. 60 коп.).

Мои большие труды „Среди книг“, три тома, около 2.000 стр. описание 22.000 названий в 40.000 томах и „Практика самообразования“ давно разошлись. Краткий список главнейших книг и статей по библиопсихологии мы Вам пришлем через некоторое время. (При сем прилагаю). Буду рад и в будущем содействовать Вашей плодотворной работе чем только могу.

С Вашей стороны и Вы очень обяжете наш Институт и меня, если будете сообщать нам о книгах и статьях на болгарском языке, где речь идет о библиопсихологии и о моих литературных работах. Мой ста-

~ 2 ~

личный друг проф. Ф. Кацаров и безвременно умерший И. Ф. Шишманов прислали мне несколько моих книжек, появившихся на болгарском языке, но далеко не все.

Если и в вашей библиотеке имеются дубликаты русских книг и если вы вообще собираете рус. книги для вашей библиотеки, то мы сможем организовать и обмен дубликатами, которых у нас накопилось довольно много и очень ценных.

В заключение этого письма пользуюсь случаем, чтобы сказать два слова о самой сущности библиопсихологии, о той, в которой еще мало говорят. Сущность эта заключается в том, что всякий читатель знает и может знать вовсе не то содержание книги, какое в нее вложено автором, а только то, какое он способен воспринять, пережить, построить из элементов своего собственного (личного, социального и наследственного) опыта. Совокупность этого опыта (совокупность энграмм, тех его следов в протоплазме нашего организма) Р. Семон назвал мнемой, читатель сирокт содержание читаемой книги из имеющихся в нем энграмм, комбинируя и синтезируя их в соответствии со своим психическим и социальным типом. Значит, у каждой книги столько разных содержаний, сколько у нее разных читателей. Сходство мнем обуславливает собой и сходство „пониманий“, точнее сказать „построений“. Читательство есть творчество, а не пассивное усвоение. Слепому не вдобыть что такое синий цвет, если у него в мнемее не имеется от самого рождения энграммы синего цвета. А имея ее, нормальный человек знает непосредственно, что такое синий цвет, знает по собственному опыту, которого никакими словами не объяснишь.

А отсюда следует, что в книжном деле центральную роль играет читатели и их типы, а не то содержание, которое в книгу вложено авторами. Этому последнему никто не знает и не может знать кроме автора. Значит, на книгу надо смотреть как на явление психологическое, а значит и деятельность библиотеки и действительную силу литературы надо изучать и организовывать посредством

-3-

Строго научных исследований читательства, а не самых памятников литературы, потому что когда мы изучаем исследуемые памятники, мы представляем собою не кого иного, как читателей. Таким образом, центр всего книжного дела естественно переносится с книжных полок в живую читающую толпу, и таким образом в книжном деле естественно производится гигантский сдвиг, реформа, как психическая, так и социальная. Вот в чем сущность библиопсихологии.

Всего Вам доброго

Юлиан Зудакин.

Пловдив, 12. Март 1967

Пов. Юрий Ф. Сорокин
Москва.

Cher ami et collègue,

Ci-jointes je vous envoie les copies authentiques de deux lettres de N. Roubakine, dont la première (N.F. 1929) concerne sa théorie de bibliopsychologie, et la seconde, adressée aux participants des cours que nous avons organisés en 1940, et publiée dans la presse bulgare - l'idéologie du grand savant.

S'il existe toujours l'Institut "Roubakine" à Lausanne, je l'ignore, car la dernière lettre que j'en ai reçue par sa collaboratrice Marie Bethmann (Lausanne, rue Trabandau, 5) date du 10 mars 1958. où elle m'écrit: "Pour des raisons purement matériels, je n'ai pas pu continuer à maintenir l'activité de l'Institut de Psychologie Bibliologique comme au temps de N. Roubakine".

Vous en pourriez être informé par le fils de N. Roubakine - le professeur Dr Alexandre N. Roubakine à Moscou. Il vient de publier ses Mémoires (A. Zudakin. Над рекою времени. Воспоминания. Издательство "Международные отношения", Москва, 11-90, Н-Я Мещанская, 7; 1966.)

Professeur D. Katzarov est mort, il y a une dizaine d'années. Des informations sur sa vie et ses œuvres pourrait vous donner son successeur à la chaire de Pédagogie prof. Тенго Пирсов, Държавен университет "Климент Охридски", София.

Veillez agréer, cher ami et collègue, mes salutations cordiales

Юлиан Филипов

Лозана, 15 декември 1939

Драги колеги,

С особена радост научих известието за вашите библиотечни курсове. Най-добро впечатление ми направи тяхната програма, която е напълно в духа на модерната библиотечна наука. Всички проблеми, свързани с библиотечното дело, както показва нашият дългогодишен опит, могат да бъдат лесно, пълно и успешно разрешени само по пътя на психологическата – лична и обществена – утилизация, т.е. по пътя на основното познаване естествените закони на словесното общение между хората. Едно, обаче, не трябва да се забравя: работата с книгата не е само библиографска, нито само педагогическа, нито дори само историко-литературна: тя е заедно с всичко това и над всичко това дълбоко етична. В съгласие с великите слова на моя покоен приятел, знаменития швейцарски учен – Август Форел, аз твърдя, че работата с книгата или трябва да почива само върху морална основа, или въобще никак да не се върши.

При професионалната подготовка на библиотекаря нека се вземе под внимание следното важно условие: трябва не само добре да се познава читателя, но и да се обича той, като се уважава у него най-вече човека, мислящата, чувстващата, страдащата, действващата, морално отговорната човешка личност.

И най-после тружениците в книжното дело са длъжни не само да познават и обичат читателя, но и да считат книгата за най-могъщо, непобедимо оръжие в борбата за истина и справедливост. В това и се състои същността на библиотечното дело.

С такива разбираня изпращам Вам, драги колеги, моите най-сърдечни братски привети с най-добри пожелания, предварително уверен, че Вашата работа ще бъде увенчана с блестящи резултати.

Н. Рубакин

в. "Читалищна дума". Орган на Пловдивския областен читалищен съюз. Пловдив, 29 януарий 1940 г., брой 1 /120/

Пловдив, 7. II. 1967.

Плов. Юрий Сорокин
Москва.

Cher ami et collègue,

Je suis heureux d'accuser réception de votre honorée du 28 janvier, dont je vous remercie de tout coeur. Elle m'a agréablement surpris en me rappelant des problèmes qui m'ont été - et le sont toujours - particulièrement chers. Si j'ai assidument étudié, pratiqué et propagé au milieu de nos nombreux lecteurs la science de la bibliopsychologie, introduite par le grand savant russe Nicolas A. Roubarine, c'est que je la considérais comme une science humanitaire par excellence. C'est précisément son caractère humain et éthique qui m'avait attiré et vivement intéressé. Je l'appliquais, autant que possible, et propageais dans la Bibliothèque Nationale de Plovdiv (en tant que bibliothécaire et puis directeur) en organisant des cours et des conférences, ainsi que par le contact personnel avec les lecteurs eux-mêmes, sans avoir, hélas, publié aucune de mes conférences.

Mes relations épistolaires avec mon vénérable maître N. A. Roubarine ont duré plus de 20 ans - jusqu'à sa mort en 1946. Heureusement, toutes nos lettres échangées de part et d'autre, sont pieusement conservées dans mes archives. Elles ne sont pas publiées. Elles seront pourtant déposées - après ma mort - à la Bibliothèque Nationale "Ivan Vazov" de Plovdiv, où j'ai travaillé 22 ans!

Quant à la propagation de la Bibliopsychologie en notre pays, vous pouvez en être mieux informé par notre ami - Христо Кацхехристов, кандидат педагогических наук, Народная библиотека "Кирил и Методи", Булеварг "Толдучин", 11^а, София, Уг. - Il a fait ses études supérieures (аспирантура-библиотекостроение) à Moscou, il y a 3-4 ans. Je ne connais que les deux articles suivants: 1. Димитър Кацаров, Библиопсихология или психология на книгата, писателя и читателя. св. "Демократически преглед", 1926, № 1, с. 38-47., 2) Игор Михайлев, Библиопсихология. св. "Философски преглед", 1938, кн. 5.

Vous pouvez m'écrire toujours en langue russe.

Veuillez agréer, cher ami, l'assurance de ma parfaite considération

Пловдив, 3. България.
ул. Илю-воевода, 16

Русин Филиппов

РЕЗЕНЗИИ

ПСИХОЛИНГВИСТИКА: УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ. Под редакцией Т.Н. Ушаковой. – М.: ПЕР СЭ, 2006. – 416 с.

Для психологов и лингвистов начало нового столетия ознаменовалось выходом в свет сразу нескольких книг на русском языке, в заголовках которых выступает название этой комплексной научной дисциплины. Психоллингвистика — наука о речевой способности человека, о его коммуникативной компетенции, о том, как существует язык «в человеке» и человек — «в языке». Становление этой отрасли знаний, ее, так сказать, самоидентификация, заняли весь двадцатый век, хотя корни ее возникновения прослеживаются гораздо глубже (см. с. 16–84 рецензируемой книги). Сегодня наступил такой этап ее развития, когда полностью сформировалась ее «парадигма», этап, который с легкой руки Т.Куна принято называть «нормальной наукой», то есть создалась такая ситуация, которая с точки зрения известной триады: “какая чушь — в этом что-то есть — да кто же этого не знает” характеризуется именно третьим членом триады. В этот период идет процесс спокойного развития науки, когда подводятся значимые итоги, когда исследуются группы фактов, признаваемых сложившейся парадигмой важными, когда базирующиеся на прошлых достижениях исследования рассматриваются как основа для дальнейшей практики. И в этом смысле тот фон отечественной литературы, на котором появляется рецензируемая книга, задается целой серией работ, из которых назову лишь некоторые, опуская и многочисленные кандидатские и докторские диссертации [Фрумкина 2001, Методология 2003, Залевская 1999, 2004, Пищальникова 2005, Горелов и Седов 2005, Белянин 1999, 2000].

Обращает на себя внимание тот факт, что в этом перечне только сборник по методологии имеет жанровую квалификацию “научного издания”, тогда как все другие, включая и рецензируемую монографию,

отнесены к учебной литературе. И этот факт не случаен, он служит еще одним показателем достижения “нормального состояния” обсуждаемой научной дисциплины, достижения ею методологической зрелости. Столь массивное стремление специалистов дать обобщенное представление о проблематике психоллингвистики, показать ее включенность в весьма разветвленную систему наук о человеке, продемонстрировать результаты и наметить в перспективе возможные точки бифуркации аномалий — все это отвечает потребности сложившейся нормальной науки, вызвано необходимостью закрепить в университетских курсах общее состояние научной мысли сегодня и охарактеризовать направление тех исследовательских потоков, которые, возможно, будут формировать лицо психоллингвистики завтра.

Обратимся однако к предмету рецензирования. Я не хочу пытаться, да и не имею права, устанавливать рейтинговые отношения в приведенном выше списке литературы, но отмечу, что суммарно, во всех перечисленных там работах нет такой проблемы или области исследования, которая не нашла бы отражения в книге Т.Н.Ушаковой и ее соавторов. А по поводу жанра, напомним маленькую хитрость, своего рода “общеизвестный секрет”: для вузовских работников в своем университете гораздо легче опубликовать учебник (учебное пособие, курс лекций и т.п.), чем издать научно-исследовательскую работу. Поэтому, назвав в предыдущем абзаце рецензируемую работу монографией, я не оговорился, а лишь воздал ей должное, тем более, что около восьмидесяти процентов текста принадлежит перу Т.Н.Ушаковой, и у нас, таким образом, есть все основания предъявлять требования к этому тексту как к монографии.

Психолингвистика прежде всего предстает в книге в трех измерениях, в трех динамических “разрезах”, в трех координатных осях. Первое измерение – временное: диахронический взгляд на зарождение идей, становление понятий, формирование у языковедов интереса к психологии противостоит синхроническому аспекту, отражающему как бы “мгновенный” снимок современного состояния науки. Другую ось можно обозначить как структурную: она образуется противопоставлением внутренней структуры науки, включающей актуальную проблематику, методы решения задач, характеристику исследовательских областей, и ее внешней структуры, в которую входят описание персональных концепций отдельных выдающихся ученых – наших предшественников и информация о работе отечественных, и отчасти зарубежных, научных центров психолингвистики. Третью ось формирует стандартное, свойственное всякой науке соотношение теории и методологии с прикладными сферами использования результатов, с выходом на решение практических задач.

Перейдем к последовательному рассмотрению того, как реализуется в книге трехмерное представление психолингвистики. Ее временная ось вырисовывается во второй главе, названной «Исторический очерк развития психолингвистики» и построенной на противопоставлении “нулевого этапа” — от античности до середины XX в. (с. 16–83) – современному состоянию науки (с. 84–128). Историческая часть очерка представляет собой сжатое, но вполне информативное изложение этапов эволюции языковедческой мысли, отличающееся от других подобных обзоров четкой векторной ориентацией на поиск в истории науки идей, связанных с психологической природой языка – у Гумбольдта и Поттебни, Фортунатова и Бодуэна, Пауля и Соссюра и др. То есть вектор поиска направлен здесь от языка к психологии. Безусловно, эта часть, исключительно полезная для студентов, имеет не только образо-

вательно-педагогическую ценность, но выполняет роль активатора исследовательской мысли также и для сформировавшегося специалиста. Думается, эта роль могла бы выполняться с большей эффективностью, если бы, в дополнение к вектору “от языка к психологии” (как языковеды видят психологию в языке), в изложении исторической части был представлен вектор “от психологии к языку”: ведь в ходе эволюции психологической мысли на “нулевом этапе” в XIX–XX вв. разрабатывались самые разнообразные аспекты и того, как психологи видят язык.

Синхроническая картина состояния психолингвистики — тоже максимально сжатая (разделы 2.2.1. и 2.2.2.) — дана в конце второй главы и содержит раскрытие кардинальных понятий, заложенных в фундамент современной науки. Здесь речь идет о семантическом дифференциале, измерении значений, глубинных и поверхностных структурах, механизмах речепроизводства. Подробнее автор раздела (Т.Н.Ушакова) останавливается на теории речевой деятельности, составляющей основание отечественной психолингвистики и реконструирующей этапы процесса речепроизводства с его понятиями речевой операции, взаимоотношения образа и процесса, предметно-изобразительного кода, внутреннего программирования будущего высказывания и его моторного программирования. В разделе далее показаны и четко охарактеризованы исследовательские области (или направления), покрывающие все поле современного состояния науки: язык и мышление, языковое сознание, языковая личность, этнопсихолингвистика, когнитивно ориентированный подход к изучению речезыковой способности человека, язык и мозг, нейролингвистика, онтогенез речи.

В целом весь второй раздел второй главы можно расценить как своего рода пропедевтический курс, вводящий читателя в современную проблематику науки. Соответственно избранный автором стиль изложения отличается ясностью, простотой,

необходимой информативностью и не должен вызывать у студента серьезных трудностей в понимании текста. Усвояемость идей облегчается, на мой взгляд, тем обстоятельством, что их сущность, их смысл и содержание как бы “очеловечены”, раскрываются на фоне рассказа об ученых и научных коллективах, эти идеи выдвинувших и разрабатывавших, т.е. на фоне того, что я называю внешней структурой.

Центральной осью всего здания психолингвистики является, конечно, описание внутренней структуры науки в ее функционировании и в ее соотношении с внешней структурой. Реализованную авторским коллективом в третьей — теоретической — главе логику анализа содержания науки я бы представил следующим образом. Прежде всего, опираясь на схематический контур речевого взаимодействия (рис. на с. 30), моделирующий процесс функционирования языка, и делая основной “пружиной” развертывания описания понятие внутренней речи, Т.Н.Ушакова задает тем самым, на мой взгляд, общую программу рассмотрения проблематики. В соответствии с этой программой, в тексте книги можно выделить несколько строительных блоков, из которых, согласно концепции авторов, складывается тело психолингвистики. Это, во-первых, блок идей и экспериментальных данных, раскрывающих материальную базу науки (разделы 3.2. «Речеобразование, восприятие и распознавание речи. Элементы психоакустики» и 3.3. «Язык и мозг»), и его метафорически можно обозначить как “план выражения” психолингвистики. Во-вторых, это блок содержательно-информативных аспектов науки (разделы 3.4. «Когнитивные модели речезыковых структур и процессов», 3.5. «О понятиях *язык* и *речь*», 3.6. «Семантика речи: имя, слово, высказывание»), составляющих ее духовный потенциал, который, продолжая метафорические обозначения, я бы назвал “планом содержания” психолингвистики. И в-третьих, это блок функциональный (разделы 3.7., 3.8., 3.9.), показы-

вающий, как работают охарактеризованные в плане выражения и плане содержания структуры; это блок, выходящий на обсуждение фундаментальных проблем онтогенеза и филогенеза речи, т.е. по сути дела проблем происхождения языка, а также вопросов влияния социальной среды и генетических предпосылок на языковое развитие человека.

Чтобы читатель мог составить общее представление о богатом и разностороннем содержании хотя бы нескольких из намеченных здесь рецензентом исследовательских блоков, попытаемся дать более подробную характеристику некоторых из них. Наверное, можно опустить из нашего рассмотрения блок материальный, поскольку он содержит сведения об акустике, устройстве артикуляционного аппарата и структуре уха. Они, конечно, важны, но составляют для психолингвиста пассивное знание и практически не участвуют в развертывании познавательной интриги.

Иное дело раздел «Язык и мозг», где я хотел бы выделить три перспективных, на мой взгляд идеи. Это, во-первых, идея картирования мозга, которая получила развитие в одной из ранних работ самой Т.Н.Ушаковой с сотрудниками (с. 170 и след.). Причем современное состояние этого направления изложено в книге с позиций весьма основательной критики локализационизма, преодолеть методологические трудности которого помогает вторая идея этого раздела — идея нейронной сети. Описание ряда сложных экспериментов, в том числе проведенных в Лаборатории психологии речи Т.Н.Ушаковой в Институте психологии РАН, позволяет показать несостоятельность идеи дробной локализации психических функций, вскрыть характер нейронного обеспечения конкретных языковых элементов в процессе речепроизводства и сделать вывод о том, что в этот процесс включается вся целиком нейронная сеть, распределенная по разным мозговым зонам. Могу высказать предположение, что идея нейронной сети послужила стимулом

для разработки и моделирования Т.Н.Ушаковой понятия “вербальной сети”, которую она определяет как “психофизиологическое образование, вырабатываемое в детстве (при усвоении новых языков — в любом возрасте) и затем стабильно существующее в мозге человека в течение его жизни. Все известные человеку слова включаются в форме логогенов в ее структуру. Объединяясь множественными «межлогогенными», межсловными связями, логогены становятся образующими элементами, узлами вербальной сети” (с. 207, см. также схему на след. стр.). Творческий потенциал этого понятия был подхвачен лингвистикой и в виде экспериментально построенной «ассоциативно-вербальной сети» (АВС), выступающей как материальный субстрат языкового сознания и одновременно как инструмент его изучения, активно используется в современных психолингвистических исследованиях.

Замечу кстати, что языковому сознанию, составляющему сегодня предмет целого направления, в учебнике уделено мало места. Приводятся два определения этого понятия, принадлежащих разным школам (московской и воронежской), но общим в этих определениях оказывается лишь слово “совокупность”: 1) «Опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т.е. совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира, составляет языковое сознание говорящего человека (Е.Ф.Тарасов, 1996)» (с. 96). 2) «Языковое сознание – это совокупность психических механизмов порождения и понимания речи, а также хранения языка в сознании. Оно включает семантику языковых знаков, смысловое содержание, закрепленное за языковыми знаками» (с. 99).

Третья привлекательная для меня идея в разделе “Язык и мозг” связана с неожиданным и, я бы сказал, многозначительным фактом аналогии между установленной недавно пирамидальной структурой нейронов и реконструированным психолингвистами

“образом мира” в сознании носителя языка-культуры — тоже в виде пирамиды. Причем это совпадение нельзя считать случайным, и я склонен видеть в нем своего рода методологическую подсказку: точно так же, как в пирамиде образа мира, где иерархия от основания к вершине выстраивается в виде восхождения от элементарных единиц знания к концептам все более крупных уровней обобщения, в анализе деятельности нейронов показано, “что реакция на комплексные раздражители осуществляется нейронами, организованными в виде иерархической нейрональной структуры, пирамиды. Вершину пирамиды образуют гностические единицы, формирующие целостное восприятие сложного стимула («гештальт-детекторы»). В основании пирамиды – нейроны-преддетекторы, ответственные за восприятие простых признаков... Сложные целостные, в том числе осознаваемые акты, требуют включения вершинных нейронов, в том числе специальных «нейронов сознания». В круг последних входят не все, а лишь иерархически высшие единицы” (с.175-176).

Завершая свои размышления над разделом «Язык и мозг», не могу не высказать сожаления по поводу того, что в библиографии к этому разделу не нашлось места книге Симонова «Мотивированный мозг», которая способствовала бы расширению кругозора читателей-студентов.

Как явствует из приведенных выше названий разделов второго блока — 3.4., 3.5. и 3.6., они формируют скорее языковедческое лицо психолингвистики. Здесь подробно рассматривается модель речезыкового механизма, разработанная в Институте психологии РАН под руководством Т.Н.Ушаковой; анализируется ключевой термин *содержание речи* и связанные с ним понятия семантики, сознания, смысла, понимания, значения.

Обязанность рецензента заключается не только в том, чтобы дать представление о содержании обсуждаемой работы, но и вынести ей некоторую оценку. Оценки могут

строиться на разных основаниях: можно отметить оригинальность научного сочинения, подчеркнуть надежность приводимых в нем экспериментальных данных и информативность описания, уточнить вклад работы в научный прогресс. Думаю, что этими свойствами книга «Психолингвистика» обладает. Однако я хочу дать оценку, дифференцированную по обеим ипостасям книги — и в роли монографии, и в роли учебника для вузов. В наукометрии часто используют такие критерии, как *качество исследования, достигнутый прогресс и импакт* [Свердлов 2006].

Под качеством понимают совершенство результата, которое является следствием опыта и компетенции авторов-исследователей. В данном случае результат — это систематическое изложение парадигмального состояния научной дисциплины с подробным рассмотрением ее теоретических основ и экспериментальных методик, с характеристикой этапов ее становления и ее внешней структуры, т.е. сведений о крупных научных центрах в России и в разных странах мира, где проводятся исследования по психолингвистике, о научных психолингвистических школах и концепциях отдельных выдающихся ученых. Эта книга обладает качествами энциклопедии и одновременно — в силу доступности изложения, широкого использования приемов наглядности (рисунков, графиков, схем, таблиц, фотографических изображений) и системно организованной композиции — отвечает требованиям, предъявляемым к учебнику для вузов.

По второму из названных критериев — критерию прогресса — рецензируемую работу тоже следует оценить положительно. В ряде разделов приводятся новейшие данные, основанные на разработках, приоритет которых принадлежит членам авторского коллектива. Я имею в виду, например, монографическое описание речевого онтогенеза (с. 219–255), куда, наряду с обобщением общеизвестных идей и фактов мировой науки, вошли результаты, полу-

ченные в этой области в последние годы автором раздела — Т.Н.Ушаковой.

Наконец, что касается третьего критерия, называемого импактом, то за этим термином скрывается влияние введенных авторами понятий и идей на их восприятие научным сообществом, на активность научного сообщества в их использовании. Такова, например, судьба прочно вошедшей в научный обиход модели речезыкового механизма, разработанной в Институте психологии РАН (с. 182), или судьба идеи вербальной сети, получившей развитие в многочисленных исследованиях языкового сознания (с. 208).

Таким образом, подводя итог нашему рассмотрению, мы можем констатировать, что монография и учебник «Психолингвистика» отличается научным совершенством, знаменует собой заметный вклад в прогресс данной отрасли знаний и характеризуется рядом потенциально перспективных идей, способных определять тенденции и оказывать влияние на дальнейшее развитие науки.

Поскольку, как известно, нет предела совершенствованию, я хотел бы в заключение отметить два момента, которые авторы — при желании — могли бы учесть во втором издании (а потребность в нем неизбежно последует). Эти два момента должны, на мой взгляд, укрепить, усилить как энциклопедическую, так и дидактическую составляющие книги. Речь идет о глоссарии, который может содержать термины — либо с их определениями, либо с отсылкой к соответствующему месту в тексте, и об именном указателе. Оба эти приложения облегчат пользование книгой и даже могут послужить уточнению некоторых формулировок в тексте, особенно касающихся не широко употребляемых терминов, таких, например, как прайм, прайминг (с. 110–111) или логоген (с. 204–205).

БИБЛИОГРАФИЯ

Фрумкина Р.М. Психолингвистика. Academia, М., 2001, 317 с.

Методология современной психолингвистики. Сб. статей. Изд. Алт. ун-та, Москва; Барнаул, 2003, 204 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. РГГУ, М., 1999

Залевская А.А. Актуальные проблемы психолингвистики (лекции). Алматы, 2004, 50 с.

Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики. Курс лекций. Часть 1. М., 2005, 296 с.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. Учебное пособие. Изд. 4-е, переработанное и дополненное. Лабиринт. М., 2005, 319 с.

Белянин В.П. Введение в психолингвистику. ЧеРо, М., 1999

Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). Тривола, М., 2000, 248 с.

Свердлов Е.Д. Миражи цитируемости. Библиометрическая оценка значимости научных публикаций отдельных исследователей. // Вестник Российской академии наук. Том 76, Номер 12, Декабрь 2006. М., Наука, с.1074

Ю.Н. Караулов

„LAKUNEN-THEORIE: ETHNOPSYCHOLINGUISTISCHE ASPEKTE DER SPRACH- UND KULTURFORSCHUNG“.

Igor Panasiuk; Hartmut Schröder (Hg.)

// Semiotik der Kultur. Band 5. LIT VERLAG, Berlin, 2006. 352 S.

(Теория лакун: этнопсихолингвистические аспекты изучения языка и культуры.

Игорь Панасюк, Хартмут Шрёдер (ред.). Серия «Семиотика культуры», том 5)

Идея создания этой книги возникла в ноябре 1997 года в финском городе Ювяскюля во время защиты Натальей Турунен диссертации на тему «Русский учебный текст как разновидность дидактического дискурса. Опыт лингводидактического исследования в аспекте межкультурной коммуникации». Руководителями диссертации и оппонентами на защите были профессор Юрий Александрович Сорокин из Института языкознания РАН и профессор Хартмут Шрёдер из Европейского университета Виадрины во Франкфурте-на-Одере. После защиты оба руководителя продолжили дискуссию в одном из кафе в Ювяскюля. Беседа, проходившая на русском языке и записанная на магнитофонную ленту, переведённая в последствии на немецкий и английский языки, была собственно началом создания настоящей книги. Книга посвящена юбилею Юрия Александровича Сорокина, отмечавшемуся в 2006 году.

Работа над книгой растянулась на многие годы, поскольку целью редакторов-составителей было собрать как можно

больше исследователей из различных стран, занимающихся этнопсихолингвистической проблематикой и представить широкому кругу читателей доселе неизвестную российскую этнопсихолингвистику и теорию лакун. По этой причине основными языками данной антологии являются немецкий и английский. В целом и целом в совместном издании этого научного труда приняли участие 23 автора из России, Финляндии, Германии, Украины и США, что свидетельствует о весьма большом интересе к этнопсихолингвистической тематике.

Сборник состоит из четырёх частей — теоретической, практической части, рецензий и приложения. Первая часть «**Теоретические основы этнопсихолингвистической теории лакун**» посвящена основам теории лакун, а также новому развитию базисной теории. Статья **Ю. А.Сорокина** и **И.Ю. Марковиной** «*Опыт систематизации лингвистических и культурных лакун*», появившаяся в 1983 году в сборнике Калининского университета «Лексические еди-

ницы и организация структуры литературного текста» (в нем. переводе Астрид Эртельт-Фит «*Systematisierungsversuch linguistischer und kultureller Lakunen*»), открывает сборник и является основой дальнейших исследований в этнопсихолингвистике, поскольку в ней представлена базисная модель лакун. Статья основывается на диссертации **И.Ю. Марковиной**, которая предложила модель классификации межкультурных различий. Новый вариант статьи 1977 года «*О природе русских и английских лакун*» («*On the Nature of Russian vs. English Lacunae*») представляет в авторском английском переводе **В.И. Жельвис**. Обе эти статьи можно назвать уже классическими в теории лакун, поскольку в них не только создаются и формулируются основы теории лакун, но и предпринимаются первые попытки определения феномена лакуны. В своей статье В. И. Жельвис обращает внимание на наличие определённых концептов культуры или языка, опосредуемых языковой формой и образующих лексическое значение. Языковые формы являются исходным пунктом определения концепта в культуре, а отношения между концептами определяют принцип организации лексического значения языка.

Дальнейшее развитие теории и модели лакун представлено в статьях А. Эртельт-Фит, Х. Шрёдера, П. Донца и И. Панасюка. В своей статье «*Дальнейшее развитие модели лакун и теории лакун – аксиологические лакуны, разделение модели лакун на три части, символы*» («*Weiterentwicklung des Lakunen-Modells und der Lakunen-Theorie: axiologische Lakunen, Dreiteilung des Modells, Symbole*») **А. Эртельт-Фит** вводит понятие аксиологических лакун, под которыми она подразумевает второй уровень всей модели лакун, предопределяющих разницу в семантическом значении между культурами и языками, что позволяет измерять любой вид лакуны аксиологически или семантически. Автор даёт определение понятию лакуны, опираясь на различия между лакунами и символами.

Модель лакун рассматривается автором статьи в трех аспектах: ментальном, объектном и деятельном.

В статье «*Лакуны и скрытые проблемы понимания текста с точки зрения чужих культур*» («*Lacunae and the Covert Problems of Understanding Texts from Foreign Cultures*») **Х. Шрёдер** прилагает теорию лакун к материалу мультимедийных текстов в различных культурах. Автор излагает сведения, касающиеся теории лакун, также обращая особое внимание на ранние работы А. Эртельт-Фит (аксиологические лакуны). В статье проводится сравнение между феноменом лакуны и понятием «ксенизм» и объясняется отношение этого понятия к феномену лакуны. Применение модели лакун автор демонстрирует на примере риторических уровней текстуализации.

Статья «*О проблеме единицы исследования межкультурной коммуникации*» („*Zum Problem der Forschungseinheit der interkulturellen Kommunikation*“) **П. Донца** посвящена исследовательской единице «специалия», рассматриваемой автором в качестве антипода феномену лакуны и являющейся «элементом» процесса сравнения (контраста). Статья **И. Панасюка** «*Теория лакун и проблема эквивалентности перевода*» («*Lakunen-Theorie und Äquivalenzproblematik*») посвящена применению теории лакун в теории перевода, а также использованию модели лакун в практике перевода. Применение теории лакун в теории перевода позволяет дополнить уже существующую в переводоведении и вызывающую сомнения со стороны многих исследователей перевода теорию эквивалентности. Отношение эквивалентности в рамках контекста имеет аппроксимативный характер. Аппроксимативность заключается в семантической величине лакуны. Поэтому лакуна и эквивалентность обратно пропорциональны: чем больше семантическая величина эквивалентности, тем меньше семантическая интенсивность лакуны, и наоборот. Лакуна и эквивалент-

ность дополняют друг друга, являясь двумя сторонами одной медали. Определение лакуны является стартовой позицией в установлении эквивалентных отношений.

Логическим продолжением данной тематики является совместная статья **Г. Ейгера** и **И. Панасюка** «*Лакуны и концепты – к вопросу определения межкультурных различий*» („*Lakunen und Konzepte: Zur Frage der Determinierung interkultureller Unterschiede*“). В определении понятия лакуны авторы исходят из этнопсихолингвистической трактовки феномена лакуны как сигнала наличия культурной специфики вербального и невербального значения в ситуации сопоставления двух или более культур. Лакуны являются, таким образом, когнитивным феноменом. Исходным пунктом в дискуссии об определении понятия лакуны является спорная позиция И.А. Стернина и Г.В. Быковой по поводу отношения концепта и лакуны. Оба автора утверждают, что между концептами и лакунами отсутствуют детерминационные отношения. Под лакуной оба автора понимают лексический пробел при наличии концепта («...семемы, не имеющие материального воплощения в виде лексем ...» (Г.В. Быкова). Концепты как когнитивные структурные элементы лексического значения определяют семантический характер лакуны. Лакуна возникает, в противовес позиции И.А. Стернина и Г.В. Быковой, в момент отсутствия концепта или отсутствия его отдельных элементов, ибо не может существовать как концепт то, что порождает лакуну, т.е. лакуна является сигналом отсутствия концепта и одновременно его лексического выражения. Это утверждение основывается на том, что язык является отражением сознания, единственным средством его познания, если речь идёт об изучении речевого поведения и языка как такового. Определить наличие концепта возможно, поэтому, только через его языковое выражение.

Новому ракурсу рассмотрения теории лакун посвящена статья «*Лакуны: ещё один*

взгляд» (в немецком переводе Игоря Панасюка и Хартмута Шрёдера „*Lakunen: Noch eine Betrachtungsweise*“) **Ю. А. Сорокина**. В статье известный российский этнопсихолингвист и основатель теории лакун по-новому обсуждает феномен лакунизации в межкультурном общении, обращая внимание на различия в цветообозначении в русской и польской, а также в китайской и русской культурах. Он видит главную проблему возникновения непонимания в неправильном прочтении соматической карты человеческого тела. Автор вводит новые понятия и предлагает пути решения ряда проблем межкультурной коммуникации.

Вторая часть «**Прикладные аспекты теории лакун: исследование языка и культуры**» открывается статьёй **И. Ю. Марковиной** «*Культурные факторы и понимание художественного текста*» („*Cultural Factors and the Comprehension of the Literary Text*“). В статье анализируются межкультурные, интракультурные, беллетристические, акцидентальные и ненамеренные текстовые лакуны, которые возникают в результате авторской деятельности по созданию художественного текста. В тексте могут возникать и преднамеренные или интенциональные лакуны, цель которых — вызвать эффект отчуждения путём преднамеренного использования в литературном тексте лакун — в виде архаизмов (сигналов других исторических эпох) и т.п. Логическим продолжением этой тематики является совместная статья **И.Ю. Марковиной** и **Ю. А. Сорокина** «*Феномен лакун и проблема понимания чужих культур: экспериментальное изучение стратегий элиминирования лакун*» („*The lacuna phenomenon and the problem of foreign culture comprehension: An experimental study of lacuna elimination strategies*“). Авторы используют теорию лакун для исследования процесса понимания инокультурного текста. В статье представлены результаты экспериментального исследования стратегий элиминирования лакун, проведённого с 30 русскоязычными респондентами. Для

понимания текста русскоязычным респондентам были предложены два китайских буддистских текста. Изучение стратегий интерпретации или элиминирования лакун позволило выявить ряд оппозиций, представляющих определённые культурно-специфические концепты, опираясь на которые респонденты воспринимали и интерпретировали культурологически дистантные тексты. Специфическое содержание и использование этих оппозиций составляет основу межкультурных различий при восприятии текста.

Статья **А. Эртельт-Фит** «*Наташа едет к Кристине: «... я надеюсь, что понравлюсь им!» Лакуны в ситуации русско-немецкого обмена*» („*Natascha fährt zu Christine: „...Hoffentlich gefalle ich ihnen!*“ *Lakunen in einer russisch-deutschen Austauschbeziehung*“) является экспериментальным исследованием межкультурных сбоев, возникающих в ситуации русско-немецкого школьного обмена. Автор статьи анализирует лакуны, лежащих в основе недоразумений между школьницами Наташей и Кристиной, и предлагает пути выхода из создавшихся ситуаций.

Статья финской исследовательницы **П. Муикку-Вернер** «*СИСУ, САУНА и СИБЕЛИУС – три «эс» как лакуны финской культуры*» („*SISU, SAUNA and SIBELIUS – the three s's as lacunae of Finnish culture*“) посвящена сложностям перевода понятий с ярко выраженной культурной окраской – сису, сауна и Сибелиус. Автор подробно останавливается на содержании указанных понятий и с помощью модели лакун описывает характер их закреплённости в финской культуре, указывая на непереводаемость или частичную переводаемость этих понятий. В статье «*Литература, перевод и присутствие культурных лакун*» („*Literature, Translation and the Presence of Cultural Lacunae*“) **Д. Шугальтер** показывает, как литература в форме повестей и рассказов с ярко выраженной межкультурной тематикой («интернациональный роман», «трансатлантический роман», «экзо-

тический роман», «американский роман» и их переводы) «поставляют» читателю ряд лакунарных сценариев, которые позволяют ему включаться в процесс образования лакун (начиная с их восприятия и заканчивая анализом и пониманием). Литературный текст позволяет читателю сталкиваться культурные пробелы с различными стратегиями определения лакун, давая ему возможность экспериментировать на нарративном уровне.

В единственной в этом сборнике франкоязычной статье **К. Белеевских** «*Лакунарные явления в произведениях Андрея Макина. Ключевые слова: лакуны, культурная специфика, роман Андрея Макина, реальность, исторические и литературные аллюзии, межкультурная коммуникация*» („*Les phénomènes dans l'œuvre d'Andrei Makine. Mots-clés: lacunes, particularités culturelles, romans d'Andrei Makine, réalités, allusions historiques et littéraires, communication des cultures*“) дается анализ лакунарных явлений, встречающихся в произведениях писателя-билингва Андрея Макина (по происхождению русского, пишущего по-французски). Эти явления рассматриваются двояко: 1) по составу и степени сложности понимания и 2) по степени сложности понимания французским и русским читателем. В первом случае рассматриваются три уровня: 1) простые явления (от одного до двух слов), 2) сложные явления и 3) сложные явления, понимание которых зависит от фоновых знаний (исторические и литературные аллюзии). Для объяснения этих лакунарных явлений автор использует различные методы – от объяснения в сноске транслитерированных реалий до объяснения в тексте или в речи действующих лиц, ибо роман лакунизирован как для французского реципиента (русская реальность), так и для носителей русской культуры (французская реальность).

В своей статье «*Какофемистические словесные каверзы*» („*Kakophemistische Wortstreichche*“) известный российский германист **В. Девкин** исследует контрастивную проблематику специальных словесных

трюков, принадлежащих сфере вербального табу, — какофемизмов — и их переводимость в русской и немецкой культурах. Заполнение таких лакун является весьма сложной и часто неосуществимой на практике задачей. Передача смысла возможна только путём комментариев и объяснений.

Тематика табу находит своё логическое продолжение в статье **В. Жельвиса** «*Эвфемистические дисфемизмы для табуированных концептов*» („*Euphemistic Dysphemisms“ for Tabooed Concepts*“). На примере ряда европейских языков обсуждаются случаи соответствия русским глаголам «пришить» («замочить», «прихлопнуть» и т.д.) в значении «убить» и различным глаголам, выражающим сексуальное взаимодействие. По мнению автора, результаты сопоставления позволяют считать, что происходит сознательное уменьшение «силы» русских глаголов, но не с намерением «облагородить» понятие, а наоборот, усилить вульгарный эффект. Иными словами, это явление не может быть определено как типичный эвфемизм или дисфемизм. В данном случае речь идет о так называемом «эвфемистическом дисфемизме» и об особом случае литоты. Это языковое явление может рассматриваться также как особый случай языковой игры, а с позиций теории лакун — как «неправильная лакуна».

Особым случаем лакунизации в процессе общения является феномен молчания, например, в любовном дискурсе, о чём пишет **Н. Корнилова** в своей статье «*Молчание влюбленных*» („*Silence in Love*“). Молчание, как и слово, имеет несколько значений. Оно является неким вакуумом, в котором скрыты потенциальные значения слова и каждое из них проявляется в конкретном языковом акте. Вербализация в диалоге нацелена на то, чтобы заполнять информационные пробелы, в то время как молчание в дискурсе любви создаёт динамическое пространство для интерпретаций, причём важно почувствовать отправителя и понять его сообщение. Молчание можно рассмат-

ривать как коммуникативную стратегию. Слово является при этом знаком, преднамеренное отсутствие слова — другим знаком, который в определённой ситуации может означать отказ от адекватного коммуникативного намерения. Лакуна и молчание в коммуникации любви очень близки концептам *страха* и *лжи*. Лакуной в дискурсе любви называется то, что остаётся неназванным, т.к. каждое слово в данной ситуации должно быть таким же правдивым, как и молчание любящих. Диалогической лакуной автор называет коммуникативный вакуум, в котором происходит молчание в дискурсе любви, некий пробел, отсутствие сигнификативного смысла, связанного с иррациональной стороной нашего существования. Молчание как стратегия связано, кроме того, самым тесным образом с тишиной, табу и с любовными тайнами.

Статья **В. Бабаяна** «*Лакуны в триадном диалоге: диалог в присутствии молчащего наблюдателя*» является продолжением темы молчания как процесса лакунизации. Часто при разговоре двух людей присутствует «третье лицо» (молчащий наблюдатель), который неизбежно оказывает влияние на протекание разговора и превращает таким образом диаду в триаду. Присутствие молчащего наблюдателя фиксируется эксплицитно отправителем и получателем в рамках данного диалога, т.е. он влияет на содержание и форму вербального обмена. Участники диалога по-разному реагируют на присутствие молчащего наблюдателя. Они могут говорить осторожнее и вежливее или наоборот резче, кое-что замалчивать или наоборот высказывать, о чём они в отсутствии третьего лица не решатся говорить. В присутствии молчащего наблюдателя в речи коммуникантов происходит так называемое намеренное переключение кодов — переход с одного языка на другой. Вместе с тем могут использоваться и иноязычные вкрапления — отдельные лексемы и словосочетания одного или другого языка, т.е. намеренно создаваемые общающи-

мися лакуны в связи с изменением речевой ситуации. Таким образом, при помощи лакун создается барьер между общающимися и молчащим наблюдателем.

В своей статье *«Некоторые тоталитарные мифы как лакуны западной цивилизации»* („*Some Totalitarian Myth as Lacunae for the Western Civilization*“) **Н. Шакирова** показывает, как при помощи мифологии и языка конструируется тоталитарное общество, мировоззрение и поведение индивида (в СССР и нацистской Германии). Расхождения в национальных картинах мира тоталитарных и демократических обществ могут быть определены как мировоззренческие лакуны. Особенности поведенческих эталонов индивида в тоталитарном обществе воспринимаются представителем демократического государства в форме поведенческих и кинетических лакун.

В статье **Н. Турунен** *«Установление лакун на финском уроке русского языка»* („*Feststellung von Lakunen im finnischen Russischunterricht*“) рассматриваются культурные проблемы и трудности, возникающие в процессе изучения русского языка финскими учащимися. Автор обращает внимания на различия между финской и русской культурами и объясняет причины их возникновения при помощи теории лакун. Она останавливается на видах лакун и пытается проанализировать возникающие при изучении русского языка проблемы с точки зрения носителя финского языка.

Х. Сард в своей статье *«Случаи лакунарной напряжённости в американском понимании русской культуры (на основе анализа художественного фильма)»* („*Examples of Lacunae Tension in the American Perception of Russian Culture (Through Analysis of Art Film)*“) обсуждает проблематику русско-американских межкультурных различий. Она анализирует со-

ветский художественный фильм «Ирония судьбы или с лёгким паром» с точки зрения американского реципиента, останавливаясь на тех видах вербальных и невербальных лакун, которые объясняют сложности понимания русской культуры американцами.

Совместная статья **Э. Гродзки** и **Ш. Ремана** *«Использование теории лакун в рекламных исследованиях»* („*Utilizing Lacuna Theory for Advertising Research*“) посвящена проблеме применения теории и модели лакун в создании рекламных креативных стратегий, при развитии которых необходимо учитывать возможные культурные различия. **М. Людвиг** и **Э. Гродзки** в своей последней совместной статье *«Поиск культурных лакун в дизайне международных (зарубежных) журналов»* („*Seeking Cultural Lacunae in International Magazine Design*“) дают анализ того, как отдельные «элементы» журналов отражают окружение, в котором они создаются. При помощи модели лакун авторы показывают, как культурные факторы влияют на дизайн журнала.

Третья часть содержит рецензии на две монографии **Ю. А. Сорокина** *«Введение в этнопсихолингвистику (учебное пособие)»* и *«Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты)»*, написанные **И. Панасюком**. В приложении приводится также интервью с профессором **Ю. А. Сорокиным** на немецком и английском языках, взятое **Х. Шрёдером** в ноябре 1997 года в финском городе Ювяскюля. В этой части представлена и обширная международная библиография по этнопсихолингвистике и теории лакун, составленная **И. Панасюком**. Завершается сборник краткими биографиями обоих основателей этнопсихолингвистической теории лакун **Ю. А. Сорокина** и **И. Ю. Марковиной**.

Игорь Панасюк

«Русские и “русскость”», *В. Жданова, Ю. Щеголева, Ю. Сорокин*. Москва, «Гнозис» 2006, 336 с. Составитель монографии - проф. Виктория В. Красных (МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва).

Коллективная монография «Русские и русскость» вышла в свет в 2006 году в издательстве «Гнозис» (Москва) в серии «Лингво-культурологические этюды», объединив работы трех исследователей.

Первая часть публикации — «Русская культурно-языковая модель пространства и особенности индивидуальной ориентации в ней» - написана младшим профессором кафедры русистики Майнцского университета (Германия) Владиславой Валерьевной Ждановой (с. 7-180). В центре внимания этого исследования находится культурно-языковая проекция дискурса идентичности, связанная с сознательным позиционированием человека (носителя определенного языка и культуры) в системе координат своего и чужого, заданных, в частности, и культурно-языковой моделью.

Для выявления механизмов самоидентификации были проведены ассоциативный и когнитивный тесты с русскими, проживающими в России и в Германии, описанные в первом («Культурно-языковые представления о своем и чужом пространстве в сознании современных русских. Описание концептов сферы свой/чужой на экспериментальном материале» с. 10-63) и третьем разделах публикации («Новый русский дискурс и восприятие «русскости», с. 102-119), а также качественные интервью с целью изучения коммуникативных стратегий русских иммигрантов в Германии, результаты анализа которых представлены во втором разделе публикации («Лингвистическая проекция социокультурной самоидентификации иммигрантов» с. 64-101). В четвертом разделе показаны основания русской самоидентификации на материале семантически однородного и предельного фольклорного жанра – современных русских анекдотов («Русский дискурс самоидентификации сквозь призму современного русского анекдота» с. 120-165). В заключение кратко сумми-

руются предварительные выводы и наблюдения (с. 166-173).

Вторая часть книги представляет собой диссертационное исследование Юлии Щеголевой (МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва), посвященное проблеме стереотипа современного героя в традиционной культуре и современном массовом сознании (с. 181-264). Помимо привлечения фольклора и художественной литературы, в реконструкции образа положительного героя были использованы и данные экспериментов, проведенных автором.

Третья часть публикации принадлежит перу Юрия Александровича Сорокина, главного научного сотрудника Института языкознания РАН, Москва («Психополитология: лица и факты», с. 265-331). Раздел состоит из 7 параграфов. Содержание их вполне четко указывает на то, как автор этого раздела истолковывает понятия **психополитологии**.

Говоря конкретнее, эта сфера функционирования политического дискурса (как эксплицитно прагматического коммуниката), существующего и в качестве «прямой», и в качестве «косвенной» речи – в основном в форме квазивоспоминаний и квазибиографий. Такова, например, «косвенная» речь А.Лебеда и В.Новодворской (параграфы 2 и 4).

В этом же разделе рассматривается степень харизматичности бывших и нынешних лидеров России. По мнению автора, их харизматичность не может не быть оценена как нулевая, ибо ее существование лишь **утверждается, а не подтверждается**, противореча требованиям психомассогагики (с двумя ее подразделами – психодеструктивкой и психоимпульсивкой).

В последнем параграфе этого раздела рассматривается понятие этноконфликта (душанбинский) и строится его модель: 8 ядерных блоков и 3 периферийных.

Н.В.Уфимцева

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор факультета психологии МГУ. E-mail: akhutina@mail.ru

Богомазов Геннадий Михайлович, доктор филологических наук, профессор МПГУ. E-mail: denisovae@mpgu.ru

Власенко Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранного и русского языков Российской правовой академии Минюста России (РПА МЮ РФ). E-mail: svetsign@stream.ru

Денисова-Шмидт Елена (ФРГ), кандидат филологических наук. E-mail: denisova-schmidt@t-online.de

Дмитрюк Наталья Васильевна, доктор филологических наук, профессор; Казахстан, г. Чимкент, кафедра русского языка Международного Казахско-турецкого университета им. А.Ясави. E-mail: nvd_mktu@rambler.ru

Жалсанова Жаргалма Баиновна, очный аспирант кафедры психолингвистики Московского государственного лингвистического университета, старший преподаватель кафедры немецкого языка Государственного университета - Высшей школы экономики, E-mail: komma2001@yandex.ru

Жельвис Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор Ярославского государственного педагогического университета. E-mail: jelvis@spu.yar.ru

Нарожная Валентина Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент; Казахстан, г. Чимкент, кафедра русского языка Международного Казахско-турецкого университета им. А.Ясави. E-mail: vdn_ru@mail.ru

Никulichева Дина Борисовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН. E-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

Панасюк Игорь (ФРГ), сотрудник Европейского университета Виадрина, Франкфурт-на-Одере.

Сергиева Наталья Станиславовна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского и общего языкознания Сыктывкарского государственного университета. E-mail: nsergieva@yandex.ru

Сорокин Юрий Александрович, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН. E-mail: iling@iling-ran.ru

Филиппович Андрей Юрьевич, кандидат технических наук, доцент кафедры Систем обработки информации и управления МГТУ им. Н.Э. Баумана. E-mail: philippovich@list.ru

Филиппович Юрий Николаевич, кандидат технических наук, доцент кафедры Систем обработки информации и управления МГТУ им. Н.Э.Баумана. E-mail: Y.philippovich@mail.ru

Черкасова Галина Александровна, научный сотрудник Института языкознания РАН. E-mail: gacherk@mail.ru

Эртельт-Фит Астрид (ФРГ). E-mail:0613275707-1@t-online.de

Яковенко Людмила Константиновна, кандидат филологических наук, и.о. доцента; Казахстан, г. Чимкент, кафедра русского языка Южно-Казахстанского государственного университета им. М.Ауэзова. Тел. 8(7252) 53-02-44, E-mail: ya_levr@mail.ru

ABSTRACTS OF ARTICLES

Leontiev Alexei A. Language should not be Alien

The article is concerned with the problem of enhancement of educational effectiveness in foreign language learning. The language acquisition theory proposed is based on three main principles: communicative, cognitive and personal. They form psychological and didactic basis for the process of foreign language learning as it is treated in the modern educational theories.

Tatyana Akhutina

The speech production model of Leontiev-Ryabova: 1967-2005

Speech production, speech action, speech mechanism, aphasiology, modelling

The paper explores the speech production model of Leontiev-Ryabova, analyses the peculiarities of natural-science approach to the investigation of speech mechanisms, the views of leading Russian and foreign scholars which have influenced the development of the model.

Yury Sorokin

The concept of consciousness: "Russian" debates on its interpretation

Consciousness, meaning, sense, image, structure

The paper analyses the model of language consciousness proposed by V. Zinchenko. It demonstrates the possibilities of diverse interpretation of the model, predicts the directions of scientific debates on consciousness and self-consciousness (the unconscious / subconsciousness) in its relation to language and semiotic consciousness.

Gennady Bogomazov

The correlation of the concepts *linguistic intuition, linguistic feeling, linguistic competence, linguistic ability*

Linguistic intuition, linguistic feeling, linguistic ability, linguistic competence

Based on the concept of linguistic intuition formulated by Baudouin de Courtenay, the paper brings it into correlation with the modern concept of linguistic ability as understood by Alexander Shakhnarovitch. It presents the author's definition of linguistic intuition.

Astrid Ertelt-Vieth, Elena Denisova-Schmidt (Germany)

Lacunae and their classification

Lacunae, cross-cultural communication, ethnopsycholinguistics, lacuna model, empirical studies

The paper analyses the peculiarities of the lacuna theory and empirical investigations of lacunae. It presents the lacuna model with a detailed explanation of each type of lacunae. This paper proposes a ten-step methodology of investigating lacunae, each step representing a particular way of data recording and handling.

Igor Panasyuk (Germany)

Lacuna theory and the problem of translation adequacy

Lacunae, translation, ethnopsycholinguistics, cross-cultural communication

Based on the lacuna model, the paper specifies the classification of lacunae with regard to translation activity. It demonstrates that lexical differences in a source and a target text are determined by differences in concepts. This paper brings into correlation the terms "concept", "sense",

etc. and actualises the problem of translation adequacy as the meanings of words in translation are invariant. A detailed consideration is given to modifications of axiological lacunas.

Natalya Sergieva

"Man" as a unit in the core of Russian language consciousness

Language consciousness, associative-verbal network, semantic Gestalt, man, person(ality)

The paper analyses the content of the image "man" in the core of Russian language consciousness. The research is based on data from an associative experiment and a method of semantic Gestalt worked out by Yu. Karaulov.

Svetlana Vlasenko

Mass "Colonization" of Russian Speakers' Language Consciousness by English Borrowings as Cognitive Filtering Problem

The paper treats English lexical borrowings in Russian as a mass "colonization" process covering general and professional languages alike. English borrowings are regarded as cognitively unprocessed lexemes with no real "cognitive traces". They are believed to be incompletely and inappropriately interiorized by the Russian speakers' language consciousness. The reasons behind the many failures of that cognitive processing seems to lie in the cognitive filtering which appears immature not only in common Russian native-speakers' but also in professionals' mental processing schemata.

Dina Nikulicheva

The experiment on eliciting perceptual sources of time categorizations in grammar (Comparing Russian and English languages)

The article describes an experiment on eliciting people's internal visual images. Those images can be reconstructed and compared due to the set of parameters, developed by the author. The purpose of the experiment is to compare the structure of time visualizations typical to English-speakers to those of Russian-speakers and to correlate these differences with the structure of temporal oppositions in the respective languages.

Galina Cherkasova

The investigation of Russians language conscience associative-verbal model' dynamics

The article is dedicated to the investigation of Russians language consciousness associative-verbal model' dynamics according to the three slices of time fixed in SANRYA, RAS and SAS. The search and analyses of equal and original reactions got by selections and projections from integrated DB shows the stability for the answers with the frequency of three and more.

Yuri Filippovitch

The modeling of Russian language linguacultural cognizer work

The article is dedicated to the problems of verbal consciousness' computer modeling. The examples of cognitive (the linguistic game like "crossword") and associative-verbal experiments are the basis for such models. The alternativeless variants of understanding are being analyzed – a priori known transmissions between language units. The Dakester and "wave" algorithms are realized in computer models for searching the chains in associative rows.

Andrey Filippovitch

Automated system for scientific research in the field of associative experiments (AE)

The article is devoted to Automated system for scientific research in the field of associative experiments (AE) and its components: Electronic versions of associative dictionaries, subsystems

for analysis associative-verbal fields, organizing interactive and visual web-based AE. The article is discussing tasks and problems of developing methodic of filtering noises during interactive AE and using automated system for modeling and analysis language consciousness of Russians.

Natalya Dmitruik (Kazakhstan)

Russian kazakhstanians language conscience dynamics uniqueness

Adaptation processes taking place in the Russian language and Russian conscience of the Russian-speaking Kazakhstanians are discussed in this article. Mostly these processes are determined by the intercultural communication and bi-lingual situation. Concepts and symbols of the lingua-cultural space under investigation speak to the uniqueness of the intercultural communication processes in Kazakhstan and to the adaptive ability of the Russian language lexical and grammatical structure. This phenomenon is clearly demonstrated in the examples of the Russian language word-formation models.

Valentina Narozhnaya (Kazakhstan)

Costume sign characteristics in the non-verbal communication aspect

Great interest has been recently demonstrated to the intercultural communication problem in different fields. Visual aids are of major importance in the process of communication, costume is among them, being an integral part of the society material and spiritual culture. Kazakh folk costume is a unique manifestation of the part material culture. Folk esthetic ideals, it is life style; social equivalents are reflected in the costume. It is characterized by a vivid uniqueness, it provides for the folk ethnic self-conscience preservation and strengthening.

Vladimir Zhelvis

Written condolence as culture-specific characteristics

The paper presents the results of an associative experiment with the word-stimuli "father" and "mother" among Russians and Buryats. The investigation reveals culture-specific differences in images of consciousness related to parents.

Zhargalma Zhalsanova

Parents in the consciousness of Russian and Buryat people

The article is devoted to the attitude of the Russians, the British and the French to the concept of death. The attitude temperature" confirming fear/rejection of death by the British and the French people and the Russians' view on the death as a natural event leading to the eternal life is measured.

Ludmila Yakovenko (Kazakhstan)

Position image in the kazakhstanians language conscience

Language conscience usage psycholinguistic model is discussed in this article; conscience part, connected with the different positions and professions reflection and acquisition is paid attention in particular. The author describes the research results of the professional culture, using the free associative experiment. The experiment implies the 'vertical' professional relationships (between subordinate and superior) and 'horizontal' relationships (between equal employees).

Examples presented, according to the author's opinion, are not accidental, but are of constant and regular images of different professions, reproduced in respondents' conscience.

ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

Электронное научное издание «Вопросы психолингвистики» предъявляет к авторским публикациям требования, изложенные в Положении о порядке регистрации электронных научных изданий. Все материалы, представляемые в электронное научное издание «Вопросы психолингвистики», подлежат обязательному рецензированию и, при условии положительного заключения рецензентов (внутреннее рецензирование), размещаются на данном сайте. Отбор экспертов-рецензентов – полномочия редакционного совета.

Редакция рекомендует авторам предоставлять отзывы на свои материалы от докторов филологических наук из организации, где работа выполнялась (внешнее рецензирование).

Материалы к публикации в электронное научное издание «Вопросы психолингвистики» представляются на бумажном носителе, а также на электронном носителе (или по электронной почте) на адрес ответственного секретаря редакции Екатерины Сергеевны Ощепковой (psyling47@gmail.com)/

Редакционный совет оставляет за собой право редактирования и отбора материалов для публикации.

Требования к предоставляемым материалам

Первая строка – индекс УДК.

Вторая строка – заглавие статьи (ПРОПИСНЫМИ буквами, шрифт - Times New Roman, размер 14; межстрочный интервал – 1,5).

Третья строка – Ф.И.О. авторов (Строчными буквами, шрифт Times New Roman, курсив, размер 14; межстрочный интервал – 1,5).

Четвертая строка – Ф.И.О. авторов полностью, ученая степень, ученое звание, место работы (должность) или учебы (строчными буквами, шрифт - Times New Roman, размер 14; межстрочный интервал – 1);

Аннотация статьи на русском языке (не более 800 символов).

Ключевые слова.

Основной текст статьи:

редактор – Word for Windows; шрифт – Times New Roman, размер 14; межстрочный интервал – 1,5; допустимый стиль – «обычный»;

объем представляемого материала до 40 тыс. знаков (1 п.л.);

ссылки на источники, а также все поясняющие сноски даются на последней странице текста статьи. Нумерация ссылок и сносок в статье сквозная.

возможные иллюстрации должны быть предоставлены дополнительно в цифровом формате в виде отдельного JPG-файла или Gif-файла в электронном варианте.

Ссылки на литературу даются в тексте статьи в квадратных скобках, например [Текст как явление культуры 1989: 93].

Аннотация на английском языке (70-80 слов).

Список литературы оформляется по образцу:

Вейлерт А. А. О зависимости количественных показателей единиц языка от пола говорящего лица // Вопросы языкознания, 1976. - №5 - С.138-143.

Национально-культурная специфика речевого поведения // Под ред. А.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова. - М. "Наука", 1977. – 352 с.

Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: Коллективная монография / Отв. ред. Купина Н.А., Хомяков М.Б. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 595 с.

Обратите, пожалуйста, внимание на необходимость указывать страницы!

Сведения об авторе: Ф.И.О., город, место работы, адрес, контактный телефон, электронный адрес.